САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции 19 апреля 2023 г.

Том 1

Под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента
НАЗАРОВА СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА

Санкт-Петербург
АНО ВО «СЮА»
2023

УДК 34
ББК 67
А-43

А–43 Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции 19 апреля 2023 г. : в 2-х томах. Т. 1. / под общ. ред. к.ю.н., доц. С. В. Назарова. – Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2023. – 370 с.

В сборнике опубликованы научные статьи обучающихся образовательных организаций высшего образования Российской Федерации – участников Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции, которая состоялась на базе Санкт-Петербургской юридической академии 19.04.2023.

В материалах сборника освещаются актуальные проблемы теории и истории права и государства, публичного и частного права, современное состояние и перспективы развития гражданского и уголовного права и других отраслей юридических наук.

Материалы, опубликованные в сборнике, представляют интерес для преподавателей и студентов юридических вузов и факультетов.

УДК 34
ББК 67

© АНО ВО «СЮА», 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Барило С. Е. Ответственность интернет провайдеров за нарушение авторских прав ……..... 7

Бахарева А. Н. Историко-правовой анализ социально-политических и экономических преобразований в 1920-1930 гг. в СССР ……..…….. 11

Попова Е. С., Кузнецова Ю. Е. Процессуально-правовые аспекты встречного иска ……..……... 16

Толстова А. Е., Некоторые вопросы использования цифровых технологий в деятельности нотариусов ……..……...……. 26

Шварц Л. В. Приобретение цифровых прав как способ инвестирования посредством краудфандинговых платформ ……... 32

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Белобородов И. С., Маюров Н. П. Правовое регулирование малозначительности: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства ……...……..…… 37

Большаков Р. С. Политико-правовая система Франции в период правления Филиппа IV ……..…… 47

Воронкин В. А. Сравнительный анализ законодательства РФ и ОАЭ по религиозным доктринам ……. 53

Гвинтовкин М. В. Актуальные проблемы легитимности государственной власти: правовой и исторический аспект ……..… 59

Герасименко А. С. Права и свободы человека и гражданина в современном мире ……..…….……..…….. 66

Звягин Д. Г. Государственно-правовое регулирование технологий информационного моделирования ……..…… 72

Исмагилов Д. Р. Чистая теория Г.Кельзена: основные аспекты ….. 80

Калашников О. А. Противоречие статуса государства в марксисткой философии ……..…….…… 85

Майер Е. В., Капустин Г. С. Партийно–государственная система Китайской Народной Республики в условиях модернизации экономики 93

Мелихова А. М., Становление института судебных приставов в Англии и России ……..……..…… 99

Мельниченко А. Е. Эволюция принципа верховенства права в современной истории России (применительно к Конституции РФ) 105

Морова З. А. Арабский Халифат: период Омейядов ……. 111

Носач Е. М. Политико-правовая деятельность Наполеона I и Наполеона III. (сравнительный анализ) …….…… 115

Орлов А. В. Проблема применения санкций к субъектам воинских правоотношений в Российской Федерации ……...……. 121

Потапов Ю. А., Кузнецов Н. М. Проблемы кодификации отдельных отраслей права ……...……. 129

Степанов И. А. Правовая теория И. А. Ильина …… 138

Чаплыгин И. Е. Особенности абсолютизма во Франции (XVII-XVIII в.в) ……...……. 143

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ

Абилова К. З. Некоторые проблемы осуществления прокурорского надзора за предварительным следствием ……. 150

Алексеев А. А. Понятие и сущность необходимой обороны в российском уголовном праве ……..……..…. 156

Алексеева А. Н. Уголовная ответственность несовершеннолетних в советский период ……..……..……..…. 162

Алиев Т. Х. Уголовно-правовая ответственность за незаконный оборот оружия, его частей и боеприпасов …….……...…. 165

Ахундова Л. Г. О конструктивных признаках (мотива и необоснованности) состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ ……...……..……...…. 172

Бакланов А. В. Проблемы и перспективы развития института ресоциализации и адаптации осужденных в России ……. 179

Бельский С. В. Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии: проблемы уголовно-правовой оценки и доказывания ……...……..……... 184

Борисов Е. С. Понятие уголовной ответственности ……..…..…… 189

Бороздин Е. О. Тенденции рассмотрения регрессных исков в уголовном процессе ……..…. 197

Буринков Е. М. Необходимая оборона: проблемы квалификации .. 202

Винокурова М. Б. Проблемы введения закона о запрете домашнего насилия в Российской Федерации ……..…. 207

Войстрик Д. В. Уголовная ответственность в сфере использования технологий искусственного интеллекта …...…… 213

Голощапов Н. А., Антонов А. Г. Предмет фальсификации доказательств по гражданскому делу ……..……..…. 222

Дьяков М. О. Предупреждение преступлений экстремистской направленности ……..……..…. 226

Жданов Р. Х. **Предмет и пределы доказывания** ……..…. 234

Земцов И. Г. Антитеррористическая деятельность органов безопасности в советский период …….……..…. 241

Зимницкий Д. А. Отличие уголовной ответственности от уголовного наказания ……...……..…. 249

Иванов А. Ю. Крайняя необходимость: закон, теория, практика … 257

Иванов Д. А. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями …….……..…. 261

Иванов И. И., Карпова А. Е., Тропина К. А., Саидов Б. А. Актуальные проблемы раскрытия и расследования мошенничества, совершенного с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий ……. 266

Капустин А. С. К вопросу о предмете незаконного оборота наркотических средств ……..……..…. 274

Кириченко Е. А. Современные особенности расследования уголовных дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав ……..……..…. 279

Климаненков В. Р. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации …….…. 283

Леонов А. В. Генезис противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в России ……..… 287

Лужецкий М. М. Составы преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок 293

Мамедов А. Г. Проблемы квалификации насильственных преступлений ……..…….…. 298

Отараев Д. А. Полномочия суда и его роль в уголовном судопроизводстве …….…..……..…. 305

Пацюк А. И. Предмет преступления, предусмотренного статьей 245 Уголовного кодекса Российской Федерации …….....…… 309

Проценко Н. Ю. Особенности реализации института условно-досрочного освобождения и его отличие от административного надзора, устанавливаемого после отбывания наказания ……..… 314

Пухарев В. Д., Высоцкий С. А. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя ……..……..…. 319

Сафаров Э. А. Некоторые проблемы противодействия преступлениям в сфере информационных технологий ……. 326

Терентьева А. Е. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации ……..……..…. 331

Терентьева А. Е. Актуальные вопросы уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних ….. 337

Ушатов Д. В., Тарасенко И. А. Проблемы предварительного расследования преступления, предусмотренного ч. 2.1 ст. 332 УК РФ …….. 343

Фейзуллаев Ф. М., Иванова В. А. Проблема сроков исковой давности в уголовном праве …….……..…. 347

Шибанов Н. А. Понятие и объективные признаки наемничества ... 354

Шмидт Р. А. К вопросу о способах повышения эффективности расследования криминальных банкротств ……..…... 359

Ягодзинский Е. О. Понятие и структура латентной преступности 363

УДК 347.78

Барило Сергей Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Барило Сергей Евгеньевич,
Candidate of Legal Sciences,
(Saint Petersburg Law Academy),
E-mail: gpravo@jurac.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕРНЕТ ПРОВАЙДЕРОВ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

RESPONSIBILITY OF INTERNET PROVIDERS FOR COPYRIGHT INFRINGEMENT

В статье рассматриваются отдельные проблемы привлечения к ответственности за нарушение авторских прав Интернет-провайдеров. Рассмотрен международный опыт передовых правовых систем, предусматривающих ответственность провайдеров за незаконное использование объектов авторских прав в сети «Интернет». Обозначены подходы к формированию законодательного механизма защиты прав интеллектуальной собственности, который позволил бы эффективно выявлять лиц, загрузивших незаконный контент в сеть Интернет.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, информация, сеть Интернет, электронная коммерция, авторские права, интернетпровайдер, ответственность.

The article deals with certain problems of bringing to justice for copyright infringement of Internet providers. The international experience of advanced legal systems providing for the responsibility of providers for the illegal use of copyright objects on the Internet is considered. Approaches to the formation of a legislative mechanism for the protection of intellectual property rights, which would allow to effectively identify persons who have uploaded illegal content to the Internet, are indicated.

Keywords: intellectual property, information, internet, e-commerce, copyright, internet provider, liability.

На сегодняшний день в условиях своевременного, технологически-развитого общества, предполагающего наличие большого объема автоматизированной электронной информации, интернет является одним из наиболее универсальных и востребованных информационно-телекомуникационных ресурсов человечества. Если обратиться к самому значению термина «Интернет», то мы увидим, что он представляет собой ни что иное, как совокупность объединенных компьютерных сетей, предназначенных для хранения, обработки и передачи различного рода информации. Появление новых сотовых сетей формата «3G» и «LTE» в значительной мере способствовало росту

пользователей сети интернет, расширило его влияние и информационные границы [1, с. 75].

По данным ведущих статистических компаний мира число пользователей сети интернет к 2022 году составило около 4,1 миллиарда человек, т. е. более трети населения земли на сегодняшний день являются активными пользователями системы интернет.

Растущее влияние Интернета, активная деятельность по извлечению прибыли из сети и формирующаяся при этом практика использования объектов интеллектуальной собственности в Интернете, которая приносит доход лицам, не имеющим на то прав, требует изменить систему охраны интеллектуальной собственности, так как на данный момент имеющуюся систему можно охарактеризовать как не эффективную, не отвечающую современным реалиям и создающей сложности с точки зрения правоприменения, что показывает необходимость законодательных изменений в данной области [2, с. 104].

В связи с этим в рамках существующих правовых реалий особенно актуальным представляется вопрос о соотношении и эффективной реализации норм гражданского права об ответственности за нарушение авторских прав в сфере все более нарастающей деятельности интернет провайдеров. В нашей стране этот вопрос не является новым, однако его актуальность сохраняется и по сей день.

Вопрос ответственности имеет важный международный подтекст. Говоря об этой проблеме, представляется обоснованным рассмотреть международный опыт передовых правовых систем, предусматривающих ответственность провайдеров за незаконное использование объектов авторских прав в сети «Интернет». Поскольку Интернет не имеет границ важно, чтобы сходные подходы к регулированию данного вопроса были приняты во всем мире [3, с. 143]. Необязательно, чтобы эти подходы были идентичными: они могут различаться в зависимости от конкретных обстоятельств и правовых традиций любой конкретно взятой страны. Но для устойчивого развития глобальных сетей и электронной коммерции, они должны быть взаимно работоспособными. Этот вопрос был предметом рассмотрения на рабочем семинаре ВОИС в 1999 г., который исследовал национальные и региональные правовые рамки, системы уведомления и снятия и возможности международной гармонизации.

В Директиве Европейского Союза по электронной коммерции установлено исключение ответственности за действия по техническому копированию (кэширование), в частности, при условии, что Интернет-провайдеры, совершая такое копирование, не изменяют содержание передаваемой информации, или, узнав о незаконности содержания передаваемой информации, предприняли своевременные действия для предотвращения доступа к такой информации [4, с. 93].

Данное положение Директивы ЕС по электронной коммерции было реализовано во Франции, например, при помощи закона «О доверии в цифровой экономике» от 21.06.2004, который реформировал режим ответственности Интернет-провайдеров и ввел следующую статью в Кодекс почтовых и

электронных сообщений: «Любое лицо, осуществляющее автоматическое переходное и временное хранение информации, единственной целью которого является эффективная передача данных заказчикам услуг, не несет ни гражданско-правовой, ни уголовно-правовой ответственности за хранение такой информации, при условии если Интернет-провайдер:

1) не изменяет содержание информации, соблюдает правила по осуществлению доступа к информации и правила по обновлению информации, не препятствует нормальному и законному использованию технологий по получению информации;

2) принимает своевременные меры по удалению хранимой информации или закрытию доступа к ней при обнаружении незаконности содержания информации, о чем Интернет-провайдеру становится известно в связи с тем, что информация была удалена у источника передачи данных, или доступ к ней был закрыт, или если судом было принято решение о закрытии доступа к информации или ее удалении» [5, с. 44].

Во Франции, например, также запрещено возлагать на Интернет-провайдеров обязанность по общему надзору за содержанием информации, кроме случая, когда судом был вынесен приказ об осуществлении строго определенного и временного надзора [6, с. 284].

Отчасти именно поэтому действия интернет-провайдеров не могут быть классифицированы как доведение до всеобщего сведения, иначе это неизбежно приведет к возложению на них обязанности проверять всю информацию, проходящую через их инфраструктуру или хранящуюся на ней.

Действительная исполнимость такой обязанности, во-первых, представляется трудно достижимой. Во-вторых, наличие такой обязанности фактически превратит Интернет-провайдеров в цензоров сетей, если только, конечно, в законе не будут закреплены однозначные и детально разработанные положения о том, в каких случаях Интернет-провайдеры имеют право на удаление файлов, незаконно содержащих объекты авторского права. При отсутствии такого условия обязанность интернет-провайдеров контролировать информацию на своих серверах создаст угрозу нарушения конституционных принципов: запрещения цензуры и права свободно распространять информацию любым, не запрещенным законом способом (ст. 29 Конституции РФ).

Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [7] (далее – Закон об информации), аналогично французскому закону, вводится общее ограничение ответственности Интернет-провайдеров: «В случае, если распространение определенной информации ограничивается или запрещается федеральными законами, гражданско-правовую ответственность за распространение такой информации не несет лицо, оказывающее услуги:

1) либо по передаче информации, предоставленной другим лицом, при условии ее передачи без изменений и исправлений;

2) либо по хранению информации и обеспечению доступа к ней при условии, что это лицо не могло знать о незаконности распространения информации».

Вместе с тем следует отметить, что нормы Закона об информации, не распространяются на отношения, связанные с правовой охраной результатов творческой деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, что, впрочем, не мешает транслировать подобное положение в авторское законодательство или законодательство о связи, в зависимости от выбранной модели регулирования [8, с. 60].

Подводя итог, следует сказать, что общий уровень развития современного законодательства, предусматривающего ответственность Интернет-провайдеров все еще далек от совершенства. Вместе с тем, учитывая тот уровень технологического развития общества, в рамках которого осуществляется сегодняшнее правовое регулирование, представляется, что решение данного вопроса в ближайшее время должно быть поставлено законодателем в ряд проблем, имеющих приоритетное значение.

Считаем необходимым создание законодательного механизма защиты прав интеллектуальной собственности, который позволил бы эффективно выявлять лиц, загрузивших незаконный контент в сеть Интернет. Необходимо закрепить обязанность предоставления провайдером информации о пользователе, нарушившим право правообладателя. Такие сведения о правонарушителях могут быть истребованы по запросу к провайдеру, что позволит сделать процедуру привлечения к ответственности более формализованной. Привлечение к ответственности виновного лица, которое непосредственно загрузило материалы, нарушающие права интеллектуальной собственности, в Интернет, будет способствовать уменьшению нарушений и повышению правовой культуры в области охраны интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Иншакова, А. О. Охрана трансграничного оборота результатов интеллектуальной деятельности в контексте экономико-правовой интеграции РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 1. С. 72-77.

2. Васильева, Т. В. О соблюдении авторских прав в эпоху развития высоких технологий // Современное право. 2011. № 5. С. 102-106.

3. Мирских, И. Ю. Охрана интеллектуальной собственности в условия глобализации // Вестник Пермского университета. 2015. № 3. С. 141-144.

4. Карцхия, А. А. Кибербезопасность и интеллектуальная собственность // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1. С. 91-94.

5.Казанцев, С. Я. Авторские права и их защита в сети интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1. С. 42-45.

6. Толстова, А. Е., Бахтамова, Н. Г. Некоторые вопросы правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 282-285.

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3448.

8. Шичанин, А. В., Гривков, О. Д. Некоторые вопросы правовой защиты авторских и личных неимущественных прав в сети Интернет // Право и экономика. 2021. № 8. С. 58-63.

УДК 34.01

Бахарева Анна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: a.bakhareva2012@yandex.ru

Bakhareva Anna Nikolaevna,
PhD of Sci. Legal, Associate Professor,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: a.bakhareva2012@yandex.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В 1920-1930 ГГ. В СССР

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF SOCIO-POLITICAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN 1920-1930 IN THE USSR

В статье рассматривается важнейший период в истории нашей страны: переход от капитализма к социализму на принципиально новой основе идеологического и экономического развития, с социальной опорой на советскую власть и общество (так изначально планировалось). Отличительностью особенностью индустриализации было сочетание восстановительных процессов в промышленности, в сельском хозяйстве и развертывание нового строительства по планам ГОЭЛРО. Например в 1928 г. валовая продукция народного хозяйства СССР почти на треть превысила уровень 1913 г.

Ключевые слова: социализм, трудящиеся, пролетариат, индустриализация, новая экономическая политика.

The article discusses the most important period in the history of our country: the transition from capitalism to socialism on a fundamentally new basis of ideological and economic development, with social support on the Soviet government and society (as was originally planned). A distinctive feature of industrialization was the combination of recovery processes in industry and agriculture and the deployment of new construction according to the GOELRO plans. For example: in 1928, the gross output of the national economy of the USSR exceeded the level of 1913 by almost a third.

Keywords: socialism, workers, proletariat, industrialization, new economic policy.

Актуальность темы вызвана поиском ответов на животрепещущие вопросы сегодняшнего дня. В сложной, переходной остановке внутренней и внешней жизни нашей страны необходимо проводить срезку курсов и вычленять главное и второстепенное, несмотря на разницу в идеологических направлениях различных эпох.

После окончания гражданской войны руководство страны досталось деформированная в ходе войны экономика. Мировая и гражданская войны, политика «военного коммунизма» разрушили хозяйственные связи, подорвали производительные силы страны. Большевики же стремились к созданию сильного и единого государства.

Мирные условия обнажили экономический кризис. Кризис обусловил рост социальной напряженности. Массовые недовольства проявляли крестьяне, рабочие, волнения охватили армию. Наряду с экономическими требованиями выдвигались и политические — создать Советы без коммунистов, ввести политические и гражданские свободы.

Исходя из сложившейся экономической и политической ситуации, правительство было вынуждено быстро пересмотреть внутреннюю экономическую политику. X съезд РКП(б) в марте 1921 г. принял резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом». Эта политика получила название новой экономической политики. Она должна была снять социальную напряженность, восстановить хозяйство страны, обеспечить условия для создания плановой модели экономики.

Сущность нэпа состояла в переходе к смешанной планово-рыночной модели экономики при сохранении партией большевиков командных высот в политике и экономике. В начальный период новой экономической политики налог брался продуктами, а с 1923 г. по желанию крестьян продуктами и деньгами. Была проведена также денежная реформа. Восстановление рынка повлекло за собой перестройку всего хозяйственного механизма. В 1921–1924 гг. была проведена реформа управления промышленностью, торговлей, кооперацией, кредитно-финансовой и денежной систем. Для контроля над народным хозяйством в 1921 г. была создана Государственная общеплановая комиссия (Госплан), в которую были привлечены как старые, буржуазные специалисты, так и большевистские руководители. Мелкая и часть средней промышленности были переданы в руки частного капитала. К концу 1922 г. в руках пролетарского государства осталась одна треть предприятий крупной и оборонной промышленности. Эти предприятия были объединены в тресты, работавшие на основе хозяйственного расчета, например, «Югосталь», «Химуголь», «Донуголь». Уравнительная система труда заменялась новой тарифной политикой, были отменены всеобщая трудовая повинность и трудовые мобилизации.

В конце 1921 г. формула «госкапитализма» обогащается понятием «перевода гопредприятий на так называемый хозяйственный расчет», т. е., по словам Ленина, «в значительной степени на коммерческие, капиталистические основания». Ленин считал нэп смешением законченных социалистических и капиталистических форм, при преобладающей роли первых и подсобной — вторых. В качестве стратегической задачи партии большевиков он выдвинул тезис о вытеснении частнохозяйственных структур и полном огосударствлении экономических отношений.

Были воссозданы крупные торговые ярмарки: Нижегородская, Бакинская, Ирбитская, Киевская. Открыты торговые биржи, допускался госкапитализм в форме концессий, аренды, смешанных обществ.

Многоукладная экономика и вызванные нэпом изменения не совмещались с идеологической диктатурой и однопартийной политической структурой. Чтобы их сохранить, сразу же после введения нэпа начались аресты и преследования меньшевиков, эсеров и интеллигенции, усилилось давление и против инакомыслящих в партии.

В 1921 г. решением X съезда РКП(б) была запрещена фракционная деятельность в партии. Болезнь, а потом и смерть В. И. Ленина в январе 1924 г. обострили противоречия в руководстве партий.

Во время гражданской войны возник военно-политический союз республик: РСФСР, Украины, Белорусский, Закавказской Федерации, Бухар-

ской и Хорезмской Советских Народных республик, в ноябре 1922 г. в состав РСФСР вошла Дальневосточная Республика (ДРВ). В большинстве этих республик у власти находились национальные компартии, входившие в состав единой РКП(б). В 20-е гг. начался процесс сближения их в федеративный союз.

Крупнейшим событием общественно-политической жизни стало создание СССР в декабре 1922 г. Решающим фактором объединения республик в единый Союз ССР были стратегический курс партии на построение плановой экономики и нового общественно-политического строя, потребность в координации внешней и внутренней политики республик.

Основы государственного устройства были закреплены принятой 31 января 1924 г. Конституцией СССР. Она состояла из двух разделов: Декларации образования СССР и Договора об образовании СССР. Каждая республика сохраняла право свободного выхода из Союза. Территория любой республики не могла быть изменена без ее согласия.

«Строительство социализма» — само по себе это понятие означало дальнейшее развитие классического марксистского взгляда на историю. Маркс и Энгельс полагали, что пролетарская революция произойдет в обществах, которые уже достигли стадии индустриализации и урбанизации при капитализме и, следовательно, могут быть быстро преобразованы на этой принципиально новой исторически сложившейся основе. Исходя из этого, они считали, что сразу же после великого восстания рабочих общество уже войдет в «первую фазу» коммунизма, которая позднее, в ходе развития марксистского движения, получила название «социализм». Во время этой переходной первой фазы (Маркс, по-видимому, считал, что она будет длиться месяцами или годами, но не десятилетиями) вознаграждение станут распределять по труду, а управление обществом возьмет на себя революционная диктатура пролетариата. В следующей, «высшей фазе» коммунистического общества, которую марксисты называли «коммунизм» или «полный коммунизм», современные производительные силы, которые развивались, но сковывались капитализмом, будут высвобождены, наступит материальное изобилие, вознаграждение начнут распределять по потребностям, а правительство как орган угнетения в его первоначальном смысле прекратит свое существование [1, с. 19–20, 26; 2].

Именно таким представляли классики марксизма будущее после революции. Новым элементом, предложенным ленинским марксизмом, был тезис о том, что в отсталой стране, такой, как Россия, должна пройти целая историческая эпоха между пролетарской революцией и наступлением социализма. Ленин видел Россию вскоре после взятия власти как советскую, но еще не социалистическую страну. В ней уже произошла политическая революция, в результате которой власть взял рабочий класс во главе с партией марксистов-социалистов, но сам образ жизни еще не стал социалистическим, а если и стал, то лишь отчасти. Национализация земли, источников сырья и основных средств производства не превратила Россию в социалистическую страну, несмотря на то что первоначальный период пребывания большевиков у власти был периодом «военного коммунизма». Ибо «социализм» означал не просто общественную собственность на средства производства. Это должно было быть общество, достигшее высокого уровня экономического и культурного развития, общество машинной технологии, население которого, проникнутое социалистическим самосознанием, оказалось бы активно вовлеченным в управление общественными делами и добровольно участвовало

бы в кооперативных формах труда. Следовательно, чтобы Россию нэповскую сделать социалистической, требовалось осуществить глубокое обновление общества и преодолеть вековое наследие отсталости, нищеты, неграмотности, религиозности, бюрократии, лености и коррупции. Поэтому социалистическая революция уже после захвата власти рассматривалась как длительный процесс, в рамках которого партия большевиков претендовала на безраздельную власть, исходя из того, что только она знает, как руководить многогранной деятельностью по строительству социалистического общества. Именно развитие марксистской мысли в этом направлении и стало одним из вкладов Ленина в коммунизм как идеологию и культуру.

Вполне естественно, что Ленин и его соратники уделяли большое внимание экономическим аспектам развития, и в особенности индустриализации. Еще до прихода большевиков к власти Ленин писал, что придется «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» [3, с. 198]. Впоследствии Ленин, воодушевленный перспективой электрификации России, которую он считал ключевым моментом в деле экономического возрождения страны, выдвинул следующую формулу: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». В отличие от дореволюционной России и бедной, отсталой, аграрной нэповской России, будущая социалистическая Россия представлялась урбанизированной страной, достигшей достаточно высокого уровня материальной обеспеченности жизни, страной с современной машинной индустрией, особая роль в развитии которой отводилась электрификации в соответствии с десятилетним планом ГОЭЛРО, разработанным по указанию Ленина. В одной из последних своих статей «Лучше меньше, да лучше» Ленин писал, что задача состоит в том, чтобы «пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» [4, с. 405].

В условиях преимущественно аграрной страны восстановление народного хозяйства после Гражданской войны было решено начинать с сельского хозяйства и легкой промышленности. Это позволяло создать основу для подъема тяжелой индустрии. Однако рост сельскохозяйственного производства начался не сразу. К концу 1922 г. деревня не оправилась от засухи 1921-го. И лишь с урожайного 1923 г. сельское хозяйство пошло на подъем. В 1925 г. посевная площадь в стране составила 99,3 % от уровня 1913 г., а валовая продукция сельское хозяйство превзошла этот уровень на 12 %. Сбор зерновых культур достиг почти 4,5 млрд пудов и был на 11 % выше среднегодовых сборов пяти предвоенных лет.

Поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней превысило показатели 1916 г. — наиболее высокие в дореволюционной истории России. К 1927 г. в стране насчитывалось 30 млн овец (больше на 12,2 %), 23,2 млн свиней (больше на 11,1 %). Меньшим, чем в довоенное время, оставалось поголовье лошадей. В 1916 г. в стране их насчитывалось 35,8 млн, к весне 1927 г. — 31,5 млн (88,2 % от уровня 1916 г.).

По сравнению с сельским хозяйством восстановление промышленности шло медленнее. Оно началось с легкой и мелкой промышленности, не требовавшей, в отличие от сильно разрушенной тяжелой промышленности, огромных капиталовложений, дорогостоящего сырья и топлива (железо,

уголь). Легкая промышленность, получая сырье от возрождающегося сельского хозяйства, могла обходиться дешевым топливом (дрова, торф). В силу этого она была привлекательной для частников и артельщиков.

Предприятия легкой и мелкой промышленности производили ткани, обувь, мыло и многие другие потребительские товары массового спроса, способствующие быстрому налаживанию товарооборота между городом и деревней. Легкая промышленность вплотную приблизилась к довоенному уровню производства уже в 1925 г. Вместе с тем большая часть промышленного производства находилась на низкой стадии развития — мелкого кустарно-ремесленного производства. В 1925 г. им занималось две трети всех работников промышленного производства. Кустарей было вдвое больше, чем рабочих, они давали треть всей промышленной продукции.

Промышленность в целом, находившаяся «в 1920 г. на уровне 13,8 % от 1913 г., в 1925 г. достигла 73 % от довоенного уровня. Однако уже в следующем, 1926 г., валовая продукция промышленности СССР составила 98 % (добыча нефти — 90 %, угля — 89 %, выплавка чугуна — 52 %, стали — 69 %). Машиностроение при этом удавалось развивать более высокими темпами. В 1925 г. оно достигло 92,6 % от уровня 1913 г., а в 1926 г. превзошло его на 33,4 %. Грузовой оборот железных дорог, от которых во многом зависело развитие индустрии, в 1925-1926 гг. составлял 88,1 % по сравнению с 1913 г.» [5, с. 379–380].

На фоне вышеприведенных перемен, имевших и положительные и негативные последствия, важнейшие оценки необходимо делать и в области культуры.

В условиях ускоренной индустриализации и коллективизации руководство СССР стало рассматривать культуру в качестве инструмента в классовой борьбе пролетариата за ускоренное строительство социалистического общества. Но нужно отметить, что ни до революции, ни после нее у партии большевиков не было четкой разработанной программы культурной политики. Можно лишь отметить наличие общих направлений.

С середины 20-х гг. была развернута беспрецедентная антирелигиозная пропаганда, которая в конце 20-х гг. превратилась буквально в войну с религией. Под руководством Е. Ярославского действовала массовая добровольная организация «Союз воинствующих безбожников». В стране создавались музеи атеизма. Часть памятников культуры была разграблена, а в начале 30-х гг. культовые памятники уничтожались (Чудов монастырь, Храм Христа Спасителя). На договорной основе строить отношения с церковью большевики не хотели.

Государственная политика в области образования была направлена на решение двух задач — сделать образование доступным для рабочих и крестьян и перестроить его на новых идеологических основах. С конца 20-х гг. начинается борьба за преодоление массовой неграмотности взрослого населения.

В 20-30-е гг. постепенно менялся внутренний и внешний облик советского человека. Реальным завоеванием было сокращение продолжительности рабочего дня. А главное — страна отстаивала свой суверенитет, направляя стремительно движение в сторону социально-экономической независимости на пути роста индустрии и сплочения государства.

Список литературы

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 19. — 2-е изд. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. — 670 с.

2. Такер, Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность / Р. Такер; общ. ред. и послесл. В. С. Лельчука. — Москва : Прогресс, 1990. — 478 с.

3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1962. — 584 с.

4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1964. — 729 с.

5. История России XX – начала XXI вв. / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова; под ред. Л. В. Милова. — Москва : Эксмо, 2006. — 960 с.

УДК 347.928

Попова Елена Сергеевна,
канд. юрид. наук, доцент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: aline0904@mail.ru
Кузнецова Юлия Евгеньевна,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: akademkafedragpp@mail.ru

Popova Yelena Sergeyevna,
PhD of Sci. Yurid.,
Associate Professor,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: aline0904@mail.ru
Kuznetsova Yuliya Yevgen'yevna,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: akademkafedragpp@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВСТРЕЧНОГО ИСКА

PROCEDURAL AND LEGAL ASPECTS OF THE COUNTERCLAIMS

В статье рассмотрены вопросы процессуально-правового механизма судебной защиты ответчика в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Институт встречного иска анализируется и классифицируется как средство защиты ответчика против предъявленных требований.

Ключевые слова: судебная защита, процессуально-правовой механизм, истец, ответчик, суд, лица, участвующие в деле, способы защиты, структура механизма судебной защиты, гражданский процесс, арбитражный процесс.

The article discusses the issues of the procedural and legal mechanism of judicial protection of the defendant in courts of general jurisdiction and arbitration courts. The institution of a counterclaim is analyzed and classified as a means of protecting the defendant against the claims.

Keywords: judicial protection, procedural and legal mechanism, plaintiff, defendant, court, persons involved in the case, methods of protection, structure of the judicial protection mechanism, civil procedure, arbitration process.

В доктрине цивилистического процесса существует много различных теорий относительно правовой природы встречного иска, однако бесспорным является утверждение о высокой эффективности защиты прав ответчика в форме подачи им встречных требований.

Еще со времен советского гражданского процесса природа встречного иска обсуждалась учеными и продолжается до настоящего времени. Сегодня в теории процессуального права существуют два противоположных мнения: 1) встречный иск – это средство защиты против иска, 2) встречный иск – это самостоятельное требование ответчика к истцу.

Встречный иск как средство защиты против иска рассматривали Абрамов С. Н. [1, с. 71] и Клейн Н. И. Авторы определяли встречный иск как «заявленный ответчиком в уже возникшем процессе по основному иску и рассматриваемый совместно с ним иск, которым ответчик предъявляет к истцу требования, служащие средством защиты против первоначального требования или связанные с ним по основаниям возникновения» [2, с. 27]. Как отмечает Осокина Г. Л.: встречный иск, безусловно, выступает средством защиты против предъявленного иска, в случаях, когда его удовлетворение полностью или частично исключает удовлетворение первоначального [3, с. 611].

Встречный иск как самостоятельное требование ответчика к истцу признавали Соленова М. [4], Бондарева Е. Е. [5] и др. Также Юдельсон К. С. полагал, что нельзя признавать встречный иск средством защиты против иска, потому что «встречный иск не парализует правильности требований истца, а направлен на присуждение с него в пользу ответчика или признание прав» [6, с. 221]. Е. В. Васьковский под термином «встречный иск» понимает самостоятельное требование ответчика к истцу: 1) способное к зачету с основным иском; 2) способное к зачету или вытекающее из того же основания, что и основной иск; 3) имеющее связь с ним; 4) всякое вообще [7, с. 176]. И. М. Пятилетов также считает, что «смысл встречного иска для ответчика всегда состоит в защите от исковых требований истца путем предъявления к нему своих самостоятельных требований» [8, с. 51]. М. К. Треушников определяет встречный иск как материально-правовое требование ответчика к истцу, заявленное для совместного рассмотрения с первоначальным иском [9, с. 173].

В данном случае не совсем понятна точка зрения Хвалыгиной Н. Л., которая считает, что в приведенных выше определениях встречного иска не учитываются процессуальные особенности этого института [10, с. 304] и выводит свое определение: «встречный иск – это процессуальный институт, направленный на защиту интересов и прав ответчика и выражающий принятое судом для рассмотрения самостоятельное материально-правовое требование ответчика к истцу, которое вытекает из спорного правоотношения, заявленное по месту рассмотрения первоначального иска, вследствие их

взаимосвязи». С точки зрения Хвалыгиной Н. Л., встречные исковые требования могут быть заявлены только в защиту своих прав, и имеют своей целью защиту от основного иска [10, с. 305].

Из анализа юридической литературы следует, что существует большое множество определений понятия встречного иска, также как и по вопросам его классификации на виды.

Для понимания правовой природы встречного иска следует разграничить его виды по различным критериям. Например, Клейн Н. И. классифицирует встречные иски по степени их взаимосвязи с основным иском на: 1) встречные иски, которые связаны с основным иском тем, что право ответчика исключает право истца, либо прекращает его право путем взаимозачета; 2) встречные иски, которые связаны с основным иском по основаниям возникновения [2, с. 60].

Арапов Н. Т. встречные иски делит на: встречные иски, заявленные с целью защиты от основного иска (например, иски, которые подрывают основание основного иска; иски, которые направлены на признание за ответчиком права, исключающего право истца на предмет спора, а также встречные иски, которые предъявляются с целью взаимозачета) и встречные иски, которые заявляются ответчиками, не преследующими цель защиты от основного иска (например, иски, в которых содержится самостоятельное требований ответчика к истцу, разрешение которых совершенно не влияет на разрешение требований по основному иску) [11, с. 16–17].

По мнению К. С. Юдельсона классификация встречных исков может состоять только из двух групп: а) встречные иски, являющиеся средством защиты против иска первоначального; б) встречные иски, связанные с делом общностью правоотношения, осуществлением зачета» [6, с. 223].

Как видно из вышеперечисленных примеров большинство научных мнений сводится к разделению исков на два вида. Иначе говоря, теоретические аспекты встречного иска рассматриваются учеными- процессуалистами в двух направлениях: встречный иск как самостоятельное средство защиты ответчика и встречный иск как процессуальное действие ответчика, возникающее вследствие предъявления первоначального иска и связанное с ним по основаниям.

Если обратиться к буквальному толкованию норм процессуального права, то в соответствии с условиями принятия встречного иска к рассмотрению выделяется три вида встречных исков: направленные к зачету; исключающие удовлетворение первоначального иска (чаще всего путем подрыва его основания); состоящие во взаимной связи с первоначальным иском [12, с. 116]. То же следует из ст. 132 АПК РФ.

Соответственно, из норм ст. 138 ГПК РФ, ст. 132 АПК РФ следует, что встречный иск является сложным процессуально-правовым средством защиты ответчика против иска, который по условиям принятия судом к рассмотрению, классифицируется на три вида:

1. Встречное требование направлено к зачету первоначального требования. Пленум Верховного Суда РФ (далее − ВС РФ) разъясняет: «например, в рамках одного дела могут быть рассмотрены носящие встречный характер

требования об оплате по нескольким различным договорам, если в соответствии со статьей 410 ГК РФ имеются основания для зачета требований из этих договоров» [13].

2. Удовлетворение встречного иска исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска. Пленум ВС РФ разъясняет: «например, в случае предъявления требования о взыскании долга по договору может быть заявлено требование о признании этого договора недействительным» [13].

3. Между встречным и первоначальным исками имеется взаимная связь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению споров. Пленум ВС РФ разъясняет: «по указанному основанию суд в рамках одного дела, в частности, может рассматривать требование собственника о возврате переданной в аренду вещи и требование арендатора о возмещении стоимости произведенных им неотделимых улучшений; требование должника об изменении отдельных условий договора и требование кредитора о взыскании задолженности» [13].

Из прямого толкования норм ст. 138 ГПК РФ, ст. 132 АПК РФ и абз. 1 п. 31 Пленума ВС РФ [13] следует, что для принятия иска необходимо соблюдение всех трех условий.

Пункт 31 Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» говорит, что «по смыслу части 3 статьи 132 АПК РФ встречный иск при условии выполнения установленных законом требований к его форме и содержанию принимается арбитражным судом при наличии хотя бы одного из условий, перечисленных в пунктах 1−3 части 3 статьи 132 АПК РФ» [13], однако эта же фраза в последнем абзаце указанного пункта звучит совершенно иначе: «при отсутствии хотя бы одного из условий, предусмотренных частью 3 статьи 132 АПК РФ, встречный иск подлежит возвращению по правилам» [13]. Если в первом абзаце указанного пункта говорится о наличии хотя бы одного из условий для принятия встречного иска, то в последнем абзаце напротив – в случае отсутствия хотя бы одного из них встречный иск подлежит возвращению. То есть ровно наоборот.

Исходя из приведенного анализа законодательства и судебной практики можно сделать вывод о недостаточной регламентации условий принятия встречного иска.

Для разъяснения этого вопроса обратимся к следующему постановлению Пленума ВС РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» в котором говорится, что «Определение об отказе в принятии встречного иска по мотивам отсутствия условий, предусмотренных статьей 138 ГПК РФ, обжалованию в суд апелляционной или кассационной инстанции не подлежит, поскольку не препятствует реализации права на обращение за судебной защитой путем предъявления самостоятельного иска и возбуждения по нему другого производства (ст. 331, 371 ГПК РФ)» [14]. Исходя из буквального толкования разъяснений данного

Пленума ВС РФ следует, что для принятия встречного иска необходимо наличие всех условий, предусмотренных ст. 138 ГПК РФ.

Иначе говоря, позиции Пленумов ВС РФ, относительно условий принятия встречного иска, различны.

Из анализа судебной практики следует, что позиции судов относительно принятия встречного иска также различаются между собой. Судами общей юрисдикции и арбитражными судами чаще принимается буквальное толкование: встречные иски принимаются только при наличии всех трех условий в совокупности.

По делу № А43-18290/2014 судом установлено, что «истцом предложено заключить соглашение о зачете взаимных требований на сумму 600 000 руб., в случае подписания между организациями истца и ответчика подобного соглашения. Двустороннего соглашения о зачете между сторонами подписано не было. Вышеуказанное письмо содержит лишь предложение о заключении соглашения о зачете, однако подобное формулирование письма нельзя расценивать как заявление о зачете, поскольку в нем имеется неопределенность в идентификации тех обязательств, которые подлежат прекращению, не содержатся реквизиты тех документов, на основании которых возникли встречные требования. При изложенных обстоятельствах суд правомерно не принял письмо № 112/3 от 17.10.2014 в качестве доказательства проведения зачета. Довод заявителя жалобы о необоснованном возвращении встречного иска отклоняется апелляционной инстанцией, поскольку данное обстоятельство не влияет на законность обжалуемого решения суда. Определение суда о возвращении встречного иска заявителем жалобы в установленном законом порядке не обжаловано. Более того, в соответствии с ч. 3 ст. 132 АПК РФ встречный иск принимается арбитражным судом в случае, если: встречное требование направлено к зачету первоначального требования; удовлетворение встречного иска исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска; между встречным и первоначальным исками имеется взаимная связь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению дела. По смыслу части 4 статьи 132 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации отсутствие одного из указанных критериев является основанием для возвращения встречного искового заявления. При этом наличие или отсутствие взаимной связи между первоначальным и встречным исками определяется арбитражным судом» [15].

Противоположно вышеизложенному, судом по интеллектуальным правам принимаются встречные иски при наличии хотя бы одного из условий, предусмотренных ст. 138 ГПК РФ, ст. 132 АПК РФ. Суд по интеллектуальным правам, в своем постановлении по делу № А45-23685/2015 [16] высказал точку зрения о том, что для принятия встречного иска достаточно наличия одного из трех оснований, указанных в ч. 4 ст. 132 АПК РФ, сославшись на п. 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» [17].

Исходя из приведенных примеров следует вывод об отсутствии единообразной правоприменительной практики в судах общей юрисдикции и арбитражных судах по вопросам условий принятия встречного иска.

В научной литературе приводятся три вида встречных исков. Первый вид встречного иска направлен к зачету первоначальных требований истца. Еще в начале девятнадцатого столетия В. И. Адамович сводил встречный иск к зачету, утверждая, что «встречный иск есть не что иное, как судебный зачет иска иском» [18, с. 43], иначе говоря, встречный иск есть «средство осуществления зачета при помощи суда, то есть зачет судебный» [18, с. 81]. По мысли В. П. Чапурского, «целью встречного иска является производство взаимных расчетов» [12, с. 117], «предъявляя встречное требование, ответчик рассчитывает на его полное или частичное погашение с помощью использования зачета, исключающего возможность удовлетворения первоначального иска полностью или частично» [3, с. 609]. Встречные иски с целью зачета предъявляются только косвенно с целью защиты против первоначального иска [11, с. 14]. Подавая зачетный встречный иск, ответчик рассчитывает на прекращение обязательств полностью или частично перед истцом [19, с. 135]. На этом основании Елистратова А. Н. делает выводы об отнесении данного вопроса к нормам материального права [12, с. 120], с чем сложно согласиться, нам представляется, что вопросы взаимозачета разрешаются в гражданском или арбитражном процессе, включая медиативные соглашения, которые тоже являются процессуальными механизмами. Подобные заблуждения нередко возникают в силу неверного толкования «единства материального содержания права на защиту и его процессуальной формы, ошибочно полагая, что содержанием процесса является само материальное право» [20, с. 99].

В финальной части своих рассуждений Елистратова А. Н. приходит к мнению, что встречный иск, направленный к зачету, «ни в коем случае не может рассматриваться как средство защиты ответчика в материально-правовом смысле» [12, с. 126] и приводит в подтверждение своих выводов примеры из судебной практики.

В качестве одного из наиболее дискуссионных моментов в анализируемой сфере возникает вопрос о целях зачетного встречного иска. В. В. Новицкий относит зачетные встречные иски к опровергающим первоначальные, это подтверждается временем их предъявления, т. е. после возбуждения производства по делу [12, с. 121].

Наиболее аргументированным является подход об отсутствии цели зачетного встречного иска в опровержении [21, с. 23], «так как они ничего не исключают или опровергают, а лишь приводят к зачету иска иском» [22, с. 47]. Такой же точки зрения придерживаются авторы, проанализировавшие зарубежное процессуальное законодательство, предусматривающее институт зачета как самостоятельное средство защиты [23]. С точки зрения Г. Л. Осокиной, предъявляя встречное требование, ответчик не опротестовывает правомерность первоначального иска, а рассчитывает на его погашение [24, с. 69].

Анализируя последние публикации по данной тематике, отчетливо «представляется весьма спорным вопрос о наличии функции защиты против первоначального иска у встречного иска, который направлен к зачету требований» [12, с. 120].

Большинство авторов придерживаются мнения, что любой встречный иск является средством защиты [25, с. 51−52], но не все поддерживают эту мысль относительно встречного иска направленного в зачет [2, с. 116].

Так, например Фурсов Д. А. считает, что «любой зачет требований будет являться средством защиты» [26, с. 372]; Трашкова Н. М. и Пятилетов И. М. уверены, что любой встречный иск, вне зависимости от вида «все равно имеет назначение средства защиты» [19, с. 122]. Иную точку зрения имеет Осокина Г. Л., которая относит к средствам защиты все категории встречных исков, кроме встречного требования направленного к зачету [24, с. 109].

Другими авторами также утверждается бесспорность отграничения зачетного иска от защитного [6], исходя из их цели: в защитном встречном иске предметом является опровержение требований первоначального иска, в зачетном встречном иске предметом является взаимозачет обоюдных требований. В данном случае справедливо утверждение Елистратовой А. Н. о том, что «защита от первоначального иска – не всегда его опровержение» [12, с. 121]. Однако в главе диссертации, посвященной встречному иску, автор утверждает: «встречный иск, могущий быть направленным к зачету, ни в коем случае не может рассматриваться как средство защиты ответчика в материально-правовом смысле» [12, с. 126].

Резюмируя вышеизложенное, нельзя сделать вывод о бесспорности защитного характера встречного требования ответчика, направленного к зачету.

Второй вид иска, направленный на удовлетворение встречного иска, исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска. Такое соотношение исков продиктовано их несовместимостью, из чего следует, что вынесение решения об удовлетворении исковых требований может быть только либо в отношении первоначального иска, либо в пользу встречного иска. Например, при предъявлении иска об уплате алиментов, предъявляются встречные требовании о лишении родительских прав. В данном случае решение о лишении родительских прав исключает решение об уплате алиментов.

На примере встречного иска, исключающего полностью или в части удовлетворение первоначального иска, приведем правила для его предъявления. Встречный иск предъявляется по правилам, предусмотренным для предъявления первоначального иска, установленным нормами процессуального законодательства. В частности, право на предъявление иска определяется наличием общих и специальных предпосылок. К общим предпосылкам права на предъявление встречного иска относится: форма и содержание встречного иска, оплата государственной пошлины, предъявление по месту рассмотрения первоначального иска, дееспособность ответчика. Не относится к общим предпосылкам права на предъявление встречного иска правило

об обязательном досудебном порядке. Об этом говорится в Постановлении Пленума ВС РФ:

«Встречный иск может быть принят судом с соблюдением общих правил предъявления иска по месту рассмотрения первоначального иска (часть 10 статьи 38, часть 2 статьи 132 АПК РФ) и без соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования спора. При необходимости предоставления лицам, участвующим в деле, возможности представить возражения относительно наличия оснований для принятия встречного иска арбитражный суд вправе отложить судебное разбирательство или объявить перерыв в судебном заседании» [13, п. 32].

Соблюдение досудебного порядка урегулирования спора при подаче встречного иска не требуется, поскольку встречный иск предъявляется после возбуждения производства по делу и соблюдение такого порядка не будет способствовать достижению целей досудебного урегулирования (ст. 138 ГПК РФ, ч. 3 ст. 132 АПК РФ) [27, п. 24].

Встречный иск может быть возвращен, если он заявлен с нарушением правил разграничения компетенции судов (глава 4 АПК РФ, глава 3 ГПК РФ, глава 2 КАС РФ) либо судом установлены согласованные действия истца и ответчика (одного из ответчиков), направленные на обход положений АПК РФ об исключительной подсудности путем предоставления ответчику возможности предъявления встречного иска [13].

К специальным предпосылкам права на предъявления встречного иска относятся условия, предусмотренные ст. 138 ГПК РФ, ст. 132 АПК РФ.

Большинством авторов встречные иски, исключающие, полностью или в части требования первоначальных исков не вызывают противоположных взглядов и относится большинством ученых к средствам защиты ответчика.

Третий вид встречных исков, характеризующийся взаимной связью с первоначальными исками, вызывает различные мнения среди ученых. Некоторые авторы считают, что встречные иски с взаимной связью не являются защитными. Например, Молева Г. В. пишет: не преследует целей защиты от первоначального требования встречный иск, чтобы быстрее и правильнее разрешить дело [28, с. 124].

Елистратова А. Н. обосновывает свои выводы на относительной самостоятельности данного вида встречных исков, ссылаясь на наличие у ответчика существенного интереса, предусмотренного процессуальным законом, в обоюдном рассмотрении в одном деле имеющихся у него материально-правовых требований к истцу. В итоге автор резюмирует: средством защиты ответчика против иска выступает только встречный иск, исключающий полностью или в части удовлетворение первоначального иска. В то же время любой встречный иск выступает средством защиты законного интереса ответчика в совместном рассмотрении имеющихся у него требований к истцу в рамках уже ведущегося против ответчика процесса [12, с. 131].

Необходимость связи между встречным и первоначальным требованиями не устраняет самостоятельного характера встречного иска, пишет М. С. Шакарян [28, с. 163]. В качестве примера автором приводится одновременное рассмотрение первоначального требования о выселение ответчи-

ка, со встречным требованием ответчика о признании за ним доли в спорном жилом помещении. В совместном производстве судом может быть вынесен отказ в удовлетворении обоих требований. Следующим подтверждением самостоятельности встречного иска по признакам взаимной связи с первоначальным является обязанность разрешения судом требования по встречному иску в случае окончания производства по первоначальному иску без вынесения решения.

Таким образом встречный иск − это самостоятельное требование ответчика, предъявленное с целью совместного рассмотрения с первоначальным иском в уже возникший судебный процесс, не зависящее от процессуальной судьбы первоначального иска, с целью защиты своих прав.

В связи с этим, встречный иск считается одним из самых эффективных средств защиты, «средством упрощения и ускорения производства, то есть процессуальной экономии времени, поскольку в одном судебном процессе могут быть рассмотрены все претензии сторон друг к другу» [10, с. 304].

«Ответчик, заявляющий встречный иск, приобретает «двойственный» статус: к статусу «ответной» стороны в первоначальном правовом конфликте добавляется статус стороны, инициирующей другой правовой конфликт. Однако трансформации его статуса из «ответного» в «нападающего» при этом не происходит» [19, с. 8].

По общему мнению, характерными признаками встречного иска в арбитражном и гражданском процессе являются:

1) исключительная территориальная подсудность – предъявление по месту рассмотрения первоначального иска;

2) исключительная предметная подсудность – встречный иск может быть предъявлен только в суд первой инстанции;

3) возможность повторного предъявления встречных исковых требований в случае окончания дела судом без вынесения решения;

4) встречный иск может быть предъявлен только в начатый процесс;

5) встречный иск институт субъективного процессуального права, потому что может предъявлен только в защиту своих субъективных прав.

Таким образом, предъявление встречного иска – это субъективное процессуальное право ответчика, которое является, эффективным элементом процессуально-правового механизма защиты ответчика, способствующим правильно, справедливо и своевременно разрешать спорные правоотношения между сторонами.

Список литературы

1. Абрамов, С. Н. Советский гражданский процесс / С. Н. Абрамов. – Москва : Госюриздат, 1952. – 420 с.

2. Клейн, Н. И. Встречный иск в суде и арбитраже. – Москва : Статут, 2017. – 368 с.

3. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. – Москва : Юрид. изд-во, 2008.− 704 с.

4. Соленова, М. Встречный иск // Советская юстиция. 1975. № 20. С. 22.
5. Бондарева, Е. Е. Реализация распорядительных средств прав сторон в арбитражном процессе (в суде первой2 инстанции): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 7−8.
6. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. – Москва : Гос. Изд-во юрид. литературы, 1956. – 438 с.
7. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесс /под. ред. В.А. Томсинова. − М.: Зерцало, 2003. – 464 с.
8. Пятилетов И. М. Защита интересов ответчика в советском гражданском процессе: учебное пособие / И.М. Пятилетов; отв. ред. М. С. Шакарян. – Москва : ВЮЗИ, 1990. − 85 с.
9. Гражданский процесс: учебник для вузов / под. ред. М. К. Треушникова. Москва : Статут, 2014. − 504 с.
10. Хвалыгина Н. Л. Встречный иск в арбитражном и гражданском процессе / Юридические науки. Вестник КГУ. № 3, 2018. С. 304−306.
11. Арапов Н. Т. Встречный иск в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. Т. Арапов. - Томск, 1965. – 25 с.
12. Елистратова А. Н. Теоретические и практические аспекты защиты ответчика против иска: дис. … канд. юрид. наук / А. Н. Елистратова. – Саратов, 2014. − 197 с.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного Суда Нижегородской области от 28 ноября 2014 г. по делу № А43-18290/2014 : Доступ https://kad.arbitr.ru (дата обращения 13.03.2023).
16. Постановление Арбитражного Суда Новосибирской области от 28 ноября 2014 г. по делу № А43-18290/2014 : Доступ https://kad.arbitr.ru (дата обращения 13.03.2023).
17. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Адамович В. К. Встречный иск (к учению о зачете). – Санкт-Петербург : Типография А. Лейферта,1899. − 291 с.
19. Трашкова Н. М. Защита ответчика в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук / Н. М. Трашкова. – Москва, 2009. − 197 с.
20. Рожкова М. А. Возражения (процессуальный и материальный аспект) // Вестник ВАС РФ. 2002. № 6. С. 98−105.
21. Соленова М. Встречный иск // Советская юстиция. 1975. № 20. С. 22.

22. Попов В. В. Встречный иск: сочетание процессуальных принципов и международных норм / Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 10 // СПС «КонсультантПлюс»

23. Рябинкин В. И. Иск и защита ответчика против иска в индийском гражданском процессе // Известия вузов. Правоведение. 1992. № 1. С. 102−103;

24. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. – Москва, 2008. С. 159–160.

25. Пятилетов И. М. Защита интересов ответчика в советском гражданском процессе: учебное пособие / И. М. Пятилетов; отв. ред. М. С. Шакарян. – Москва: ВЮЗИ, 1990. − 85 с.

26. Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права: Современные проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук / Д. А. Фурсов. - М., 2000. – 430 с.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Молева Г. В. Право на судебную защиту ответчика: дис. ... канд. юрид. наук / Г. В. Молева. - Саратов. 1993. – 147 с.

29. Гражданское процессуальное право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. Шакарян М. С. – Москва : Былина, 1998. – 502 с.

УДК 347.961

Толстова Анна Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: 19690401@mail.ru

Tolstova Anna Evgenievna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: 19690401@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИУСОВ

SOME ISSUES OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF NOTARIES

В статье рассматриваются отдельные проблемы, возникающие при использовании информационных технологий в деятельности нотариусов. Обосновано, что возможность совершения сделок в электронной форме представляется исключительно положительным и своевременным шагом в развитии института нотариата, совершенства законодательства о нотариате. Акцентировано внимание, что благодаря электронному взаимодействию обслуживание граждан происходит в формате «одного окна», что значительно упрощает юрисдикционные процедуры.

Ключевые слова: нотариат, цифровизация, ЕИС, электронный документооборот, нотариальные действия, дистанционный формат, электронный документ, паспорт сделки.

The article deals with certain problems that arise when using information technologies in the activities of notaries. It has been substantiated that the possibility of making transactions in electronic form seems to be an exceptionally positive and timely step in the development of the institution of notary, the perfection of the legislation on notaries. It is emphasized that thanks to electronic interaction, citizens are serviced in the format of a "single window", which greatly simplifies jurisdictional procedures.

Keywords: notary, digitalization, UIS, electronic document management, notarial actions, remote format, electronic document, transaction passport.

Необходимость цифровизации отечественного нотариата обсуждалась на протяжении долгого времени, что обусловлено той ролью, которую играет нотариат в обеспечении стабильности многих видов правоотношений. Тенденция к ее развитию наметилась еще в 2014 г., именно в этом году были сформированы публичные сервисы Единой информационной системы нотариата (далее – ЕИС). Понимая важность развития цифровых технологий в жизни современного общества, российский нотариат по собственной инициативе, за счет собственных средств, без привлечения бюджетного финансирования создал полномасштабную электронную инфраструктуру, повысившую безопасность и сохранность юридически значимых сведений, скорость и качество получения нотариальных услуг. В этом же году был сформирован реестр уведомлений о залоге движимого имущества, ставший, как отмечает ряд ученых, «ожидаемым эффективным механизмом анализа «кредитной чистоты» движимого имущества и предупреждением неправомерных действий, связанных с умышленным сокрытием факта залога имущества» [1, с. 364]. А с 01.01.2018 был осуществлен окончательный переход на электронный документооборот. Теперь в реестрах ЕИС 100 % всех нотариальных действий регистрируется в электронном виде, что дает возможность обеспечивать оперативную проверку юридически значимых сведений, предотвращать мошеннические действия с нотариальными документами и, в конечном итоге, способствовать стабилизации гражданского оборота.

Безусловно, динамичное внедрение технологий в деятельность российского нотариата, в том числе и совершенствование ЕИС, осуществляется не только для совершенствования деятельности нотариата, оно направлено на достижение многих целей, одной из которых является предоставление участникам гражданского оборота наиболее полных сведений о деятельности нотариата, предоставление которых предусмотрено действующим законодательством, и обеспечение взаимодействия на межведомственном и межгосударственном уровне. Между тем, несмотря на ожидаемые положительные результаты от цифровизации нотариата, в научном сообществе отмечается техническая неспособность современных внедряемых сервисов, в частности, информационных систем, обеспечить в достаточной степени эффективность

и своевременность совершения нотариальных сделок, а также взаимодействие ЕИС нотариата и ведомственных органов [2, с. 233-234]. Мы же полагаем, что это временные проблемы, которые в ближайшем времени будут решены нотариальным сообществом.

Предоставление на законодательном уровне возможности совершать некоторые нотариальные действия удаленно (ст. 44.3, 81, 86, 87, 88.1, 89, 97 и др. Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 [3] – далее – Основы) можно с уверенностью считать логическим продолжением цифровизации нотариата в целях содействия прозрачности и правомерности гражданского оборота. Подчеркнем, что перечень новых механизмов электронного взаимодействия носит исчерпывающий характер, он связан с передачей электронных документов, депозитом безналичных денежных средств, конвертацией электронных документов, обеспечением доказательств в сети Интернет и некоторыми другими, но, как нам видится, главным на данном этапе реформирования института отечественного нотариата являются положения ст. 53. 1 Основ: удостоверение сделок двумя и более нотариусами.

То есть, можно без преувеличения резюмировать, что Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] (далее – Закон № 480-ФЗ) внес принципиально новые (новаторские) изменения в Основы. К тому же Закон № 480-ФЗ регламентирует порядок направления нотариусу документов (на основании которых совершаются действия) для совершения нотариальных действий удаленно. Можно только предположить, что принятие названого закона обусловлено необходимостью совершения нотариальных действий в условиях пандемии.

Анализ действующего законодательства, регулирующего условия и порядок удостоверения нотариусами сделок в дистанционном формате, позволил обозначить и некоторые правовых проблем, требующие решения на законодательном уровне, а также определить имеющуюся, с нашей точки зрения, некорректную формулировку положения ст. 53.1 Основ.

Начнем со ст. 53.1 Основ, содержащей следующее положение: «Сделка может быть удостоверена двумя и более нотариусами, если в совершении такой сделки участвуют два и более лица без их совместного присутствия». Исходя из смысла приведенного положения, можно сделать вывод, что речь идет, в том числе, и о лицах, которые являются одной стороной сделки и которые в силу тех или иных причин не присутствуют при удостоверении сделки [5, с. 42]. С нашей точки зрения, было бы правильней указать «если в совершении такой сделки участвуют две (или более) стороны без совместного участия участников удостоверяемой сделки».

Справедливости ради подчеркнем, что правовые проблемы, имеющиеся в сфере правового регулирования совершения отдельных видов нотариальных действий, а также в сфере нотариального производства в последние годы довольно оперативно решаются, так, например, предоставленная возможность получения информации из Единой биометрической системы, поз-

волила решить имевшиеся проблемы с установлением личности обратившихся к нотариусу граждан. С конца 2020 г. на ряд документов, изложенных на бумажных носителях и удостоверяемых нотариусами, наносится QR-коды (специальные маркировки), в которых зашифрованы основные реквизиты документа: сведения о заявителях или их представителях, дата совершения нотариального действия, вид нотариального действия и регистрационный номер, фамилия, имя, отчество нотариуса, нотариальный округ нотариуса. С помощью указанного QR-кода любе лицо, использовав смартфон может проверить, предъявили ему настоящий документ, или печать и подпись нотариуса на бланке того или иного документа подделаны. Судебная практика свидетельствует, что мошенники подделывают такие коды на нотариально удостоверенных документах, как и самими документы. После сканирования такого фальшивого кода пользователь оказывается на сайте, имитирующем настоящий портал информационной системы Федеральной нотариальной палаты. У самих нотариусов есть и другие инструменты проверки подлинности документов. А вот гражданам, во избежание возможных проблем, при проверке документов рекомендуется сканировать QR-код непосредственно на портале ФНП notariat.ru., раздел «Проверка QR-кода» размещен в преамбуле сайта. Перед сканированием нужно разрешить сервису доступ к камере устройства. Если проверять документ непосредственно через сканер кодов в смартфоне, пользователя может направить на фальшивый сайт. Открывшаяся страница должна иметь адрес, начинающийся с ФНП.РФ. В противном случае документ является подделкой. Попытки предъявить подделанные документ (с QR-кодами), по сведениям ФНП, были сразу же выявлены нотариусами, и нанести ущерб гражданам злоумышленникам не удалось.

По смыслу гражданского законодательства договор, удостоверенный дистанционно двумя и более нотариусами, считается договором, заключенным в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. За вред, причиненный вследствие признания совместно удостоверенной сделки недействительной, нотариусы по общему правилу несут солидарную ответственность за пороки самой сделки и индивидуальную ответственность за ошибки при установлении личности сторон, поверки дееспособности и т. д. Наряду с очевидными преимуществами дистанционной формы необходимо отметить нерациональность взыскания нотариального тарифа, установленного Основами, каждым нотариусом, дистанционно удостоверяющим сделку, так как реально за удостоверение одной сделки граждане будут платить в двойном размере, что вряд ли будет способствовать большему количеству совершения сделок дистанционно, наверное было бы достаточным чтобы каждый нотариус взыскивал только одну вторую долю нотариального тарифа установленного ст. 22 Основ.

Введено новое понятие «паспорт сделки», которое включает в сведения о нотариусах, участниках сделки, уникальный идентификатор сделки, вид и текст сделки с удостоверительной надписью, дату и время удостоверения сделки, а также электронные документы, необходимые для удостоверения сделки [6]. Бумажный вариант документа переводится нотариусом в электронный формат. Текст сделки в электронном виде, как уже было отмечено, подписывается сторонами сделки (простой электронной подписью) и

«живой» подписью на бумажном носителе, подписанный электронный документ подписывается усиленной квалифицированной подписью удостоверяющими сделку нотариусами. Запись вносится в Реестр нотариальных действий, совершенных удаленно, и сделок, удостоверенных двумя и более нотариусами (далее – РУДС), время регистрации записи - московское, что достаточно универсально для участвующих в сделке лиц, хотя не совсем понятно, как будут действовать нотариусы с учетом разницы во времени (восемь часов) в силу разных часовых поясов, можно только предположить, что эта проблема будет решена путем составления графика работы отдельных нотариусов.

В случае удостоверения договора в отношении имущества, права на которое подлежат государственной регистрации, стороны определяют нотариуса, подающего заявление и прилагаемые документы в регистрирующий орган, информация об этом фиксируется в РУДС, полученные по результатам регистрации документы из Единого государственного реестра недвижимости, нотариус присоединяет к паспорту сделки не позднее следующего рабочего дня после получения таких документов. Если проанализировать положения ст. 53.1, 55 Основ, изучить данную проблему, то можно сказать, что исчисление выше названого срока будет осуществляться относительно часового пояса нотариуса, на которого возлагается обязанность по регистрации.

Заслуживает внимания и такая проблема как обеспечение безопасности хранения резервных копий электронных документов, поскольку, к сожалению, вслед за активным внедрением в сферу нотариата электронных технологий появились и новые способы мошенничества, основанные на этих технологиях, и, как результат, хакерские атаки создают угрозу искажения, изменения, копирования или уничтожения электронных документов. Использование специальных программных продуктов позволит решить эту проблему, но увеличит расходы нотариуса. Кроме того, при совершении сделок в электронном виде необходимо соответствующее компьютерное и информационное оснащение нотариальной конторы, которое позволит избежать перегрузки имеющихся программ и дало возможность беспрепятственного доступа к базе данных в любое время, в том числе при отсутствии электроэнергии. Помимо этого, удостоверение сделки в электронной форме возможно только при наличии электронных подписей у сторон, заключающих сделку, для получения которых необходимо приобретение соответствующего сертификата, что влечет за собой определенные финансовые вложения. Принимая во внимание вышеуказанную информацию, можно сделать вывод, что удостоверение сделок в электронной форме по большей части будет осуществляться с участием профессиональных участников гражданского товарооборота (индивидуальных предпринимателей и коммерческих юридических лиц).

Проблема может возникнуть и при привлечении недобросовестных участников сделки к гражданской ответственности в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства. В данных обстоятельствах при обращении в суд с соответствующим исковым заявлением возникают серьезные трудности, связанные с необходимостью добросовестной сторо-

ной указания в исковом заявлении обстоятельств и фактов заключения и удостоверения сделки в электронном виде. Несмотря на тот, что электронные документы безусловно могут быть использованы в качестве доказательств в гражданском процессе, как показывает практика, участники гражданского процесса неоднозначно относятся к электронным документам, крайне настороженно относятся к информации, получаемой с использованием информационных технологий. В целях справедливого, всестороннего и объективного рассмотрения гражданских дел по указанной категории споров представляется необходимым в рамках взаимодействия организовать на должном уровне электронный документооборот между нотариатом и судами. Это будет способствовать наибольшей гарантии и защите прав и законных интересов добросовестной стороны сделки, удостоверенной в электронной форме.

Еще одной серьезной проблемой «электронного нотариата» является отсутствие возможности использования нотариально удостоверенных документов в электронном виде за рубежом, чего нельзя сказать про документы на бумажных носителях. Из-за существующих особенностей стандартов, действующих в Российской Федерации для электронных подписей и электронных документов, документы, удостоверенные в электронном виде, невозможно легализовать в обычном порядке в консульстве принимающей стороны или проставить на них апостиль. Поэтому для принятия тем или иным ведомством нотариально оформленного документа с квалифицированной электронной подписью нотариуса необходимо отдельно настраивать программное обеспечение многочисленных учреждений и ведомств.

Надеемся, что решение тех правовых проблем, которые имеются в законодательном регулировании порядка совершения отдельных видов нотариальных действий, включая и те, которые были изложены нами в настоящей работе будет способствовать защите прав и законных интересов физических и юридических лиц при совершении различных нотариальных действий, включая нотариальное удостоверение сделок двумя и более нотариусами.

Список литературы

1. Балтутите, И., Давудов, Д., Рыженков, А. Нотариат: учебник и практикум для бакалавриата, специалитета и магистратуры. Москва: Юрайт, 2018. 419 с.

2. Штапаков, М. И., Скачкова, О. С. Проблемы электронного нотариата // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 43. С. 232-234.

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: федеральный закон от 11.02.1993 г. № 4462-1 (ред. от 29.09.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. - № 10. – Ст. 357.

4. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 52 (часть 1). – Ст. 7798.

5. Денисова, Ю.Н. Правовое регулирование сделок как основа становления российского нотариата // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 4 (37). С. 39-44.

6. Об утверждении Порядка взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30.09.2020 № 222 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010050075 (дата обращения: 03.12.2022).

УДК 34:336.76

Шварц Лариса Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
(Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург)
E-mail: shvarz7@yandex.ru

Schwartz Larisa Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
(North-West Institute of Management, RANEPA, St. Petersburg)
E-mail: shvarz7@yandex.ru

ПРИОБРЕТЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ КАК СПОСОБ ИНВЕСТИРОВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ КРАУДФАНДИНГОВЫХ ПЛАТФОРМ

ACQUISITION OF DIGITAL RIGHTS AS A WAY OF INVESTING THROUGH CROWDFUNDING PLATFORMS

В статье рассматриваются особенности таких способов привлечения инвестиций через краудфандинговые платформы, как приобретение утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов в связи с их закреплением в гражданском законодательстве в качестве гражданских прав.

Ключевые слова: цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, краудфандинг, законодательство, инвестирование, краудфандинговая платформа.

The article discusses the features of such ways of attracting investments through crowdfunding platforms as the acquisition of utilitarian digital rights and digital financial assets in connection with their consolidation in civil legislation as civil rights.

Keywords: digital rights, utilitarian digital rights, digital financial assets, crowdfunding, legislation, investment, crowdfunding platform.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий, появление на рынке новых различных устройств, представляющих собой средства коммуницирования, а также потребность мировой экономики к диверсификации финансовых инструментов, привели к тому, что многие объекты переместились из реального мира в виртуальный. Это относится и к бездо-

кументарным ценным бумагам и иным финансовым инструментам, которые, как и их материальные аналоги, имеют те же функции финансовых активов, приобретение и продажа которых не предполагает наличия присутствия в данного рода сделках третьих лиц [1, с. 152].

Следует согласиться с Мансуровым Г. З., что цифровизация является продолжением тенденции к дематериализации объектов гражданского права. Соответственно, цифровизация является следующим этапом дематериализации [2, с. 88].

Развитие современных телекоммуникационных сетей повлекло за собой необходимость закрепления абсолютно новых объектов гражданского права – это цифровые права. В ст. 5 Федерального закона № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о краудфандинге) приобретение цифровых прав является одним из способов инвестирования с использованием инвестиционной платформы.

Прежде всего необходимо определиться, что следует понимать под цифровыми правами. Согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Однако, несмотря на то, что законодателем уже дана дефиниция цифровых прав и эти права закреплены в качестве объекта гражданских прав, существуют дискуссии по данному вопросу.

Так, Л. Ю. Василевская считает, что цифровые права не являются новым видом имущественных прав, а лишь «переведенными в цифру» обязательственными, корпоративными и исключительными правами, которые появились в результате цифровизации гражданского права и существуют в виртуальной среде [3, с. 3]. Агибалова Е. Н. придерживается позиции, что цифровые права не следует относить к объектам гражданских прав, а нужно считать лишь формой закрепления прав [4, с. 91]. Аналогичные суждения высказывает и И. М. Конобеевская, считая, что отраженный в ГК РФ термин «цифровые права» является неточным и отнесение этих прав к гражданским правам – ошибка [5, с. 331].

Таким образом, среди ученых-правоведов нет единого мнения касательно определения понятия «цифровые права» и отнесения их к объектам гражданских прав, но существует общая позиция о том, что цифровые права непосредственно связаны с цифровой средой и технологиями.

Как упоминалось выше, Закон о краудфандинге называет в качестве способов инвестирования посредством краудфандинговых платформ, помимо предоставления займов и приобретения эмиссионных ценных бумаг, приобретение утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов. Рассмотрим эти виды цифровых прав.

Законное определение утилитарных прав предусмотрено п. 10. ст. 2 Закона о краудфандинге, где говорится, что это цифровые права, которые могут применятся только в рамках инвестиционной деятельности с помощью

инвестиционных платформ, такой вывод можно сделать из п. 10 ст. 2 и п. 2 ст. 1 Закона о краудфандинге. В соответствии с ст. 8 Закона о краудфандинге, утилитарными цифровыми правами признаются: право требовать передачи вещи (вещей); право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. Законодателем также сказано, что утилитарными правами не являются право требовать имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) право требовать имущество, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению, так как юридические действия по российскому законодательству могут проходить только с непосредственным государственным участием.

Анализ Закона о краудфандинге позволяет выделить некоторые особенности правоотношений, связанных с оборотом утилитарных цифровых прав. Согласно ст. 4 Закона о краудфандинге привлекающее инвестиции лицо должно определить существо право требования, порядок осуществления и количество предлагаемых утилитарных прав, что будет являться существенными условиями договора о приобретении утилитарных цифровых прав. Процесс оборота утилитарных цифровых прав по общему правилу осуществляется оператором инвестиционной платформы. Так, он предоставляет техническую возможность для заключения сделок с утилитарными цифровыми правами, а также вправе давать возможность приобрести или принять для учета данные права при их обращении лицам, которые не являются инвесторами и реципиентами. Фактически речь идет о том, что такая возможность предоставляется любым лицам, что в свою очередь означает, что инвестиционное предложение о приобретение утилитарных цифровых прав является публичной офертой, то есть не закрытым инвестиционным предложением, что отличает данный способ от других способов инвестирования, предусмотренных Законом о краудфандинге (предоставление залога или покупка ценных бумаг).

Для распоряжения утилитарными цифровыми правами необходимо цифровое свидетельство. Цифровое свидетельство – это неэмиссионная бездокументарная ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости, удостоверяющая принадлежность ее владельцу утилитарного цифрового права. (п. 1 ст. 9 Закона о краудфандинге). Как и депозитарные расписки, цифровые свидетельства выдаются депозитариями, осуществляющими учет прав на утилитарные цифровые права, факт обладания которыми цифровые свидетельства удостоверяют [5, с. 81]. При этом, цифровые свидетельства не требует государственной регистрации, хотя депозитарий при выдачи цифрового свидетельства должен присвоить ему уникальное условное обозначение. Изучение положений Закона о краудфандинге позволяет прийти к выводу о том, что на депозитария как третьего участника в правоотношениях, связанных с цифровым свидетельством, возлагаются серьезные обязанности при осуществлении инвестиций посредством реализации утилитарных цифровых прав, при этом его роль не совсем обычная: закон обязывает депозитария осуществлять учет прав на вещи (выполнение работ, оказание услуг), тем

не менее, депозитарная деятельность используется для осуществления прав на финансовые активы (ценные бумаги).

Определение понятия «цифровые финансовые активы» содержится в ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). Цифровые финансовые активы содержат в себе вид и объем прав, которые указываются в решении о выпуске цифровых финансовых активов, имеющем специальные требования к содержанию на основании статьи 3 Закона о краудфандинге. При выпуске каждого цифрового финансового актива в информационной системе всегда делается запись определенным способом, установленным соответствующей информационной системой [7, с. 827]. Цифровые финансовые активы в роли цифровых прав теперь тоже могут выпускаться в информационных системах, в которых осуществляется эмиссия цифровых финансовых активов. Такой выпуск должен соответствовать Закону о ЦФА [8, с. 196].

Согласно п. 13 ст. 8 Закона о краудфандинге, предусмотрено, что наряду с утилитарным цифровыми правами, могут приобретаться цифровые финансовые активы, а выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов происходит в соответствии с Законом о ЦФА. Проанализировав Закон о ЦФА, можно выделить следующие цифровые права, которые относятся к цифровым финансовым активам: денежные требования; права по эмиссионным ценным бумагам; право участия в капитале непубличного акционерного общества; право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, предусмотренных решением о выпуске цифровых финансовых активов. Эти цифровые права должны быть объективированы в решении о выпуске цифровых финансовых активов в том порядке, который регламентирован Законом о ЦФА. Выпуск, учет и обращение этих цифровых прав осуществляется только в рамках определенной информационной системы, которая в свою очередь основана на технологии распределенного реестра или другой информационной системой [9, с. 52].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что различие между цифровыми утилитарными правами и цифровыми финансовыми активами заключается в том, что в отношении цифровых финансовых активов могут совершаться сделки купли-продажи и другие сделки, например обмен различных видов или обмен на иные цифровые права (п. 1 ст. 10 Закона о ЦФА) [10, с. 26].

По сути утилитарные цифровые права – это обязательственные права, существующие в рамках функционирования инвестиционных платформ, но за исключением тех прав, которые подлежат государственной регистрации и нотариальному удостоверению. Фактом подтверждения принадлежности утилитарного цифрового права конкретному лицу является цифровое свидетельство – новый российской финансовый инструмент для фиксации определенных имущественных прав. Важную роль в правоотношениях по поводу утилитарных цифровых прав играет депозитарий, который выполняет функцию контроля и учета прав и свидетельств. Что касается цифровых финансо-

вых активов – это цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Решения об их выпуске должны соответствовать законодательству, а также правилам определенной информационной системы, которая в свою очередь основана на технологии распределенного реестра или другой информационной системы.

Список литературы

1. Шевчук, С. С., Толстова, А. Е. Объекты гражданских прав: учебное пособие. Санкт-Петербург: АНО ВО «СЮА», 2021. 212 с.
2. Мансуров, Г. З. Цифровое право: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2020. 122 с.
3. Василевская, Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5(508). С. 3-14.
4. Агибалова, Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. Т.33. № 1. С. 90-99.
5. Конобеевская, И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 330-334.
6. Шевченко, О. М. Цифровое свидетельство – новый вид ценной бумаги // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 7 (71). С. 76-82.
7. Щавелев, А. В. Цифровые финансовые активы, цифровая валюта и цифровые деньги // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 826-831.
8. Полуосьмак, И. А. Перспективы развития законодательства Российской Федерации в области цифровых финансовых активов и цифровых валют // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6-2(57). С. 195-198.
9. Акинфеева, В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex jure. 2021. № 1. С. 46-55.
10. Гринь, О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 10 (167). С. 21-31.

УДК 343.2, 342.92

Белобородов Илья Сергеевич,
аспирант,
(Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики)
E-mail: beloborodov_ilya@mail.ru
Маюров Николай Петрович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
(профессор кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова)
E-mail: mayurov2010@mail.ru

Beloborodov Ilya Sergeevich,
PhD of Saint-Petersburg University of management technologies and economics,
E-mail: beloborodov_ilya@mail.ru
Mayurov Nicolay Petrovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
(Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Admiral Makarov State University of maritime and inland shipping)
E-mail: mayurov2010@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

LEGAL REGULATION OF INSIGNIFICANCE: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

В статье проведена историческая справка по развитию и закреплению понятия малозначительности в российском законодательстве. Проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие институт малозначительности в уголовном и административном законодательстве зарубежных стран. Проведен сравнительно- правовой анализ российского и зарубежного законодательства на предмет урегулирования института малозначительности и сделаны определенные выводы, которые отличают закрепление института малозначительности в законодательстве зарубежных стран в сравнении с российским законодательством. На основе проведенного исследования, сформулированы предложения по совершенствованию института малозначительности в рамках российского законодательства.

Ключевые слова: малозначительность уголовного преступления, малозначительность административного правонарушения, малозначительность, законодательство, правовое регулирование, сравнительно-правовой анализ.

The article provides a historical background on the development and consolidation of the concept of insignificance in Russian legislation. The normative legal acts regulating the institution of insignificance in the criminal and administrative legislation of foreign countries are analyzed. A comparative legal analysis of Russian and foreign legislation has been carried out for the settlement of the

institute of insignificance and certain conclusions have been drawn that distinguish the consolidation of the institute of insignificance in the legislation of foreign countries in comparison with Russian legislation. Based on the conducted research, proposals are formulated to improve the institute of insignificance within the framework of Russian legislation.

Keywords: insignificance of a criminal offense, insignificance of an administrative offense, insignificance, legislation, legal regulation, comparative legal analysis.

Понятие малозначительность занимает одно из главных мест в институтах уголовной и административной ответственности по поводу которой сложилась неоднозначная правоприменительная практика в следствие недостаточности законодательного урегулирования как в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), так и в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Начнем с того, что первые упоминания в законодательстве России понятия малозначительность появилось в ст. 6 Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. в котором было закреплено, что: «Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

Примечание. Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного».

В следующем Уголовном Кодексе РСФСР от 1960 г. в п. 2 ст. 7 было указано: «Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

В действующем УК РФ малозначительности уделена ч. 2 ст. 14 в которой указано, что: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [1]. То есть под малозначительностью понимается деяние, содержащее в себе признаки преступления, однако которое не причиняет фактического вреда, другими словами, отличается отсутствием общественной опасности [2, 80].

Стоит согласится с Упоровым И. В., Серых А. Б., Эфрикян Р. А. в том, что норма о малозначительности практически дословно и по содержанию повторяется в каждом новом Уголовном Кодексе России [3, 123].

Что же касается законодательного закрепления малозначительности в административном праве, то впервые оно было сформулировано в ст. 22 Кодексе об административных правонарушениях РСФСР 1984 г. [4, 192]. В данной статье было указано, что: «При малозначительности совершенного

административного правонарушения орган (должностное лицо), уполномоченный решать дело, может освободить нарушителя от административной ответственности и ограничиться устным замечанием».

В настоящее время малозначительность в административном законодательстве закреплена в ст. 2.9 КоАП РФ в следующем в виде: «При малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием» [5].

Проанализировав, вышеупомянутые нормы о малозначительности, можно сделать определенные исторически-правовые выводы законодательного процесса закрепления понятия малозначительности, в следующем виде:

1. Статьи кодексов, посвященные малозначительности, с течением времени практически дословно не изменялись, а по смыслу и вовсе оставались не измены.

2. Становится очевидным, что норма о малозначительности в административном законодательстве образовалась путем переноса и интерпретирования нормы из п. 2 ст. 7 УК РСФСР от 1960 г.

3. До настоящего времени данные нормы не претерпели никаких существенных изменений или дополнений на законодательном уровне.

На основе анализа данных выводов возникает вопрос – если данные нормы не изменяются или не совершенствуются, значит они работает на практике без каких-либо проблем и нет никаких причин для того, чтобы улучшать или дополнять статьи, посвященные малозначительности. Однако, это совершенно не так, на практике существует большое количество проблем и дискуссий по поводу обоснования и применения института малозначительности как в уголовном, так и в административном праве, что подчеркивает противоречивая правоприменительная практика, различные разъяснения высших судебных инстанций и органов исполнительной власти, а также многочисленные споры в научном сообществе.

Например, отсутствие раскрытия понятий малозначительности уголовного деяния и административного правонарушения на законодательном уровне дает неопределенность в понимание малозначительности и ее особенностей применения, и критериев, которыми она обладает, в следствие этого, правоприменительная практика носит противоречивый характер по аналогичным делам и одинаковым составам преступлений или правонарушений, который выражается в том, что суды могут не учесть всех необходимых обстоятельств по делу и вынести решение, которое будет либо не соответствующим совершенному преступлению или правонарушению – уголовной или административной ответственности, либо наоборот будет признано малозначительным в тех случаях, когда лицо должно было понести законную ответственность, но лицо смогло избежать этого, тем самым у лиц может сформироваться чувство безнаказанности и вседозволенности.

Также в законодательстве отсутствуют критерии малозначительности, на основании которых, субъект, принимающий решение о применении мало-

значительности, будет учитывать и обосновывать свое решение, так как понятие малозначительность оценочное и субъекты полностью свободны сами устанавливать критерии малозначительности и основывать на них свое решение. С одной стороны, субъекты практически ничем не ограничены в решение данного вопроса и могут рассматривать каждое дело индивидуально и без каких-либо законодательных ограничений, руководствуясь обстоятельствами дела и внутренним убеждением, с другой стороны, отсутствие какой-либо устойчивой и однообразной правоприменительной практики, и критериев малозначительности – оказывает негативное влияние на понимание понятия малозначительности в целом и особенностей ее применения.

Для решения вышеуказанных проблем, необходимо совершенствовать законодательство Российской Федерации в части правового регулирования малозначительности. Одним из способов по дополнению и улучшению законодательства является процесс изучения и анализа законодательства зарубежных стран в рамках исследуемого понятия для последующего заимствования и интерпретирования в российское законодательство, что часто используется всеми странами на протяжении истории их становления и развития как правовых государств по всему миру. В связи с этим, нами было проведено исследование законодательного урегулирования понятия малозначительность в уголовном и административном законодательстве зарубежных стран.

Так, в Уголовном Кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) от 19.07.1999 № 275-З в ч. 4 ст. 11 указано, что: «Не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности, не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания» [6].

Если провести сравнительно-правовой анализ со ч. 2 ст. 14 УК РФ, то норма о малозначительности в УК РБ раскрыта более подробно, а именно дано короткое понятие малозначительного деяния и указание, что в случае признания деяния малозначительным, то к нему может быть применена административная или дисциплинарная мера взыскания.

Что же касается малозначительности административного правонарушения, то в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (Далее КоАП РБ) от 06.01.2021 № 91-З в ст. 8.2 указано, что: «Независимо от категории административного правонарушения лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности при малозначительности совершенного деяния. Малозначительным признается деяние, формально содержащее признаки какого-либо административного правонарушения, но которое с учетом своего характера, степени общественной вредности и обстоятельств совер-

шения не причинило и по своему содержанию не могло причинить значительного вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам.

При освобождении физического лица от административной ответственности в связи с признанием совершенного деяния малозначительным до начала административного процесса ему объявляется устное замечание. Однако, данные положения не применяются в следующих случаях:

к индивидуальному предпринимателю, если совершенное правонарушение связано с осуществляемой им предпринимательской деятельностью;

к должностному лицу в случае совершения им правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих должностных (служебных) обязанностей;

если повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность;

по делам о правонарушениях, влекущих административную ответственность по требованию потерпевшего или его законного представителя» [7].

Как и в вышеуказанном сравнении УК РФ и УК РБ, в КоАП РБ малозначительность раскрыта более подробно, а именно раскрыто понятие малозначительность, указано, что в случае признания административного правонарушения - малозначительным физическому лицу объявляется устное замечание, за исключениями, указанными выше. Также отметим, что данная статья расположена в Главе 8 Основания освобождения от административной ответственности, в которой расписаны основания, по которым дело об административном правонарушении может быть прекращено, в отличие от КоАП РФ, которые не предусматривает такой главы. На наш взгляд, наличие такой главы в КоАП РБ является правильным и грамотным решением законодателя Республики Беларусь, которая устанавливает четкие законодательные основания освобождения от административной ответственности для понимания субъектами, которые принимают решения об освобождении от административной ответственности лиц, в отношении которых принимаются решения, а также для юристов, которым становится значительно проще понимать и оценивать конкретную ситуацию в случаях подготовки к делу в качестве представителя.

Приведем другое пример, в Уголовном Кодексе Республики Таджикистан (далее – УК РТ) от 21.05.1998 № 574 в ч. 2 ст. 17 закреплено, что: «Не является преступлением деяние (действие или бездействие), хотя формально, содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [8].

Данная формулировка дословно повторяет ч. 2 ст. 12 УК РФ, соответственно в уголовном законодательстве полностью одинаковое закрепление малозначительности.

В Кодексе Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 года № 455 (далее – КоАП РТ) в ст. 25 указано, что: «При малозначительности административного правонарушения судья, уполномоченный государственный орган и уполномоченное должностное лицо, рассматривающие дело об административном правонарушении, могут

освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и взыскания и ограничиться устным замечанием. В соответствии с настоящим Кодексом малозначительным является совершенное административное правонарушение, повлекшее за собой причинение материального ущерба физическому лицу в размере до одного, а юридическому лицу – до десяти показателей для расчетов» [9].

В данном случае ч. 1 ст. 25 КоАП РТ аналогична ст. 2.9 КоАП РФ, однако, ч. 2 ст. 25 КоАП РТ дается понятие малозначительности с указаниями размеров материального вреда, для физических лиц в размере до одного, а юридическому лицу – до десяти показателей для расчетов. В данном случае установлена зависимость между административным правонарушением и наступившим от него ущербом [10, 78].

Приведем другой пример, в Уголовном Кодексе Республики Казахстан (Далее – УК РК) от 03.07.2014 № 226-V в ч. 4 ст. 10 указано, что: «Не является уголовным правонарушением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [11]. Стоит отметить, что в ст. 10 УК РК изначальным понятием является уголовное правонарушение, которое делится на уголовное преступление и уголовный проступок в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости, поэтому далее в процессе ссылок на УК РК, мы будем использовать понятие уголовное правонарушение.

Данная ч. 4 ст. 10 УК РК полностью совпадает с ч. 2 ст. 14 УК РФ, однако, в УК РК существуют различные примечания к составам уголовных правонарушений и в которых более подробно объясняется о применении малозначительности к данным уголовным правонарушениям, а именно в 3 статьях:

1. Примечание к ст. 247 УК РК Получение незаконного вознаграждения. Не является уголовным правонарушением в силу малозначительности и преследуется в дисциплинарном порядке получение лицом, указанным в части первой настоящей статьи, материального вознаграждения, льгот или услуг имущественного характера в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за ранее выполненную работу или оказанную услугу, входящую в круг его обязанностей, если стоимость подарка не превышала пятимесячных расчетных показателей.

2. Примечание к ст. 253 УК РК Коммерческий подкуп. Не являются преступлением в силу малозначительности и преследуются в дисциплинарном или административном порядке передача или получение имущества, оказание услуг имущественного характера или пользование такими услугами в качестве подарка или вознаграждения при отсутствии предварительной договоренности за ранее совершенные законные действия, если стоимость имущества или услуг не превышает двухмесячных расчетных показателей.

3. Примечание к ст. 366 УК РК Получение взятки. Не является преступлением в силу малозначительности и преследуется в дисциплинарном или административном порядке получение впервые лицом, указанным в части первой настоящей статьи, имущества, права на имущество или иной

имущественной выгоды в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за ранее совершенные законные действия (бездействие), если стоимость подарка не превышала двухмесячных расчетных показателей.

Проанализировав данные примечания, можно сделать несколько вывод об применении малозначительности к уголовным правонарушениям:

1. Все три состава уголовного правонарушения хоть и находятся в разных главах УК РК, однако, по-своему правовому смыслу имеют общий признак в виде экономической составляющей совершенного деяния.

2. В случае признания уголовного правонарушения по данным составам – малозначительным, то в таком случае к лицу будет применен дисциплинарный или административный порядок привлечения к ответственности.

3. В качестве расчета стоимости предмета уголовного правонарушения в виде месячных расчетных показателей, другими словами, законодатель РК устанавливает определенные пределы стоимости предмета данных составов, превышение которых будет являться основанием непризнания данных уголовных правонарушений или преступлений малозначительными.

В Кодексе об административных правонарушениях Республики Казахстан от 15.07.2014 № 235-V (КоАП РК) малозначительности посвящена ст. 64-1 в которой закреплено, что: «При малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган (должностное лицо), уполномоченный рассматривать дела об административных правонарушениях, может освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности, ограничившись устным замечанием.

Примечание. При решении вопроса об освобождении лица от административной ответственности по указанному в настоящей статье основанию учитываются конкретные обстоятельства совершения административного правонарушения, в том числе личность правонарушителя, а также объект посягательства, а при наличии вреда - его размер» [12].

Первый абзац указанной статьи полностью совпадает с ст. 2.9 КоАП РФ, однако, ст. 64-1 дополняется вторым абзацем, в котором обозначаются обстоятельства, которые необходимо учитывать при решении вопроса о применении малозначительности административного правонарушения, а именно: конкретные обстоятельства совершения административного правонарушения; личность правонарушителя; объект посягательства; размер вреда.

В ст. 2.9 КоАП РФ нет такого разъяснения законодателя, однако, существует Постановление Пленума ВАС РФ (далее – ВАС РФ, который был упразднен Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», и все вопросы его ведения были переданы Верховному Суду Российской Федерации) от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях», в п. 18 указано, что: «При квалификации правонарушения в качестве малозначительного судам необходимо исходить из оценки конкретных обстоятельств его совершения. Малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Такие обстоятельства, как, например, личность и имуще-

ственное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, свидетельствующими о малозначительности правонарушения. Данные обстоятельства в силу частей 2 и 3 статьи 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания» [13].

Свою точку зрения высказал также Верховный Суда (далее – ВС РФ) в Постановлении от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в аб. 3 п. 21 закрепил, что: «Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения. Они в силу частей 2 и 3 статьи 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания» [14].

Если проводить сравнительный анализ упомянутых Постановлений высших судебных инстанций и ст. 64-1 КоАП РК, можно сделать вывод о том, что перечисленные обстоятельства, которые должны быть учтены при рассмотрении вопроса о применения малозначительности административного правонарушения – практически идентичны, однако, если же в КоАП РК указано о личности правонарушителя как одного из обстоятельства рассматриваемого дела, то в разъяснениях ВАС РФ и ВС РФ личность правонарушителя не является обстоятельством характеризующий малозначительность правонарушения, так как оно учитывается при назначении административного наказания.

Подводя итог вышеприведенному исследованию, хотелось бы сделать определенные выводы на основе изученных законодательства зарубежных стран по правовому регулированию малозначительности в уголовном и административном праве. У каждого государства в статьях УК и КоАП предусмотрены различные особенности, которые дают конкретизацию путем раскрытия понятия малозначительности, указания особенностей и случаев ее применения, которые сформированы и закреплены законодателями вышеуказанных стран, на наш взгляд, является позитивным и рациональным решением, которое принимается каждым государством на основе их исторически-правовых особенностях, и в соответствии с их определенной спецификой регулирования правоотношений, складывающихся в уголовном и административном праве в рамках функционирования института малозначительности. Поэтому сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран очень важен для последующей адаптации и интеграции под особенности российского законодательства различных формулировок понятий, перечисления признаков и особенностей применения института малозначительности.

Таким образом, на основе проведенного анализа нормативно-правовой базы зарубежных стран в части законодательного урегулирования малозначительности в уголовном и административном праве, на наш взгляд, можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию российского законодательства в рамках правового регулирования малозначительности:

1. Необходимо по аналогии с Кодексами зарубежных стран, дать законодательные определения понятий малозначительности в ст. 14 УК РФ в следующем виде: «Малозначительным является деяние, которое формально и содержит в себе все признаки состава преступления, но в силу несущественной степени опасности для личности, общества или государства, а также с учетом характера совершенного деяния, роли лица его совершившего, степени вины, пределов осуществления преступного намерения, способа, обстановки совершения содеянного, размера вреда и тяжести наступивших последствий, и не повлекшее значительного вреда охраняемым законом общественным отношениям».

2. В ст. 2.9 КоАП РФ, закрепить понятие малозначительности в следующем виде: «Малозначительным правонарушением является совершенное лицом действие или бездействие, характеризующийся отсутствием существенной угрозы причинения вреда личности, обществу или государству, наличием формального сходства содеянного с признаками того или иного административного правонарушения, отсутствием социальной опасности деяния и небольшой тяжести последствий, совокупности конкретных обстоятельств, которые устанавливаются судом, органом, должностным лицом, уполномоченные решать дело об административном правонарушении».

3. Установить следующие критерии малозначительности уголовного деяния:

формальное наличие всех признаков уголовного преступления;

отсутствие общественно-опасного характера деяния и существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям;

форма вины в виде прямого умысла, направленное на совершение малозначительного деяния;

мотив и цель совершенного деяния;

размер и тяжесть причиненного имущественного ущерба.

4. Для малозначительности административного правонарушения установить в ст. 2.9 КоАП следующие критерии:

отсутствие существенной угрозы общественным отношениям;

незначительный вред;

формальное соответствие всем признакам административного правонарушения;

форма вины в виде неосторожности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996., № 25, ст. 2954.

2. Винокуров, В. Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы / В. Н. Винокуров // Журнал российского права. – 2014. – № 4 (208). – С.74-83.

3. Упоров, И. В., Серых, А. Б., Эфрикян, Р. А. Малозначительность деяния: законодательная трактовка нуждается в существенном изменении / И. В. Упоров, А. Б. Серых, Р.А. Эфрикян // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 122-127.

4. Зайкова, С. Н. Малозначительность административного правонарушения (по материалам судебной практики) / С.Н. Зайкова // Наука и современность. – 2010. – № 1-3. – С. 191-196.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 01.03.2023) // Российская газета, 31.12.2001., № 256.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 19.07.1999 г. № 275-З. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 13.03.2023).

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 г. № 91-З. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK2100091 (дата обращения: 13.03.2023).

8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=181;-9#pos=181;-9 (дата обращения: 12.03.2023).

9. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 года № 455. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414710&pos=232;-36#pos=232;-36 (дата обращения: 13.03.2023).

10. Коростелев, П. Н. Критерии определения малозначительности в российском и зарубежном административном праве / П.Н. Коростелев // Инновационная экономика и право. – 2016. – С. 76-79.

11. Уголовный кодекс Республики Казахстана (Далее – УК РК) от 03.07.2014 г. № 226-V. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=3844;-40#pos=3844;-40 (дата обращения: 13.03.2023).

12. Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан от 15.07.2014 № 235-V. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=1685;-49#pos=1685;-49 (дата обращения: 13.03.2023).

13. Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 N 10 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48600/ (дата обращения: 13.03.2023).

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 13.03.2023).

УДК 340,341, 34.08

Большаков Руслан Сергеевич,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: rusdolihe@gmail.com

Bolshakov Ruslan Sergeeevich,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: rusdolihe@gmail.com

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ФИЛИППА IV

THE POLITICAL AND LEGAL SYSTEM OF FRANCE DURING THE REIGN OF PHILIP IV

В статье рассматривается политико-правовая система Франции в период правления Филиппа IV (1285-1314), ее последствия для государства.

Ключевые слова: политико-правовая система, Филипп IV, Бонифаций VIII, орден тамплиеров, налоги, легисты.

The article examines the political and legal system of France during the reign of Philip IV (1285-1314). its consequences for the state.

Keywords: political and legal system, Philip IV, Boniface VIII, Templar Order, taxes, legists.

Актуальность темы данного исследования обусловлена прежде всего тем что во время правления Филиппа IV был построен общественный строй сословно-представительской монархии. Была укреплена власть короля. Церковь больше не имела власти над короной, и за счет политических ходов территория Франции была значительно расширена.

После смерти своего отца Филиппа III в возрасте семнадцати лет был коронован Филиппа IV в 1285 году. В 1284 году Филипп женился на Жанне, которая являлась королевой Наваррской и графиней де Шампань. В результате этого брака родилось четверо детей, тир сына – Людовик X Сварливый, Карл IV Красивый и Филипп V Длинный и единственная дочь Изабелла.

При Филиппе IV были заложены основы французской дипломатии. В годы его правления было проведено множество переговоров, которые ставили целью приобретение новой территории или предотвращение войны. Все это способствовало формированию французской дипломатии. Которая в дальнейшем помогала заключать выгодные союзы и коалиции. Раньше дипломатические отношения сводились лишь к редким контактам с другими государствами, зачастую все переговоры велись в устной форме. Только при Филиппе были заведены письменные дипломатические отношения.

В 1297 году у Франции и Англии был конфликт за территорию, лишь благодаря вмешательству папы Римского Бонифация VIII удалось решить конфликт перемирием двух королей, которое было скреплено брачным союзом. Дочь Филиппа IV вышла замуж за сына Эдуарда I. Благодаря этому ми-

ру оба короля отказались поддерживать своих союзников: Филипп IV- шотландцев, а Эдуард I-графа Фландрии. Подобные вести напугали графа Фландрии и он сам явился к Филиппу с повинной, в результате этого земли Фландрии были включены в владения короля.

Во внешней и внутренней политике, Филипп IV следовал советам своих легистов. В основном это были выходцы из мелких рыцарей и буржуазии, новоиспеченные дворяне. Они получили юридическое образование в школах Франции и Италии благодаря этому легисты виртуозно защищали интересы короля, став верными спутниками на протяжении всего правления Филиппа IV.

Французский король любил придавать своим захватам внешне законную форму. По этой причине были широко распространены судебные процессы. Юристы короля, действовали под разными именами – «королевский нотариус», «рыцарей короля», «людей короля» - и допуская беззакония при отстаивании интересов короля, неизменно прикрывались видимостью закона.

Франция превратилась в сильную феодальную монархию, что позже привело к столкновению с папством [1, с. 312-313].

Для войны с Фландрией понадобились огромные финансовые вложения, потому что против Филиппа IV образовалась целая коалиция, Англия которая отправила десять тысяч фунтов стерлингов императору Германии, столько же графу Гельдрскому, почти вдвоем больше герцогу Брабанта. Необходимо было, чтобы турские ливры разрушили то, что было достигнуто благодаря английским фунтам стерлингам.

В ту пору французский двор утопал в роскоши, вызвано это было достижением ремесел торговли и искусства, что сделало жизнь еще более дорогой. Расходы росли с каждым днем, а налоги оставались прежними, таким образом, казна с каждым днем пустела все сильнее и сильнее. Филипп IV Красивый, испытывал постоянную нужду в деньгах, поэтому он будет вынужден изыскивать любые способы, чтобы обеспечить свои доходы. Так, он разорит банкиров того времени, евреев и ломбардцев, что приведет к тому, что люди начнут прятать деньги; он начнет взимать налоги с фламандцев, в результате этого произойдет восстанию против чрезмерного налогообложения, так же обложил налогом церковное имущество. Бонифаций ответил в 1296 году грозной буллой запрещавшей под страхом отлучения светским государям облагать духовенство какими бы то ни было налогами, а духовенству уплачивать что-либо без папского разрешения. Это запрещение наносило удар по одному из основных прав монарха. Тогда французский король стал забирать поместья у всех, кто слушался папу. Филипп издал специальный указ, он запретил вывоз золота и серебра из королевства, и тем самым римская курия лишилась всех поступлений из Франции. Из-за алчности Филипп IV уничтожит орден тамплиеров, который на тот момент являлся самым богатым рыцарским орденом, чтобы завладеть его финансами. Это событие навсегда свяжет его имя с кровопролитием. Единственное решение, которое являлось честным и хорошим: он продал свободу многим крепостным из своих владений и обратил свои права в денежные повинности [2, с. 93].

Филипп IV поставил управляющим для фламандцев Жака де Шагтона, который ничуть не заботился о том, чтобы щадить побежденных, особен-

но, когда они были так богаты. Этот нетерпеливый народ привыкший к большей обходительности со стороны своих графов, поднял восстание. Только в городе Брюгге было зарезано три тысячи французов. Филипп IV послал Роберта д'Артуа вместе с многочисленной армией, чтобы отомстить за нанесенное оскорбление. Двадцать тысяч фламандцев храбро поджидали эти отряды рыцарей при Куртре. Французская армия продвигалась беспорядочными рядами, они были уверенны в своей победе, французы даже не могли предположить, что их могут встретить лицом к лицу. Военачальник не провели разведку, чтобы выяснить позиции, которые заняли фламандцы. Первые ряды тяжелой конницы рухнули в канал, прикрывший линию противника. Те, кто пытался устоять, подталкиваемые другими, кто следовал за ними, были сброшены вниз, и фламандцам оставалось лишь погрузить свои копья в эту растерянную массу людей и лошадей, чтобы убить их, не встретив сопротивления. Бои по флангам канала завершились беспорядочным бегством французской армии. В результате боя погибло двести сеньоров высокого происхождения и шесть тысяч воинов, включая самого графа д'Артуа.

Битва с мусульманами уже продемонстрировала недисциплинированность, пылкость и некомпетентность рыцарей, но они произошли на востоке, что позволило возвысить побежденных. Битва при Куртре, проигранная цветом французского рыцарства вилланам по тем же причинам, что и мусульманам, имела большой отголосок. По решению короля, феодальная знать лишалась своих привилегий и потеряла на поле боя престиж, который ее так долго окружал. За счет этого произошло возвышение армии народа и короля.

Филипп IV Красивый предпринял энергичные меры, чтобы отомстить за поражение при Куртре. Он вынудил дворян и буржуа сдать их золотую и серебряную посуду для чеканки королевских монет за которую он заплатил обесцененными деньгами. Он распорядился чтобы каждый земельный надел с рентой в сто ливров предоставлял одного всадника, чтобы с каждых ста дворов вилланов предоставлялось по шесть пеших унтер-офицеров, и чтобы каждый простолюдин, располагавший двадцатью пятью ливрами ренты, лично нес военную службу. Он продал свободу многим крепостным, а дворянские титулы - нескольким простолюдинам. Таким образом, за два месяца он смог собрать вокруг себя десять тысяч всадников и шестьдесят тысяч пехотинцев. Это было величайшим усилием короля, и оно было огромным; усилие же народа Фландрии оказалось еще большим: из городов Фландрии вышло восемьдесят тысяч воинов.

При наличии таких армий борьба должна была быть ужасной и решающей; все это хорошо понимали и, не желая ничем рисковать провели 1302 год в выжидании. Конфликт Филиппа IV с папой Римским Бонифацием VIII достиг своего апогея; новое поражение могло бы оказаться фатальным для него; он также не предпринимал никаких действий и в следующем 1303 году, позволив фламандцам перейти в наступление. Однако в год смерти папы Римского Филипп IV атаковал Фландрию с суши и с моря (1304 г.). Его эскадра разбила фламандский флот, а сам он отомстил за поражение при Куртре. Король посчитал, что расправился с ними. Однако через несколько дней фламандцы вернулись почти с такой же численностью как раньше и потребовали от него нового боя. «По всей вероятности, вместо дождя с

неба падают фламандцы»! — воскликнул король. Он предпочел заключить перемирие вместо того, чтобы продолжить сражение. Они предложили королю деньги и уступили ему Дуэ, Лилль, Бастонь, вместе со всей валлонской Фландрией, то есть той ее частью, где говорили на французском языке, — между реками Лис и Эско (Шельда). За эту цену король Филипп IV отдал фламандцам их графство, которое предоставило ему взамен лишь феодальное клятвенное обещание верности. Так, французская королевская власть уступила фламандской демократии, подобно тому, как немецкая королевская власть, практически в ту же эпоху, отступила перед швейцарской демократией. Французские коммуны, став единичными образованиями, постепенно исчезли: во Фландрии и Швейцарии они объединились и одержали победу [1, с. 314].

В 1300 году папа Римский Бонифаций VIII крепко держал власть в своих руках, это было связанно, с тем что это был юбилейный год и к храму явилось десятки тысяч людей. Он предстал перед ними и заявил в самой вызывающей форме о притязании на верховную власть в мирских делах.

На этой почве и разгорелся с новой силой конфликт между Бонифацием VIII и Филиппом IV. Филипп утверждал, что имеет право облагать налом богатое духовенство, а папа с ним не соглашался. Французскому королю совершенно не хотелось, чтобы богатства как минимум пятой части французских земель навсегда ускользали из рук его казначеев. Однако этот спор был частным случаем более широкого вопроса: может ли папа в мирских делах быть главнее короля? Филипп решил, что он не позволит вмешиваться папе не только в мирские, но даже в церковные дела своей страны [3, с. 103].

В 1301 году прежний спор об обложении духовенства перерос в общий спор о правах папского престола и французского короля. Очередным поводом для обострения отношений стало дело папского легата, посланного к Филиппу за сбором денег для крестового похода и задержанного во Франции.

Папский легат епископ Памьерский Бернар Сессе, не добившись уступок, стал грозить Филиппу интердиктом, Филипп велел арестовать легата и заключить под стражу в Санли. Он потребовал от папы, чтобы тот низложил Бернара и позволил предать его светскому суду.

Папа в ответ настаивал на немедленном освобождении легата. Бонифаций лишил французского короля права собирать налоги с духовенства и запретил французскому клиру платить что-либо королю без разрешения папы. Он обвинял Филиппа IV в захвате церковного имущества, в тираних действиях и других проступках и объявлял о своем решении созвать французское духовенство на церковный собор, который должен был открыться в Риме 1 ноября 1302 года. Бонифаций предлагал явиться туда королю самому или прислать своих уполномоченных. «Впрочем, — заканчивалась булла, — мы не преминем провести его и в случае вашего отсутствия. И вы услышите божий приговор, произнесенный нашими устами».

Филипп велел торжественно сжечь эту буллу на паперти собора Парижской Богоматери. Последовала искусная кампания против папы, организованная знаменитыми легистами. Были пущены в ход фальшивки: вымышленные папские буллы и вымышленные же ответы на них короля. Эти фальшивки многими принимались за правду. Играя на национальных чувствах, легисты представляли дело как стремление Бонифация превратить Францию

в вассальное государство. Сторону короля приняли университеты, монастыри и города, прозвучали голоса, требования созвать Церковный собор и сместить недостойного папу. На этот раз собор должен происходить не в Риме, а во Франции. Не остановившись вовремя, а борясь с этой волной национального чувства, Бонифаций совершил роковой просчет [2, с. 94].

В 1302 году Филипп IV созвал генеральные штаты Франции. Он понимал, что в борьбе со столь сильным врагом как папа римский ему понадобится поддержка всех составных частей его народа. Уже очень давно короли пользовались помощью совета, состоявших из знатных дворян и высшего духовенства. На этот раз представители горожан впервые тоже были вызваны на собрание, чтобы помочь поддержкой и мудростью своему сюзерену. Третьему сословию очень польстило, что его пригласили заседать на равных вместе с советом и высшим духовенством. Они охотно голосовали за одобрение политики короля присоединились к представителям двух высших сословий, когда те посоветовали королю не идти на компромисс с папой. С этого времени Генеральные штаты, собрание представителей трех разных сословий французского общества, иногда созывались, чтобы помочь королю в делах страны, однако по многим причинам это собрание не превратилось в постоянный, регулярно заседающий законодательный орган, подобный английскому парламенту [3, с. 104].

В апреле 1303 года папа отлучил короля от церкви и освободил семь церковных провинций в бассейне Роны от вассальной зависимости и от присяги на верность королю. Тогда Филипп объявил Бонифация лжепапой (действительно, существовали некоторые сомнения в законности его избрания), еретиком и даже чернокнижником.

Бонифаций зашел слишком далеко: ни королей, ни народы нельзя было уже запугать анафемами. Легисты соответствующим образом обработали общественное мнение: по всей Франции сновали эмиссары короля, которые убеждали подданных в правильности действий Филиппа. Французский король потребовал созвать вселенский собор, но при этом говорил, что папа должен быть на этом соборе в качестве пленника и обвиняемого. От слов он перешел к делу.

Один из видных (и наиболее хитроумных) членов королевского совета, легист Гийом Ногаре, был направлен к папе с вызовом на церковный собор. Бонифаций в то время, однако, жил не в Риме, а в своем родном городе Ананьи (куда, по некоторым источникам, он удалился, скрываясь от римской знати во главе с Колоннами), где готовился 8 сентября объявить новую буллу, выносящую окончательное проклятие Филиппу. Но после встречи с Ногаре папа заболел и 11 октября умер.

Притязания пап на верховенство потерпели поражение в борьбе с королевской властью. Важным последствием борьбы Филиппа IV с Бонифацием VIII было еще и то, что король впервые установил прецедент обращения с апелляцией на папские решения ко Вселенскому собору, который ставился таким образом выше папы. Этой идее суждено было впоследствии сыграть важную роль как во время раскола в Западной церкви, так и несколько веков спустя.

После понтификата Бенедикта XI, длившегося всего несколько месяцев, кардиналы в июне 1305 года избрали архиепископа из Бордо Бертрана де Го, вошедшего в историю как Папа Римский Климент V. Новый папа, ко-

торому был предоставлен для постоянного пребывания город Авиньон, прежде всего назначил в кардинальскую коллегию несколько французов и тем обеспечил избрание и в будущем «французских» пап. Обосновавшись в новом месте в непосредственной близости и в распоряжении короля Франции, его приемники оставались там до 1377 года. Это пребывание пап Римских в Авиньоне, потрясшие устои церкви назвали «Вавилонским пленом». [2, с. 95]

В 1312 году начался знаменитый процесс над орденом тамплиеров. Разгром тамплиеров знаменует собой поворотный момент в истории функционирование французской монархии: отныне главным советникам монархии стали легисты. Их задача состояла в том, чтобы придавать силу закону королевским решениям, легитимизировать их, основываться не на традициях вассалитета, а на требованиях гармоничного функционирования государственной машины и общества. На пути же к искомой гармонии тамплиеры выглядели явно лишними.

Все обвинения тамплиеров сводились к ереси и безнравственному поведению, после допроса Великого магистра и 231 рыцаря и послушника им были выдвинуты обвинения. Даже былые заслуги и славные героические деяния не смогли помочь тамплиерам. Обвинителей интересовали исключительно извращения, которыми занимались рыцари храмовники в своей повседневной жизни после возвращения во Францию. В глазах простого народа они были полностью дискредитированы. Люди стали говорить: «пьет как тамплиер», а в Германии визит к проституткам стал называться «Походом в храм». Слухи были подкреплены вспышками позже признаниями тамплиеров, полученные при помощи искусно заданных «вопросов» и пыток.

После таких признаний разразился неслыханный скандал, и ордену были немедленно предъявлены обвинения.

Инициаторы процесса извещали простонародье только о признаниях, которые были выгодны им, однако подлинные сведения, полученные во время допросов, хранились за семью печатями.

Большая часть конфискованного имущества и средств ушла в пользу монарха, хотя изначально все конфискованные средства должны были пойти ордену госпитальеров, но им досталась лишь малая часть. После того как тамплиеры были объявлены еретиками и отступниками, другие монархи тоже поспешили конфисковать все имущество некогда великого ордена.

Известно, что, получив жалобу на храмовников, Филипп IV начал давать на папу, чтобы позволить ему покончить с неугодным орденом. Но Климент V медлил: он был заинтересован в слиянии ордена тамплиеров с орденом госпитальеров или даже в новом крестовом походе, но никак не в судебном процессе. Желая показать, что во Франции власть его равна императорской, Филипп Красивый решил провести судебный процесс самостоятельно и быстро. У него уже был опыт борьбы с папством, в которой он утвердил свою власть в сфере государственных финансов и в сфере правосудия. Претендуя так же на власть духовную, Филипп решил положить увиливаниям Климента V и не дожидаясь указаний папы, взял ответственность за арест тамплиеров на себя. Операция была проведена в полной тайне, аресты были проведены во всех командорствах, что свидетельствует об эффективности нового государственного аппарата. Оставшись не у дел, пап-

ство тем самым проиграло сражение со светской властью, понесло моральный ущерб, что в глазах короля Филиппа вполне могло быть одной из самых главных целей процесса по делу тамплиеров. В результате множество тамплиеров было казнено, включая Великого магистра Жаку де Моле, который был сожжен на костре в Париже в 1314 году.

К концу правления Филиппа IV Франция стала самой могущественной державой в Европе: папская власть была повержена, территория была расширена, а политическое влияние Франции усилилось [4, 103-104].

Список литературы

1. Дюрюи, В. История Франции с древнейших времен [В 2т] Том I. – Смоленск: Издательство ООО «БСТ», 2014.

2. Мусский, И. А. 100 великих дипломатов. – Санкт-Петербург: Издательство ООО «ВЕЧЕ», 2001. – 606 с.

3. Ферро, М. История Франции. – Москва: Издательство ООО «Весь Мир», 2015. – 830 с.

4. Дэвис, У. С. История Франции С древнейших времен до Версальского договора. – Москва: Издательство ООО «Центрполиграф», 2016. – 668 с.

УДК 341

Воронкин Владислав Анатольевич,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: voronkinvlad@mail.ru

Voronkin Vladislav Anatolievich,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: voronkinvlad@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И ОАЭ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ ДОКТРИНАМ

COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGISLATION RF AND UAE ON RELIGIOUS DOCTRINES

В данной статье производится сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и ОАЭ по религиозной доктрине. Автор рассматривает какую роль религиозная доктрина играет в законодательстве, анализирует и сравнивает ее в законодательстве РФ и ОАЭ.

Ключевые слова: религиозная доктрина, Шариат, Конституция, российское законодательство, законодательство ОАЭ.

This article provides a comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the United Arab Emirates at the meeting. The author examines the role of religious doctrine in the legislation, analyzes and compares it in the legislation of the Russian Federation and the UAE.

Keywords: religious doctrine, Sharia, Constitution, Russian legislation, UAE legislation.

Религиозная доктрина в законодательстве.

Действие юридической системы, как и других социальных установок, в немалой степени зависит от норм морали. Без нравственной потребности общества в справедливой правовой системе позитивных правовых изменений в государстве произойти не может. Справедливость «выступает своеобразным эталоном общечеловеческих ценностей, в соответствии с которым происходит оценка поступков людей и программируется воздаяние за них» [6].

Правовые нормы служат и должны служить проводниками морали, закреплять и защищать нравственные устои общества. И эффективность права во многом зависит от того, насколько полно, адекватно оно выражает эти требования. Сила законов увеличивается, если они опираются не только на власть (особый аппарат), но и на мораль. В свою очередь действие морали, как и других социальных норм, в немалой степени зависит от четко функционирующей юридической системы. Ведь все эти регуляторы составляют единое нормативное поле.

Если говорить проще, религиозная доктрина в законодательстве выступает в качестве правового регулятора, а также основой нормативно-правовых актов, на которую власть опирается при их составлении.

Мораль и право взаимодействуют в сфере деятельности органов правопорядка и отправления правосудия при анализе конкретных дел и материалов. Право оценивается с привлечением морально-нравственных критериев, без которых невозможно правильно определить признаки, например, таких деяний, как клевета, хулиганство, унижение, оскорбление чести и достоинства. В законе не может быть ничего, что не содержалось бы в правосознании, выступающем в качестве идейного источника норм права: «Для субъекта нравственная субстанция, ее законы и силы имеют в качестве предмета ту характерную черту, что они суть в высшем смысле, в смысле самостоятельности, абсолютный, бесконечно более надежный авторитет»

Религиозная доктрина в законодательстве РФ.

В достаточно сложных условиях формирования российского законодательства, возникших после развала Советского Союза, удалось тем не менее сформулировать правовую систему сегодняшнего дня, и безусловно существенную роль в этом сыграл «нравственный закон внутри нас», позволивший преодолеть проблемы того периода времени.

История развития религии на определенном этапе приводит нас к периоду образования системы управления в обществе, выстраивания так называемой вертикали власти. Авраамические религии и их религиозная догматика требовали неукоснительного подчинения политическим лидерам: «Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым… ибо такова есть воля Божия…» [7]. Обратим внимание на отражение данной религиозной догмы в ст. 115 Конституции РФ: «Правительство Российской Федерации издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение… Постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации обязательны к исполнению в Российской Федерации» [1]. Требование о подчинении верховной власти — исторически сложившаяся естественная основа государственного устройства. Однако стоит отметить: все демократические теории, признающие народ источником государственной власти, настаивают на легитимности нормоустанавливающего авторитета, который означает: кто творит норму, закон, должен иметь своего рода мандат от народа, действовать от его имени. Религиозные правоведы прошлого выводят моральные

основания права не из гипотетических предположений об отношении народа к государственной власти, но из некоторых «абсолютных» источников — воли Бога, духа и т. д., но от этого моральные основания религиозной догмы не менее принципиальны или последовательны.

Обратим внимание на Конституцию РФ, на схожесть и соответствие правовой нормы и религиозной догмы: носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно и через органы государственной власти, через референдум и свободные выборы. Такая либеральность канонических норм в общем и установок всех авраамических религий конца XVII века присуща, естественно, не всем текстам тех времен, но наличие таких взглядов и учений задолго до появления современных конституций уже говорит о хотя бы частичной, но интеграции религиозных учений в правовое поле и их закреплении в основных законах государств.

Более очевидным заимствованием является такая казалась бы архаичная норма, как порядок присяги Президента РФ, изложенная в ст. 82 Конституции РФ, т. е. его торжественная клятва перед народом, произносимая в соответствии с заранее определенным ритуалом в «торжественной обстановке». В период Средневековья и христианской культуры данной церемонии придавалось особое мистическое значение, ее смысл заключался в предоставлении божественного (высшего) согласия на правление, а для правителя было важно получить поддержку религиозных деятелей, так как влияние религии на общественное сознание было существенным. В современном мире присяга президента — это уже исторически сложившийся во многих демократических странах ритуал, и его отмена немыслима. Хоть «слово чести» или клятва на любой из книг Священного писания или на конституции не может служить ни доказательством, ни по сути особым сдерживающим фактором, но потребность самого общества в этом очевидна именно с точки зрения морально-нравственных установок, присущих человеку. Если согласиться с мнением, что основой российской системы права является мораль и нравственность нашего общества, в том числе религиозные установления, то этот факт должен неизбежно найти свое отражение в нормативных правовых актах Российской Федерации. В качестве очевидного примера отражения религиозных норм в праве можно привести такие заповеди христианской морали, как «не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй», которые берутся под защиту современным правом. Таким примером можно считать и главу 2 Конституции РФ, в которой закреплены права и свободы человека и гражданина. Именно сфера духовного восприятия человека, его мораль — основа религиозной догматики. Во многих статьях Конституции РФ, Всеобщей декларации прав человека 1948 года, других важнейших актах оценки права и морали сливаются.

Еще одним примером отражения религиозной догматики в законе является ст. 112 ТК РФ, согласно которой 7 января в России официально отмечается Рождество Христово [2]. Статья 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» указывает: «Гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в случае, если несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию» [3]. В данном случае мы получаем нормативное закрепление не только догматики авраамических религий (в них нет запрета на служение в армии для граждан), но видим отражение норм, запрещающих брать в руки оружие определенной категории граждан, к при-

меру, на основании указа Президента РФ от 29.05.2002 № 24 священнослужителям предоставлялось право отсрочки от призыва на военную службу (в 2008 году данный указ был отменен).

Религиозная доктрина в ОАЭ.

Если говорить о формировании законодательства ОАЭ, то оно построено на религиозной доктрине, а именно на шариате. Для подтверждения приведу 7 статью Конституции ОАЭ, согласно которой: «Ислам - официальная религия союза, шариат – официальный источник законодательства...» [5]

В исламской традиции термин «шариат» используется для обозначения, начертанного Аллахом пути, следуя по которому правоверный достигает мирского совершенства и благополучия, а после своей земной жизни может рассчитывать на божественную милость. Например, в содержащемся в Коране обращении Аллаха к своему посланнику: «Потом Мы наставили тебя, Мухаммад, на путь велений веры. Следуй же по нему …» (45:18) [4] - указанный путь назван по-арабски «шариатом». Общий лингвистический смысл этого термина становится яснее, если учесть его происхождение от глагола «ша-ра-а», который неоднократно встречается в Коране в значении предписывать, устанавливать что-либо в качестве обязательного (например, 42:13, 21).

Одновременно в исламской научной мысли утвердилось специальное, используемое при изучении ислама, определение шариата как совокупности обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и переданных им через своего Посланника – пророка Мухаммада. Такое понимание вызывает, по крайней мере, три вопроса и одновременно позволяет дать принципиальные ответы на них.

Во-первых, из приведенного выше определения достаточно очевидно, где следует искать предписания шариата. Ведь пророк Мухаммад оставил своим последователям два источника божественных заповедей. Ими являются Коран – священная книга ислама, непосредственно представляющая собой откровение Аллаха, и сунна пророка – собрание преданий (хадисов) о деяниях и изречениях последнего, которые также рассматриваются исламской мыслью как воплощение воли Всевышнего, хотя и выраженной в косвенной форме через описание поступков или передачу высказываний его посланника.

Во-вторых, сложившееся в исламской традиции определение шариата заставляет поразмышлять над тем, какие же конкретно предписания подразумеваются под шариатом. Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что, по мнению большинства исламских мыслителей, шариат состоит из трех частей – религиозной догматики, исламской этики и так называемых практических норм, регулирующих внешнее поведение людей. Причем нормативная часть шариата – не просто некое дополнение к исламской догматике и этике, а его важнейшая составляющая. Показательно, что некоторые направления исламской мысли вообще ограничивают шариат правилами внешнего поведения человека.

Важно иметь в виду, что в нормативном отношении шариат включает как культовые предписания, устанавливающие порядок исполнения сугубо

религиозных обязанностей, так и правила, регулирующие мирские взаимоотношения мусульман. Иначе говоря, шариат не исчерпывается постулатами, определяющими убеждения, внутренний мир и состояние религиозной совести мусульманина или же касающимися порядка совершения им религиозных обрядов. Не меньшее значение он уделяет проблемам повседневной жизни, поведению мусульман в мирской сфере – в их отношениях между собой, с властью и иноверцами.

В-третьих, в связи со сказанным естественно встает вопрос о том, насколько полно регулируют нормы шариата поступки человека. Является ли он всеобъемлющей системой социально-нормативного регулирования или ограничивается лишь установлением общих рамок поведения, оставляя частности за пределами своего внимания?

Относительно масштабов шариата как нормативной системы высказываются различные взгляды. Согласно одному из них, шариат содержит готовые правила поведения в любых ситуациях, а сам он представляет собой не имеющую пробелов систему норм, охватывающую все возможные поступки мусульман и досконально регулирующую их образ жизни. В общественном мнении немусульманских стран, да и среди многих последователей ислама преобладает представление, будто шариат – это всепроникающий и предельно детализированный комплекс правил поведения, регламентирующий каждый шаг и даже мысли мусульманина, все предписывающий ему заранее и не оставляющий никакой свободы выбора. В обыденном сознании шариат чаще всего воспринимается именно в таком виде, что наглядно прослеживается в широко распространенном, хотя и некорректном с научной точки зрения, выражении «законы шариата».

Заключение.

Таким образом, если сравнивать законодательство Российской Федерации и ОАЭ, то можно будет сделать вывод, что в каждой из них присутствует религиозная доктрина. Но в то же время они довольно разные. В законодательстве ОАЭ максимально превалирует религиозная доктрина по причине того, что данная страна религиозная, Ислам в ней является основной религией, а Шариат – главный законодательный источник права в стране. В России же религиозная доктрина играет не на столько огромную роль, как в ОАЭ. Одной из главных причин этого является то, что согласно Конституции РФ – «Россия – светское государство», что уже говорит о невозможности официального применения религиозной доктрины на законодательном уровне. Но стоит отметить, что религиозная доктрина в законодательстве РФ больше нужна в качестве морального и нравственного ориентира, которым могут руководствоваться законодатели при правотворческой деятельности.

При этом стоит отметить, что в российском правоведении нет единого взгляда на исламское (мусульманское) право, его соотношение с шариатом и фикхом, а также на взаимодействие в нем религиозного и юридического начал. Можно отметить два крайних подхода к этой проблематике. Согласно одному из них, исламское право, под которым подразумевается шариат, вообще не является юридическим феноменом или, в крайнем случае, представ-

ляет собой смесь права с религией и нравственностью. Причем в этом конгломерате право, по существу, не отделено от иных социальных регуляторов и даже занимает подчиненное по отношению к ним место. Неслучайно сторонники такого понимания подчеркивают, что сам термин «мусульманское право» используется лишь по традиции, поскольку в действительности он обозначает не юридическое в точном смысле, а более широкое социальное явление. В русле такой логики мусульманское право они называют «неотдифференцированным», поскольку в нем, якобы, юридические элементы не получили значительного обособленного функционирования.

Другая позиция формально исходит из существования исламского права в юридическом смысле. Об этом недвусмысленно говорит то, что ему отводится самостоятельное место в ряде исследований по теории права и практически во всех работах по сравнительному правоведению и правовым системам (семьям) современного мира. Очевидно, такой подход предполагает признание юридического характера исламского права. В противном случае его анализ в рамках юриспруденции выглядит нелогичным.

В целом, как отмечают авторитетные арабские ученые компаративисты, между позитивным правом, основанным на европейских образцах, и большинством исламских правовых принципов нет непреодолимых противоречий. Более того, есть все основания утверждать, что общие начала и преобладающая часть конкретных норм исламского права сходны с фундаментальными идеями и частными положениями других правовых систем, прежде всего европейских.

Но практика современного исламского права подтверждает, что национальные правовые системы, для которых характерно позитивное взаимодействие исламской и европейской культур, могут успешно развиваться. Такой опыт важен для немусульманских стран, где существенную долю граждан составляют мусульмане. К ним относится и Россия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – N 196-ФЗ. – Ст. 112.

3. Федеральный закон (ред. от 31.07.2020) «Об альтернативной гражданской службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 113-ФЗ. – Ст. 2.

4. Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. – Москва: Директ-Медиа, 2003. – 831 с.

5. Конституция ОАЭ, 1971 г.
6. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 3, 335, 336, 768.
7. Оганесян, С. С., Форре-Транзелева, О. А. Тора, Новый завет и Коран — закон, правопорядок и законопослушание. М., 2011. С. 105, 131, 527.

УДК 340

Гвинтовкин Михаил Владимирович,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: aavvmmoo@gmail.com

Gvintovkin Mikhail Vladimirovich,
postgraduate,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: aavvmmoo@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПРАВОВОЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ACTUAL PROBLEMS OF THE LEGITIMACY OF STATE POWER: LEGAL AND HISTORICAL ASPECT

В настоящей работе автором рассматриваются фундаментальные теоретические проблемы о легитимности государственной власти. Отдельное внимание уделяется анализу теоретических трудов отечественных ученых, поднимающих проблему законности и обеспечения государственности силой принуждения при любом политическом строе.

Ключевые слова: современное государство, государство, теория, власть, право, развитие

In this paper, the author examines fundamental theoretical problems about the legitimacy of state power. Special attention is paid to the analysis of the theoretical works of Russian scientists who raise the problem of legality and ensuring statehood by force of coercion in any political system.

Keywords: modern state, state, theory, power, law, development.

Актуальность настоящей работы определяется сущностью поднимаемой научной проблематики для рассмотрения, в частности, во все времена государственная власть оставалась наиболее важным атрибутом всего государства. В настоящее время, цивилизованное и просвещенное демократическое общество, выражает сущность государственной власти на основе принципа народовластия, который для демократического общества является, пожалуй, наиболее основополагающим.

Источником народовластия, является не какая-либо божественная воля, не какие-то харизматические тонкости в поведении правителя (главы)

государства, а суверенитет народа. Именно народ и является властью, чья воля выражена в фундаментальном законе страны – Конституции РФ, там же определяется форма осуществления власти, а также характер государственной власти.

Определенно, для развития и укрепления государственной власти, требуется соблюдение определенных критериев, таких как: единообразие; законность; неуклонное исполнение нормативно-правовых актов в обществе.

Из этого следует, что государство и государственная власть, это особо важный элемент в общественной жизни. С помощью этого элемента представляется возможным эффективно руководить обществом, экономически развиваться в рамках единой кооперации и коммуникации.

Об этом свидетельствуют государственные механизмы, которые созданы в аппарате государственной власти, например, принятие нормативно-правовых актов как внутри государства, так и в международных правоотношениях стран.

Безусловно, актуальность темы данной работы обуславливается также и большой подвижностью прогресса как научного, так и технического. Это подтверждается прогрессивностью научных мнений на тему легитимности государственной власти в контексте автоматизации многих управленческих и административных процессов, где цифровые технологии в настоящее время занимают центральное место в аспекте развития цифрового правительства.

Исходя из чего, с большой скоростью трансформируются практически все существующие общественные отношения в государстве, трансформируя одновременно и повседневную жизнедеятельность общества до неузнаваемости (ИТ — сфера, смарт-контракты и многое другое), предопределяя тем самым необходимость по-новому исследовать аспект легитимности государственной власти.

Рассматривая вопрос, связанный с исследованием понятий о государственной власти в теории государства и права, наиболее приемлемое и более широкое по мнению автора, следующее – это способность и возможность осуществлять волю императивно, которая опирается исключительно на законы, даже вопреки мнению того или иного индивидуума (стороны). Совершенно справедливо можно отметить, что отношение власти в социуме, является очень ассиметричным, она предполагает: доминирование; господство, которое может быть навязано социуму, как добровольно, так и против его воли – императивно (под различными приемами психического, идеологического и иного воздействия).

Важность сознательной социальной деятельности граждан в различных сферах общественных отношений образуется из осознанной деятельности, где необходимо следовать строго заданными правилам поведения, диктуемых государством.

То, что автор работы обозначает понятием коллектив, это достаточно современное и прогрессивное понятие, выделяемое в области вопросов государственной власти наукой теории государства и права.

Можно справедливо утверждать, что коллектив – это особая форма социальной общности, которую также можно именовать, как – государ-

ственно-организованное общество той или иной страны. Данному обществу характерны все признаки государства, а наиболее выраженным признаком государственной власти является целостность, которая формируется из совокупности элементов.

Таким образом, власть государства представляет собой не частную на примере семейных взаимоотношений, а – публичную. Такая власть действует от имени всего общества, даже если, рассматривая на примере властей с политической моделью социализма: КНДР; Кубы; Китая [4, с. 5].

Власти данных стран заявляют о классовой принадлежности и характере власти на основе данных элементов. Они выделяют, что окончательный вектор, по которому идет развитие страны, а также видит своей конечной целью служение коренным интересам всего общества, а также долговременной национальной идее общества.

Так, на примере трудов К. Маркса [8], власти данных стран описывают, как представляется возможным перерасти из диктатуры пролетариата в конечную цель – создание самого справедливого общества без капиталистических основ — социальное общество, а как следствие в будущем коммунистическое общество, которое представляется идеальной моделью и движущей силой для государственной власти и правления.

Политическая власть, в основном получает свое выражение в государственной власти, но в исключительных случаях бывают другие формы политической власти. Так, примером такой власти – политической, но не государственной можно охарактеризовать период 1917 года, когда в условиях двоевластия власть Советов, в феврале 1997 года была преобразована в государственную власть, откуда и берет свое начало СССР.

Так под политической властью, следует понимать – возможность, а равно способность группы лиц, либо одной личности контролировать поведение социума, а также их действия, опираясь при этом на выдвигаемые принципы идеологии, которые движут данной возможностью. Следует отметить, что данное понятие возможно считать справедливым, если относить понятие политическая власть и государственная власть – тождественными между собой.

Исходя из анализа теоретических трудов, сделанных в области науки теории государства и права, под основными чертами политической власти, нами понимается:

четкий алгоритм и механизм практической реализации политических решений власти;

необходимость наличия субъекта и объекта политического управления, можно выделить, что субъекты могут делиться также на:

1) первичные – это очень большие социальные группы, которые выдвигают свои социально значимые на их взгляд требования при осуществлении ими политической деятельности;

2) вторичные – это политические партии (политическая и экономическая элита), органы государственной власти (полиция и другие [16]):

закрепление в нормативно-правовых актах государства полномочий субъекта правления;

легитимность власти, которая включает в себя как поддержку обществом, а также законное основание получения данной власти, по мнению автора работы является чрезвычайно важной чертой в политической власти;

принцип функционального разделения власти [1, с. 34].

Из этого следует, что государственная власть наиболее представлена главенствующей по отношению к политической власти исходя из чего, предлагается обратить внимание на общепринятые в науке теории государства и права – признаки государственной власти [15]:

государство выступает в роли официального мнения всего народа, всего общества. Исключительно государство уполномочено действовать от имени всего общества, централизованно на территории всего государства, опираясь при этом на централизованный свод законов, которые реализуются при помощи государственного механизма в лице органов исполнительной власти и уполномоченных должностных лиц.

верховенство государства в обществе, исключительно государственная власть является главной в обществе. Данная власть суверенна, осуществление всех других властных действий, а также разновидностей власти подконтрольны внутри государства централизованной власти государства;

государство при регулировании общественных взаимоотношений выступает в роли арбитражного управляющего всеми процессами, но примечательный факт, наверное, более очевидный, что государство в первую очередь защищает и охраняет в таких процессах интересы экономических доминирующих классов, а также слоев населения и наиболее влиятельных политических элит;

основное отличие государственной власти от политической, это централизованность и формализованность по соотношению к конституции основным законам, систематизировано работает в соответствии с предписаниями, защищая интересы общества в различных сферах правоотношений в равной степени, не имея дисбаланса в отличии от политической власти, которая делает как правило акцент на наиболее уязвимые сферы общественной жизни, которые нуждаются в усилении помощи от государства и так далее

Так, под сущностью государственной власти опираясь на вышеизложенный материал, следует понимать, что это основополагающая категория (фундаментальная) в науке теории государства и права, альтернативно определяемый, некоторыми учеными, как феномен жизнедеятельности граждан в одном обществе.

Власть, являясь основополагающим признаком государства, предопределяет, кто ей может обладать только – государство и лишь оно обладает все полнотой и совершенно легитимной составляющей всех элементов государства, что по своей сущности тождественно понятию власть в соотношении понимания слова «государственная» [3, с.11].

Автор полагает, что остальные социальные общности, а также коллективы обладают лишь частичной властью и не имеют такого мощного государственного аппарата с тяжелым структурированным аппаратом власти и механизмом ее осуществления – воплощения в жизнь.

Также следует понимать, что все общности и коллективы, которые образуются внутри государства, нуждаются для своего существования и осуществления своей деятельности в подконтрольности и санкции со стороны государственной власти, что очень примечательный и важный аспект, на который следует обращать особое внимание.

Исторический сложившимся фактом считается по праву последующий вопрос легализации государственной власти в обществе, под этим понимается правовое (юридическое) провозглашение правомерности принимаемых государством решений, а также порядка деятельности органов власти, а также сочетания правового регулирования, не отступая от основных принципов и положений Конституции [7].

Нормативно-правовые акты, издаваемые от имени государства и государственной власти, по своей сущности легализуют то или иное волевое явление лиц, находящихся на должностях в государственной власти, а равно осуществляют волеизъявление граждан, которые выбрали их на данные должности прямым или косвенным путем.

Легализация осуществляется различными способами, к примеру, путем референдума, в пример можно привести принятие Конституции РФ в 1993 году, именно тогда были заложены основные базовые понятия о государственном механизме, государственной власти, а также тех демократических основах, на основе которых и существует наше государство в настоящее время. Рассматривая данный пример, следует отметить, что именно после принятия основного закона и легализовалась власть, которая и образовалась после фактического роспуска Съезда народных депутатов, Совета Федерации и т. д.).

Совершенно ясно, что нормативно-правовые акты, которые принимаются государством – должны соответствовать не только интересам различных групп и сфер общественных правоотношений, но также и выражать принципы общечеловеческих ценностей, гуманистических принципов международного права и иных.

Отсюда следует возможность для формирования авторского понятия легитимной государственной власти, под которой понимается – власть, отвечающая требованиям и представлениям граждан о справедливости, законности, обоснованности, морали и правильности осуществляемой деятельности государством опираясь на конституционные принципы государственной власти.

В науке теории государства и права выделяются различные теории относительно видов и типов легитимности государственной власти, наиболее популярными и, по мнению автора настоящей работы, правильными считается мнение немецкого теоретика и политолога М. Вебера, который в 1864 году еще ввел различие основных форм легимитизации государственной власти: харизматическую; рациональную; традиционную.

Кратко раскрывая содержание каждого типа, следует отметить особые характерные черты: 1) харизматический: легимитизация в основном обуславливается особыми качествами, которые присутствуют в политических деятелях. Харизмой обладали такие великие личности как: Чингизхан, Сталин, Гитлер, Наполеон и другие [5, с. 52]; 2) рациональное – говорит само за

себя, общество в данном типе в основном позиционирует свое мнение на рассудочной оценке населения, например низкие рейтинги президента, эффективности правительства и иных органов государственной власти. Все это может проявляться также и в позитивном действии власти: деятельность на благо населения; 3) традиционная, в основном находит свое теоретическое начало в традициях, обычаях населения.

Наиболее ярким проявлением традиционной в наше время являются страны, созданные на крепком фундаменте религиозных представлений о своей жизни и жизни всего общества. Например, Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт и другие – исповедующие категорический (строгий) ислам [2, с. 99].

Исходя из вышеизложенного, следует, что утрата государством легитимности не влечет за собой исключительно юридической ответственности, что является историческим фактом, подтверждающимся по сей день, на примере стран из Ближнего Востока, таких как Ливия. Низкие рейтинги Правительства, политических деятелей, президента не влекут за собой само по себе смену таковых.

Можно также отметить, что падение и изменение той или иной легитимности государственной власти, законным способом как правило проявляется на законно проведенных выборах, когда те или иные депутаты не избираются, тот или иной президент терпит поражение на выборах, партия теряет власть и другие проявления подобного характера.

Следует отметить, что алгоритмы и понятия, даваемые в ходе исследования тематики легитимности и законности государственной власти являются очень деликатным дискуссионным вопросом в науке теории государства и права, а также политологии, где по настоящее время не утихают различные научные споры на этот счет.

На основе проведенного исследования – можно сделать вывод, что в современном демократически развитом обществе необходимо добиваться повседневного следования механизму государственной власти, а также предписаниям, которые они реализуют. Именно таким алгоритмом позволит сформировать справедливое, законное, экономически здоровое общество.

Существующие предпосылки автоматизации государственного управления являются всего лишь инструментами для достижения более эффективных результатов легитимно избранной власти, а как следствие этого отсутствуют существенные предпосылки для исследования обозначенной проблематики на более углубленном научном уровне в форме фундаментальных исследований, по мнению автора настоящей работы.

Список литературы

1. Антонов, О. В. Социально-философский анализ условий легитимности государственной власти // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 34.

2. Безкоровайная, Ю. Е. Кризис легальности и легитимности государственной власти в контексте формирования «Сильного» государства // Вестник КрасГАУ. 2010. № 11. С. 98-99.

3. Безкоровайная, Ю. Е. К вопросу о понятиях «Легальность» и «Легитимность» государственной власти в теории права // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2010. № 2. С. 11.

4. Жилинская, В. С. Легитимность государственной власти: теория и реальность // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 5-8

5. Зайцева, Г. А. Классификация и типология легитимности государственной власти // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 50-52.

6. Иванников, И. А. Легитимность и эффективность государственной власти в России: теоретико методологический анализ // Пространство экономики. 2009. № 4-3. С. 47-50.

7. Иванов, Р. Л. Легитимность государственной власти // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2012. № 1 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/legitimnost-gosudarstvennoy-vlasti.

8. Гобозов, И. А. Маркс и наука // Философия и общество. 2018. № 3 (88). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marks-i-nauka.

9. Бороздина, М. С., Свиридкина Елена Викторовна Юридическая аномия в легитимации институтов государственной власти: консервативный и социал-демократический аспекты // Философия права. 2011. №4. С. 40.

10. Иванченко, Ю. А. Конституция как основа легитимности государственной власти // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №6. С. 36.

11. Комаров, А. С. Гражданская свобода как основа легитимности государственной власти // Вестник Марийского государственного университета. 2013. №11. С. 9-10.

12. Комбарова, Е. В. К вопросу о легитимности органов государственной власти Российской Федерации // Вестник СГЮА. 2013. №4 (93). С. 97-98.

13. Прудников, А. С., Иванченко, Ю. А. Теоретико-методологические основания исследования власти государства в контексте легитимности права на власть // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovaniya-issledovaniya-vlasti-gosudarstva-v-kontekste-legitimnosti-prava-na-vlast.

14. Прудников, А. С., Иванченко, Ю. А. Содержательные характеристики правовой легитимности государственной власти в системе функционирования общественных отношений // Вестник экономической безопасности. 2018. №2. С. 41.

15. Назарова, Н. А. Признаки общественного договора в государственных системах в XXI веке // Право и современные государства. 2018. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-obschestvennogo-dogovora-v-gosudarstvennyh-sistemah-v-xxi-veke (дата обращения: 20.03.2023).

16. Пожарский, Д. В. Российское государство и полиция в системе конституционных ценностей // Труды Академии управления МВД России. 2019. №1 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-gosudarstvo-i-politsiya-v-sisteme-konstitutsionnyh-tsennostey (дата обращения: 20.03.2023).

УДК 34.01

Герасименко Алена Сергеевна,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)

Gerasimenko Alena Sergeevna,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: gerasimenko03@mail.ru

E-mail: gerasimenko03@mail.ru

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE MODERN WORLD

В статье рассматриваются понятия, классификация прав и свобод человека и гражданина в современном мире. Приводятся примеры из международного и российского законодательства, где показано, как защищаются и охраняются данные права и свободы и почему они так важны для современного общества.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, Конституция РФ, Всеобщая декларация прав человека (от 10 декабря 1948 года), личные права, политические права, социально-экономические и культурные права.

The article discusses the concepts, classification of human and civil rights and freedoms in the modern world. Examples from international and Russian legislation are given, which shows how these rights and freedoms are protected and protected and why they are so important for modern society.

Keywords: human and civil rights and freedoms, the Constitution of the Russian Federation, the Universal Declaration of Human Rights (dated December 10, 1948), personal rights, political rights, socio-economic and cultural rights.

В первую очередь необходимо определиться с терминами, которые звучат в названии данной статьи «право» и «человек». Право в объективном смысле представляет собой систему юридических норм, которая регулирует правоотношения. В известной степени законодательство является одной из форм существования права. Право в субъективном смысле является набором правомочий, объединенных общим содержанием и назначением в интересах управомоченного лица [1, с. 9]. Речь идет о различных правах человека, таких как право на жизнь, право на личную неприкосновенность, свободу вероисповедания, а также право проводить различные митинги и собрания, которые не будут противоречить законодательству данного государства. Как раз носителем этих субъективных прав и является сам человек. Но термин «человек» подразумевает собой, любое физическое лицо вне зависимо от его положения в обществе, статуса и каких-либо особенностей. Другой же термин «гражданин» представляет собой более узкое значение, то есть это уже некая устойчивая правовая связь человека с государством, наличие взаимных прав и обязанностей друг перед другом. Как раз не человек создан для государства, а государство для человека — таков главный принцип построения этих правоотношений.

Так «права человека» применяются абсолютно ко всем людям, независимо от времени, места его прибывания, расовой, этнической принадлежности, языка, религии...

А «права гражданина», таким образом, связаны с фактом гражданства, принадлежности лица к определенному государству, а также с действиями государственных органов и нормативно-правовых актов на территории данного государства. Приоритет человека перед государством позволяет осознать его место в гражданском обществе. Это место не определяется государством, оно неотъемлемо принадлежит человеку и реализуется в меру его способностей и инициативы. Гражданское общество тем и отличается от общества тоталитарного типа, что оно развивается на основе саморегулирования. Государство регулирует поведение человека только в определенной мере, так, чтобы не затронуть его права и свободы и обеспечить интересы, которые будут удовлетворять потребности всего общества Такое понимание соотношения человека, общества и государства подчеркивает гуманистическую сущность конституционного строя [2, с. 116].

Естественно, что не любой человек имеет статус гражданина, хотя сохранившееся в большинстве современных деклараций и конституций деление на права человека и права гражданина, впервые понятие «права человека», данные человеку от рождения и до самой смерти, было прописано во французской «Декларации прав человека и гражданина», которая действует по сей день, где как раз в Ст. 1 говорилось, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе» [3, с. 50-60]. Именно «забвение прав человека» по мнению создателей – это причины всех недовольств и общественных конфликтов. Этот документ положил начало в системе разработки других нормативно-правовых документов, которые будут действовать на территории не только одного государства, но и многих стран мира.

Одним из наиболее важных документов для человечества стал так же, Устав ОНН, принятый в 1945 году, по окончании второй мировой войны. Устав ООН прямо не включает Международный билль о правах человека, но все же ряд статей этого Устава касается сферы защиты прав и свобод человека, задавая направление международной правозащитной деятельности. Для этого стоит выделить ст.1 Устава ОНН, в которой мы можем наблюдать, что Организация Объединенных Наций преследует цели: «поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира», «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира». То есть именно эти положения указывают на необходимость создания определенного правового фундамента для государств в различных сферах для достижения компромиссов, сдерживания вооруженных конфликтов, выработки определенного комплекса поведения для общества и существующих в нем людей, где будет в первую очередь обеспечиваться уважение прав человека и гражданина.

Принцип уважения прав человека получил прямое закрепление значительно позже – в Хельсинкском акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [5, с. 104].

Особое внимание в вопросе о правах человека и гражданина стоит уделить рекомендованному для всех стран-членов ООН документу, который

был принят на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А от 10 декабря 1948 года. Текст Декларации является первым масштабным определением прав, которыми обладают все люди. Он состоит из 30 статей и является частью Международного билля о правах человека наравне с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, Международным пактом о гражданских и политических правах, двумя Факультативными Протоколами [1, с. 110].

Международный билль о правах включает в себя несколько международных документов, закрепляющий и регламентирующий стандарты прав человека на глобальном уровне. К ним относят: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; Всеобщая декларация прав человека 1948 г.

Немного подробнее стоит остановиться на Всеобщей декларации прав человека, она была принята Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г и стала первым кодифицированным документом, где был представлен перечень основной прав и свобод человека. Составители этого документа опирались на знаменитый Кодекс Наполеона, принятый во Франции в 1804 г. Уже окончательная структура была сформирована и утверждена во втором проекте, который был подготовлен французским юристом Рене Кассеном.

Сама декларация состоит из следующих элементов: статьи 1-2 устанавливают основные понятия свободы, равенства и достоинства; статьи 3-5 устанавливают право на жизнь, запрет рабства и применение пыток ;статьи 6-11 включают в себя право на признание субъективности человека, восстановлении в правах, защиту от дискриминации и ни кто не может быть подвергнут произвольному аресту или задержанию; в статьях 12-17 прописаны право на собственность и право на гражданство, а также предоставляется свобода передвижения и проживания; статьи 18-21 санкционируют так называемые «конституционные свободы», а также духовные, общественные, политические свободы, такие как свобода мысли, мнения, их выражения, религии и совести, свобода объединения, а также получения и распространения информации и идей через любые средства массовой информации;

статьи 22-27 закрепляют экономические, социальные и культурные права человека. Включает в себя право на охрану здоровья, поддержку права на достаточный уровень жизни, предусматривает дополнительные приспособления в случае физического истощения или инвалидности, и особо отмечает заботу о тех, кто находится в материнстве или детстве; статьи 28-30 устанавливают общие способы осуществления этих прав и области, в которых права личности не могут быть применены.

Всеобщая декларация прав человека является по своей сути международным документом, носящим рекомендательный характер. Из указанного допустимо сделать вывод о том, что Всеобщая декларация прав человека является международным документом, устанавливающим универсальные, базовые подходы и принципы к реализации прав человека и их дальнейшей разработке. Соответственно и права человека, закрепленные в данной декларации также допустимо назвать универсальными. Принятие Всеобщей декларации прав человека не стало концом и завершающим моментом в создании международных стандартов прав человека, а наоборот с именно с этого момента начался этап дополнений и развития концепции прав человека и гражданина.

Российская Федерация идет по схожему, но неидентичному пути. Россия также использует конституционно-правовые механизмы для закрепления и защиты прав человека на своей территории, однако государственные стандарты, определяющие права и свободы человека и гражданина и их соблюдение, не распределены между несколькими конституционно-правовыми актами, а сосредоточены в тексте основного закона-Конституции РФ.

Конституция РФ, принятая на Всенародном голосовании 12 декабря 1993 года, опирается на естественное право и общепризнанные нормы международного права, которые носят содержание обязательства и императивный характер, не допускающий выбора, а требует обязательного подчинения. Права и свободы человека и гражданина, их содержание, методы реализации и механизм защиты занимают особое место в Конституции РФ 1993 г., что соответствует одному из основных положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г. о необходимости обеспечения в каждом государстве охраны прав человека властью и этот принцип конституирован в качестве одной из основ конституционного строя РФ. Так, в Конституции РФ в 66 статьях прямо или косвенно затрагиваются вопросы прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, и роль государства в их признании и защите.

В учебнике А. В. Тремоухова «Права человека говорится, что в юридической литературе особенно распространена классификация конституционных прав и свобод человека и гражданина по сферам жизнедеятельности. Таким образом мы выделяем следующие группы: 1) личные права (гражданские права); 2) политические; 3) социально-экономические; 4) культурные.

Личные или гражданские права занимают ключевую и главную роль в системе механизма прав и свобод человека и гражданина, поскольку они являются не только неотъемлемыми, но и не могут быть никем ограничены. Здесь для примера можно обратиться к Конституции РФ, где в статье 17 сказано: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения», статья 19 гласит: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Помимо этого, можно привести еще статьи, регламентирующие личные права, среди них отмечены: право на жизнь каждой личности (ст. 20 Конституции РФ), ее человеческое достоинство (ст. 21 Конституции РФ); свобода индивида и его личная неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ); право на неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, защита своей чести и доброго имени, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; неприкосновенность жилища (ст. 23); определение своей национально принадлежности, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, а также право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст. 26, 27); сюда же относятся свобода слова и мысли и, как конкретное проявление указанного права, свобода совести и вероисповедания (ст. 28) [9].

Вышеперечисленные права связаны одним стержнем, одним стратегически основным правом -правом каждого человека на жизнь. Все же остальное, касаемо разных сфер жизни, находится вокруг него.

Гарантом самой Конституции РФ и в обязательном порядке прав и свобод человека и гражданина является Президент РФ, имеющий широкие полномочия, об этом прописано в 80 статья Конституции РФ [9]. Конституция РФ предусматривает существование государственной должности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [10, с 102-103].

Политические права и свободы позволяют человеку оказывать влияние на органы государственной и публичной власти, с обладанием гражданства (право избирать и быть избранным, свобода мысли и слова, свобода на создание профсоюзов, проведение митингов, шествий) [9]. В Российской Федерации для обеспечения свободы слова и свободы мысли гарантируется также и свобода средств массовой информации.

Социально-экономические права и свободы – это права, призванные давать гарантию и возможность человеку удовлетворять его жизненные потребности и получать от государства защиту своей экономической свободы и социальных льгот. К социально-экономическим правам относят: право частной собственности и право, то есть . владения, распоряжения и пользования своим имуществом (ст. 35, 36 Конституции РФ); право наследования (ст. 35 Конституции РФ); свобода промышленности и торговли – отсутствие внутренних барьеров для обмена товаров и движения денежных средств (ст. Конституции РФ); право на труд – то есть право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности, профессию (ст. 37 Конституции РФ); право на безопасные условия труда (ст. 37 Конституции РФ); право на отдых (ст. 37 Конституции РФ); право на жилище (ст.40 Конституции РФ); право на охрану здоровья и получения медицинской помощи (ст. 41 Конституции РФ) [9].

Далее стоит обратить внимание и на культурные права и свободы человека и гражданина, направленные на развитие и совершенствования духовного, нравственного мира, умственных способностей и патриотизма, любви к своей Родине.

К культурным правам в соответствии с Конституцией РФ относятся: право на образование, на общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования (ст. 43 Конституции РФ), право на бесплатное получение на конкурсной основе высшего образования (ст. 43 Конституции РФ), свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (ст. 44 Конституции РФ), право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции РФ).

Из объема и содержания, предусмотренных Конституцией прав и свобод человека, их соответствия международным стандартам по защите прав человека, а также механизма, направленного на защиту этих прав можно сказать, что Конституция РФ создала правовую основу для развития гражданского общества и демократического государства. Она стала главным нормативно-правовым средством обеспечения прав и свобод личности, реализация которых преобразило общество и государство.

Проблема развития прав и свобод человека и гражданина на всех этапах развития имеет колоссальное значение, теперь абсолютно каждый человек имеет все возможности для защиты, реализации, отстаивания, развития своих прав как человека и гражданина в современном обществе.

Список литературы

1. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина : учеб. пособие / Т. М. Резер, Е. В. Кузнецова, М. А. Лихачев / [под общ. ред. Т. М. Резер] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 9 с

2. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. Б14 для вузов / М. В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма, 2007. - 116 с

3. Глушков, Х. С. «Декларация прав человека и гражданина» и начало современного французского парламентаризма // Вопросы всеобщей истории. 2015. № 2. С. 50-60

4. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина : учеб. пособие / Т. М. Резер, Е. В. Кузнецова, М. А. Лихачев / [под общ. ред. Т. М. Резер] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 110 с

5. Абашидзе, А. Х. Договорные органы по правам человека : учеб. пособие. М., 2012. С. 104

6. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. Нью-Йорк: Деп. обществ. информ. ООН, 1994.

7. ООН. Всеобщая декларация прав и свобод человека: принята Генер. Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Рос. газета. — 1995. — 5 апр.

8. Тремоухов А. В. Права человека: учебник СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

10. Шумилина, А. Б. Личные (гражданские) права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: мат. Всерос. науч.-теорет. конф. (Ростов-на-Дону, 09 апреля 2015 г.). Р-н/Д, 2015. С. 125.

11. Бродская, В. А. Личные права человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект / В. А. Бродская // Молодой ученый. — 2019. — № 28 (266). — С. 102-103. — URL: https://moluch.ru/archive/266/61621/ (дата обращения: 14.03.2023).

12. Лихобабин, В. С. Классификация конституционных прав и свобод человека и гражданина / В. С. Лихобабин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 20 (415). — С. 339-342. — URL: https://moluch.ru/archive/415/91803/ (дата обращения: 15.03.2023).

УДК 349.442

Звягин Денис Геннадьевич,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: d.g.zvyagin@mail.ru

Zvyagin Denis Gennadievich,
postgraduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: d.g.zvyagin@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

STATE-LEGAL REGULATION BUILDING INFORMATIONAL MODELING

Статья посвящена развитию технологий информационного моделирования на территории Российской Федерации, а также их государственно-правовому регулированию. В статье рассматривается текущий порядок регулирования архитектурно-строительного проектирования, способы обеспечения соблюдения требований безопасности – соответствие реализуемого объекта капитального строительства требованиям технических регламентов. Рассмотрены основные действующие правовые акты, а также документы в области стандартизации, регламентирующие порядок использования технологий информационного моделирования в строительстве. Учитывая высокую зарегулированность строительной отрасли, систематическое внесение изменений в регламентирующие документы и одновременно с этим инертность норм права в отношении потребностей субъектов правоотношений, в целях недопущения снижения инвестиционной привлекательности реализуемых строительных проектов предлагается не распространять обязательные требования при применении технологий информационного моделирования для застройщиков, реализующих проекты за счет инвестиционного капитала.

Ключевые слова: строительство, технологии информационного моделирования, государственное регулирование, нормативные правовые акты, стандартизация

The article is devoted to the development of technology of building informational modeling in the territory of the Russian Federation, as well as its state-legal regulation. The article discusses the current regulation of architectural and construction design, methods of ensuring compliance with safety requirements - compliance of the implemented capital construction project with technical regulations. The main valid legal acts, as well as documents in the field of standardization that regulates the procedure for using of building informational modeling in construction were also considered. Taking into account the high regulation of the construction industry, systematic changes in regulating documents and at the same time the inertness of legal norms regarding to the needs of legal entities, in order to prevent a decrease in the investment attractiveness of implemented construction projects, it is proposed not to apply mandatory requirements for the applying of building informational modeling for developers that implements projects with investment capital.

Keywords: Construction, building informational modeling, government regulation, regulatory legal acts, standardization.

Архитектурно-строительное проектирование осуществляется путем подготовки проектной документации, рабочей документации применительно к объектам капитального строительства и их частям, строящимся, реконструируемым в границах земельного участка.

Проектируемый объект капитального строительства должен соответствовать всем нормативным требованиям, установленным законодателем. В частности, санитарно-эпидемиологическим требованиям, требованиям в области охраны окружающей среды, требованиям государственной охраны объектов культурного наследия, требованиям к безопасному использованию атомной энергии, требованиям промышленной безопасности, требованиям к обеспечению надежности и безопасности электроэнергетических систем и объектов электроэнергетики, требованиям антитеррористической защищенности объекта, и самое главное – требованиям технических регламентов [1].

Соблюсти требования технических регламентов возможно несколькими путями. Правительством Российской Федерации утверждаются перечни национальных стандартов и сводов правил (ГОСТ, СП, СНиП), в результате применения которых на обязательной и добровольной основе обеспечивается соблюдение требований технических регламентов (далее также «обязательный перечень» и «добровольный перечень»). В случае отсутствия требований, требования безопасности должны быть обоснованы одним или несколькими способами из следующих способов:

1) результаты исследований;

2) расчеты и испытания, выполненные по сертифицированным или апробированным иным способом методикам;

3) моделирование сценариев возникновения опасных природных процессов и явлений и техногенных воздействий, в том числе при неблагоприятном сочетании опасных природных процессов и явлений, и техногенных воздействий;

4) оценка риска возникновения опасных природных процессов и явлений и техногенных воздействий [2].

В целях сокращения административных барьеров и снижения обязательных правил при проектировании с 1 сентября 2022 года в «обязательный перечень» внесены крайне важные и существенные изменения. «Обязательный перечень» был максимально сокращен, так, в нем остался только один межгосударственный стандарт (ГОСТ) и четыре Свода правил (СП) [3].

Эти изменения фактически уничтожили институт специальных технических условий.

Одной из целей цифровой трансформации является формирование и развитие цифровой системы управления жизненным циклом объектов капитального строительства. Одним из важнейших механизмов достижения данной цели является применение технологий информационного моделирования [4].

В рамках цифровой трансформации строительной отрасли вновь проектируемые объекты капитального строительства, финансируемые с привлечением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, должны реализовываться с учетом требования о необходимости формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства [5].

В состав проектной документации и рабочей документации, разрабатываемых в отношении объектов капитального строительства, реализуемых с привлечением бюджетных средств, в обязательном порядке включается информационная модель объекта капитального строительства, представляющая собой совокупность взаимосвязанных сведений, документов и материалов об объекте капитального строительства, формируемых в электронном виде на этапах жизненного цикла объекта капитального строительства.

Практический опыт применения технологий информационного моделирования и информационных моделей объектов капитального строительства позволяют сделать вывод, что применение этих технологий действительно позволяют, в том числе, существенно снизить затраты на строительство и повысить качество выполняемых работ. В частности, использование информационных моделей позволяет оптимизировать процессы проектирования. При проведении проектных работ используется единое информационное пространство, содержащее детальную информацию о каждом этапе и каждом проектируемом элементе. При этом графические данные хранятся в том же виде, в котором они смоделированы: в виде трехмерной модели. Это позволяет не только визуализировать будущее здание, но и высчитать его параметры и свойства с большей точностью по сравнению с обычным процессом проектирования. Информационная модель позволяет точнее рассчитать сметную стоимость строительства (в том числе с учетом возможности выгрузки для этого данных из информационной модели) и эксплуатации здания. Обновление данной информации доступно в процессе планирования, проектирования и строительства. Она используется для расчета бюджета и дает возможность просчитать все возможные затраты на строительство с существенно большей точностью [6, 7].

Кроме того, при использовании информационной модели все изменения в проекте (в том числе, и те, которые происходят в процессе строительства) сохраняются в единой базе данных. Это позволяет оперативно реагировать на изменения, а также уменьшить количество ошибок, допущенных в процессе строительства. Таким образом, применение информационной модели в строительстве значительно повышает точность расчетов, снижает затраты на проектирование и строительство, а также дает возможность внедрить новые инновационные технологии в строительную индустрию.

Формирующийся правовой институт государственно-правового регулирования технологий информационного моделирования в сфере проектирования и строительства идет в ногу с цифровизацией, в том числе в части взаимодействия с контрольным и разрешительными органами государственной власти [8].

Рассмотрим нормативно-правовое регулирование технологий информационного моделирования.

1 уровень. Федеральные законы:

Федеральный закон от 29.11.2004 № 190-ФЗ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» – установлено определение термина «Информационная модель объекта капитального строительства», общие положения об информационной модели и классификаторе строительной информации [1].

2 уровень. Подзаконные акты:

Постановление Правительства Российской Федерации от 15.09.2020 № 1431 «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели…» – утверждены правила формирования и ведения информационной модели, состав сведений, документов и материалов, включаемых в информа-

ционную модель, а также требования к форматам электронных документов. Установлена опциональность разработки цифровой (трехмерной) модели. Срок действия данного документа истек 1 марта 2023 года, однако сейчас на публичных обсуждениях находится аналогичный проект постановления, регулирующий все вышеуказанные аспекты и содержащий аналогичные требования [9].

Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2021 № 331 «Об установлении случая, при котором застройщиком, техническим заказчиком обеспечиваются формирование и ведение информационной модели объекта капитального строительства» – установлены случаи, когда формирование и ведение информационной модели является обязательным [5].

Постановление Правительства Российской Федерации от 12.09.2020 № 1416 «Об утверждении Правил формирования и ведения классификатора строительной информации» – утверждены правила формирования и ведения классификатора строительной информации [10].

Постановление Правительства Российской Федерации от 20.12.2022 № 2357 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2021 г. № 331» – установлено поэтапное распространение информационных моделей на весь жизненный цикл объектов капитального строительства в области жилищного строительства. С 1 сентября 2023 года формирование и ведение информационной модели для объектов, строительство которых регулируется 214-ФЗ, становится обязательным [11].

Постановление Правительства Российской Федерации от 28.09.2020 № 1558 «Правила предоставления доступа органов к сведениям, документам, материалам, содержащимся в ГИСОГД РФ» – установлено, что классификатор строительной информации имеет статус подсистемы государственной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности (ГИСОГД). При разработке цифровой информационной модели к элементам должны быть присвоены классы в соответствии с классификатором строительной информации [12].

Постановление Правительства Российской Федерации от 13.03.2020 № 279 «Об информационном обеспечении градостроительной деятельности» – утвержден раздел ГИСОГД «Информационные модели объектов капитального строительства», в котором размещаются сведения документы и материалы [13].

Приказ Минстроя России от 06.08.2020 № 430/пр «Об утверждении структуры и состава классификатора строительной информации» – утверждены структура и состав классификаторов строительной информации [14].

Также профильным Министерством утвержден ряд Приказов, регулирующих сметное нормирование при применение технологий информационного моделирования: Приказ Минстроя России от 04.08.2020 № 421/пр «Об утверждении Методики определения сметной стоимости строительства, реконструкции», Приказ Минстроя России от 01.10.2021 № 707/пр «Об утверждении Методики определения стоимости работ по подготовке проектной документации», Приказ Минстроя России от 24.12.2020 № 854/пр «Об утверждении Методики определения стоимости работ по подготовке проектной документации, содержащей материалы в форме информационной модели», Приказ Минстроя России от 15.06.2020 № 317/пр «Об утверждении Методики определения сметной стоимости строительства или реконструкции объектов капитального строительства, расположенных за пределами территории Российской Федерации», Приказ Минстроя России от 30.03.2022

№ 221/пр «Об утверждении Методики определения нормативных затрат на информационное моделирование с учетом использования технологий лазерного сканирования и фотограмметрии».

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.12.2021 № 3883-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года» – утверждено стратегическое направление в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года [15].

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.12.2021 № 3719-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по использованию технологий информационного моделирования» – установлен план мероприятий по использованию технологий информационного моделирования при проектировании и строительстве объектов капитального строительства [16].

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2021 № 2424-р «Об утверждении Национального плана ("дорожной карты") развития конкуренции в РФ на 2021 — 2025 года» – утвержден национальный план развития в рамах которого, в том числе, должен быть осуществлен переход к взаимодействию субъектов градостроительных отношений с государственными органами и органами местного самоуправления в единой цифровой среде управления жизненным циклом объекта капитального строительства на основе единых классификаторов, форматов и регламентов информационного обмена, учитывающих возможность использования технологий информационного моделирования [17].

3 уровень. Документы по стандартизации:

СП 333.1325800.2020. Свод правил. Информационное моделирование в строительстве. Правила формирования информационной модели объектов на различных стадиях жизненного цикла.

СП 301.1325800.2017. Свод правил. Информационное моделирование в строительстве. Правила организации работ производственно-техническими отделами.

СП 481.1325800.2020. Свод правил. Информационное моделирование в строительстве. Правила применения в экономически эффективной проектной документации повторного использования и при ее привязке.

СП 404.1325800.2018. Свод правил. Информационное моделирование в строительстве. Правила разработки планов проектов, реализуемых с применением технологии информационного моделирования.

СП 331.1325800.2017. Свод правил. Информационное моделирование в строительстве. Правила обмена между информационными моделями объектов и моделями, используемыми в программных комплексах.

СП 480.1325800.2020. Свод правил. Информационное моделирование в строительстве. Требования к формированию информационных моделей объектов капитального строительства для эксплуатации многоквартирных домов.

СП 471.1325800.2019. Свод правил. Информационное моделирование в строительстве. Контроль качества производства строительных работ.

СП 328.1325800.2020. Свод правил. Информационное моделирование в строительстве. Правила описания компонентов информационной модели.

Также в области стандартизации утверждено множество межгосударственных стандартов, в частности к основополагающим стандартам можно отнести следующие стандарты: ГОСТ Р 10.0.02-2019/ИСО 16739-1:2018; ГОСТ Р 10.0.03-2019/ИСО 29481-1:2016; ГОСТ Р 10.0.04-2019/ИСО 29481-2:2012; ГОСТ Р 10.0.05-2019/ИСО 12006-2:2015; ГОСТ Р 10.0.06-2019/ИСО 12006-3:2007; ГОСТ Р ИСО 22263.2017; ГОСТ Р 57269-2016; ГОСТ Р 57311-2016; ГОСТ Р 57563-2017; ГОСТ Р 58907-2020; ГОСТ Р 57309-2016 [18].

Целевое состояние строительной отрасли на ближайшее десятилетие в части цифровых информационных моделей следующее: разработаны нормативные правовые акты, обеспечивающие возможность использования технологии информационного моделирования не только в практической деятельности проектных и строительных организаций, но и при взаимодействии с органами власти, осуществляющими полномочия по проведению экспертизы проектной документации, государственного строительного надзора, выдаче разрешений на строительство.

Вместе с тем, учитывая проблематику высокой зарегулированности строительной отрасли, низкую эффективность реализации «Регуляторной гильотины», которая должна была устранить избыточную административную нагрузку на субъекты предпринимательской деятельности, а также исходя из инертности правового регулирования текущих потребностей субъектов правоотношений, введение обязательного использования технологий информационного моделирования негативно скажется на инвестиционном процессе. Причем под понятие обязательного использования технологий информационного моделирования подпадает не столько применение существующих инструментов и технологий, сколько обязательность применения регулирующих документов, в том числе документов в области стандартизации, при использовании технологий информационного регулирования [19].

Исходя из вышеизложенного, ситуация в регулировании строительной отрасли в части проектирования и строительства выглядит следующим образом. Законодатель уменьшает количество обязательных правовых актов, регулирующих наиболее важную сторону строительства – надежность и безопасность объектов капитального строительства, переводя основную часть документов стандартизации в перечень добровольных. Одновременно с этим процессом формируется совершенно новый институт технологий информационного моделирования, регулирование которого для целей взаимодействия застройщика с государством породит огромное количество нормативно-правовых актов, а также документов в области стандартизации, применение которых на добровольной основе не будет представлять из себя жизнеспособную модель.

С учетом массива данных, которые необходимо поддерживать в актуальном состоянии, а также длительность процесса реализации любого объекта капитального строительства, обязательность использования государственной стандартизации приведет к созданию новых регуляторных барьеров для всех субъектов правоотношений.

Однако избежать данной проблематики возможно путем неприменения на обязательной основе для коммерческих застройщиков требований стандартизации единой цифровой среды до момента ее полного формирования. Возможность применения собственных наработок, в том числе для целей взаимодействия с государством, будет иметь исключительно положительный эффект, в том числе в части дальнейшего развития данного института.

Таким образом, введение обязательного применения технологий информационного моделирования коммерческими застройщиками целесообразно перенести на более поздний период – после апробации механизмов вышеуказанного регулирования на стройках, реализуемых с привлечением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Список литературы

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. – 03.01.2005. – № 1 (часть 1). – ст. 16.
2. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ. – 04.01.2010. – № 1. – ст. 5.
3. Постановление Правительства РФ от 28.05.2021 № 815 (ред. от 20.05.2022) «Об утверждении перечня национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений", и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 июля 2020 г. № 985» // СЗ РФ. – 07.06.2021. – № 23. – ст. 4060.
4. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // СЗ РФ. – 07.11.2022. – N 45. – ст. 7815.
5. Постановление Правительства РФ от 05.03.2021 № 331 «Об установлении случая, при котором застройщиком, техническим заказчиком, лицом, обеспечивающим или осуществляющим подготовку обоснования инвестиций, и (или) лицом, ответственным за эксплуатацию объекта капитального строительства, обеспечиваются формирование и ведение информационной модели объекта капитального строительства» // СЗ РФ. – 15.03.2021. – № 11. – ст. 1823.
6. Понкин, И. В., Лаптева, А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – Москва. – Буки Веди. – 2021. – 174 с.
7. Понкин, И. В., Редькина, А. И. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (BIM) в праве. Государственная служба. 2020. – № 2. – С. 64–69.
8. Тихомиров, Ю. А., Кичигин, Н. В., Цомартова, Ф. В., Бальхаева, С. Б. Право и цифровая информация // Право . Журнал Высшей школы экономики. 2021. – № 2. – С. 4–23.
9. Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1431 (ред. от 27.05.2022) «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства, состава сведений, документов и материалов, включаемых в информационную модель объекта капитального строительства и представляемых в форме электронных документов, и требований к форматам указанных электронных документов, а также о

внесении изменения в пункт 6 Положения о выполнении инженерных изысканий для подготовки проектной документации, строительства, реконструкции объектов капитального строительства» // СЗ РФ. – 28.09.2020. – № 39. – ст. 6030.

10. Постановление Правительства РФ от 12.09.2020 № 1416 «Об утверждении Правил формирования и ведения классификатора строительной информации» // СЗ РФ. – 21.09.2020. – N 38. – ст. 5890.

11. Постановление Правительства РФ от 20.12.2022 № 2357 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2021 г. № 331» // СЗ РФ. – 26.12.2022. – N 52. – ст. 9626.

12. Постановление Правительства РФ от 28.09.2020 № 1558 «О государственной информационной системе обеспечения градостроительной деятельности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 05.10.2020. – № 40. – ст. 6287.

13. Постановление Правительства РФ от 13.03.2020 № 279 «Об информационном обеспечении градостроительной деятельности» // СЗ РФ. – 23.03.2020. – № 12. – ст. 1776.

14. Приказ Минстроя России от 06.08.2020 № 430/пр «Об утверждении структуры и состава классификатора строительной информации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru. – 31.08.2020.

15. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2021 № 3883-р (ред. от 13.10.2022) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. – 03.01.2022. – № 1 (часть IV). – ст. 364.

16. Распоряжение Правительства РФ от 20.12.2021 № 3719-р (ред. от 06.12.2022) «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") по использованию технологий информационного моделирования при проектировании и строительстве объектов капитального строительства, а также по стимулированию применения энергоэффективных и экологичных материалов, в том числе с учетом необходимости их производства в РФ» // СЗ РФ. – 03.01.2022. – № 1 (часть IV). – ст. 262.

17. Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2021 № 2424-р (ред. от 20.01.2023) «Об утверждении Национального плана ("дорожной карты") развития конкуренции в Российской Федерации на 2021 - 2025 годы» // СЗ РФ. – 13.09.2021. – № 37. – ст. 6553.

18. Кужакова, З. У. Обзор нормативной документации в области BIM-моделирования в Российской Федерации / З. У. Кужакова, А. Х. Байбурин – Вестник ЮУрГУ: Серия «Строительство и архитектура», 2020. – Т. 20, № 3. – С. 70–79

19. Кнутов, А. В., Плаксин, С. М., Синятуллин, Р. Х., Чаплинский, А. В. Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 4–27.

УДК 34.01

Исмагилов Дамир Рафисович,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: ismagilovvdamir@yandex.ru

Ismagilov Damir Rafisovich,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: ismagilovvdamir@yandex.ru

ЧИСТАЯ ТЕОРИЯ Г.КЕЛЬЗЕНА: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

G. KELSEN'S PURE THEORY: MAIN ASPECTS

Статья о чистой теории права представляет собой обзор концепции права и государства, разработанной немецким философом Г. Кельзеном. В статье раскрываются основные элементы "чистого учения", такие как концептуальное неразделимость понятий права и государства, цель существования государства в защите прав и свобод граждан, выражение власти народа, разграничение властей и невозможность нарушения правовой законности. Статья также подчеркивает важность универсальности и всеобъемлющести права, а также его закрепления в юридической системе. В целом, статья предоставляет читателям обзор концепции, которая продолжает оставаться важной для современных дебатов о праве и государстве.

Ключевые слова: юриспруденция, нормитивизм, право, чистая теория права, государство.

The article on the pure theory of law is an overview of the concept of law and the state developed by the German philosopher G. Kelsen. The article reveals the main elements of the "pure doctrine", such as the conceptual inseparability of the concepts of law and the state, the purpose of the existence of the state in protecting the rights and freedoms of citizens, the expression of the power of the people, the separation of powers and the impossibility of violating legal legality. The article also emphasizes the importance of universality and comprehensiveness of law, as well as its consolidation in the legal system. In general, the article provides readers with an overview of a concept that continues to be important for modern debates about law and the state.

Keywords: jurisprudence, normitivism, law, pure theory of law, state.

Ганс Кельзен был одним из наиболее влиятельных и известных теоретиков права XX века. Его взгляды на правовую науку заключались в том, что право должно быть основано на нормах и принципах, которые считаются универсальными и независимыми от законов и государственной власти [1].

Главная концепция, на которой базируются его взгляды, это нормативизм. Кельзен считал, что право существует на основе норм, а не на основе фактов. Это означает, что право не может существовать без норм или правил поведения, которые сознаются людьми, а не открыты или открываются.

Кельзен считал, что право не должно быть инструментом государственной власти, а должно служить справедливости и интересам всех членов

общества. Он также признавал важность общественного развития и культурных особенностей в развитии правовой системы [1].

В целом, взгляды Ганса Кельзена на правовую науку оказали огромное влияние на развитие теории права и на формирование представлений о том, как должна быть правовая система, чтобы быть справедливой и эффективной. Его концепции и идеи продолжают оставаться актуальными и занимают значительное место в современной правовой мысли.

Философия права Г. Кельзена — это пример детально проработанного теоретического и методологического учения, в котором в концентрированном виде отражены попытки ответить на классические вопросы философии и права. Ученый стремился рационально-логическим путем обосновать существование правовой реальности, основанной на гипотетических правовых конструкциях, допуская существование правовой реальности в метафизическом смысле. Кельзен обосновывает концепцию логической иерархии норм правовой системы. Он утверждает, что нормативное единство правопорядка можно достичь на основе субординации правовых норм. Государство не может принадлежать эмпирической реальности, оно соответствует определенному правопорядку. Его нормативное единство обеспечивается существованием «основной формы». Под «основной формой» подразумевают допущение, которое обосновывает объективную действительность правовой нормы. У такой нормы отсутствует определенность, не выяснена ее природа, происхождение, содержание.

«Чистая теория права» Ганса Кельзена была опубликована в 1934 году в издательстве "Heidelberg" в Германии. Статья представляет собой монографию по теории права, которая впоследствии стала одним из наиболее влиятельных трудов в сфере юридической науки [4].

В этой монографии Кельзен представил свой подход к пониманию права, основанный на концепции нормативизма. Он рассматривал право не как набор конкретных правил и законов, а как систему абстрактных норм, которые возникают в обществе и устанавливаются государством.

Цель книги «Чистая теория права», согласно автору, заключается в том, чтобы заменить психологические и социологические аспекты теории права на метафизические концепции, а также сформировать систему абстрактных норм, на которых будет базироваться право [6].

Основной тезис книги заключается в том, что нормы права не зависят от конкретных людей или ситуаций, они абстрактны и связаны с социальными институтами.

Кельзен рассматривает право, как набор норм и правил, которые создаются и утверждаются государством. Нормы права не зависят от конкретных людей или ситуаций, они абстрактны и связаны с социальными институтами. Кельзен противопоставляет свою теорию позитивизму, согласно которому право определяется законами и нормативными актами, принимаемыми государством.

Кельзен считает, что правовые нормы должны быть конструированы на основе универсальных принципов морали и справедливости, которые существуют независимо от законов и государственной власти. Право должно быть справедливым и согласовывать интересы всех членов общества.

Основные элементы чистого учения г. Кельзена о праве и государстве:

1. Право и государство – концептуально неразделимые понятия. Государство существо для установления закона, оно есть передвижной матрица, позволяющая формировать гражданские правовые отношения.

2. Государство существует только для защиты прав и свобод граждан. Кельзен утверждал, что единственной целью государства должна быть защита прав и свобод своих граждан, и все остальные функции государства (например, налогообложение, регулирование экономики и т. д.) должны быть подчинены этой цели.

3. Государственная власть – это выражение воли народа. Кельзен полагал, что источником власти является народ, и только он может делегировать свои права и полномочия государству.

4. Правовая система должна базироваться на четком разграничении властей. Кельзен подчеркивал, что всякое разграничение власти должно базироваться на ограниченной юрисдикции, выработке строгой процедуры и механизме контроля за властью.

5. Незыблемость права идет от принципа правовой законности. Ни одна деятельность государства не должна нарушать принципов правовой законности.

6. Право должно быть универсальным и всеобъемлющим. Кельзен предлагал, чтобы законы создавались ради общих нужд и были закреплены в юстициальной системе [6].

Все эти элементы подчеркивают важность государства в защите прав и свобод своих граждан, с акцентом на важности правовой законности.

Кельзен полагал, что нормы права должны быть созданы на основе общественных и моральных принципов, которые считаются универсальными и независимыми от конкретных условий и законов. Он также говорил о том, что право должно быть связано с понятиями справедливости и равенства, чтобы выражать интересы всех членов общества.

Статья «Чистая теория права» отметила довольно резко теорию позитивизма, согласно которой законы и правила создаются государством и определяют право. Вместо этого Кельзен выдвигал концепцию, согласно которой право проистекает из общественных норм, которые могут быть определены независимо от правительства.

Своей монографией Кельзен оказал огромное влияние на юридическую мысль XX века, а его идеи воплотились во многих современных теориях права [5].

Автор статьи рассматривает основные положения Кельзена, такие как нормативизм (право существует на основе норм, а не на основе фактов), отличие правовых норм от моральных (вторые не обязательны, в то время как пренебрежение правовыми нормами влечет за собой наказание), а также принципы справедливости, на которых должны основываться правовые нормы.

Автор статьи также исследует роль «Чистой теории права» в развитии правовой науки, обращая внимание на то, как Кельзен смог дать новый импульс для развития теории права. Статья также обсуждает критику Кельзена со стороны других теоретиков права, включая критический вывод о некоторых ограничениях и проблемах его теории.

В целом, статья представляет собой исчерпывающее и систематическое изложение основных положений теории права Кельзена, а также дает

читателю возможность лучше понять и оценить его теоретический вклад в развитие правовой науки.

По мнению Кельзена, Чистая теория права – это доктрина, из которой устранены все элементы, которые чужды юридической науке. Современные юристы, обращаются к проблемам социологии, психологии, этики, политической теории, пренебрегая изучением своего предмета. Кельзен считает, что юридическая наука должна заниматься не социальными предпосылками, а конкретно юридическим (нормативным) содержанием права [1].

При обосновании такой позиции Кельзен опирался на философию неокантианство, сторонники которой разграничили две области теоретических знаний: науки о сущем, науки о должном.

К первой группе наук, по его мнению, относятся естественные наук: история, социология и прочие дисциплины, изучающие природные явления и общественную жизнь с точки зрения причино-следственных связей.

Вторая группа – науки о должном: юриспруденция, этика. То есть, науки, исследующие нормативно обусловленные отношения в обществе, механизмы и способы социальной регламентации поведения людей.

В науке о сущем основным постулатом является принцип объективной причинности, в науке о должном – принцип вменения. Поэтому нормативисты призывали освободить юридическую науку от исследовательских приемов, заимствованных из других сфер познания. Кельзен подчеркнул, что чистая теория не отрицает того, что содержание любого положительного юридического порядка, будь то право национальное или международное, обусловлено историческими, экономическими, политическими и моральными факторами, однако она стремится познать право с внутренней части, в его специфическом нормативном значении. Чистота теории права предполагает также исключение идеологических оценок. Кельзен одним из первых поставил задачу деидеологизировать правоведение, создать строго объективную науку о право и государстве. По его мнению, подлинная наука носит релятивистский характер, признает возможность существования в обществе многочисленных систем идеологии и отрицает превосходство какой-нибудь одной из них над другими. Чистая теория стремится преодолеть идеологические тенденции и описать право таким, каково оно есть, не занимаясь его оправданием и критикой.

Нормативизм Ганса Кельзена — это теория права, согласно которой право существует на основе норм, а не фактов.

Согласно нормативизму, право не создается государством, а возникает на основе социальных норм, общественных установок и положений, которые хранятся и обучаются людьми в определенных культурных и исторических условиях. Правовые нормы должны быть созданы на основе универсальных принципов морали и справедливости, которые существуют независимо от законов и государственной власти [2].

Нормативизм Ганса Кельзена отличается от позитивизма, согласно которому право определяется законами и нормативными актами, принимаемыми государством. Кельзен рассматривает право, как набор норм и правил, которые создаются и утверждаются государством, но не зависят от конкретных людей или ситуаций.

Одной из главных ценностей «Чистой теории права» для юриспруденции является то, что она противопоставляет собой теорию позитивизма,

согласно которой законы и правила создаются государством и определяют право. Вместо этого, Кельзен выдвигает концепцию, согласно которой право проистекает из общественных норм, которые могут быть определены независимо от правительства.

Политическое учение Кельзена построено на отождествлении государства и права. Как организация принуждения государство идентично правопорядку, считал родоначальник нормативизма. Аргументируя свою позицию, Кельзен пришел к выводу, что любое государство, включая авторитарное, является государством правовым. Этот вывод резко контрастировал с доктринами либеральной демократии середины XX в., в которых правовое государство рассматривалось как альтернатива тоталитарным политическим режимам.

Кельзен также обращает внимание на то, что правовые нормы должны быть общими и справедливыми для всех граждан, что может помочь создать более справедливое и равноправное общество [3].

Кельзен проводит разделение стран на два лагеря: демократические и недемократические. Исходя из мнения Кельзена, можно сделать вывод о том, что он считал демократию не самым подходящим вариантом устройства государства. По его мнению, законодательная власть не находится во власти народа, то есть, законы принимаются не голосованием, а формально-юридические способы разрешения конфликтов не работают.

По сути, демократия представляет собой попытку проявить уважение к взглядам других, то есть быть толерантным, а также считаться с мнением меньшинства и защищать их. Однако, движущей силой является свобода совести, свобода слова, науки и т. д., вопреки расхожему мнению о том, что демократию двигает экономический либерализм.

Такую приверженность к социальной демократии в Кельзене проявила приверженность к австромарксизму.

Некоторые работы Кельзена содержали в себе способы установления мира во всем мире. Одним из таких Кельзен предлагал добровольное подчинение стран общим нормам международного права [4].

Кельзен утверждал, что некоторые Конституции стран не соответствуют демократическим нормам, принятым в мире.

Учение Кельзена оказало глубокое воздействие на теоретические представления и юридическую практику в странах Запада. Под влиянием нормативизма правоведы стали больше уделять внимания противоречиям в праве, формированию стройной системы законодательства. С концепциями нормативизма связано также широкое распространение в современном мире идей верховенства международного права над законодательством государств, учреждение институтов конституционного контроля (создание специального органа конституционной юстиции впервые было предусмотрено в Конституции Австрии 1920 г., которую отредактировал Кельзен). Нормативизм шел навстречу запросам современной юридической науки, отвечал потребности в формализации права, вызванной развитием автоматизированных способов обработки нормативного материала [5].

Нормативизм Ганса Кельзена оказал огромное влияние на правовую науку, и его идеи воплотились во многих современных теориях права. Критики нормативизма считают, что он полностью игнорирует социальную и

политическую реальность, а также приводит к «нормативной ложной сознательности», при которой люди забывают о социальных, экономических и политических факторах, влияющих на право.

Список литературы

1. Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 216 с

2. Вологдин, А. А. История государства и права зарубежных стран в 2 т. Том 2 : учебник и практикум для вузов / А. А. Вологдин. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 449 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-01980-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/512780

3. Кашанина, Т. В. Право : учебник и практикум для вузов / Т. В. Кашанина, Н. М. Сизикова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 550 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13809-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/510947

4. Попова, А. В. История государства и права зарубежных стран Нового и Новейшего времени : учебник и практикум для вузов / А. В. Попова. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 220 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-00928-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/511986

5. Протасов, В. Н. Теория государства и права. Практикум : учебное пособие для среднего профессионального образования / В. Н. Протасов. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 397 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-13338-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/518786

6. Краевский А. А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и аналитическая философия // Российский ежегодник теории права. № 3. 2013. СПб., 2014. С. 790–811.

УДК 34.01

Калашников Олег Алексеевич,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: oleg.ka.2017@bk.ru

Kalashnikov Oleg Alekseevich,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: oleg.ka.2017@bk.ru

ПРОТИВОРЕЧИЕ СТАТУСА ГОСУДАРСТВА В МАРКСИСТКОЙ ФИЛОСОФИИ

STATE STATUS CONTRADICTION IN MARXIST PHILOSOPHY

В данной работе рассматривается проблема определения статуса государства в марксистском направлении философии, а также проведена

работа по ее решению. Данный материал будет полезен тем, кто стремится лучше понять социальную структуру общества или услышать альтернативное мнение по данной теме. Здесь можно ознакомиться с аналитикой марксисткой литературы, которая проводится с целью определить место государства в социальной классификации на основе классового деления, а также аналогичный вопрос в отношении государственных служащих. За основу будут взяты работы как классиков, так и более новых авторов.

Ключевые слова: Государство; классы; госслужащие; «отмирание»; правящий класс; рабочая аристократия.

This material discusses the problem of determining the status of the state in the Marxist direction of philosophy, and work is underway to solve it. This material will be useful to those who seek to better understand the social structure of society or hear an alternative opinion on this topic. Here you can read the analysis of Marxist literature, which is carried out with the aim of determining the place of the state in the social classification according to class, as well as a similar issue regarding civil servants. The works of both classics and newer authors will be taken as a basis.

Keywords: state; classes; civil servants; "dying off"; ruling class; labor aristocracy.

Государство в жизни каждого человека играет существенную роль, в немалой степени определяя ее ход. Оно предстает перед нами в различных формах, обличиях, местах и эпохах. Ему каждый, в той или иной мере, уделяет свое время и силы, каждый о нем слышал, каждый готов поделиться своим мнением о плодах его деятельности. Часто ли человек задумывается о природе того, что для него является такой обыденностью? Так или иначе, государство, его природа, механизмы, идеальная форма, проблемы и их решения являются предметом исследований многих философских направлений. Редко кто избегает поделиться своей позицией в данных вопросах. И чем больше государства в нашей жизни, тем подробнее. Одним из наиболее примечательных направлений в вопросе государства считается марксистская теория. Но почему?

Марксистская теория с самого своего основания и до сего дня играет одну из ключевых ролей в качестве совокупности политических, экономических и социальных идей, оказавших влияние на множество других наук, как история, социология, политология, культурология, философия и многие другие. Основанная в 19-ом веке Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, она стремится охватить как можно больше аспектов мироустройства, тем самым создав крупную систему идей и знаний, в последствии дополняющуюся последователями двух немецких деятелей по всему миру. Трудно перечислить абсолютно все, что конкретно составляет данную теорию. В первую очередь, это принципы диалектического материализма, то есть идеи о первичности материи над сознанием и законы диалектики, служащие инструментами познания более совершенными, чем законы формальной логики. Немалое место занимает теория классовой борьбы, в основе которой лежит разделение общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых, а также

рассмотрение борьбы этих классов, как источник общественного развития. И не менее важна теория о прибавочной стоимости, как объясняющей причины социального расслоения. Несмотря на действительно колоссальный труд, в теории были бреши, недосказанности, расплывчатые формулировки, неоднозначные заявления и все это при достаточно тяжелой подаче, в связи с эпохой и направленностью на высокообразованные слои населения. Касается это и вопроса государства, который в дальнейшем становится только более насущным и обсуждаемым. Поэтому данную проблему необходимо рассмотреть в подробностях. Какого же место государства в марксистской теории, как она его, в принципе, определяет и в чем конкретно состоит проблема?

Наиболее значимым трудом, раскрывающим суть государства, является произведение Фридриха Энгельса «История происхождения семьи, частной собственности и государства». В частности, рассматривается ход становления государства, его цели и причины появления. В итоге, Энгельс формулирует определение государства таким образом: «Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно» [1]. Таким образом, государство обозначается, как продукт общества, созданный для разрешения тех противоречий, которые сложились с появлением в нем классов. И, казалось бы, в чем проблема? Раскрыты определение, роль и причина возникновения. Но тут возникает закономерный вопрос: какое место государство занимает в классовой структуре общества? Если говорить более конкретно, то не понятна сама классовая суть государства, какое место среди классов оно занимает, какое влияние различные классы на него оказывают, каким образом, чьи интересы оно, в конечном счете, представляет и каков статус представителей государства.

Обратимся к другому классику марксизма – В.И. Ульянову. В своем известном произведении «Государство и революция», во многом основываясь на Марксе и Энгельсе, вопрос государства целенаправленно раскрывается. Как же Ленин определяет государство? «Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса» [2]. Ленин подобной формулировкой обозначает основной функцией государства – подавление какого-либо класса. Но какого? Естественно, класса угнетаемого. Но какие классы считать угнетаемыми, а какие правящими? «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства» [2]. Из этого следует, что правящий класс – тот, который, непосредственно, имеет политическую власть и экономическое доминирование. Государство представляет интересы правящего класса. Но что под этим подразумевается? Каким образом государство это осуществляет, зачем и какое само по себе отношение имеет к данным классам? Чем больше получаем ответов, тем больше возникает вопросов.

Также не стоит забывать и тезис об «отмирании государства». «Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем «отмирания».» [2]. Что же подразумевается под этим словом? Владимир Ленин в своей Лекции «О государстве» отмечает «Если вы с точки зрения этого основного деления посмот-

рите на государство, то увидите, что до деления общества на классы, как я уже сказал, не существовало и государства. Но по мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство.» [3]. Мысль кажется простой: государство появилось, как реакция на появление классов. Следовательно, если классов не будет существовать, то и государство в данном понимании как таковое перестанет существовать. По данному поводу Энгельс пишет в другом своем известном произведении «Анти-Дюринг»: «Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство.» [4] и «Сделавшись, наконец, действительным представителем всего общества, оно станет излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества, — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-по-малу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно отмирает.» [4]. На первый взгляд, довольно логичный вывод упирается, но он упирается в реальное положение дел. Как упоминал Троцкий в своем произведении «Преданная революция»: «Как бы, в самом деле, ни истолковывать природу нынешнего советского государства, неоспоримо одно: к концу второго десятилетия своего существования оно не только не отмерло, но и не начало "отмирать"; хуже того: оно разрослось в еще небывалый в истории аппарат принуждения; бюрократия не только не исчезла, уступив свое место массам, но превратилась в бесконтрольную силу, властвующую над массами; армия не только не заменена вооруженным народом, но выделила из себя привилегированную офицерскую касту, увенчивающуюся маршалами, тогда как народу, "вооруженному носителю диктатуры", запрещено ныне в СССР ношение даже и холодного оружия.» [5]. Таким образом, несмотря на взятие власти в России пролетариатом и крестьянством, и несмотря на ликвидацию классов в дальнейшем, государство не только не потеряло своего привилегированного положения, функций и контроля, но и приумножило их, став, в принципе, основным проводником всех сфер в обществе от социального обеспечения и производства до общественных организаций, и личной жизни.

Не менее важным вопросом является статус госслужащих. К какому классу их можно, в принципе, причислить? Для начала, необходимо обозначить, что такое классы. Определение классов дал В. И. Ленин в брошюре «Великий почин»: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной

организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [6]. Таким образом, чтобы определить какую-то группу в класс, необходимо сопоставить ряд критериев: размер группы; отношение к средствам производства; роль в общественной организации труда; размер доли общественного богатства; отношение к труду. В этом вопросе существует множество мнений и противоречий. Например, в статье «Рабочее государство и рабочая забастовка» Егора Живинина обозначается: «По этой причине формируется особый социальный слой – бюрократия. Мы понимаем бюрократию как часть средних и высших государственных чиновников, которые находятся в некоторой обособленности от остального общества и в силу этого имеют свои интересы.» [7]. То есть, бюрократия обособляется от иных классов и общества в отдельную прослойку. Лев Троцкий же высказывал мнение, что бюрократия подчиняется правящему классу, в той или иной форме, при этом являясь политически господствующей группой: «В буржуазном обществе бюрократия представляет интересы имущего и образованного класса, который располагает бесчисленными средствами повседневного контроля над своей администрацией. Советская же бюрократия поднялась над таким классом, который едва выходит из нищеты и тьмы и не имеет традиций господства и командованья. В то время как фашисты, оказавшись у корыта, объединяются с крупными буржуа узами общих интересов, дружбы, брака и проч., бюрократия СССР усваивает буржуазные нравы, не имея рядом с собою национальной буржуазии. В этом смысле нельзя не признать, что она есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле слова привилегированный и командующий слой в советском обществе.» [5]. Есть и другие мнения, как например выделение бюрократии в отдельный класс.

В качестве следующего противоречия можно выдвинуть тезис «государство защищает интересы правящего класса». Но как обстоят дела в действительности? Не редки случаи, когда в капиталистическом государстве государство открыто выступало против отдельных предпринимателей или групп предпринимателей, являющихся достаточно крупными собственниками и имеющими высокое социальное положение. В социалистической практике не редки подобные случаи, но в иной плоскости. Например, ситуации, когда государственный план не соответствовал реальным общественным потребностям, как и проводимая политика, в целом. Так, в уже иной статье Егора Живинина ««Наши советы не всегда были удачными»: СССР и послевоенный кризис в Восточной Европе» описывается такая ситуация: «По «счастливой» случайности тогда же подвергся репрессиям глава сельхозотдела СЕПГ Пауль Меркер. Он был активным сторонником умеренной коллективизации. В итоге позиции советников СКК усилились, и к исполнению был принят второй вариант.»; «В ноябре на X пленуме СЕПГ была принята радикальная программа по уничтожению частного сектора. Планировалось, что к 1953 году он будет полностью ликвидирован.» [8]; «Однако этих мер было недостаточно: экономика ГДР все еще находилась в тяжелом положении. Руководство СЕПГ приняло самое чрезвычайное решение, которое только могло, — повысить производственные нормы. Этот вопрос исторически был одним из самых болезненных в отношениях между германским партийным руководством и рабочими. Еще в 1947–1952 годах СЕПГ неодно-

кратно пыталась повышать производственные нормы, но всегда наталкивалась на сопротивление рядовых тружеников.» [8]. Достаточно широко известный кризис в ГДР, развитие которого вынудило ввести в страну советские войска, был вызван чрезмерно быстрой коллективизацией, огромными затратами на армию, сверхиндустриализацией за счет производства потребительской продукции, сокращением рабочего самоуправления и повышением трудовых норм. Это определенно шло в разрез, фактически, с интересами всего населения, но при этом, подобный курс реализовывался вплоть до восстания.

Обобщая все сказанное выше, государство – это продукт общества, созданный как следствие внутренних противоречий, в следствии возникновения классов. Он реализует интересы правящего класса – политически и экономически доминирующей общественной группы, имеющей определенное отношение к средствам производства и место в социальной иерархии. При этом, сама классовая суть государства так и остается противоречивой, как и статус госслужащих и чьи интересы, по итогу, они реализуют. Разные марксисты могут иметь разного рода позиции, опираясь на одни и те же идеи. В следствии, возникает данное противоречие. Так, как же ответить на ранее поставленные вопросы?

Наиболее показательной является ситуация в ГДР. Почему чиновники, прекрасно осознавая противоречия проводимой политики и интересов правящего класса, допустили обострение конфликта вплоть до восстания? Ответ прост, они цеплялись за свои должности, так как те давали им привилегированное положение. У простого пролетариата нет ярко выраженных стимулов удерживаться на какой-то определенной должности, так как они способы получить аналогичную у иного работодателя. С другой стороны, не каждый госслужащий достаточно высокопоставлен, чтобы отличаться в этом плане от рабочего, как и не каждый рабочий является достаточно низкооплачиваемым, чтобы не бороться с другими за свое место. Из этого можно сделать вывод, что пропасть между чиновниками низшего и высшего звена достаточно огромна, чуть ниже, чем между пролетариатом и буржуазией.

Но каков же статус самих госслужащих в классовой структуре? Как было ранее сказано, есть разные мнения на этот счет. Но, в большинстве своем, они достаточно противоречивы. Нельзя сказать, что бюрократия абсолютно обособлена от остального общества, что могут подтвердить слова Энгельса: «И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство.» [2]. Несмотря на отчуждаемость от общества, государство – его часть, а соответственно и его представители. С другой стороны, выделение госслужащих в отдельную прослойку, стоящая, в каком-то смысле, вне классов, что также нельзя назвать верным, ибо они также являются участниками общественного разделения труда, как буржуазия и пролетариат. Но в чем же это заключается? Государство, по праву, является крупнейшим собственником, в спектр которого могут входить: земля, военные объекты, государственные учреждения, инфраструктура, предприятия, полезные ископаемые и прочие природные богатства, транспорт, оборудование, орудия труда и многое другое, что, фактически, невозможно сосчитать. Но кто конкретно является собственником и в чем это проявляется? В основе лежит право собственности, а именно: владение, использование, наследование, бессрочное обладание, извлечение дохода и распоряжение имуществом. Но кто, в данном случае, обладает этими правами в рамках государства? Однозначный ответ дать сложно. Если в случае частной собственности есть конкретный владелец или группа владель-

цев, то в данном случае их, казалось бы, и нет. Но если рассмотреть в отдельности, то это будет определенная совокупность высокопоставленных государственных органов и должностных лиц. Также, государство – крупнейший работодатель. Оно использует рабочую силу наемных работников с целью оказания тех или иных услуг какой-либо части населения, чтобы обусловить свое существование. Можно ли сказать, что вся бюрократия – это капиталисты? Определенно, нет. Ибо не каждый госслужащий обладает подобными правами, хотя бы, номинально. Можно ли назвать подобного рода чиновников представителями пролетариата? Вопросы неоднозначные, а потому необходимо вернуться к критериям класса: размер группы; отношение к средствам производства; роль в общественной организации труда; размер доли общественного богатства; отношение к труду. Рассмотрим каждый по очереди.

Госслужащие – достаточно крупная группа населения, порой доходящая до четверти населения государства. Часть госслужащих, как было сказано ранее, в своей совокупности обладает правами собственника, в то время как вторая играет роль тех, кто этой собственностью, непосредственно, пользуется в процессе работы. Часть госслужащих в организации труда играет роль прямого или косвенного руководства, то есть начальства, в то время как вторая часть – это чисто или частично подчиненные. Само по себе государство является самым крупным в соотношении доли общественных богатств, которыми, непосредственно, распоряжается совокупность наиболее высокопоставленных чиновников с целью выполнения функций государства (оказания тех или иных услуг) и содержания аппарата (выплаты самим чиновникам). Непосредственно, наем госслужащего сопровождается более строгими требованиями, чем простых у простых рабочих, но и предоставляемые льготы крупнее. Более высокопоставленные госслужащие могут быть назначены или избраны.

Таким образом, между госслужащими различных звеньев имеется существенная разница, которая делает ту или иную часть по вышеперечисленным признакам ближе к буржуазии или пролетариату. Но что, если этого недостаточно, чтобы определить госслужащих к пролетариату или буржуазии? Ведь сходства являются достаточно косвенными, а специфику государства никто не отменял. Какие еще можно привести аргументы? В «Государство и Революция» Ленина мельком пробегает такая строчка: «А, во-вторых, трудящимся нужно государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат. Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса.» [2]. Из этой цитаты можно сделать вывод, что государство в марксисткой теории может трактоваться, как организованный господствующий класс. Наиболее наглядным примером является эпоха феодализма. Крупный феодал, земля которого находилась внутри государства, являлся собственников земли, сел, городов и так далее, по факту, являясь и представителем государственной власти. И чем выше чин, тем больше возможностей. Подобная совокупность крупных феодалов и составляла государство, во главе которого стоял высший среди равных – монарх.

С другой стороны, встает вопрос разницы положения внутри буржуазии и пролетариата. Могут ли госслужащие с достаточно специфичной общественной ролью являться частью какого-либо класса? Как выясняется, классы сами по себе нельзя назвать целостными. По этому поводу начал писать еще Маркс в третьем томе Капитала: «Теперь спрашивается: как обсто-

ит дело с торговыми наемными рабочими, занятыми у торгового капиталиста, в нашем случае у торговца товарами?»; «С одной стороны, такой торговый рабочий совершенно такой же наемный рабочий, как и всякий другой. Во-первых, поскольку его труд покупается на переменный капитал купца, а не на те деньги, которые расходуются как доход, следовательно, покупается не для личных услуг, а в целях увеличения стоимости капитала, авансированного купцом. Во-вторых, поскольку стоимость его рабочей силы и, следовательно, его заработная плата, определяется, как и у всех других наемных рабочих, издержками производства и воспроизводства его специфической рабочей силы, а не продуктом его труда.». [9]. Таким образом, Маркс выделяет, что у отдельных пролетариев, в зависимости от области действия, может быть та или иная специфика, от которой единым классом он быть не перестает. Также, особого внимания заслуживает такая прослойка, как «Рабочая аристократия». «Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во всех странах. Различия между оформленной партией, напр., Биссолати в Италии, партией вполне социал-империалистской, и, скажем, полуоформленной почти-партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых и К°, — эти различия несущественны. Важно то, что экономически откол слоя рабочей аристократии к буржуазии назрел и завершился, а политическую форму себе, ту или иную, этот экономический факт, эта передвижка в отношениях между классами найдет без особого «труда».» [10]. Таким образом, внутри пролетариата способен существовать слой высокооплачиваемых работников, в основном за счет тесного сотрудничества с буржуазией или же специфики самой профессии. Госслужащих, в определенном смысле, можно отнести к данному слою, в следствии определенных схожестей, только роль предпринимателя играет государство, формируя слой лояльных работников в тех областях, где это необходимо.

Что можно сказать в итоге? Рассмотрев специфику государственной роли внутри общества и госслужащих в классовой системе, можно приди к выводу, что государство в марксистской философии можно представить крупнейшим коллективным эксплуататором, обладающий монопольным статусом и спецификой управления имуществом и распределения благ, что можно связать с уготованной ему общественной роли., а госслужащих, как профессиональный или отраслевой слой, состоящий из групп крайне близким к буржуазии и пролетариату, а возможно и являющимися их частями.

Список литературы

1. Фридрих Энгельс Происхождение семьи, частной собственности и государства По изданию: Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1986, — 639 с. Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 21, с. 28-178.

2. Ленин. В. И. Государство и революция/ Государственное издательство политической литературы 1953. – С.121.

3. Ленин. В. И. О государстве Полное собрание сочинений. - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969.

4. Фридрих Энгельс Анти-Дюринг Оперативное издательство «Московский рабочий». Москва .1922. – С.237.

5. Лев. Д. Троцкий Преданная революция - Москва: НИИ культуры, 1991. – 254, с.

6. Ленин. В. И. «Великий почин» Полное собрание сочинений Том 39 Издательство политической литературы Москва, 1970. – С.654.

7. Егор Живинин Рабочее государство и рабочая забастовка 8 августа, 2020 /spichka.media https://spichka.media/workers-state-and-workers-strike/.

8. Егор Живинин «Наши советы не всегда были удачными»: СССР и послевоенный кризис в Восточной Европе 24.12.2021/spichka.media https://vatnikstan.ru/history/sssr-i-poslevoennyj-krizis/.

9. Карл Генрих Маркс Капитал Том 3 Перевод И. И. Степанова-Скворцова Государственное издательство политической литературы, 1951. – С.924.

10. Ленин В.И. Империализм и раскол социализма Полное собрание сочинений 5-ое издание Том 30 Издательство политической литературы Москва, 1973 – С.556.

УДК 340,341, 34.08

Майер Елена Владимировна,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: 89040769179vi@gmail.com
Капустин Глеб Сергеевич,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: kapustin.gleb10yandex.ru

Mayer Elena Vladimirovna,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: 89040769179vi @gmail.com
Kapustin Gleb Sergeevish,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: kapustin.gleb10yandex.ru

ПАРТИЙНО–ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

THE PARTY–STATE SYSTEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINAIN THE CONDITIONS OF ECONOMIC MODERNIZATION

В статье анализируются основные этапы развития системы Китайской Народной Республики в период перехода от партократического типа к современной политической системе, идущей по пути демократизации, с учетом ценностей национальной культуры и традиционным механизмам проведения политики

Ключевые слова: политико-правовые реформы, модернизация партократической системы, Государственный совет, Конституция Китайской Народной Республики.

The article analyzes the main stages of the development of the system of the People's Republic of China during the transition from a party-democratic type to a modern political system following the path of democratization, taking into account the values of national culture and traditional mechanisms of policy

Keywords: political and legal reforms, modernization of the partocratic system, State Council, Constitution of the People's Republic of China.

На процессы формирования политической системы КНР оказал влияние ряд факторов. В первую очередь, это достижения конфуцианской политической мысли, которая находилась в постоянном процессе развития и внутреннего изменения. Создание новой политической системы Китайского государства было поддержано основными слоями населения. Создание государства с сильной центральной властью, отстаивающей его суверенитет, осуществляющей политику экономического процветания, соответствовало традиционным представлениям о характере политического устройства страны. Политическая система КНР, сформированная в 1950-60-е гг., имела ряд особенностей. Политическая идеология характеризуется гибкостью в интерпретации и практическом применении. Потребность в осуществлении перестройки и общей модернизации народного хозяйства в КНР с конца 1970-х гг. явилась главным движущим фактором эпохи «реформ и открытости» в КНР. Модернизация экономики и создание рыночных механизмов обозначили потребности в реформировании также и политической системы, которая усиливалась пропорционально реализации рыночных реформ. Мы можем выделить ряд признаков модернизации в различных сферах общества в КНР, которые являются связанными и взаимообусловленными. Начало политической модернизации мы связываем с утверждением после XVI съезда КПК «четвертого поколения» руководителей КНР. В это время формируются основные особенности, факторы, направления и механизмы политической модернизации КНР [1, с. 288].

Модернизация – процесс преобразования общества под взаимодействием научно – технической революции, затрагивающий все стороны общественной жизни, следовательно, под политической модернизацией в КНР мы понимаем переход от модели китайского государства партократического типа к современной политической системе, идущей по пути демократизации, с апелляцией к ценностям национальной культуры и традиционным механизмам проведения политики[2, с.286].

Особенностью модели китайской политической модернизации является высокая роль конфуцианских традиций, используемых при формированиистратегического курса развития КНР и в стиле взаимодействия управляющих элит и общества. Морально — нравственные конфуцианские категории, положенные в основу принципов управления государством и формирования китайской бюрократии, составляют специфику китайских политических реформ на современном этапе развития. Изменения в политической системе КНР происходят медленно, являясь реакцией на социально-экономические процессы, проходящие внутри общества. Отличительной особенностью китайской модели выступает первостепенное значение экономических реформ, которые приводят к образованию новых социальных слоев китайского общества, выступающих в качестве важных субъектов политической модернизации.

Социальный фактор политической модернизации в КНР выражен в изменении социальной структуры общества. Главным образом, этот процесс характеризуется развитием китайского среднего класса. Важную роль играет реализация концепции «Тройного представительства». Расширение китайской элиты за счет включения в нее представителей бизнеса приводит к формированию новых задач и ресурсов политической модернизации. Начиная с 2000-х гг. особое значение приобретают реформы судебно-правовой системы, потому что спрос на них, прежде всего, формируют бизнесмены через формы влияния в КПК.

Необходимым условием осуществления курса политических реформ в КНР служит личностный фактор китайских лидеров. С именем каждого председателя КНР связана программа социально-политического развития. Начиная с Дэн Сяопина, все руководители государства формулируют свои программные положения, которые становятся целью продолжения политики модернизации каждого следующего председателя КНР. Роль национального лидера китайского государства имеет ключевое значение в процессе принятия решений при осуществлении курса политических реформ.

В качестве одного из главных направлений политической модернизации мы выделяем институционализацию механизма сменяемости власти в КНР. С начала XXI в. в КНР окончательно утверждается механизм преемственности руководителей в китайской политической элите. Институционализация этой традиции получила оформление, начиная с четвертого поколения китайского руководства. С 2002 г. развивается модель коллективного управления страной, когда через каждые 10 лет, минуя один съезд КПК, происходит переизбрание председателя КНР, генерального секретаря КПК и премьера Госсовета КНР. Кандидат на высшие должности в аппарате управления партией и государством занимает поэтапно все руководящие посты, зарекомендовав себя в качестве надежного преемника политического курса предшествующего руководителя государства.

Вместе с системой местных выборов в КНР продолжает совершенствоваться институт внутрипартийной демократии. Демократизация в партии идет по пути развития внутрипартийных фракционных дискуссий. За годы «реформ и открытости» в структуре КПК сформировались группы влияния, соперничество между ними определяет динамику политического процесса КНР. Развитие плюрализма внутри партийных структур свидетельствует о демократизации КПК.

Административная реформа КНР с 1990-х гг. была направлена на создание модели рациональной бюрократии и борьбу против коррупции. В результате преобразований в сфере государственной службы был сформирован механизм ротации госслужащих, развивается национальная традиция отбора на руководящие должности наиболее квалифицированных кадров и регламентирован конфликт интересов. Формирование новых условий социально-экономического развития определило потребность реформирования административной системы. Эти изменения в структуре органов государственной власти являются важным признаком политической модернизации в КНР на современном этапе [1, с. 292].

Важным механизмом политической модернизации в КНР выступают реформы, направленные на совершенствование правовой системы государ-

ства. Модернизация судебной системы, направленная на упрощение и прозрачность ее работы, развитие современного административно-процессуального законодательства определили повестку реформы судебно-правовой системы в КНР. Поэтому политический режим для поддержания собственной стабильности будет стремиться к внешней прозрачности и демократизации аппарата судебной власти.

По мере демократизации избирательного процесса в КНР происходит становление новых демократических институтов. Развитие системы местных выборов приводит к институционализации локальных элит, которые выступают в качестве местного уровня власти. Развитие местного избирательного законодательства и органов самоуправления выступает в качестве важнейшего направления политической модернизации, которая начинает зависеть от способности местных элит отвечать на основные вызовы современности и решать вопросы местного значения. Развитие института локальных выборов в КНР непосредственно связано с системой национального избрания ВСНП, поэтому эти изменения в китайском законодательстве влияют на порядок формирования и функционирования законодательной власти всей страны в сторону демократизации.

Демократический вектор развития страны означает на практике более широкое участие населения в политике и открытость органов государственной власти в КНР. Процесс пока проходит в основном на местном уровне, но динамика изменений этого процесса заметна уже сегодня. Растет влияние массовых общественно-политических организаций и движений.

Основными механизмами политической модернизации в КНР выступают изменения в законодательстве и работе органов государственной власти. Административный механизм трансформации китайской политической системы характеризуется некоторыми возрожденными формами конфуцианского традиционного аппарата управления. Через оптимизацию законодательной и судебно-правовой системы обеспечивается деятельность основных институтов, правил, каналов и процедур политического участия населения, выражения дифференцированных политических интересов. Эти правовые процессы ведут к модернизации политической системы.

Политическая модернизация в Китае находит свое результирующее выражение в существенном изменении политических практик. Речь идет о современной экономической, социальной, культурной и т. д. политике китайского государства, направленной на качественные изменения и совершенствование всего китайского общества.

Так, национальная политика выступает важным механизмом китайской модернизации. Этот процесс, направленный на сбалансированное социально-экономическое развитие западных и восточных регионов страны, приводит к решению задач модернизации отстающих районов КНР, образованию источников роста материального благосостояния граждан. Развитие национальных культур и языков, обеспечение гарантированного правового и политического статуса всех народов Китая составляют важнейшую задачу. Снижение национального сепаратизма и социально-экономического напряжения в государстве считается условием общественного согласия относительно курса проводимой политики в государстве [1, с.291].

Продолжению нового этапа политической модернизации в КНР может способствовать развитие потребностей у китайской элиты дальнейших

преобразований в экономическом, социальном и культурном направлениях. Это может произойти к концу второго срока пребывания у власти «пятого поколения» китайских руководителей, когда КНР решит национальные, социальные и экономические проблемы развития, сумеет окончательно закрепиться среди ведущих стан мира по экономическим показателям.

Конституция КНР и ее особенности. Действует Конституция 1982 г. является четвертой в истории (до нее в КНР действовали конституции 1954 г., 1975 г. и 1978 г.), т. е. гибкой по типу. По форме правления КНР является республикой советского (социалистического) типа. Согласно Конституции 1982 г. КНР социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян. Доминирующей и руководящей силой политической системы является КПК, что отражено в Конституции КНР. Для политической системы характерно тесное переплетение партийных и государственных функций, КПК и государства. Помимо КПК в Китае существует еще 8 «демократических» партий, имеющих декоративный характер [2].

Организация государственной власти. Регулируется Основным законом Специального административного района Сянган КНР, принятым в 1990 г. сессией ВСНП.

Законодательную власть в Сянгане осуществляет парламентский орган — Законодательный совет в составе 60 членов.

Высшим должностным лицом в Специальный административный район и главой правительства Сянгана является Глава администрации САР. При нем действует совещательный орган — Исполнительный совет.

Высшим органом государственной власти в КНР является ВСНП — Всекитайское собрание народных представителей, постоянно действующий орган которого — Постоянный комитет ВСНП. Оба эти органа осуществляют законодательную власть в стране [1, с.297].

ВСНП вносит изменения в Конституцию; принимает уголовные и гражданские законы, законы о государственной структуре и другие основные законы и вносит в них изменения; избирает главу государства Председателя КНР и его заместителя, председателя Постоянного комитета ВСНП и его состав; утверждает Премьера и состав Госсовета КНР (правительства); избирает председателя Центрального военного совета КНР и утверждает его состав; избирает председателя Верховного народного суда и генерального прокурора Верховной народной прокуратуры; рассматривает и утверждает планы экономического и социального развития, государственный бюджет и отчеты об их выполнении; изменяет или отменяет ненадлежащие постановления Постоянного комитета ВСНП.

Поскольку депутаты совмещают выполнение производственных обязанностей с депутатской деятельностью, ВСНП как коллегиальный орган функционирует в течение весьма кратких сессий (2-3 недели в году). В остальное время значительную часть его полномочий осуществляет Постоянный комитет ВСНП, который избирается ВСНП и ему подотчетен.

Полномочия Постоянного комитета весьма обширны и перечень их открыт, так как ВСНП может возложить на него и другие функции.

Постоянный комитет ВСНП уполномочен: толковать Конституцию, принимать законы и вносить в них изменения, толковать законы, осуществлять контроль за работой Государственного совета, Центрального военного совета, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры; отменять акты органов государственной власти провинций, автономных рай-

онов и городов центрального подчинения, противоречащие Конституции, законам и административным актам; принимать решения о всеобщей или частичной мобилизации в стране; ратифицировать и денонсировать международные договоры, а также традиционные полномочия главы государства [4, с. 317].

Глава государства — Председатель КНР, избираемый ВСНП. Срок его полномочий соответствует сроку полномочий ВСНП, но он осуществляет их до вступления в должность Председателя, избранного ВСНП нового созыва. Никто не может занимать должность Председателя КНР более чем два срока подряд [4, с. 318].

На основе решений ВСНП и его Постоянного комитета Председатель КНР осуществляет полномочия по опубликованию законов, назначению ряда высших должностных лиц, награждению государственными орденами и присвоению званий, назначению и отзыву представителей в иностранных государствах, ратификации и денонсации договоров с иностранными государствами, опубликованию указов о помиловании, о мобилизации, о введении чрезвычайного положения и объявлению состояния войны.

Центральным исполнительным органом государства является Государственный совет КНР, который характеризуется в ст.85 Конституции как «Центральное народное правительство, исполнительный орган государственной власти, высший государственный административный орган» [2]. Он состоит из Премьера, заместителей Премьера, членов Государственного совета, министров, председателей комитетов, главного ревизора, начальника секретариата. Премьер, его заместители, члены Госсовета и начальник секретариата образуют Постоянный комитет Государственного совета. Срок его полномочий — 5 лет. Государственный совет руководит административной работой общегосударственного масштаба, деятельностью министерств и ведомств и наделен соответствующими полномочиями. Он ответственен перед ВСНП и его Постоянным комитетом и им подотчетен [4, с. 319].

Изучение политико – правовой системы КНР имеет не только теоретическое, но и практическое значение. КНР идет путем совершенствования государственно – правовых институтов [5, с. 472]. Совершенствуется, в первую очередь, аппарат управления, становясь все более квалифицированным и приспособленным к выполнению стоящих перед страной задач. Демократизация институтов носит весьма дозированный характер, строго в рамках установившейся политической системы, без сколько -нибудь значительного ее реформирования. Вместе с тем Китай постепенно отходит от прежней системы хозяйствования, основанной на административно – командных методах.

Список литературы

1. Селезнев, Л. И. Гражданское общество и государство: Зарубежные модели политических систем//Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.2014.

2. Конституция Китайской Народной Республики : URL:https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Дата обращения 12.03.2023).

3. Миннибаев, Б. И. Особенности системы государственного управления Китайской Народной Республики // Журнал научных и прикладных исследований. 2013. № 4. С. 13-14.

4. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Батлер У. Э., Бойцова В. В., Бойцова Л. В., Додонов В. Н., и др.; Отв. ред.: Сухарев А. Я. Москва : Инфра-М-НОРМА, 2001. С. 317-329.

5. Крашенникова, Н. А. История государства и права зарубежных стран // Том 2 // Норма: ИНФРА – М, 2010. С. 442 - 472.

УДК 340,341, 34.08

Мелихова Анастасия Михайловна,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: nastya.melikhova@gmail.com

Melikhova Anastacya Mikhailovna,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: nastya.melikhova@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В АНГЛИИ И РОССИИ

FORMATION OF THE INSTITUTE OF BAILIFFS IN ENGLAND AND RUSSIA

В данной статье анализируется вопрос, касающийся процесса становления института судебных приставов в таких странах, как Россия и Англия; как именно и на каких этапах развития они появлялись, а также отличия данных институтов друг от друга и их вид в настоящее время.

Ключевые слова: институт судебных приставов, Великая Хартия Вольностей, Хабеас Корпус акт, должностные лица, недельщик, Соборное Уложение.

This article analyzes the question concerning the process of formation of the institution of bailiffs in countries such as Russia and England; how exactly and at what stages of development they appeared, as well as the differences between these institutions from each other and their current appearance.

Keywords: institute of Bailiffs, Magna Carta, Habeas Corpus act, officials, weekly clerk, Cathedral Code.

В течение долгого времени добиться добровольного исполнения судебных актов гражданами и организациями без влияния на них различными способами принуждения со стороны власти – не удается никакому государству. Это происходит потому, что ни один гражданин не желает добровольно расставаться со своим имуществом, или иными финансовыми ресурсами. Это напрямую противоречит правовой культуре граждан. В результате, процесс решения имущественного вопроса населения всегда вызывал недовольства и споры с обеих сторон. Для того, чтобы регулировать данный процесс, в каждом государстве в различные этапы развития создаются специальные контролирующие ведомства. Разумеется, в разных странах

институты, регулирующие организационно-правовые условия исполнительного производства, имеют не только свои особенности, но и выступают под различными наименованиями, а также отличаются в организационно-правовом смысле. При проведении анализа института судебных приставов автор рассматривает такие страны, как Англия и Россия, а также сравнивает процесс становления данного института. В Англии процесс становления судебных приставов имеет давнюю историю, а также неразрывно связано с опытом стран Дальнего Зарубежья. Их успех в обеспечении судебного контроля за законностью и обоснованностью действий, и решений органов уголовного преследования помогут проанализировать развитие судебного контроля и законодательства о защите прав и свобод личности в России.

Развитие судебного контроля в Великобритании берет свое начало с 1215 года. Согласно Великой Хартии Вольностей, пункту 39 был прописан и закреплен принцип, который гласит о недопустимости задержания и заключения в тюрьму любого человека без ведома на то причин и законных оснований [1]. В дальнейшем, в данном нормативном правовом акте были проведены различные изменения и внедрения новых законов и принципов, однако же это не единственный акт, который регулирует деятельность судебных приставов. В 1679 года, в результате гражданской войны, был принят исторический документ – Хабеас Корпус Акт [2]. Данный документ был принят парламентом и являлся одним из первых нормативных правовых актом, который полностью осуществлял защиту прав, свобод и законных интересов личности от произвольного ареста и имеющий неоценимое значение в развитии теории и практики защиты прав личности.

В соответствие с данным актом, должностные лица, которые могли осуществлять задержание граждан, должны были в обязательном порядке проводить необходимые мероприятия для обоснования задержания, а также направлять подозреваемого к лорду или судье для принятия решения о санкционировании ареста. То есть третье лицо должно было предъявить приказ Хабеас Корпус, обращенный к должностному лицу и касающийся какого-либо лица под его или их охраной. В течении трех дней должностное лицо обязано было доставить его в течении определенного времени к лорду - канцлеру или лорду-хранителю печати Англии или к судьям, или баронам того суда, откуда был выдан означенный Приказ или к такому лицу или лицам, перед которыми означенный приказ должен быть выполнен, согласно содержащемуся в нем повелению, и одновременно удостоверить истинные причины задержания или заключения. Так же в данном акте допускаются отступления в случаях, когда место заключения названного лица находилось на расстоянии большем, чем двадцать миль, от места или мест, где суд или упомянутое (должностное) лицо пребывает или будет пребывать. Так, если расстояние больше, чем двадцать миль, но меньше ста миль, то приказ выполняется в течение десяти дней, а если расстояние больше ста миль, то в течение двадцати дней после вышеупомянутого вручения — и не позднее.

В результате активного и обширного использования данного акта он вышел за рамки уголовно-процессуального права. Хабеас Корпус акт стал активно применяться в практике по реализации защиты граждан от ограни-

чения свободы. Защита проявлялась также для тех граждан, которые нуждались в защите от иммиграционной службы. Так же следует отметить, что, рассматривая вопрос о законности задержания, судья руководствовался, в первую очередь, интересами гражданина, а не государственного органа. Это доказывает, что процедура Хабеас Корпус акт представляет из себя форму судебного контроля для защиты прав человека при задержании [3, с. 78–84].

В 1985 году стала применяться такая мера пресечения, как арест по приказу суда, которая была установлена Законом «Об уголовном преследовании» и Инструкцией «О регулировании уголовного преследования». Данное наказание могло применяться только судом. Она имела отличие, что задержание подозреваемых не могло быть применено на длительный срок.

Несмотря на нововведения, в английском процессуальном праве еще не до конца были решены вопросы, касающиеся судебного контроля над исполнением, соблюдением и применением закона при собирании доказательств, если учитывать, что главным элементом судебного контроля является оценка судом допустимости доказательств, полученных с нарушением закона.

На сегодняшний день в Англии исполнительное производство в судах графств осуществляют бейлифы, которые являются частью судебной системы страны. Их работу контролируют бейлифы, которые выполняют надзорные функции. Управление деятельностью по различным вопросам выполняет старший клерк суда графства, к которому прикреплены бейлифы. В свою очередь регистратор суда несет ответственность за акты бейлифов. В целом ответственность за деятельность исполнителей возложена на Лорда-Канцлера. Судебные исполнители объединены в Ассоциацию Судебных Исполнителей Высокого Суда Англии и Уэльса. Это саморегулируемая ассоциация, членство в которой не обязательно.

Обзор организационно-правовой системы исполнительного производства за рубежом позволяет выделить два существенных факта:

- во-первых, исполнительная власть и полномочия находятся в ведение многих органов и структур, что может мешать четкому выполнению задач и поставленных условий;

- во-вторых, довольно часто данные полномочия накладываются не на государственные ведомства, а на частные организации или лица: это может быть судебный исполнитель, работающий по лицензии, или частная адвокатская контора, занимающаяся розыском имущества, и пр. [4]

Таким образом, процесс зарождения института судебных приставов в Англии имеет давнюю историю и активно развивается на сегодняшний день. Конечно, не всегда была обеспечена законность и полнота выполнения условий, но были приняты все необходимые меры для этого предотвращения. Рассматривая все вышеперечисленные нормативные правовые акты, направленные на защиту прав и свобод человека, можно увидеть в них предпосылки зарождения современной системы уголовного процесса Англии.

Что же касается России, то Федеральная служба судебных приставов развивается с еще более древних времен. Данная служба является органом Федеральной исполнительной власти, которым обеспечивается установленный законодательством порядок функционирования судебных учреждений, исполняются решения судебных органов и других уполномоченных должностных лиц, реализует дополнительные полномочия в плане поиска должников и их имущества, производства дознания и практической административной деятельности, а также по правоприменению, контрольным и надзорным функциям в закрепленной области функционирования [6].

Процесс становления института судебных приставов появился с момента образования древнерусского государства – Киевской Руси. Одним из первых нормативных документов, который стал регулировать деятельность судебных приставов – «Русская Правда», первый письменный источник русского права.

Когда существовало древнерусское государство, то дань была как форма выплата налогов, которые собирались князем лично. Данный процесс начинался с ноября, а заканчивался в апреле. На протяжении данного времени князь лично выезжал с дружиной по дворам, собирал дань. К жителям подчиненных земель, которые отказывались платить или не имели возможности выплатить дань, всегда использовались силовые методы. Княжеские распоряжения исполняла дружина.

Княгиней Ольгой была проведена налоговая реформа – установлены «уроки» (фиксированные размеры повинности) и создана новая форма получения дани – «повоз» (дань должны были свозить на обустроенные «погосты» и становища).

До правления Петра Первого, судебным приставов значился недельщик, исполняющий возложенные на него обязанности неделями («быть в неделях»).

В январе 1649 года царем Романовым Алексеем Михайловиче и Земским Собором было утверждено Соборное Уложение, где пристав упоминался гораздо чаще, а также был расширен круг полномочий судебных приставов – теперь, если должник оказывал сопротивление при аресте, пристав мог брать в помощь себе дружинников (ст. 141), одновременно с расширением прав, увеличилась и ответственность – за неисполнение или ненадлежащее выполнение своих обязанностей на судебных приставов налагалась дисциплинарная (увольнение со службы), уголовная (битье батогами) и материальная (возмещение убытков)ответственность. Была предусмотрена ответственность за уклонение от пристава и для бояр – если ответчик, помещик или вотчинник сбегал, то его холопы вместо него сдавались на поруки, а когда ответчик объявлялся его отправляли в тюрьму и взыскивали штраф в пользу истца (ст. 139).

Когда был упразднен орган приставов, данная функция была возложена на милицию. Однако, данные изменения не принесли никакой положительной динамики. Если до этого недельщикам за хорошую службу по обеспечению явки в суд участвующих лиц было положено вознаграждение, кото-

рое в свою очередь взымалось с приглашенных, то приставы из полиции не имели никакой материальной заинтересованности.

При проведении судебной реформы в 1864 г. ведомство судебных приставов было восстановлено в качестве подразделения в структуре судебных учреждений. В ноябре 1864 года император Александр II своим указом утвердил Судебные уставы, определяющие обновленные принципы судоустройства и судопроизводства в Российской империи, а также то, что при судебных местах должны находиться и судебные приставы. Однако обновления было решено вводить в действие в течение четырех лет начиная с 1866 года. Работы судебных приставов, которые были приставлены к мировым судьям, окружным судам и мировым съездам стала строго подконтрольна этим судебным ведомствам.

С изменениями в общественно-политическом строю, состоянием экономических отношений уже в начале 90-х годов XX века совсем по-новому встала ситуация в судебной системе и исполнительном производстве. Исполнительное производство в это время находилось в разрухе, переходный период напрочь парализовал все старые государственные механизмы, а новые еще не были созданы.

Декабрь 1996 года стал переломным моментом в истории исполнительного производства: Всероссийским съездом судей было определено, что судебное решение, необеспеченное реально действующим механизмом его исполнения, является пустой декларацией, а, значит, фикцией судебной защиты прав и свобод граждан. Итогом было подведено то, что отсутствовало реально действующее законодательство, не разработан статус судебных приставов- исполнителей и их полномочия.

Новая эпоха в деятельности судебных приставов начинается с принятия федеральных законов № 118-ФЗ от 21.07.1997 «О судебных приставах» и ФЗ № 229-ФЗ от 02.10.2007 «Об исполнительном производстве» [7, 8]. Новое законодательство послужило фундаментом для организации службы судебных приставов как самостоятельного института. Практическое применений новых законов об исполнительном производстве и о судебных приставах, быстро оправдалось – произошло существенное укрепление гарантий защиты прав граждан и организаций в исполнительном производстве.

Важнейшим в деятельности судебного пристава конституционные положения о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и их защита – обязанность государства. Российская Федерация гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с этим данные положения обязаны находиться в фундаментальных основах деятельности всех органов государственной власти. Так, в процессе деятельности судебных приставов может быть осуществлен привод лиц, которые уклоняются от явки в суд или к судебному приставу-исполнителю, в такой ситуации необходимо учитывать, что достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления; запрещаются насилие, пытки и другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение.

Служба судебных приставов России подконтроль на Министерству Юстиции Российской Федерации, которое, в свою очередь, осуществляет контролирующие и координирующие функции, по отношению к службе судебных приставов, а также принимает нормативные правовые акты, регулирующие ее деятельность [9, с. 343-346].

В настоящее время идет совершенствование механизма исполнения судебных решений, актов других органов, обеспечения установленного порядка деятельности судов, и, при условии дальнейшего реформирования с активным участием профессионалов юридического сообщества, Российская Федерация получит устойчивую и надежную службу по исполнению судебных решений. Служба судебных приставов начинает свою деятельность еще со времен Древней

Руси, еще не представляя себя как единую централизованную службу в исполнительном производстве, но уже функционирует как небольшая ее часть в вопросах исполнения судебных решений и обеспечения взысканий денежных средств с должников. В этой связи анализ истории дает возможность новому взгляду на современный процесс развития российской системы исполнительного производства, а исторический опыт ясно показывает, что мечом и батогами, заставить ответчика вернуть долг можно, но основным и наиболее эффективным оружием является Закон.

При сравнении Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации с аналогичными службами в зарубежных странах, получается то что служба судебных приставов России имеет меньшее количество полномочий при производстве своей деятельности, чем ее коллеги за рубежом, а также достаточно распространенным является то факт что производство исполнительных действий осуществляется частными лицами, используемыми на различных уровнях: судебные исполнители, осуществляющие свою деятельность на основании лицензии или частные адвокатские конторы по розыску имущества. Учитывая все это государственные органы иностранных государств занимаются исполнением актов судебных, но при помощи частных служб они являются немного разгруженными от основной массы исполнительных производств. Этим вполне можно объяснить существующие проблемы в деятельности нашей службы судебных приставов.

Список литературы

1. Абдрасулов, Е. Б. К вопросу о становлении и развитии института досудебного контроля в Англии // Инновационная наука. 2017. № 4.

2. Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas corpus act) – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/16601680/Akty_parlament/akt_habeas_corpus_26_05_1679.phtml.

3. Бакурова Н. Н. Административная реформа и институт судебных приставов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 1 (41). С. 78–84.

4. Гуреев, В. А. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: учебно-практическое пособие / В. А. Гуреев. – М.: Статут, 2017 – 585 с.

5. Police and Criminal Evidence Act 1984. –Режим доступа: https://www.gov.uk/guidance/ police-and-criminal-evidence-act- 1984-pace-codes-of-practice

6. История России с древнейших времен до начала XX века : учебное пособие / [А. А. Бочаров [и др.]; под ред. А. Э. Алакшина, С. В. Кулика, С. Б. Ульяновой, [отв. ред. Е. А. Самыловская]; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. — Электрон. текстовые дан. — Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. — 556с

7. О судебных приставах: федер. закон от 21.07.1997 №118-ФЗ (ред. От 29.12.2017) // Российская газета. – №149. – 05.08.1997.

8. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 №229- ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Российская газета. – №223. – 06.10.2007.

9. Разутова, Е. А. Исторические аспекты развития института судебных приставов в России / Е. А. Разутова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 23 (418). — С. 343-346.

УДК 342

Мельниченко Андрей Евгеньевич,
аспирант,
(Санкт-Петербургская
юридическая академия)
E-mail: melandr2006@mail.ru

Melnichenko Andrei Evgenevich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: melandr2006@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КОНСТИТУЦИИ РФ)

THE EVOLUTION OF THE RULE OF LAW PRINCIPLE IN THE MODERN HISTORY OF RUSSIA (IN REFERENCE TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Статья посвящена особенностям заимствования публично-правовых институтов в современной России. Автор показывает, что заложенная Конституцией РФ идея о приоритете прав человека не может привести к ее подлинной реализации в связи с стратификацией российского общества. Действительное распространение такого принципа возможна лишь после изменений в правосознании элиты и граждан. Принятые в 2020 году изменения в Конституцию РФ усиливают проникновение принципа верховенства права в государственную и общественную жизнь.

Ключевые слова: верховенство права, Конституция РФ, приоритет прав.

The article is devoted to the peculiarities of borrowing public law institutions in modern Russia. The author shows that the idea of the priority of human rights laid down by the Constitution of the Russian Federation cannot lead to its true implementation due to the stratification of Russian society. The actual dissem-

ination of such a principle is possible only after changes in the legal consciousness of the elite and citizens. The amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020 strengthen the penetration of the principle of the rule of law into state and public life.

Keywords: rule of law, Constitution of the Russian Federation, priority of rights.

Исторически современная правовая наука считает верным и правильным заимствование из западных правовых систем основных принципов права, таких как система разделения властей, президент, парламент, независимый суд, частная собственность и другие, так как все указанное приводит к развитию справедливого правового общества, защита прав граждан, развитию экономики.

Такие основы были заложены в Конституцию 1993 года, однако по истечении десяти лет стало очевидным, что идея хороша, а реализации хромает.

Бывший председатель Конституционного Суда России В. А. Туманов рассказывал в интервью: «Это был один из первых важнейших демократических законов наступавшего нового периода».

Конечно, невозможно игнорировать возможные недочеты закона, которые обнаружились впоследствии в ходе его практического применения.

В описываемый период законодателем предпринимались и определенные усилия к развитию констуционализма через систему иных, помимо действующих Конституции и специальных федеральных законов.

В свое время выдающийся российский юрист И. А. Ильин часть своей известной работе «О сущности правосознания» посвятил государственному (конституционному) правосознанию.

В настоящее время его идеи представляются обладающими методологическим и практическим значением в современном российском обществе, в котором происходит возвращение к национальным истокам и отечественным правовым традициям.

Ошибки в государственном управлении объясняются И. А. Ильиным «не только случайными недосмотрами или личными неспособностями, но общими основными дефектами государственного управления. Люди все еще не усвоили основную аксиому всякой политики, согласно которой право и государство создаются для внутреннего мира и осуществляются именно через правосознание».

Данное расхождение между целями развития общества и заложенными путями развития было осмыслено в понятии «мнимый конституционализм», которое можно определить, как использование конституционных институтов в противоречащих конституционализму целях.

Объяснение данному феномену были даны следующие:

В. П. Малахов указывал следующее: «Системообразующими идеями российской правовой культуры являются идеи правды, милости, служения и мучения. Они - смысловые узлы, непосредственно обусловленные доминированием в российской духовности религиозного и нравственного моментов. Системообразующими идеями западноевропейской правовой культуры являются идеи свободы, закона, гражданского общества и естественных прав человека. Они - смысловые узлы, непосредственно обусловленные доминированием в западноевропейской духовности политического и рационалисти-

ческого моментов. На уровне системообразующих идей и логик взаимовлияние и сопоставимость культур минимальна и не связана с изменением качественных характеристик».

Следовательно, заложенные в русской культуре идеи «правды, милости, служения и мучения» противоречат привносимым идея западничества в виде свободы и справедливости, а также принципа верховенства права.

Согласно иной концепции данное мнимость лишь следствие непропорционального развития и неравномерного проникновения «новых» идей в историческую правовую систему.

А. Н. Медушевский предполагал существование так называемых «конституционных циклов», когда чередуются демократические и авторитарные фазы поступательного развития конституционных институтов.

Распространение принципов конституционализма зависит прежде всего от желаний элиты общества честно претворять в жизнь заложенные правила.

Так, принцип верховенства права является одним из основных принципов правовой системы России. Он подразумевает, что все правовые акты и правила должны быть приниматься и применяться в соответствии с конституцией и законами России.

В древнерусском праве принцип верховенства права был признан в виде верования в Божественное право. Это право было противопоставлено законам и правилам, введенным людьми. Своего рода подобным признаком обладает (или должна обладать) Конституция РФ.

С принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году принцип верховенства права был признан в виде верховенства конституции и законов России.

Исторический аспект раскрывает происхождение конституционно-правовых принципов, в ходе которого постепенно или революционно происходит смена типов и исторических форм российского конституционализма.

И. А. Кравец предполагает, что российский конституционализм несколько раз в ходе своего исторического развития изменял институты и принципы.

В таком случае можно ли говорить о развитии, если меняются основополагающие принципы?

Идеал констуционного развития по И. А. Кравцу формируется в нормативном аспекте, тогда как нормативность конституционализма ограничивается установлением обязательных правил поведения в конституционном законодательстве. Поэтому свойство позитивистской нормативности конституционализм приобретает благодаря принципам и правилам, закрепленным в конституции и других правовых актах.

В самом общем виде конституцию можно определить как нормативный правовой акт (или совокупность правовых актов), обладающий наивысшей юридической силой и регулирующий основы организации государства и взаимоотношений государства и человека.

К чертам конституции относятся:

конституция – акт учредительной власти;

конституция носит всеохватывающий характер;

принцип верховенства конституции (акт наивысшей юридической силы);

стабильность конституции (особый порядок принятия, изменения, а также особые субъекты принятия).

Наиважнейшее значение имеет принцип верховенства конституции как высшего закона (и как реализации принципа верховенства права).

Следует отметить, что главным свойством верховенства конституции в правовой системе – это ее особая юридическая сила по сравнению с другими законами.

В соответствии с Конституцией РФ (ст. 1) Российская Федерация является правовым государством.

Составная часть такой идеи – его последовательный демократизм, утверждение суверенитета народа как источника власти, подчинение государства гражданскому обществу.

Приоритетным следствием реализации такого принципа является именно суверенитет права.

Понятие «суверенитет» развивается в различных сферах государственной и общественной жизни в русле конституционализации, технологических революций, межгосударственной интеграции, споров юрисдикций и именно на основе принципа верховенства права.

Концепция суверенитета государства в обычно представляемом территориальном аспекте дополняется категорией «правовой суверенитет». Согласно определению Ю. А. Тихомирова правовым суверенитетом является «особая сфера правового регулирования территориального, межтерриториального и надтерриториального характера, формируемого с помощью системы национально-правовых и международно-правовых регуляторов и структурных институтов».

В новом конституционном цикле России вырабатывается новая модель конституции, отвечающая национальным интересам и соответствующая новым требованиям государственной безопасности страны.

Защита территориальной целостности, укрепление и охрана суверенитета России в аспекте взаимоотношений страны с международным правопорядком, возрождение суверенной государственности, включено в число поправок к Конституции РФ, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

Главное в идее правового государства – это связанность государства правом, гарантированная предсказуемость и надежность его действий, подчинение государства праву.

Президентом Российской Федерации В.В. Путин подчеркнуто: «Обновленная Конституция определила фундаментальные принципы нашего государства - историческую преемственность, моральные устои общества, надежные социальные и юридические гарантии прав граждан. Она позволяет на современном уровне обеспечить условия для устойчивого развития России как демократического, суверенного, социального государства, в котором высшей ценностью являются права и свободы человека, его достоинство и благополучие».

В ч. 2 ст. 4 Конституции РФ провозглашено верховенство Конституции России и федеральных законов на всей территории Российской Федера-

ции. В ч. 1 ст. 15 Конституции РФ определена высшая юридическая сила Конституции России, ее прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации. В приведенных положениях раскрываетеся принцип соблюдения национальной конституционной идентичности, на основании которого строится система правоотношений внутри национального правопорядка.

В предписаниях, провозглашенных в ч. 2 ст. 4, ч. 1 и 4 ст. 15, ч. 2.1 ст. 67, ст. 71 и 79 Конституции РФ, определяются границы правового суверенитета Российской Федерации.

Построение национальной правовой системы раскрывает внутренний аспект правового суверенитета, а межгосударственное взаимодействие - внешний.

Верховенства право, являясь важнейшим принципом правового государства, характеризуется тем, что правовое государство само ограничивает себя действующими в нем правовыми нормами, которым обязаны подчиняться все: государственные органы, должностные лица, общественные объединения и граждане.

Верховенство права означает в первую очередь верховенство закона, выражающееся в том, что главные, основополагающие общественные отношения во всех сферах общественной жизни регулируются законами. Также оно подразумевает также всеобщность. И наконец, верховенство закона означает утверждение его господства, т. е. такого положения, когда выраженные в законе начала и устои общества должны остаться непоколебимыми, а все субъекты общественной жизни, без исключения, должны подчиняться его нормам (ст. 15 Конституции РФ).

Господство закона – неотъемлемый признак правового государства. Исторически в России право не означает его всесилие, не предполагает, что право в нашем обществе может служить панацеей от всех наших бед.

Самостоятельность и независимость представительной власти должны служить обеспечению эффективного и ответственного управления делами государства на основе верховенства права.

Ограждая суверенитет от нарушений при возможных превышениях представительной и исполнительной властями возложенных на нее конституционных полномочий или злоупотребления ими, конституционное правосудие закрепляет конституционный образ правления в неискаженном виде.

Важно, что этот образ верховенства наполнялся реальным демократическим содержанием.

Принятые в 2020 году поправки в Конституции усиливает заложенные изначально принципы, учитывая современные реалии.

Реализация принятых изменений должна усилить действие принципа верховенства права в условиях изменяющегося российского общества с его не вполне окрепшими нормами, в том числе слабо развитым конституционным правосознанием.

Гарантирование правового развития и становления общества, отстаивания всех общественно значимых интересов, нужд, потребностей в правовом поле относится к приоритетам конституционализма, одним из главным которого является проникновение принципа права в плоть и в дух общественного сознания.

Список литературы

1. Ильин, И. А. О сущности правосознания. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 137Цит. по: Конституционный юбилей: интервью В. Туманова журналистке С. Михайловой // Время новостей. 2001. 11 июля.
2. Кравец, И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики): Монография. М., 2002. С. 154-156.
3. Малахов, В. П. Природа, логика и содержание правосознания: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 31-32.
4. Медушевский, А. Н. Теория конституционных циклов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 455.
5. Кравец, И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 43-45.
6. Тихомиров, Ю. А. Теория государства и права в науке, образовании, практике / Тихомиров, Ю. А. Арзамасов Ю. Г., Баранов В. М., Варламова Н. В. и др.: Монография / Пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016. С. 180 - 183.
7. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти". М., 2020. С. 19 - 20.
8. Хабриева, Т. Я., Андриченко, Л. В., Нанба, С. Б., Помазанский, А. Е. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2021. С. 286 - 287.
9. Заключение КС РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

УДК 340,341, 34.08
Морова Злата Алексеевна,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: zlatamorova413@gmail.com

Morova Zlata Alekseevna,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: zlatamorova413@gmail.com

АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ: ПЕРИОД ОМЕЙЯДОВ

THE ARAB CALIPHATE: THE UMAYYAD PERIOD

В статье рассмотрен период правления династии Омейядов или Дамасский Халифат, с 661 года до 750 года. Именно в этот период идет строительство единой мусульманской империи и ее правовой системы.

Ключевые слова: Арабский Халифат, Омейядская династия, особенности правовой культуры Халифата.

The article examines the period of the Umayyad dynasty or the Damascus Caliphate, from 661 to 750. It was during this period that the construction of a unified Muslim empire and its legal system was underway.

Keywords: Arab Caliphate, Umayyad dynasty, features of the legal culture of the Caliphate.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что история периода правления династии Омейядов является важной составной частью истории Арабского Халифата. Именно на Дамасский период приходится его расцвет. История Омейядского Халифата помогает в изучении особенностей культуры. Хотя Омейяды предпочитали прежде всего развивать свой главный регион – Сирию, но их правление имело немало достижений.

Согласно арабским средневековым хроникам, род Омейя из племен курайш еще в доисламские времена был одним из наиболее знатных и богатых родов, в Мекке. Племя курайш, откуда произошел род Омейя управляли в Аравии до ислама Меккой, где их представители были хранителями древнего языческого алтаря Каабы. С самого начала выступления Мухаммада, который также происходил из племени курайш, с проповедью нового религиозного учения Омейяды оказались лидерами в борьбе против Пророка провозгласившего новую веру [2, с. 21]. Главой Омейядского рода и главным противником своего соплеменника Мухаммада был Абу Суфйан. Он не принял распространение новой религии, но после нескольких побед сторонников Мухаммада над оппозицией мекканцев, Абу Суфйан вступил в переговоры. Было ясно, что ислам победоносно распространяется. Вскоре Абу Суфйан, а затем и его сыновья приняли новую религию. Историки дискутируют о вопросе судьбы рода Омейя до принятия ислама.

В одних арабских источниках сказано, что Омейя приняли ислам совсем не из религиозных целей, скорее из корыстных. В других же сказано, что Абу Суфйан нес верную службу Пророку и исламу. Историк

В. В. Бартольд, ссылаясь на труды других ученых, доказывает, что правление Омейядов не было связано с антирелигиозной реакцией, что Омейяды основывались на почве ислама [3, с. 532].

Приходу к власти династии Омейядов, находившихся у нее 89 лет, предшествовали борьба между третьим праведным халифом Усманом, выходившим из рода Омейя и Али- зятем Пророка Мухаммада. В годы правления Усмана возникла внутренняя враждебность в стране, вызванная социальной нестабильностью, которая привела к смуте. Смута получила у историков наименование «первая гражданская война в исламе». Последствием убийства халифа – наместника Усмана стало воцарение Али, обвиненного в незаконном избрании. Главным противником новоизбранного халифа стал род Омейя. С избранием Али они полностью утрачивали власть в государстве, что привело к их борьбе. Лидером в борьбе стал наместник Сирии Муавия, происходивший из знатного мекканского рода Омейя, сын главы мекканских курайшитов Абу-Суфьяна. Это был хороший администратор и талантливый полководец. Именно ему приписывается заслуга создания сильного арабского флота, который захватил Кипр, успешно действовал у египетских берегов и т. п. Муавия требовал справедливого суда над убийцами своего соплеменника Усмана. Война началась уже в 657 г., Муавия провозгласил, что мстит за Усмана. Его поддержал завоеватель Египта Амр Ибн аль-Ас. В 660 г. он объявил себя в Иерусалиме халифом, и Али вынужден был признать за противником этот титул. А в следующем году хариджиты убили Али на пороге мечети в столице халифата — Куфе. Воспользовавшись ситуацией, Муавия отправился в Куфу, где сумел добиться отказала от престола сына Али Хасана. Хасан передал права на Халифат Муавии. Так пришла к власти династия Омейядов. Столица была перенесена в сирийский город Дамаск, отчего халифат Омейядов часто называют Дамасским халифатом. Омейядская династия делится на две родственные ветви. В первый период правления во главе стояли Суфйаниды, вторая-Марваниды.

Омейядская династия олицетворяла господство арабов завоевателей. Династия управляла всеми завоеванными провинциями, входившими с единую мусульманскую империю. После падения этой династии в 750 году арабы постепенно теряли власть над многочисленными народами Азии Африки и Европы.

В поздней арабской историографии времен правления Аббасидов Омейяды изображаются незаконными правителями, узурпаторами власти. Их обвиняли в том, что при них Халифат стал светским государством. Действительно, происходило освобождение власти от влияния духовенства, прежде всего в политической сфере. Хотя обвинения аббасидских историков в адрес Омейядов были слишком категоричны. Омейяды почти на протяжении всего своего правления вели войну с «неверными», с Византией [2, с. 37]. Сирийская армия стала основой армии Омейядов, что позволило ей построить единую империю, усилив контроль над завоеванными провинциями и соперничеством арабских племен.

Первым халифом в династии Омейядов стал Муавия. Правление Муавии стало благом для мусульман, поскольку оно положило конец войнам и

смутам и восстановило единство мусульман. Муавия назвал своего сына Язида своим преемником и положил начало традиции престолонаследия в Халифате. Для Халифата это означало превращение в монархию, что было нормой во многих государствах того времени. Муавия пришел к такому решению только потому, что придавал большое значение единству мусульманского общества. Кандидатура Язида позволила сохранить это единство и согласовать настроения народа с мнением ведущего парламента того времени в лице Омейядов. Период правления Муавии характеризовался улучшением политической структуры халифата Омейядов и расширением территории.

Для управления Халифатом было создано правительство – диван, состоящий о из двух канцелярий. Диван-аль-хатам занимался вопросами, связанными с государственными делами и Диван-аль-барид отвечал за почтовые услуги.

После смерти Муавии в 680 году сторонники халифа Али возобновили трудную, но упорную борьбу, которая мучила Омейядов на протяжении почти всех последующих 70 лет, распространившись в итоге на Северную Африку и Испанию. Однако Омейядам удалось достичь некоторой стабильности, особенно после прихода к власти в 685 году Абдул-Малика ибн Марвана (годы правления 685-705). Подавив восстание против Омейядов, Омейяды продолжили завоевательную политику. В завоеванных землях мусульмане назначали эмира(амира) - наместников, завоеванных областей. Они получали всю полноту власти в данных провинциях. Часть завоеванных земель становилась собственностью государства, другая – раздавалась воинам, а третья - становилась собственностью правителя.

Немусульмане облагались особым налогом джизьей. Он гарантировал право проживания на мусульманской территории, сохранение всех религиозных и культурных традиций и ритуалов, а также за обеспечение безопасности и защиты в пределах халифата, также налогом харадж за использование государственных земель и иной собственности. Беднейшие слои общества были освобождены от уплаты налогов, а новообращенные мусульмане получали финансовую поддержку из казны.

С приходом к властям Омейядов начался второй этап арабских завоевательных походов. По мнению некоторых современных исследователей, это был единственный реальный результат деятельности этой династии. Халифы постепенно завоевали все византийские территории в Африке, затем пересекли Гибралтар и начали войну с Испанией, в результате которой Омейядский халифат получил земли под названием Андалусия.

Конец VIII века стал временем установления полного контроля над территорией Центральной Азии, Закавказья. В результате арабских завоеваний значительная часть кочевников и горожан Аравии, иногда целыми племенами, переселялись на земли Сирии, Ирака, Египта, а позднее на землю Ирана и прилегающих к нему областей, а также Северной Африки и Испании. Всего за сто лет арабы стали крупнейший державой с мощной новой религией, а арабский язык стал основным языком государства.

При Омейядах активно развивалась архитектура. Отдавая дань старинным бедуинским вкусам и традициям, Дамасские халифы превратили

старинные римские крепости на границе с аравийской степью в пустынях Сирии в охотничьи резиденции и построили здесь дворцы и замки.

При выборе методов правления, Омейяды руководствовались, главным образом Кораном и Сунной. Но также учитывались обычаи и традиции покоренных народов. Таким образом, складывалась правоприменительная практика, учитывающая местные обычаи, не противоречащие принципам ислама. Позднее, появлялись правовые нормы, которые являли собой результат исламизации правовой практики. Арабское право было сформировано на основе Корана и Сунны. Однако не все принимали Сунну. В результате мусульманский мир эпохи Омейядов разделился на суннитскую и шиитскую части. Последние не признавали не только авторитет Сунны, но саму династию Омейядов.

Шииты продолжали формировать оппозицию до тех пор, пока новая династия не была свергнута. Центром этой оппозиции был Иран, народ которого был не доволен политикой арабизации. Этот процесс для различных народов был довольно неоднородным. Сирийский и иракский народы приняли арабскую культуру охотнее, чем другие. Однако для христианского населения арабизация потребовала больших усилий, и ситуация была более сложной.

Омейяды, опираясь на арабскую знать, связанную с Египтом и Сирией, недооценили своих сторонников из числа оппозиции- шиитов и Аббасидов, которые воспользовались недовольством неарабских феодалов и мусульман-неарабов сбором налогов, которое быстро распространился по стране. В 728–737 гг., прошла еще одна волна восстаний среди согдийцев, берберов в Испании и Магрибе, шиитов в Куфе и хариджитов в Двуречье, а также в Южной Аравии и Западном Иране. В результате восстание под предводительством Абу Муслима в Хорасане вылилось в новую гражданскую войну, которая охватила весь Ирак и весь Иран. В восстании участвовали в основном иранские крестьяне, земледельцы и рабы. Правительственные войска, пытавшиеся подавить восстание, были разбиты повстанцами. Омейяды были свергнуты, а к власти пришли Аббасиды, потомки дяди пророка Мухаммеда. Почти все члены династии Омейядов были жесточайшим образом истреблены хотя и выразили готовность подчиняться новой власти. Только одному из омейядских эмиров Абд ар-Рахману удалось бежать из Ирака в Северную Африку, а оттуда в Андалусию. В 756 г. Абд ар-Рахман захватил власть в Кордове и основал в этой провинции Омейядский эмират.

Итак, в период правления династии Омейядов произошли важнейшие события в истории ислама и Исламского государства, и права. Во-первых, исламская религия распространилась на огромную территорию – от Атлантического океана и до границ Китая. Во-вторых, именно при Омейядской династии был создан крупнейший в арабском мире флот. В годы правления этой династии существенно изменился облик Дамаска. И, наконец, в годы правления данной династии немусульманское население сохраняло свои традиции и обычаи, а беднейшее население освобождалось от налогового бремени.

Список литературы

1. Крашенинникова, Н. А. История государства и права зарубежных стран Том 1 / Н. А. Крашенинникова. — 3-е изд. — Москва : Норма, 2004. — 719 с.

2. Фильштинский, И. М. Халифат под властью династии Омейядов (661-750) / И. М. Фильштинский. — Москва : Северо-Принт, 2005. — 232 с.

3. Бартольд, В. В. Работы по истории ислама и Арабского Халифата / В. В. Бартольд. — Москва : Восточная литература, 2002. — 784 с.

4. Большаков, О. Г. ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА / О. Г. Большаков. — Москва : Восточная литература, 2010. — 367 с.

УДК 340,341, 34.08

Носач Екатерина Максимовна,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: katyanocach.kn@gmail.com

Nosach Ekaterina Maksimovna,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: katyanocach.kn@gmail.com

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАПОЛЕОНА I И НАПОЛЕОНА III. (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

POLITICAL AND LEGAL ACTIVITY OF NAPOLEON I AND NAPOLEON III. COMPARATIVE ANALYSIS

В статье анализируется политико-правовая деятельность двух правителей: Наполеона I и Наполеона IIIи проводится сравнительный анализ политико-правовой деятельности правителей.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, Наполеон III, Франция, Венский конгресс, Отечественная война.

The article analyzes the political and legal activities of two rulers: Napoleon I and Napoleon III and provides a comparative analysis of the political and legal activities of the rulers.

Keywords: Napoleon Bonaparte, Napoleon III, France, the Congress of Vienna, the Patriotic War.

Актуальность данной темы обусловлена прежде всего тем, что людям, изучающим историю, часто становится интересно сравнить двух, казалось бы, похожих, но таких разных правителей.

Хотелось бы ознакомиться именно с тем, как каждый правитель пришел к власти, какие действия предпринимал во время своего правления, как проводил внешнюю политику. Сначала рассмотрим Наполеона I[1].

Политика Наполеона Бонапарта называется периодом бонапартизма [2 с. 165]. Внутренняя политика состояла в укреплении его личной власти как гарантии сохранения результатов революции: гражданских прав, прав

собственности на землю крестьян, а также тех, кто купил во время революции национальные имущества, т. е. конфискованные земли эмигрантов и церкви. Обеспечить все эти завоевания должен был Гражданский кодекс (1804), вошедший в историю, как кодекс Наполеона. Наполеон провел административную реформу, учредив институт подотчетных правительству префектов департаментов и супрефектов округов (1800). В города и деревни назначались мэры. Был учрежден государственный Французский банк для хранения золотого запаса и эмиссии бумажных денег (1800), нейтрализована система сбора налогов. Именно тогда была создана система средних школ - лицеев и высшие учебные заведения - Нормальная и Политехническая школы, до сих пор остающиеся самыми престижными во Франции. Прекрасно сознавая важность воздействия на общественное мнение, Наполеон закрыл 160 из 173 парижских газет, а остальные поставил под контроль правительства. Была создана мощная полиция и разветвленная тайная служба. Наполеон заключил конкордат с папой Римским (1801). Рим признавал новую французскую власть, а католицизм объявлялся религией большинства французов. При этом свобода вероисповедания сохранялась. Назначение епископов и деятельность церкви ставились в зависимость от правительства. В целом, наполеон действовал в интересах класса крупной и мелкой буржуазии, на который опирался. В отношении простых людей, он вел политику порабощения и отнятия множества прав и свобод, завоеванных революцией.

Внешняя политика Наполеона Бонапарта отвечала интересам агрессивной буржуазии и имела целью обеспечить Франции политическую и экономическую гегемонию в Европе. С приходом к власти Наполеона начинается период войн, продолжавшийся непрерывно до его свержения.

Французская армия под его руководством вела войны с Австрией, Россией и другими государствами. Военные успехи французской армии при Маренго и в Аустерлицком сражении, Йена-Ауэрштедтском сражении, под Ваграмом привели к расширению наполеоновской империи. Наполеон стал повелителем всей Западной (кроме Великобритании) и Центральной Европы. Его военные успехи способствовали необычайной славе. Достигнув за 10 лет великого могущества, он заставил считаться со своей волей всех монархов Европы. Но стремительное возвышение наполеоновской Франции и победы французской армии объяснялись не столько личными качествами Наполеона и его маршалов, сколько тем, что в войнах с феодально-абсолютистской Европой Франция того периода представляла исторически более прогрессивный, буржуазный общественный строй. Это сказалось и на военной сфере, где политика Наполеона имела перевес над рутинной стратегией и тактикой армий феодальной Европы.

Отечественная война 1812 года ведет свой отсчет с того момента, как армия Бонапарта вошла на территорию России. До этого у Наполеона были сплошные победы, да и в России дела сразу продвигались неплохо, поскольку русские войска не ожидали прихода французов, и находились небольшими частями по всей стране, будучи не в состоянии дать достойный отпор. Французам даже удалось захватить Москву – но москвичи, прежде чем пускать захватчиков в столицу страны, сожгли практически целиком ее, оставив

в их распоряжение одно пепелище. На этом успехи французов закончились – началась жестокая русская зима, к которой совершенно не были готовы завоеватели. Отечественная война 1812 года имела одно ключевое Бородинское сражение – недалеко поселка Бородино. Великий Михаил Лермонтов даже написал одноименное стихотворение «Бородино», посвятив его этому сражению. Бородинское сражение вовсе не закончилось победой россиян. Более того, после него казалось, что Отечественная война 1812 года полностью проиграна, а французы захватили Москву. На самом деле это был гениальный ход Кутузова, направленный на то, чтобы спасти русских воинов, и дать стране передышку. Российские власти сочли Кутузова предателем – но он сумел убедить их в правильности своих действий, и в том, что лучше сейчас впустить врага в Москву, и подготовиться к следующим действиям. Бородинское сражение показало, что российские войска сделали правильный выбор – они временно отступили, чтобы затем поражение было полностью разгромным. Французы вроде выиграли Бородинское сражение, и вступили в Москву – но что открылось перед ними? Пепелище, отсутствие жителей, еды нет, крова тоже нет. А холодная зима заставила французов вымирать от холода, долго они не выдержали и отправились в бегство. По пути отступления французов их преследовали русские войска, а встречающиеся деревни были опустошены, часто и сожжены. В результате Кутузов доказал свою позицию – по поводу того, что Бородино является его личной победой. Согласился с ним и правитель России Александр, и наградил его денежной премией и титулом. Враг был повержен – а Наполеон еще долго говорил о том, как он ошибся с нападением на Россию.

Также, во время правления Наполеона Бонапарта был созван Венский конгресс. Предпосылкой к его созыву стало то, что ожесточенная и длительная борьба европейских государств против империи Наполеона завершилась разгромом Франции. Естественно, что победители видели основную цель в уничтожении всех изменений, внесенных Наполеоном на карту мира, но не забывали и о себе, добиваясь сохранения своих интересов. Планировалось, что все завоевания Франции будут ликвидированы и она останется в границах того государства, которым являлась до 1 января 1792 года. Итоговый документ Венского конгресса — «Заключительный акт» был подписан Австрией, Англией, Пруссией, Россией, Францией и Швейцарией 9 июня 1815 г., за несколько дней до поражения Наполеона при Ватерлоо и его отречения. В течение последующих 5 лет к этому трактату присоединились 33 европейских государства, последним из которых стала Бавария (май 1820).

Акт состоял из 121 статьи. Он предусматривал реставрацию Бурбонов в лице Людовика XVIII, лишение Франции ее завоеваний и укрепление ее соседей: Швейцария расширяла свои земли и получала стратегически важные альпийские перевалы; Италия оказалась раздробленной на ряд отдельных государств; восстанавливалось Сардинское королевство, которому возвращались Савойя и Ницца и придавалась Генуя; Австрия устанавливала свою власть над Северной Италией и получала преобладающее влияние в

Германском союзе. К России отходили земли герцогства Варшавского, исключая Краков, которому был дан статус «вольного города» и Восточную Галицию, присоединенную к Австрии. Пруссия получала Северную Саксонию, левый берег Рейна, большую часть Вестфалии, шведскую Померанию и остров Рюген. Голландия и Бельгия образовывали Нидерландское королевство. Швеция получала территорию Норвегии. Англия закрепляла за собой часть бывших колоний Голландии и Франции. Кроме статей, в Заключительный акт входили 17 приложений, в т. ч. договор о разделе Польши, декларация об отмене торговли неграми, правила судоходства по пограничным и международным рекам, положение о дипломатических агентах, акт о конституции Германского союза и др.

Венский конгресс впервые выработал систему договоров, регулировавших международные отношения и закреплявших новые границы в масштабах всей Европы. За ним последовало создание «Священного союза» и Четверного союза России, Англии, Австрии и Пруссии, закрепивших эту расстановку сил до середины 19 в.

Политика Наполеона III-Шарля Луи. Первая попытка захвата власти во Франции предпринята Наполеоном еще в 1836 году. Тогда он решил организовать мятеж двух артиллерийских полков, расквартированных в Страсбурге. Попытка провалилась, и представший перед французским правящим монархом неудачный революционер был милостиво сослан в США в изгнание.

В Америке Бонапарт, впрочем, долго не пробыл и уже в августе 1840 года снова ступил на французский берег, высадившись в Булони. Жажда власти толкнула аристократа на очередную попытку возглавить страну. Мятеж снова потерпел неудачу, и Шарль Луи был заключен отбывать пожизненный срок в тюрьму Ам. После шестилетнего заточения Бонапарт бежал из тюрьмы и обосновался в Англии. На родину он вернулся только после революционных событий 1848 года.

Президент, ставший императором. 4 департамента, оказавшие свою поддержку к тому времени уже не молодому Бонапарту, открыли ему дорогу во власть. Шарль Луи избрался в Законодательное собрание.

В декабре 1848 года Бонапарт стал президентом страны, победив на выборах подавляющим большинством голосов. Желая, как можно дольше оставаться у власти, Шарль Луи попытался изменить Конституцию по вопросам времени нахождения президента у власти и его сроков, но натолкнулся на противодействие. Это лишь подтолкнуло его на совершение госпереворота, произошедшего в декабре 1851 года. Результатом стало объявление Франции империей, а сам он, взяв имя Наполеона III, превратился в ее императора.

Желая укрепления своей власти и ее передачи по наследству, новоиспеченный император женился зимой 1853 года на аристократке из Испании Евгении Монтихо. Церемония состоялась 30 января. А спустя 3 года Наполеон III стал счастливым отцом появившегося на свет мальчика. Его

назвали Эжен Луи Жан. Перед императором, как и перед всей страной, открывались новые перспективы

Внутренняя и внешняя политика. С воцарением Наполеона III во Франции фактически установилась диктатура императора. Законодательные палаты имели исключительно совещательный голос и право на регистрацию новых законов без их обсуждения. В стране введена жесткая цензура. Пресса и общественные организации оказались под жестким контролем государства.

Вместе с тем 1850-е годы стали временем расцвета Франции. Во время нахождения у власти Наполеона III страна вышла на ведущие мировые роли. Во Франции поощрялось развитие железных дорог, была введена система свободной торговли, рос оборот товаров и уровень промышленного производства. Страна активно участвовала в строительстве Суэцкого канала. Столица подверглась реконструкции, а благодаря проведению в Париже мировых выставок 1855 и 1867 годов возросла деловая активность.

Все граждане оказались наделены правом голоса, действовал запрет на работу в праздничные и выходные дни. Крестьяне получили право на бесплатное оказание медицинских услуг, строились больницы и приюты для одиноких людей и сирот. Бонапарт пытался помогать всем слоям общества.

Но внутренние успехи не шли ни в какое сравнение с внешнеполитическими осечками. Участие в Крымской войне 1853-1856 годов укрепило авторитет Франции, однако завоевание Вьетнама, военный поход в Сирию под предлогом защиты интересов христиан и война с Австрией, результатом которой, правда стало присоединения Ниццы и Савойи, вызывали недовольство в обществе. Ложку дегтя подбавила и неудачная компания в Мексике, где Бонапарт планировал усадить на трон своего протеже. Авантюра закончилась крахом.

Недовольство внутри страны пришлось скрасить рядом реформ, проведенных на заре 1860-х годов. Отныне Парламенту были предоставлены права на обсуждение законов и их принятие, пресса получила свободу, а часть властных полномочий оказалась передана возглавляемому либералом Оливье министерству.

Объединение Германии и рост ее силы вкупе с выдвижением прусского принца Гогенцоллерна-Зигмарингена на свободный престол Испании, заставили Наполеона III объявить Пруссии войну. Войска не были должным образом подготовлены, а сам император страдал от мочекаменной болезни. Война длилась недолго и в сентябре 1870 года французы вместе со своим императором попали в окружение под городом Седан. 2 сентября была подписана капитуляция, и Наполеон III превратился в пленника. В то же время в сентябре 1870 года империя, созданная им, пала. В марте следующего года император был низложен. Пруссаки отпустили его на свободу, и он уехал в Англию, где уже обосновались его сын и супруга, бежавшие из Парижа. Жизнь Наполеона III оборвалась зимой 1873 года. Экс-император не выдержал очередной, уже четвертой по счету операции по излечению мочекамен-

ной болезни, и скончался 9 января. Его наследник Эжен Луи Жан Бонапарт, вступив в ряды британской армии, отправился в Африку воевать с зулусами, где и погиб в 1879 году.

Итак, Наполеон I и Наполеон III пришли к власти после революций и трансформации страны из республики в империю; оба вели достаточно активную внешнюю политику, множество походов, войн и т. д., воевали с Австрией, Пруссией, Россией; оба провели ряд реформ. И, наконец, Наполеон I и Наполеон III из-за поражений в войнах закончили свою жизнь в изгнании. Однако, после Наполеона III, появилась республика, а после Наполеона Бонапарта власть вернулась Бурбонам. Наполеон Бонапарт успешно воевал с Пруссией, а Наполеон III наоборот. Наполеон Бонапарт был консулом, а Наполеон III – президентом и только потом императором

Список литературы

1. Попова, А. В. История государства и права зарубежных стран Древнего мира и Средних веков : учебник и практикум для вузов / А. В. Попова. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 211 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-03331-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/511985 (дата обращения: 05.03.2023).

2. Вологдин, А. А. История государства и права зарубежных стран в Средние века : учебное пособие для вузов / А. А. Вологдин. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 165 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-9916-8306-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/512283 (дата обращения: 05.03.2023).

3. Вологдин, А. А. История государства и права зарубежных стран в 2 т. Том 1 : учебник и практикум для вузов / А. А. Вологдин. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 324 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-01978-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/512779 (дата обращения: 05.03.2023).

4. Стрельцов А.Д. Наполеон : история жизни и миф // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. – 2022. – №1. – С. 25-30.

УДК 340

Орлов Александр Вячеславович,
аспирант,
(Санкт-Петербургская
юридическая академия)
E-mail: orel88m@mail.ru

Orlov Aleksandr Vyacheslavovich,
PhD student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: orel88m@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ТРЕБОВАНИЯ К КАНДИДАТАМ И КРИТЕРИИ ОТБОРА

ON SOME ISSUES OF ADMISSION TO THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE: REQUIREMENTS FOR CANDIDATES AND SELECTION CRITERIA

В статье рассматриваются некоторые вопросы поступления на службу в Министерство иностранных дел Российской империи и особенности подготовки служащих Министерства в XIX веке. Рассмотрены особенности подготовки служащих Министерства иностранных дел в XIX веке. Анализируются вопросы кадровой политики Министерства иностранных дел Российской империи.

Основой исследования является историко-правовой анализ научной литературы и законодательства того периода. Рассмотрен процесс усложнения вступительных испытаний при определении на службу в Министерство иностранных дел Российской империи.

Ключевые слова: Министерство иностранных дел, подготовка кадров, служащий, Российская Империя, история, право.

The article discusses some issues of entering the service of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire and the peculiarities of the training of employees of the Ministry in the XIX century. The features of the training of employees of the Ministry of Foreign Affairs in the XIX century are considered. The issues of personnel policy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire are analyzed.

The basis of the research is the historical and legal analysis of scientific literature and legislation of that period. The process of complicating the entrance tests when determining to serve in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire is considered.

Keywords: Ministry of Foreign Affairs, training, employee, Russian Empire, history, Orthodox

Введение. Конец XVIII–начало XIX века охарактеризован изменением модели государственного администрирования на основе Европейской наполеоновской модели. Она сочетала в себе характеристики военного дела. Служба в Министерствах стала основываться на максимальной централизации власти, суровом дисциплинарном строе, наложении ответственных на

каждого государственного служащего. Также данный строй был построен на системе предельной рациональности и логичности. Каждый будущий чиновник проходил строгую систему конкурсного отбора. Данная реформа нашла свое применение и в Российской Империи. Коллегиальная система сменилась министерской. Служебные взаимоотношения строились на принципе единоличной власти [4, с. 12].

8 сентября 1802 г. манифестом Александра I было учреждено 8 министерств – Военно-сухопутных сил, Военно-морских сил, Иностранных дел. Внутренних дел, Коммерции, Финансов, Народного просвещения и Юстиции. Процесс создания различных министерских направлений и комитета министров являлся огромным шагом на пути к формированию исполнительного органа государственной власти.

Модернизация политической сферы в Российской Империи в середине XIX века включала в себя определенные изменения в функционировании внешнеполитических ведомств. Внешняя политика во все времена являлась главной стратегической задачей России, поэтому организация управления ею имела огромное значение. Сотрудники Министерства иностранных дел всегда отбирались по четким критериям. Процесс систематизации поступления государственных служащих на работу начался с назначением А. М. Горчакова на пост министра иностранных дел.

Вторая половина XIX века ознаменована возрастанием роли российской дипломатии и обеспечением мира во внешнеполитических отношениях Российского государства и других стран. Высокие требования к государственным служащим предъявлялись также потому, что именно они создавали в глазах правительства других стран имидж нашей страны, как цивилизационной и коммуникативной державы. Именно поэтому государство столько внимания уделяло вопросу определения и становления профессиональных качеств государственных чиновников [6, с. 24].

Основная часть. Государственная служба представляет собой определенный род трудового занятия и профессиональную деятельность человека. Она характеризуется системой профессионального знания и владения различными компетенциями. Во времена Российской Империи государственным служащим уделялось особое внимание, так как они выполняли поручения особой важности. Данный тип профессии связан с основами государственного управления и характеризуется истинным профессиональным мастерством и всесторонней образованностью. Большинство государственных деятелей того времени были главными лицами государства, приближенными к императору. Их отбор имел суровые критерии и отсеивал тех, кто не смог бы выдержать все тяготы жизни сотрудников Министерств. Потому что отношение к такому роду службы, как к обычному роду занятий, не подходит к данной категории. Каждый служащий министерства должен обладать знаниями нормативно-правовой базы и быть профессионалом своего дела.

Порядок отбора на государственную службу в Российской Империи был оформлен в виде правил публично-правовой отрасли. Данная отрасль была подчинена власти закона и государственно-служебных отношений.

Законодательная власть регулировала отношения между властью и должностным лицом [2, с. 115].

Во времена правления Петра I отбор государственных служащих был тщательным, требования строгими. Это связано с важностью долга перед Империей и надежностью внешнеполитических секретов. Но в то время еще не было четких правил при отборе кандидатов на государственную службу. Данный процесс имел зависимость от решения царя и его личного мнения. Также в то время штат сотрудников не был обширен, ежегодно набиралось не более двадцати человек. Большинство служащих были военной категории. Тогда как, при правлении Николая II, через несколько столетий вперед, военные составляли лишь 20 % [7].

В этот же период появилась необходимость учреждения училища дипломатического характера, но это требовало значительного количества средств и квалифицированных кадров. Данная попытка не увенчалась успехом, и было создано лишь Переводческое отделение при Коллегии иностранных дел. Здесь молодые люди могли получить навыки коммуникации на восточном и европейском языке. Улучшение языковых знаний происходило также путем обмена студентами различных стран. Большинство из них отправлялись в Константинополь. В данном месте было создано учебное заведение с уклоном изучения различных языков.

Необходимо отметить, что организация Министерства иностранных дел в современной России подчинена принципу коллективизма, высоким приоритетам власти, ответственности в работе, важности коммуникации. К государственным служащим относятся как к основной движущей силе организации, нанимают людей на долгий срок и применяют принцип нематериального стимулирования их работы. Основными ценностями являются: повышение конкурентоспособности на рынке труда, агрессивность, предприимчивые качества работников, индивидуальность и стремление к общему успеху [1, с. 98].

Для служения Отчизне в странах Ближнего зарубежья подготовка чиновников осуществлялась более тщательно. В 1823 году появилось училище специализированного типа. Оно располагалось в Азиатском департаменте. Здесь преподавались иностранные языки, мировые науки, мусульманское право, география, математика и прочие дисциплины. Обучение составляло три года.

Основным поставщиком кадров для отделения стали факультет восточных языков Петербургского университета, Лазаревский институт восточных языков в Москве и Казанский университет. С середины XIX до начала XX века данное училище выпустило более двухсот специалистов высокого класса.

Выпускники института «драгоманов» того времени имели высокий приоритет при поступлении в Министерство иностранных дел. Учащиеся данного заведения в основном являлись переводчиками восточных языков и культуроведами. Они имели приоритетную возможность поступления в Министерство иностранных дел без системы конкурсного отбора. Это связано с острой нехваткой специалистов данного масштаба.

В рамках данной статьи необходимо раскрыть понятие «драгоман». Драгоман (от араб. ترجمان, [tarʒuma:n], [targuma:n] — переводчик) — официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами, и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. Должность предполагала, как переводческие, так и дипломатические функции [16].

Выпускники получали степень «драгоман» и возводились в ранг консульского секретаря. По мере продвижения по службе они могли занимать дипломатические посты и стать руководителями [7].

Основу дипломатических кадров составляли лица дворянского происхождения. Они являлись наиболее образованным слоем населения и являлись опорой Российской Империи. Но количества данного сословия было недостаточно для удовлетворения нужд Министерств. Именно поэтому Министерство иностранных дел остро испытывало нехватку кадров и пересматривало характеристики приема, но не делала их легче. В 1873 году Департамент личного состава и хозяйственных дел сетовал на то, что «…образованные молодые люди уже не с прежней готовностью поступают на службу в министерство», и объяснял это «…невыгодностью дипломатической и консульской карьеры, в которой при недостаточности материального обеспечения повышения совершаются крайне медленно» [10, с. 120].

После этого прием сотрудников был пересмотрен и стать государственными деятелями смогли уже многие социальные слои населения. Среди них сыновья купцов, чиновников низшего сословия. С XX века могли добиться успеха даже представители крестьянского сословия.

Все поступающие на государственную министерскую службу проходили зачисление путем получения высочайшего указа. Каждый из них давал согласие на неразглашение тайн иностранного ведомства, и не должен был иметь никаких дел с иностранными министрами и их союзниками. Если данное обязательство было нарушено, то служащего отстраняли от службы и проводили взыскательные мероприятия в соответствии со строгим законодательством. Вторая половина XIX века также характеризуется продолжением внесения изменения в структуру работы данного ведомства. В период с 1856 по 1882 год Министерство иностранных дел возглавлял Горчаков А. М. Он внес свои коррективы в работу ведомства, а именно освобождений от цензурных обязательств при публикации политических сведений, от управления окраинной частью Российской империи. Также он упразднил церемониальное дело и убрал его из структуры управления. Главными задачами министерства внешнеполитических связей являлись:

- развитие политических взаимоотношений с иностранными государствами;
- развитие торговли с иностранными государствами;
- защита интересов каждого подданного Российской Империи на территории иностранных государств;
- содействие делам подданных Российского государства и их удовлетворению в иностранных ведомственных структурах;

• выпуск ежегодного сборника Министерства иностранных дел, который показывал различные новости и документы [4, с. 13] .

В декабре 1859 года были введены в пользование новые правила отбора на службу. Правила говорили о том, что каждый человек, желающий поступить на службу в ведомство должен пройти конкурсный отбор, который применим к роду занятия. На отборе присутствовали двое ассистентов и начальник подразделения [8, с. 183].

Конкурсный отбор включал испытание знаний языка – русского и французского. Определялись навыки устной и письменной речи, грамотность и компетенция. Также знание других языков прибавляло шансов претенденту на должность. Кроме этого, были проверены знания дипломатических наук – международное и морское право, статистический учет, экономическая политика, история, дипломатия договоров. Также проверяли способности каждого конкурсанта. Необходимо было:

• устное и письменное изложение прочитанного по заданию;

• составление положений на русском и французском языках по указанной тематике;

На должности недипломатического характера попасть было легче. Дипломатические чиновники обязывались знать более двух языков. Французский язык был в почете и являлся языком делового характера [8, с. 184].

Профессиональные качества сотрудников Министерства иностранных дел Российской Империи определялись правильной подачей и коммуникацией с обществом. Служебная деятельность подразумевала налаживание дипломатических и доверительных взаимоотношений между странами. Каждый сотрудник должен был владеть умениями коммуникации с подданными, должностными лицами и руководством. Профессиональная подготовка подразумевала овладение приемами психологического взаимодействия, установление доверительного контакта, навыков дедукции в общении с представителями других ведомств. Важным качеством государственных дипломатических служащих являлось понимание и управление поведением людей, налаживание контакта, способность предвидения возможных действий другого человека, обеспечение профилактики конфликтов. Компетентность в подборе действий в конкретной ситуации, способность рационального мышления являлись главными требованиями к выпускникам образовательных учреждений Министерства иностранных дел Российской Империи [14].

Требования, которые предъявлялись к служащим государственного звена имели высокую планку, что было связано со следующим рядом причин:

1. Росло влияние Российской Империи в сфере мировых держав.
2. Необходимость обеспечения безопасности государственных границ путем поддержания дипломатических отношений с соседними странами.
3. Монархический строй правления, постоянное внимание к государственным служащим со стороны власти.
4. Ощущая недостаток в военном и экономическом деле, власть пыталась компенсировать это за счет ведения дипломатической работы [13].

Следует остановиться более подробно также на программах подготовки студентов различных учебных заведений дипломатической направленности Российского государства. Перед сдачей экзамена в Министерстве иностранных дел будущие государственные служащие проходили обязательное обучение в университетах и училищах. Языковая подготовка имела серьезный характер, также существовали специализированные учебные заведения с уклоном в восточное языковедение.

К примеру, Александровский лицей имел в штате преподавателей английского и французского языков. В изучении правовых дисциплин большинство учебных заведений также имели успех. Но в некоторых из них в программу не было добавлено морское и консульское право. Данные предметы могли изучаться студентами в самостоятельном порядке. История Российской Империи и мира преподавалась во всех училищах, кроме правоведческого. В юридических учебных заведениях преподавалась политическая экономика и статистика, что давало преимущество студентам в период поступления на службу. Но здесь не было изучения основ политической географии, что также являлось важным в период прохождения конкурсного отбора [6, с. 51].

Разделение материала на занятиях в конце XIX–начале XX веков выполняло определенные функции:

- Тренировочная (отрабатываются навыки и развиваются умения коммуникации);
- Обучающая (применяется для передачи материала);
- Контролирующая (применяется для контроля сформированных умений и навыков);
- Комбинированная (сочетаются все вышеперечисленные элементы) [1, с. 99].

Этиология данного подхода к подаче материала, имеет связь с неоднородностью знаний будущих государственных деятелей, которые поступали на службу. Также это напрямую связано с многообразием этнической принадлежности людей, с которыми они в будущем будут пересекаться [9].

Стимулом для мотивации студентов являлось именно прохождение конкурсного отбора. Известно, что при соревнованиях любой человек старается достичь максимального результата. Помимо соревнований хорошей мотивацией для будущих и настоящих сотрудников министерства являлась похвала достижений от вышестоящего руководства.

Все государственные служащие должны были иметь черты человека, готового к исполнению гражданского долга. Если человек имел уголовную судимость, или был наказан исправительными работами, то он автоматически лишался права поступления на дипломатическую должность [14, с. 22].

Но именно к учебному заведению, из которого выпускался будущий служащий, не было серьезных требований. Оно могло быть лицейного, училищного, университетского характера. Проходящие отбор конкурсанты должны были читать литературу, подготовленную Министерством иностранных дел. Как говорилось выше, Александровский лицей являлся наибо-

лее престижным место обучения и давал некоторые преимущества своим выпускникам. Знания, получаемые в различных образовательных учреждениях, позволяли выпускникам готовиться к поступлению на государственную службу и с успехом проходить испытания. Все выпускники отличались повышенным культурным и интеллектуальным уровнем, были всесторонне развиты, имели деловые и коммуникативные навыки, что являлось важной характеристикой работников Министерства [6, 15].

Таким образом, система профессионального образования XIX века устанавливала структуру и виды обучения, которые способны обеспечивали непрерывность получения необходимых навыков. Профильное обучение включало:

- подготовку слушателей образовательных программ для сотрудников Министерства иностранных дел;
- организацию специального первоначального обучения;
- организацию дополнительного обучения в процессе поступления на службу;
- организацию курсов профессиональной переподготовки, повышения квалифицированных навыков [6].

Конечно, данная организация обучения была далека от идеальной, но большинство методик настоящего времени были перенесены именно с данного типа организации получения навыков.

Начальный период работы в Министерстве иностранных дел характеризовался оформлением в штат и раздачи формы. Важным также являлась выдача приказа о назначении на должность. Ношение формы являлось отличительным знаком служащих Министерств и придавало им статусное положение в обществе. В основном каждый из них носил форму, сидел на рабочем месте и занимался бюрократическими процедурами [12].

По мнению британских дипломатов, имеются схожие черты между поступлением и начальным этапом службу в России и Соединенном Королевстве. Конкурсный отбор в обеих странах имел суровые условия и требовал высокого уровня образованности. К примеру, дипломаты должны были обладать навыками шифрования и расписывания содержаний телеграмм. Также, многие чиновники не могли дождаться повышения по службе, ведь это был чрезвычайно долгий процесс. Также для этого приходилось снова проходить конкурсный отбор. Но в структуре власти также имело место выдвижения на пост «своих» кандидатов [3, с. 108].

Министерство иностранных дел являлось уважаемым ведомством, и его сотрудники имели почет при императорском дворе. Они должны были иметь безупречную репутацию и внешние данные. Начало службы характеризовалось занятием бюрократическими процедурами и мелкими поручениями. Начальный срок службы молодого чиновника после прохождения отбора был далек от основного типа дипломатической деятельности. В основном каждый из них носил форму, сидел на рабочем месте и занимался бюрократическими процедурами. Молодые сотрудники не посвящались в дела особой важности, не знали политических тайн и традиций общения с иностран-

ными странами. Они обучались всему постепенно, выслуживаясь иногда по несколько лет [3, с. 108].

Заключение. Таким образом, было проведено ретроспективное исследование некоторых особенностей конкурсного отбора на государственную службу в Министерство иностранных дел. Были прослежены тенденции изменения в данных правилах с течением времени, рассмотрен характер обучения в различных учебных заведениях Российской империи. В то время, как и сейчас, образование играло главенствующую роль при приеме на высокопоставленные должности. С легкостью проходить отбор позволяло именно образование, данное в профессиональных лицеях, училищах и университетах Российской Империи.

Список литературы

1. Гавриленко, О. В. Организационная культура и трудовая этика в советских и российских организациях: преемственность и различия // Социология. 2022. № 5. С. 98-107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-kultura-i-trudovaya-etika-v-sovetskih-i-rossiyskih-organizatsiyah-preemstvennost-i-razlichiya

2. Еремина, Т. И. Законодательное регулирование поступления на гражданскую службу в государственной системе просвещения российской империи в XIX — начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2013. - С. 115-123.

3. Жукова, А. Е. Как стать дипломатом: характеристика начального периода службы в Министерстве иностранных дел России во второй половине XIX века / А. Е. Жукова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2015. – № 4(16). – С. 107-114.

4. Зонова, Т. В. Основные этапы становления российской дипломатической службы (1549-1917 г.г.) / Т.Зонова ; под ред. А. Торкунова // Дипломатическая служба.- М., 2003. – С. 2-19.

5. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М. : Мысль, 1978.

6. Смирнова, А. Е. Изменения в правилах приема на службу в Министерство иностранных дел во второй половине XIX в / А. Е. Смирнова // Модернизация в России: история, политика, образование : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 05 апреля 2014 года. Том Выпуск 6. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 24-29.

7. Глава пятая. Как становились дипломатами // history.wikireading.ru URL: https://history.wikireading.ru/167566 (дата обращения: 27.02.2023).

8. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1895. СПб., 1895. – С. 181–183.

9. Кузьменко, Д. П. Известия по высшим, средним и низшим учебным заведениям // СПб., 1911. № 5–7.

10. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / Рос. академия наук, Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, Поволжский филиал Ин-та Рос. истории РАН ; под общ. ред. д-ра ист. наук А. Е. Загребина и д-ра ист. наук С. В. Любичанковского. Екатеринбург ; Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2010.

11. Министерская система в Российской империи // idd.mid.ru URL: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoj-sluzby/(дата обращения: 27.02.2023).

12. Иванов, И. С. Очерки истории Министерства иностранных дел России. // Редкол.: И. С. Иванов (председатель) 1802—2002. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002

13. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи // www.dslib.net URL: http://www.dslib.net/mezhdunarodnye-otnoshenia/podgotovka-i-vospitanie-diplomata-v-rossijskoj-imperii.html (дата обращения: 27.02.2023).

14. Свод законов Российской империи. СПб., 1896. По продолжению 1906 г. Т. 3. Кн. 1.

15. Любичанковский, С. В. Местное управление в эпоху реформ и после нее: механизмы власти и их эффективность в России // Критика. 2012. № 13, № 4. С. 861-875.

16. Васильев, А. Д. «Кто такой драгоман? Ремесло переводчика в Османской империи глазами русского дипломата» // Мосты. Журнал переводчиков. 2014. — № 2 (42). — С. 2-4.

УДК 34.096

Потапов Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
(Санкт-Петербургская
юридическая академия)
E-mail: upotapov@yandex.ru
Кузнецов Никита Михайлович,
студент,
(Санкт-Петербургская
юридическая академия)
E-mail: nikkuz2003k@gmail.com

Potapov Yuri Alekseevich,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: upotapov@yandex.ru
Nikita Mikhailovich Kuznetsov,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: nikkuz2003k@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

PROBLEMS OF CODIFICATION OF CERTAIN BRANCHES OF LAW

В научной статье рассмотрены основные проблемы кодификации отечественного законодательства система экологического законодательства современной России. Проведен анализ доктрины юридической техники в области кодификации. Составлена примерная модель кодификации права

социального обеспечения. Выявлены возможные пути решения проблем кодификации отдельных отраслей права.

В качестве выводов предложены пути решения существующих проблем путем нормативного закрепления методов и правил кодификации и создания планов кодификации с обозначением сроков и целей законотворчества.

Ключевые слова: кодификация, отрасли права, кодекс социального обеспечения, проблемы кодификации

The scientific article discusses the main problems of codification of domestic legislation, the system of environmental legislation of modern Russia. The analysis of the doctrine of legal technology in the field of codification is carried out. An approximate model of the codification of social security law has been compiled. Possible ways of solving the problems of codification of certain branches of law are identified.

As conclusions, the ways of solving existing problems are proposed through the normative consolidation of codification methods and rules and the creation of codification plans with the designation of deadlines and goals of lawmaking.

Keywords: codification, branches of law, social security code, codification problems

В России в последние тридцать лет появились новые, ранее неизвестные законодателю отрасли права, такие как: экологическое право, предпринимательское право, информационное право, внутри которых на данный момент сформирована обширная база разрозненных нормативно-правовых актов, относящихся к различным отраслям права и не оформленных в отдельный кодекс.

В настоящее время в отечественном законодательстве содержится 20 кодексов различной направленности: гражданский, трудовой, уголовный, налоговый, гражданский процессуальный, бюджетный, земельный кодексы и др. Несмотря на избрание пути кодификации российского права, многие подотрасли права до сих пор никак не систематизированы.

Необходимость кодификации законодательства, сложно оспорить, поскольку этот процесс упрощает работу с законом, делает его систематизированным и обеспечивает прочную взаимосвязь между нормами внутри одной отрасли права. Тот факт, что отечественное право кодифицировано не полностью указывает на существование ряда проблем, осложняющих этот процесс. В данной статье рассмотрены причины этих проблем и возможные пути их разрешения [1, с. 37].

Кардинальная переработка российского законодательства началась с принятием конституции 1993 года, которая задала основные принципы и сформировала требования к составлению новых нормативных актов. В 1994 году был принят первый кодекс Российской Федерации – это часть первая гражданского кодекса, с тех пор и до настоящего времени продолжается ко-

дификация законодательства, общее число кодифицированных актов достигло 20, но в то же время некоторые отрасли остаются некодифицированными или являются таковыми лишь отчасти. Например, экологическое право включает в себя сразу лесной и водный кодекс, но они своим содержанием не исчерпывают предмет данной отрасли права, поскольку существует еще множество разрозненных нормативных актов, регулирующих правоотношения в сфере окружающей среды.

Систематизация законодательства — это сложный и долгий процесс, который нельзя рассматривать только в аспекте юридической техники, ведь он требует слаженной и целенаправленной работы множества человек при постоянной поддержке и контроле со стороны государственных органов. Но в то же время этот процесс должен быть законченным, поскольку картина при которой часть отраслей права остается без всякой систематизации рисуется нелогичной.

Выбор российскими законодателями пути кодификации нормативных правовых актов вполне обоснован, поскольку этот процесс систематизации позволяет обеспечить наибольшую скоординированность между правовыми нормами и дает возможность выстроить четкую систему нормативных актов. Однако этот процесс не должен ограничиваться лишь федеральными кодексами и отраслями права, образующими государственную систему. Так, В. С. Аракчеев в своей работе высказывает мнение, что приоритетное внимание стоит обратить на те отрасли и подотрасли права, в которых отсутствие систематизированных актов может существенно препятствовать развитию законодательства. К таким отраслям можно отнести:

1. Информационное право – в настоящий момент ключевыми законами в данной отрасли являются: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи». Кодификация данной отрасли права способствовала бы закреплению статуса субъектов информационных отношений и основ информационной безопасности, помогла бы в разрешении споров о информационной собственности и являлась бы одной из мер, препятствующих киберпреступности.

2. Экологическое право – данная отрасль права в настоящий момент в своей системе уже имеет два кодекса, однако такой подход лишь отчасти помогает упорядочить законы, в то время как полная кодификация экологического права в один нормативный правовой акт явилась бы наиболее эффективной формой систематизации, способной устранить казусы, возникающие в процессе реализации права.

3. Отрасль права социального обеспечения – отличительной чертой этой отрасли права является тот факт, что из-за двойственности норм в ней одновременно действуют нормы федеральных законов, актов субъектов федерации и органов местного самоуправления, это приводит к неправильному применению норм законодательства в этой сфере и, как следствие, неправильному назначению выплат и пособий гражданам.

Среди подотраслей права, в первую очередь нуждающихся в кодификации можно выделить:

1. Избирательное право
2. Муниципальное право
3. Регулирование федеративных отношений
4. Управление жилищным фондом
5. Регулирование правоотношений на военной службе

Резонным будет вопрос: почему за 30 лет формирования нового российского законодательства не все отрасли права были кодифицированы? Что препятствует систематизации правовых норм в единый документ?

В первую очередь процессы систематизации усложняет принятие нормативных правовых актов, в тексте которых объединяется сразу несколько различных предметов правового регулирования. В.Б. Исаков пишет, что причиной многопредметности может быть необходимость введения в законодательство нового положения для разрешения текущих задач. Формирование комплексных законов автор видит проблемой, поскольку такие действия усложняют ориентирование в правовых нормах и противоречат принципам юридической техники [2, с. 47]. Таким «комплексным» законом можно считать Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», который совмещает в себе множество различных предметов регулирования правоотношений.

Не могут не осложнять процесс кодификации внесения различных изменений в законы, особенно это заметно, когда изменения вносятся в закон о внесении изменений в другой нормативный акт, такие многоэтажные конструкции изменений и дополнений нормативных актов усложняют работу специалистов и обывателей с законом, в особенности в тех случаях, когда необходимо определить редакцию нормативного акта, в которой он должен применяться. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 6 ноября 2011 г. № 301-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» и признании утратившими силу отдельных положений статьи 2 Федерального закона "О внесении изменения в статью 31 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом "О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов"».

Существенно поспособствовать кодификации могло бы формирование планов и методик кодификации, которые служили бы дорожной картой, показывающей на каждом своем этапе первостепенные задачи в сфере систематизации права. Такие планы могли бы содержать примерные даты

в каком временном промежутке должен быть принят определенный кодекс. Возможно существенное влияние на кодификацию права оказало бы правовое регулирование процесса законотворчества в этой сфере.

Рассмотреть возможные пути решения этих проблем мы предлагаем, смоделировав проект кодекса социального обеспечения Российской Федерации, который бы отвечал требованиям юридической техники и соответствовал времени.

Основанием выбора этой отрасли права послужил тот факт, что в социальной сфере Российской федерации существует множество противоречий, вызванных в том числе несистемным законодательством в этой сфере. Не редки случаи, когда льготы предоставляются гражданам незаслуженно, когда способныесебя обеспечить граждане все равно получают государственную поддержку, а несистемность нормативных актов вызывает противоречия норм друг-другу и нормам из иных отраслей законодательства.

В работе мы будем руководствоваться методическими рекомендациями рассчитанными на практическое применение субъектами права законодательной инициативы при проведении законопроектной работы [3, с. 89] .

Структуру кодекса можно сформировать, опираясь на систему права социального обеспечения, как отрасли права и на содержание основных нормативных правовых актов, формирующих систему источников права социального обеспечения [4, с. 24]. Обязательными разделами в кодексе могут стать:

Общая часть

Раздел I. Общие положения

Раздел II. Участники отношений социального обеспечения

Раздел III. Социальные права граждан

Раздел IV. Возникновение и осуществление права на социальное обеспечение

Особенная часть

Раздел V. Денежные выплаты

Раздел VI. Социальное обслуживание

Раздел VII. Сроки

Раздел VIII. Защита права на социальное обеспечение

Общая часть кодекса права социального обеспечения должна включать нормы, применимые ко всем отношениям в сфере социального обеспечения или к большей их части, за некоторыми исключениями. В главах общей части кодекса распределены комплексы нормативных предписаний, определяющих предмет, метод, задачи, принципы, источники отрасли права социального обеспечения.

Особенная часть кодекса определяет правила и нормы функционирования институтов права социального обеспечения, имеющих самостоятельный объект регулирования.

Первый раздел может включать в себя главы, закрепляющие предмет регулирования, цель и основные принципы социального законодательства, нормы этих глав устанавливают соотношение статей социального кодекса с другими отраслями права и взаимосвязь с принципами международного пра-

ва, а также определяют предмет регулирования отрасли права и систему законодательства.

В этом же разделе в отдельную главу можно разместить нормы определяющие полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области регулирования социального обеспечения.

Второй раздел посвящен участникам отношений в этой отрасли права, главы раздела предполагают перечисление и установление круга участников отношений, регулируемых законодательством данной отрасли права, в главах раздела дано детальное описание и определение их правосубъектности, так же распределены категории граждан, имеющих право на получение различных видов социального обеспечения. Отдельная глава должна быть посвящена представительству, как важному институту не только в гражданском праве, но и в данной отрасли. Поскольку в законодательстве о социальном обеспечении существует право на представительство через законного или уполномоченного представителя в различных правоотношениях данной отрасли [1, с. 39].

Главы третьего раздела закрепляют виды прав в сфере социального обеспечения:

- Социальные права личности (право на возмещение вреда; право на социальную реабилитацию; право на личную безопасность; право на получение информации и другие права)
- Социальные права в сфере социального обеспечения (право на социальное обеспечение; право на равные возможности получения социального обеспечения; право на охрану здоровья; право на социальную и медицинскую помощь; право на получение услуг социальных служб…)
- Социальные права в сфере гражданских отношений (право заниматься приносящей доход деятельностью; право на объединение; право на творчество; право на индексацию доходов и сбережений; право на осуществление благотворительной деятельности; право на обязательное социальное страхование)
- Социальные права в сфере трудовых отношений (право на труд; право на равные возможности и равные условия занятости и профессии; право на справедливые условия труда; право принимать участие в определении и улучшении условий труда и производства…)
- Социальные права в сфере налоговых отношений (право на равное налогообложение; право на справедливое налогообложение; право на минимальный размер необлагаемых налогами сумм заработков)
- Социальные права в сфере образования (право на образование; право на равные возможности получения образования; право выбора формы получения образования…)

Список социальных прав составлен в качестве примера и не является исчерпывающим [5, с. 48].

Четвертый раздел посвящен условиям возникновения правоотношений и осуществления прав в сфере социального обеспечения, поэтому в его главах должны быть закреплены условия установления социального обеспечения, раскрывает основания возникновения право граждан на социальное обеспечение, определяет заявительный характер, при котором гражданин сам извещает о необходимости обеспечения вне зависимости от уплаты страховых взносов в соответствии с законами об обязательном социальном страховании. В отдельной главе может быть описан и закреплен порядок предоставления социального обеспечения: порядок подачи заявления; правила оформления отказа от получения социального обеспечения; виды органов, предоставляющих социальное обеспечение и условия обращения в них, главы могут содержать описание и других процедур в данной сфере. В этом разделе кодекса необходимо в отдельных главах закрепить положения о трудовом стаже и персонифицированном учете.

Пятый раздел кодекса включает в себя главы закрепляющие виды денежных выплат, а также определяет и конкретизируетвиды и формы выплат: категориилиц, которые имеют право на соответствующую выплату; условия при которых назначается выплата, а также ее размер и сроки получения; документы, представляемые гражданами в целях получения выплат [6, с. 57].

- Пенсии (трудовая пенсия по старости; трудовая пенсия по инвалидности; трудовая пенсия по случаю потери кормильца; социальная пенсия; пенсия за выслугу лет; пенсия за выдающиеся достижения и особые заслуги перед российской федерацией)
- Пособия (пособие по безработице; пособие по временной нетрудоспособности; пособие гражданам, имеющим детей; пособие от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; пособие лицам, зараженным вирусом иммунодефицита человека при исполнении своих служебных обязанностей; материальную помощь; пособие на погребение)
- Компенсации (компенсация по возмещению вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием; компенсация лицам, подвергшимся репрессиям; компенсация материального ущерба в связи с утратой имущества; компенсация транспортных расходов; компенсация расходов на обучение; компенсация расходов на социальное обслуживание)
- Субсидии (субсидия на приобретение жилья или на жилищное строительство; субсидия на оплату транспортных расходов; субсидия на оплату социального обслуживания)
- Ссуды (ссуда на приобретение жилья или на жилищное строительство; ссуда на хозяйственное обслуживание ИЖС; ссуда на организацию подсобного или фермерского хозяйства; ссуда на приобретение и строительство садовых сооружений и благоустройство садовых участков)

Шестой раздел посвящен видам социального обслуживания и предполагает включение двух глав. Первая глава раздела закрепляет нормы о медицинской помощи, регулирует порядок оказания медицинской помощи гражданам, устанавливает особенности регулирования отдельных форм и видов

медицинской помощи, проведения медицинской экспертизы, оказания медицинской помощи отдельным категориям граждан.

Вторая глава «социальные услуги и натуральная помощь», определяет цели, виды, срок и этапы социального обслуживания, устанавливает ограничения прав граждан при оказании им социальных услуг, закрепляет основания для бесплатного и льготного социального обслуживания в государственной системе социальных служб и основания отказа от предоставления социального обслуживания.

Седьмой раздел кодекса посвящен срокам и его главы в своих нормах дают определение сроков в данной отрасли права, уточняют момент начала и окончания срока, определенного периодом времени, закрепляют правила исчисления сроков и порядок совершения действий в течении определенного срока.

Последний восьмой раздел кодекса посвящен защите прав на социальное обеспечение. Одна из глав раздела должна регулировать порядок разрешения споров и обжалования действий органов социального обеспечения и социальных агентов. Ее нормы устанавливают особенности рассмотрения и разрешения споров органом социального обеспечения и судом.

Остальные главы восьмого раздела устанавливают виды ответственности за нарушение норм законодательства о социальном обеспечении и иных нормативных правовых актов, определяют особенности наступления ответственности за убытки понесенные при нарушении права на социальное обеспечение, разглашение частной информации, задержку денежных выплат, а также конкретизируют в случаи применения права гражданина на компенсацию причиненного морального вреда. Некоторые нормы этой главы будут бланкетными, отсылая нас к гражданскому, административному и уголовному кодексу.

Данная модель кодификации отрасли права демонстрирует, что в настоящее время основные принципы и нормы права социального обеспечения можно объединить в один нормативный акт. Существенной проблемой систематизации является тот факт, что законодательство постоянно дополняется новыми актами, которые впоследствии легко изменить или отменить их действие, в случае же, когда нормы будут содержаться в одном правовом акте, внесение любых нововведений будут сложным процессом, зачастую имеющим комплексный характер, когда изменения вносятся сериями из множества новелл.

Принятие кодекса социального обеспечения упорядочит законотворческий процесс, поскольку законодатель будет следовать принципам и правилам, изложенным в кодексе, так же кодекс может закрепить субъекты правотворчества и их компетенцию [7, с. 88]. Правовой акт поможет закрепить и упрочить связь в нормативной системе этой отрасли права, что позволит определить приоритетные цели развития социально-обеспечительной политики в перспективе, в немалой степени это повлияет на проведение консолидированного развития регионального и местного законотворчества.

Появление подобного кодекса позволит повысить уровень нормативно-правового регулирования социально-обеспечительных отношений, что в

свою очередь повысит доверие к проводимой государством значимость соответствующего юридического инструментария в общем правовом механизме, даст возможность с большей наглядностью убедиться в истинных намерениях власти, ее стратегии в деле обеспечения пенсионеров, малоимущих и других категорий граждан. Таким образом можно подчеркнуть, что необходимость разработки социального кодекса сложно оспорить, а его отсутствие можно характеризовать, как определенный пробел в законодательстве.

В качестве выводов можно сказать, что для завершения кодификации российского законодательства необходимо проведение совместной работы государства и ученых правоведов. Ученые совместно с законодателем могли бы обеспечить доктринальное развитие и разработку отечественной методологии кодификации. В данном случае путь заимствования методов кодификации других стран сложно осуществим, поскольку их методики были адаптированы для своей правовой системы. Государству для достижения поставленной цели существенно поспособствовала бы законодательная регламентация процесса кодификации. В отдаленной перспективе возможно создание отдельной службы, в которой специалисты проводили постоянный мониторинг и отслеживание действующей системы законодательства, выявление новых проблем, требующих правового регулирования; ликвидация норм, потерявших актуальность; устранение коллизий; выработка норм, целей и планов законотворчества.

Высказанные нами замечания и предложения являются субъективными и не исчерпывают тему научного обоснования проблем систематизации и кодификации законодательства. Постоянное развитие и динамика российского общества требует постоянного совершенствования законодательства, которое помогает обеспечивать стабильный уровень защиты прав и свобод граждан, а также повышает эффективность управленческих решений.

Список литературы

1. Аристов, Е. В. Концепция проекта социального кодекса Российской Федерации // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2018. №3.

2. Исаков, В. Б. Некоторые проблемы новой Российской кодификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №4 – с. 44-46

3. Кашанина, Т. В. Юридические документы: как правильно понять и подготовить : [нормативная основа делопроизводства, требования к законодательным актам, правотворческая процедура, корпоративные акты, правореализационные документы, судебные акты и техника их составления] : учебник / Т. В. Кашанина. – Москва : Проспект, 2022. - 448 с.

4. Бошно, С. В., Васюта, Г. Г. Поправки к законопроекту и пределы трансформации концепции закона // Право и современные государства. 2017. №3.

5. Григорьев, И. В. Право социального обеспечения: учебник и практикум для вузов / И. В. Григорьев, В. Ш. Шайхатдинов. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 431 с.

6. Локосов, В. В. Социальный кодекс России: proetcontra : монография / В. В. Локосов, А. В. Ярашева ; АНО «Совет по вопросам управления и развития» ; ИСЭПН РАН.– М.: ООО «Деловые и юридические услуги "ЛексПраксис"», 2014. – С.127

7. Калина, В. Ф. Юридическая техника: учебник для вузов / В. Ф. Калина. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 291 с.

УДК 34

Степанов Иван Сергеевич,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: vanotavdze@list.ru

Stepanov Ivan Sergeevich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: vanotavdze@list.ru

ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ И. А. ИЛЬИНА

LEGAL THEORY I. A. ILYIN

Данная статья посвящена творчеству Российского философа-правоведа И. А. Ильину. Начиная с Петра I в Россию приходят работы просветителей Нового времени. Активное развитие юриспруденции в России в XIXв. привело к появлению различных школ права. Благодаря активной теоретической работе П. И. Новгородцева образуется школа «возрожденного естественного права». И. А. Ильин являлся учеником П. И. Новгородцева и активным последователем школы. Главной идеей его правовой концепции стала конструкция правосознания. Методологической основой у Ильина стало признание взаимосвязи права и духовного начала человека. На основе этого И. А. Ильин вывел «аксиомы правосознания». Активное творчество правоведа пришлось на начало XX в. Большое количество работ было издано уже после смети Ильина. Начиная с 90-х годов XX в. творчество философа в Росси вновь востребовано.

Ключевые слова: И. А. Ильин, правосознание, философия права, П. И. Новгородцев, религиозная философия, право.

This article is devoted to the work of the Russian legal philosopher I. A. Ilyin. beginning with Peter I, the works of the Enlighteners of the New Age came to Russia. Active development of jurisprudence in Russia in the XIX century. implements various schools of law. Thanks to the active theoretical work of P.I. Novgorodtseva admits the school of "revived natural law". I.A. Ilyin was a student of P.I. Novgorodtsev and an active follower of the school. The main idea of this legal concept was the construction of legal consciousness. The methodological basis for Ilyin was the recognition of the relationship between law and the spiritual beginning of man. Based on this, I.A. Ilyin deduced "axioms of legal consciousness". The active work of the jurist occurred at the beginning of the 20th century. A large number of works were published after the death

of Ilyin. Since the 90s of the XX century. the work of the philosopher in Russia is again in demand.

Keywords: I. A. Ilyin, legal awareness, philosophy of law, P. I. Novgorodtsev, religious philosophy, law.

Отечественная философия берет свои истоки в первую очередь из философско-богословской мысли Древней Руси. В средние века философия в России продолжала опираться только на духовные ценности. Все меняется в период правления императора Петра I, в Россия обогащается новыми европейскими знаниями по философии, по естественному праву, работами о государстве. Все это было отражено в трудах видных философов-просветителей Нового времени: Т. Гоббса, Дж. Локка, С. Пуфендорфа. Начиная с XVIII века российская наука активно изучает и аккумулирует западные знания в различных областях. Важное значение на формирование новых философских идей в России в XIX в. стало изучение работ немецких философов-идеалистов, таких как И. Кант, Фихте и Ф. Гегель. Многие видные философы России того периода опираются на их труды. Особенно Гегелевская «Философия права» дала новый виток развития теории естественного права.

В отечественной философии права, это разумеется, то же не стало исключением. «Философия права, если она хочет быть философией, должна показать, как всеобщее единство раскрывает в себе определенность права и правового сознания. Она должна суметь спроецировать заключенные во всеобщей гармонии бытия начала права в исторические формы развития человека, общества и государства. Таким образом, философия права – это лишь дискурс перехода от philosophia prima, изучающей всеобщие начала, к позитивной теории права» [1, с. 73].

Образуется два известных философских направления, с различными взглядами на право: «славянофилов» и «западников». К западникам относились: Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, П.В. Анненков, И. В. Вернадский, П. Г. Редкин; к славянофилам: А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин. Западники, опирались на правовые идеи и ценности стран Западной Европы. Считали, что использование опыта Запада будет во благо государства. Славянофилы видели свой, уникальный путь развития государства и права в России. Используя свои традиции и единодушие и согласие отечественное право получит точек к развитию.

Обогащение новыми знаниями приводит на рубеже XIX–XX веков к началу нового этапа развития русской культуры. В России появляется и быстро развивается большое количество различных философских направлений. Так в конце XIX активное развитие в области юриспруденции, получила школа «возрожденного естественного права», опиравшаяся в первую очередь на религиозную философию. Одним из главных деятелей в этом направлении был ученый-правовед П.И. Новгородцев. Он по праву являлся общепризнанным главой школы естественного права в России. Именно ему принадлежит идея возрождения «нравственного идеализма в философии права». Для Павла Ивановича философия естественного права является,

в первую очередь, связью мира абсолютных ценностей и начал с научным анализом права. «Отличительными чертами теории естественного права были: признание наличия неотъемлемых прав у каждого человека, свойственных ему по рождению и независящих от решения государства; отнесение вопросов права к области этики; а также использование метафизического подхода как одного из центральных методов исследования права» [2, с. 96]. Теория естественного права получила большой толчок к развитию в конце XIX – начале XX вв.

К представителям данного научного направления можно отнести большое количество видных теоретиков права – В. С. Соловьева, Б. А. Кистяковского, Б. Н. Чичерина. Последователем этого направления и лучшим учеником Павла Ивановича Новгородцева, а в дальнейшем ярким представителем данной школы философии права, стал Иван Александрович Ильин. Главной темой его исследований в области права стало правосознание. К основным трудам Ильина в сфере правоведения можно отнести «Общее учение о праве и государстве» (1915), «Основные задачи правоведения в России» (1922), «Проблема современного правосознания» (1923), «О сопротивлении злу силою» (1925). И.А. Ильин внес значительный вклад в развитие отечественной философии права. В основе его трудов лежит проблема духовной культуры, нравственности, и религиозности человека. Философия ученого опирается в первую очередь на личный духовный опыт.

Именно Ильин вводит в научный оборот понятие «нормальное правосознание», имея ввиду правосознание в его правильном понимании и таким образом, обозначая его противоположность «нездоровое правосознание», указывая, что данный вид правопонимания является так же присущим людям. И. А. Ильин видел, что на поведение индивида такие элементы правового поля как правосознание, мораль, и само право оказывает существенное влияние. Правосознание есть «правовое чувство» человека, и в связи с этим его часто сводят только к сознанию, хотя оно затрагивает «и чувство, и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательного духовного опыта» [3, с. 350].

Для И. А. Ильина правосознание есть естественное чувство права присущее всем, он определяет его как духовную настроенность индивида по отношению к себе, и к окружающим его людям. В правосознании Иван Александрович видит «инстинктивное правочувствие», благодаря чему индивид может воспринимать как свою духовность, так и духовность других. По мнению философа-правоведа, на основе этого можно определить понимание сути правосознания: «чувство собственного духовного достоинства, способность к самоуправлению, взаимоуважение и доверие людей друг к другу». Это так же способствует «самостоянию, свободе, совместности, взаимности и солидарности, духовной воле» [4, с. 231]. Из этого вытекает существенный вывод: фактически правосознание – это источник права и правопорядка для индивида.

Основные взгляды Ильина о правовом государстве и политическом устройстве были сформулированы им в следующих трудах: «Учение о правосознании» (написан в 1919 г., был опубликован уже после его смерти), «Наши задачи» (в 1956 г. опубликована уже после смерти мыслителя)

и в не оконченном труде «О монархии и республике» (так же был издан после смерти автора в 1978 г).

В рамках концепции права Ильина, законы, осуществляемые между людьми в их жизни и деятельности – есть нормы, которые, указывают человеку наилучший путь его внешнего поведения с окружением. «По мнению И.А. Ильина, право должно согласовываться, по существу, с требованиями морали и являться для нее подготовительной ступенью и поддержкой, а мораль, в свою очередь, должна быть для права руководителем, придавать правовым велениям присущее ей глубокое значение. Право требует от человека как бы известного минимума морального и справедливого поведения, то есть моральной корректности во внешних поступках, и этим оно содействует нравственному воспитанию человека» [5, с. 118]. Фактически человек должен понимать право исходя из своих духовных воззрений, без духовного восприятия невозможно право правильно постичь.

Самый существенный и показательный постулат в методологии Ивана Александровича Ильина заключается в том, что ученый относил право к духовной среде и на основе этого формулировал свое правовое учение, в частности, важнейшие по его мнению, аксиомы. Философ вывел три «аксиомы правосознания», которые лежат в основе правовой жизни любого народа: «закон духовного достоинства», «закон автономии» и «закон взаимного признания». Их важность заключается в том, что данные аксиомы раскрывают духовную составляющую права. «Аксиомы правосознания суть его основные истины, которым в жизни соответствуют основные способы бытия, мотивирования и действования. Всюду, где есть правосознание, там имеются налицо эти способы жизни; и чем зрелее правосознание, тем эти способы жизни оказываются сознательнее, устойчивее и, в качестве мотивов, сильнее и чище» [6. с. 210]. Настоящий гражданин, согласно Ильину это человек преисполненный чувством собственного духовного достоинства. Индивид осознает духовное начало в самом себе, чувствует религиозность, и совесть. Важным элементом является его внутренняя свобода. Только религиозный гражданин является истинным субъектом права. Только такой индивид вызывает уважение и доверие.

Главной аксиомой правосознания Ивана Александровича является первая – истинная жизнь должна идти от духовного достоинства, а источником государственной силы является уважение к себе. Вторую аксиому И. А. Ильин формулирует следующим образом: основа правовой и государственной жизни есть способность каждого индивида к внутреннему самоуправлению, к его духовной и волевой самодисциплине. Третья аксиома: фундаментом всякого правопорядка и государства является взаимное духовное признание людей, наличие уважение и доверие индивидов друг к другу.

Право может существовать только в таких условиях, когда присутствует живое отношение между индивидами: ведь право зарождается впервые как отношение духа к духу. Данное отношение является взаимным духовным признанием индивидов. «Форма человеческой жизни определяется в основе тем, что человек есть не просто живое существо, и не только существо, одаренное душевными способностями, но существо духовное» [6,

с. 211]. Согласно существующим «аксиомам правосознания» при отсутствии правосознания не может быть и субъекта права, следовательно, остается только духовно опустошенный человек. В этом случае и право оказывается лишь формальным словом, а сам правопорядок становится фиктивным.

В вопросах, касающихся государственно-правовых явлений, И. А. Ильин опирается на понимании данных явлений в двух аспектах – юридическом и духовном. Для философа важно показать то, что в сугубо юридическом аспекте данные явления существуют лишь в виде нормативных документов, духовный аспект же позволяет раскрыть их в полной мере. Область его научных изысканий в юриспруденции, раскрытая через призму правосознания, полностью отражает наличие взаимосвязи между государством и правом, с одной стороны, а также духовного смысла бытия с другой. Правосознание являет собой элемент человеческого сознания, в высшей сфере человеческого духа. Для исследователя это представляет необходимость полного погружения в духовную материю. Исследователю необходимо раскрыть закономерности духовной жизни, начать с поисков истины в духовной истории человечества. «Ильин – явный сторонник осуществления государством воспитательной функции: он заявляет поддержку любой государственной власти, воспитывающей в народе нормальное правосознание. В этом же видится им и патриотическое задание интеллигенции, которую он призывает к честности мысли и энергичности воли» [7, с. 123].

Интерес к творчеству И. А. Ильина в России появляется только с начала 90-х годов. Важным событием стало издание в 1993 году, публикацию первого в России собрания сочинений И. А. Ильина в 10 томах. Большинство работ философа был опубликовано после его смерти. С течением времени интерес к творчеству Ивана Александровича заметно увеличился и его работы активно изучаются. Правовая теория И. А. Ильина направляет современную российскую философию права на дальнейшую разработку важных философско-правовых аспектов учения о законности в духе уважения к праву, что является главной составляющей построения правового государства в России. Сейчас творчество И. А. Ильина является востребованным, его работы переживают период подъема. Его идея правосознания и выведенные аксиомы являются важными для правильного восприятия теории естественного права, как неотъемлемой составляющей современного правопонимания.

Список литературы

1. Сальников, В. П. Философия права Ф. М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Уфа, 05–06 апреля 2018 года. Том Часть 1. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – С. 72-79. – EDN XPZXZR.

2. Вакулинская, А. И. Теоретические аспекты философии права И. А. Ильина в контексте русской традиции понимания права / А. И.Ваку-

линская // История философии. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 96-107. – EDN XTHBPV.

3. Ильин, И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. – М.: «Русская книга», 1993. – С. 227–380.

4. Ильин, И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 4. – С. 149–414.

5. Подольский, А. В. Соотношение моральных и религиозных норм с нормами права в учении И.А. Ильина о праве и государстве / А. В. Подольский // Вопросы современной науки и практики. – 2013. – № S(44). – С. 117-120. – EDN PUZNFB.

6. Ильин И. А. О сущности правосознания. /Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993. – 235 с.

7. Павлова, С. В. И. А. Ильин о юридической науке и юридическом образовании / С. В. Павлова // Образовательное право и Правовое воспитание в условиях цифровых трансформаций: сборник статей по итогам Всероссийского круглого стола с международным участием в Московском городском педагогическом университете, Москва, 23 марта 2022 года. – Москва: Издательство "Саратовский источник", 2022. – С. 122-128. – EDN EOULVE.

УДК 340,341, 34.08

Чаплыгин Иван Евгеньевич,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: Chaplygin65@inbox.ru

Chaplygin Ivan Evgenievich,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: Chaplygin65@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ АБСОЛЮТИЗМА ВО ФРАНЦИИ (XVII-XVIII В.В)

FEATURES OF ABSOLUTISM IN FRANCE XVII-XVIII CENTURIES

В статье анализируются специфических черт развития абсолютной монархии во Франции с периода XVII–XVIII века, а также политико-правовые реформы, сыгравшие как положительную, так и отрицательную роль в истории Франции.

Ключевые слова: абсолютная монархия, политико-правовые реформы, кризис абсолютизма

The article analyzes the specific features of the development of the absolute monarchy in France from the period of the XVII - XVIII century, as well as political and legal reforms that played both a positive and negative role in the history of France.

Keywords: absolute monarchy, political and legal reforms, crisis of absolutism, kings of France

Общеизвестно, что абсолютная монархия является наивысшей точкой развития средневекового государства и права. Одновременно на этом же этапе формируются предпосылки буржуазных революций. Однако каждая политико-правовая система имеет не только общие закономерности, но и особенности перехода от абсолютной монархии к эпохе революционных бурь. По ходу данного исследования автор проанализирует специфические черт абсолютной монархии во Франции конца XVII началаXVIII века, а также рассмотрит ряд реформ, направленных на его политико-правовой системы страны в указанный период.

В XVII веке становление Французского государства было далеко от идеала. Существовал один единый центр, которому в той или иной степени подчинялись провинции и различные исторические области. Понятие государственных границ окончательно не сформировалось. На этом фоне наметилась тенденция сплоченности государства и усиления королевской власти. Да и королевскую власть во Франции, еще нельзя назвать самодержавной. Власть короля имела институциональные и правовые ограничения, страна не знала единого права. Как представляется автору, для преодоления сопротивления сеньоров, французские монархи опирались на положение: «Король является императором в своем королевстве». Данные слова стали отправной точкой и ключевым идеологическим фактором, на пути эволюции сословно-представительной монархии в абсолютную, вселяя в представителей королевского дома уверенность – король Франции является самостоятельным и независимым.

Наиболее трагическим периодом для государственности стали религиозные войны, растянувшиеся почти на сорок лет с 1560 по 1598 гг.[1,с.296-313].Эти войны не могли пройти бесследно и для внутренней истории Франции, они привели к росту налогов, затрат на армию, гибель тысяч солдат и крестьян не только от ран, но и от болезней. Поэтому король Генрих IV (1589-1610) – основатель династии Бурбонов совместно с М.Сюлли – первым министром, приступили к реорганизации политико-правовой системы страны. Цель реформ – усовершенствовать современные им социально-политические институты, оказавшиеся неспособными противостоять междоусобным и религиозным войнам внутри государства. По их мнению, для идеального функционирования государства необходима – монархия, ограниченная королевским Советом. Совет должен заменить Генеральные штаты и будет формироваться из делегатов со всех концов страны. [2, с. 319]. Понятие «идеальный порядок» включает в себя и экономическую составляющую: налоговую систему, пашни, пастбища, дороги. Как известно, первый министр обещал каждому французу ежедневно суп с курицей и сдержал свое слово [1, с. 311]. Идеальное государство не исключало деление по сословному принципу, а также оно немыслимо без правосудия и нового правительства. При этом члены правительства должны иметь «все добродетели мудрого домоправителя» [2, с. 319]. Государство, безусловно, должно иметь свое законодательство. По мнению Сюлли, во Франции за образец следует взять «Салическую правду» [2, с. 319].

Благодаря социально-экономическим реформам к 1598 г. вся полнота государственной власти во Франции принадлежала королю: государственные институты власти действовали от лица короля, по своему их можно назвать исполнителями воли монарха, действующими от его имени. Государственный аппарат образца XVII века являлся достаточно разнородным. Начиная с 1604 года каждый мог купить себе государственную должность, которая могла передаваться по наследству за ежегодный взнос. При этом, король обладал правом выкупа любой нужной ему должности. Однако из-за хронической нехватки денег, правом выкупа король пользовался крайне редко. С появлением данного права происходило отчуждение власти в пользу государственного аппарата, который постепенно приобретал все большую независимость. У чиновничества появилась возможность в своих интересах влиять на государственную политику, опираясь на Верховный совет. Важнейшим способом борьбы с хроническим недостатком денег является финансирование государства за счет крупных займов у частных финансистов. Он позволял заключать крупномасштабные займовые сделки в обход традиционных способов заключения государственных контрактов. Благодаря займам государство получало крупные суммы денег в крайне сжатые сроки.

Однако поступательное развитие абсолютизма по образцу Генриха IV и М. Сюлли было прервано убийством монарха 14 мая 1610 года [3]. Людовик XIII вступил на престол в девятилетнем возрасте, а регентом стала его мать – Мария Медичи (1610-1643 гг.). Уже к 1614 г. казна государства была практически разорена. Поэтому срочно были созваны Генеральные штаты. Но они не смогли разработать четкую систему налогообложения, отвечающие интересам всех сословий и были распущены. По мнению Н. И. Кареева: «Генеральные штаты окажутся вымершими с 1614 года, парламенты подавленными заявлением юноши-короля: «Государство это – я»» [4, с.51].

В скором времени Людовик XIII осознает, что он не в состоянии самостоятельно управлять государственными делами, поэтому в 1624 г. Арман Жан Дю Плесси Ришелье будет включен в королевский совет и станет первым министром короля. Начало деятельности Ришелье ознаменовало начало укрепления абсолютной монархии. В своей книге «Государственные Максимы, или политическое завещание» писал следующее: «Моей первой целью было величие короля, моей второй целью было могущество королевства» [4, с.40]. Политическая программа, которая была осуществлена при кардинале Ришелье позволила просуществовать монархии еще следующие 150 лет. Ришелье стремился ограничить власть и права дворян, не отменяя сословных и имущественных привилегий. Однако, дворяне ненавидели нового министра и поэтому распространяли различные слухи и интриговали при дворе. По настоянию Ришелье из королевского двора были удалены мать короля, его брат и принц Герцог Орлеанский Гастон. Королевским эдиктом от 1626 г. в государстве запрещались дуэли под страхом смертной казни. Этим же документом регламентировался снос замков, которые не представляли стратегического назначения. Так же одной из самых важных реформ является расширение компетенции назначаемых чиновников из центра, стоявших во главе провинций. «Интенданты полиции» исполняли как административные, так и

фискальные функции, также в их руки было отдано руководство местными вооруженными силами и полицией.

Целью первого министра было ограничение политической независимости гугенотов и уже в 1629 году после недавнего захвата порта Ла-Рошель, последние очаги сопротивления гугенотов были подавлены. Большая часть крепостей, которые принадлежали гугенотам были уничтожены, а войска были расформированы. У гугенотов осталась лишь религиозная свобода, которая гарантировалась «эдиктом милости». «Кардинал Ришелье оказался дальновидным политиком и не стал провоцировать новую религиозную войну». Внешняя политика Людовика XIII укрепила дальнейшее развитие Франции, утвердив ее военно-политическую гегемонию. Кардинал Ришелье умер в 1642 году, вскоре умер Людовик XIII в 1643 году.

Теперь на престол взошел пятилетний Людовик XIV, а регентом была Анна Австрийская (его мать). Фактически управление страной на данный период перешло в руки кардинала Мазарини. Франция продолжала свое участие в 30-летней войне, которая требовала значительных денежных средств. Казне хронически не хватало средств, а военные расходы достигали 41 миллиона ливров в год. В стране не прекращались народные волнения, которые длились со времен кардинала Ришелье. Неимоверный рост налогов привелкрестьянство к полному обнищанию. Поэтому, Мазарини в 1645 г. принимает решение о начале мирных переговоров.

В 1651 году Людовик XIV достиг совершеннолетия - период регентства Анны Австрийской был завершен. Годы правления Людовика XIV представляют собой период экономического, политического и культурного подъема. После смерти Мазарини в 1661 г. Людовик XIV не назначил ему преемника. Король объявил, что он самостоятельно будет заниматься государственными делами и сам будет своим первым министром. Цель его правления - оздоровление, как общества, так и всего государства в целом.

Период правления Людовика XIVпредставляет собой период расцвета Французской абсолютной монархии. По нашему мнению, важную роль при короле играл Жан-Батист Кольбер его помощник с 1661-1683гг. В 1665 г. он был назначен на должность генерального контролера финансов. При Кольбере финансовое управление было существенно реорганизовано. Именно при нем была создана палата правосудия, которая за непродолжительный срок своей деятельности смогла выявить огромное количество незаконно присвоенных государственных средств. Палата обнаружила десятки миллионов ливров, «потерянных» казной, ею же была ликвидирована часть рент, выплачиваемых государством, а другая часть была сокращена практически вдвое. Также Палата установила, что с 1630 г. во Франции было создано множество бессмысленных государственных должностей, которые требовались для пополнения казны государства. При Кольбере выкуп государственных должностей, не имеющих какой-то определенной пользы для государства позволил сократить расходы государственной казны на содержание бюрократического аппарата. Благодаря данной политике были значительно уменьшены суммы сбора личной тальи. В конечном итоге, и сама система налогообложения

стала более справедливой за счет выявления людей, пользовавшихся привилегией освобождения от тех или иных налогов.

Одновременно были приняты меры по развитию промышленности и торговли. Французский рынок постепенно начал наполняться собственными товарами, которые имели успех с учетом их качества и цены.

За 10 лет службы Кольбера государство смогло сократить свои ежегодные расходы с 54 до 24 миллионов ливров. Несмотря на все экономические и политические успехи денег все еще не хватало. На содержание роскошного двора, многочисленные праздники, пенсии дворянам, содержание гвардии, армии, и даже на частные войны уходили огромные суммы денег.

Армия страны насчитывала, в рассматриваемый период, до пятисот тысяч человек. Таким образом, Франция была одной из первых в Европе по численности армии. Войны, участником которых была Франция, быстро опустошали казну государства. Онипривели к гибели трех миллионов человек (около 20 % от населения Франции), а также к образованию огромного государственного долга. При годовых доходах государства в 117 миллионов франков долг равнялся 2,6 миллиарда франков. Поэтому, Людовик XIV принимает решения о мирных переговорах на выгодных для них условиях, чтобы избежать повторения и нарастания конфликтов внутри страны. Были заключены мирные договоры с Испанией и Великобританией. Иными словами, Людовик XIV оставил своим потомкам стабильное в экономическом и политическом отношении государство.

Первые годы самостоятельного правления Людовика XV были достаточно стабильными из-за отсутствия военных конфликтов, а также развития торговли, которая способствовала уменьшению налогового бремени. Промышленное и сельскохозяйственные производства получили свое развитие. Однако монарх опирался на маркиза Д'Аржансона (1743-1757 гг.), который занимался вопросами общего управления, торговли, денежного обращения. Маркиз Д'Аржансон смог показать, что развитие монархии в Франции напрямую связано с развитием ведомства финансов. Несмотря на успешную внутреннюю политику, внешняя политика была крайне неудачной для Людовика XV. Внешнеполитические неудачи Людовика XVпривели к возникновению оппозиции против короля, которая крайне отрицательно относилась к его решениям. Сама страна была доведена практически до полного разорения. Правления Людовика XV закончилось в 1774 году, а его смерть народ воспринял с облегчением.

Наследником престола после Людовика XV стал двадцатилетний Людовик XVI (1774 – 1792 гг.). Финансовый кризис нарастал, а последние военные поражения привели к потере важных колониальных территорий, что в дальнейшем позволило развиваться королевской оппозиции. Ни психологически, ни интеллектуально новый король не был способен справится с поставленными перед ним проблемами. Но и бездействовать он не мог. Перед новым королем стояла одна из самых важных задач – вернуть доверие, любовь и уважение к власти.

Перемены в государстве Людовик XVI начал осуществлять с помощью Морепа (1774). «Остроумие и хитрость – вот и все его достоинства, если можно это назвать достоинствами государственного деятеля» [5, с. 96]. Однако для 74-летнего государственного министра, на первом месте было получение власти и занятия высокой должности, а реформирование государства на его благо стояло на втором месте. По такому же принципу он начал формировать и государственный аппарат.

Революцию, от начала правления Людовика XVI, отделяют пятнадцать лет в течении. Франция остро нуждалась в реформаторах. В подобных кризисных ситуациях всегда требовался сильный государственный ум, которым новый король не обладал. При Людовике XVI таким человеком должен был стать Тюрго (1774–1776). Новый министр финансов составил фундаментальный план реформ, которые должны были упразднить цеховой строй и уменьшить расходы королевского двора. Далее он ограничил произвол «королевских селитроваров», отменил круговую поруку, затем был принят один из самых важных эдиктов об отмене рыночных ограничений на торговлю зерном на всей территории страны за исключением Парижа, но он был воспринят отрицательно.

С начала семидесятых годов неурожаи и эпидемии привели к росту цен на продукты питания. Затем последовали голодные бунты. В Париже появились афиши с угрозами в адрес Людовика XVI. «Людовик XVI будет помазан на царство 11 июня и казнен 12» [5, с. 107]. В сложившейся ситуации король стал избегать встреч с министром. Тюрго общался с Людовиком при помощи писем, из которых сохранилось только два. Оба этих письма являются достаточно важными для истории: «Никогда не забывайте, государь, что слабость привела Карла I английского на эшафот, что она же была причиной всех бедствий предыдущего царствования. Вас считают слабым, государь, и бывают случаи, когда я боюсь, нет ли на самом деле в вашем характере этого недостатка, хотя я и видел истинное мужество с вашей стороны при других и более щекотливых обстоятельствах. Правду говоря, я вас, государь, не понимаю. Пусть вам наговорили, что у меня горячая и химерическая голова, но мне кажется, что все мною вам сообщаемое не похоже на предложения сумасшедшего». После подобных обращений к монарху отставка не замедлила прийти. Тюрго сменяет Неккер (1776-1781 гг.) Но и он был отправлен в отставку после обнародования финансового отчета об ужасающие расходы королевского двора.

Людовик XVI жаждал укрепления своей власти. Армия, полиция, государственный аппарат в целом были готовы подчиниться воли короля, но именно воли у короля не было. Один из придворных 1787 году писал: «В Версале политические системы и идеи меняются каждый день. Никаких руководящих правил, никаких принципов. Солнце не освещает три дня подряд в Версале одних и тех же мнений. Полная неизвестность, вытекающая из слабости и неспособности» [5, с. 113]. Спасти институт абсолютной монархии было уже невозможно. Ни собрания нотаблей, ни смена министров, ни даже созыв Генеральных штатов были не в состоянии остановить ход истории, судьба абсолютной монархии во Франции была предрешена.

Список литературы

1. История средних веков. Учебник: в 2 т. Т.2 / под ред. Сказкина С. Д. М.:ГИПЛ. 1954.-520с.
2. Сюлли, М. Записки Максимилиана Бетюна, герцога де Сюлли, первого министра Генриха IV. В 10 томах. М.:Тип-фия при Императорском университете / перевод с фран. М.Веревкина / 1770-1776. Т.10. 1776.494с.
3. Прохорова, М. Ю. К истокам проекта единой Европы. Идеи Генриха IV и М.Сюлли // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии 2017 №1 (34)С.31-37
4. Кареев, Н. И. Западно-европейские монархии XVI-XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «Старого порядка». СПб.:Тип-фия М.М.Стасюлевича. 1908. -452с.
5. Кожокин, Е. М. Государство и народ: От Фронды до Великой французской революции. — М.: Наука 1989. 176 с. С ил. — Серия «История и современность». ISBN 5-02-008952-4 —Текст: электронный
6. Акопян, В. З. История стран Западной Европы в 2 ч. Часть 2. Франция. Испания : учебник для вузов / В. З. Акопян, В. В. Зюзин, Г. Ю. Лебедев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 381 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-10019-8. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/516595 (дата обращения: 26.02.2023).
7. Исхакова, О. Д. История Франции : учебник для вузов / О. Д. Исхакова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 242 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-07599-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/513943 (дата обращения: 26.02.2023).
8. Ковалевский, М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму [Текст] : Рост государства и его отражение в истории полит. учений. / Максим Ковалевский. – Москва : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1906. – 21 см
9. Кропоткин, П. А. Великая Французская Революция. 1789-1793 / П. А. Кропоткин. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 429 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-06644-9. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/516458.

4 раздел АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ

УДК 343.13

Абилова Камила Забиловна,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: Abilova2018@mail.ru

Abilova Kamila Zabilovna,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: Abilova2018@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ

SOME PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE PRELIMINARY INVESTIGATION

В настоящей статье исследуются некоторые теоретические и практические проблемные аспекты прокурорского надзора за органами предварительного следствия, такие как: понятие, предмет и объект прокурорского надзора за предварительным следствием; юридическая коллизия при определении полномочий прокурорского работника в рамках надзора за органами предварительного следствия между Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О Прокуратуре Российской Федерации»; неэффективность механизма несогласия должностного лица следственного органа с требованием прокурора об устранении нарушений федерального законодательства. Выявленным в ходе анализа научным и практическим проблемам были сформулированы пути решения.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы предварительного следствия, полномочия, объект, следователь, прокурор.

This article examines some of the theoretical and practical problematic aspects of prosecutorial supervision of the preliminary investigation bodies, such as: the concept, subject and object of prosecutorial supervision of the preliminary investigation; legal conflict in determining the powers of a prosecutor's worker in the framework of supervision of the preliminary investigation bodies between the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation"; inefficiency of the mechanism disagreement of an official of the investigative body with the prosecutor's demand to eliminate violations of federal law. Solutions were formulated for the scientific and practical problems identified during the analysis.

Keywords: prosecutor supervision, preliminary investigation bodies, powers, an object, investigator, prosecutor.

Российская Федерация по уровню преступности в мире находится в рейтинге ООН и других международных организаций на 150-х позициях из 219 стран, включаемых в список, что свидетельствует о большом количестве преступлений, совершаемых на территории нашей страны либо в отно-

шении наших граждан [1]. Соблюдение принципа законности, своевременное пресечение, выявление, качественное и эффективное расследование преступлений является одним из инструментов по защите прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации, в отношении которых совершено преступления, либо, в том числе, которые сами совершили конкретные преступления. Имеющиеся у данных лиц права и свободы, на основании ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации, государство гарантирует соблюдать и защищать [2, ст. 45]. Комплекс мер по соблюдение обозначенной гарантии невероятно объемен, но безусловно вся система правоохранительных органов и их профессиональная деятельность, как один из государственных инструментов, соединена общей целью – защита всех прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации. Поэтому, безусловно, важно, чтобы и каждый правоохранительный орган со своей деятельностью, и вся система в целом работала эффективно, законно и справедливо.

Одним из инструментов обеспечения законности деятельности системы правоохранительных органов, в том числе и органов предварительного следствия, и соблюдения данной государством гарантии по защите прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации является Прокуратура Российской Федерации и ее прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного следствия, представляющий собой направление деятельности органов прокуратуры РФ, включающее обеспечение законности в процессе раскрытия и расследования преступлений, защиту прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса и незамедлительное реагирование на выявленные нарушения законов, допущенных органами предварительного следствия [3, с. 285].

Для достижения результативных показателей Прокуратуры Российской Федерации по данному виду надзору необходим действенный комплекс мер, который будет бесперебойно работать для достижения поставленных перед органом целей.

Традиционно, в целях точного понимания сущности конкретного направления прокурорского надзора он неразрывно рассматривается с предметом и объектом такого надзора. Предмет прокурорского надзора в данной сфере точно известен, так как он сформулирован и закреплен в ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ «О прокуратуре РФ») и представляет собой надзор за следующими категориями: соблюдение прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации; соблюдение органами предварительного следствия установленного законом порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных, готовящихся преступлениях; законность при проведение расследования уголовных дел; правомерность решений, принимаемых органами предварительного следствия. [4, ст. 29].

Однако, при определении объекта данного направления прокурорского надзора появляются несущественные противоречия. Так, из сказанного ранее следует, что объектом надзора выступают органы предварительного следствия, легальное понятие которого в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее по тексту – УПК РФ) не дано [5, ст. 5]. Такой подход законодателя непонятен, ведь второй орган – орган дознания, осуществляющий одну из форм предварительно-

го расследования – дознание, получил легальное закрепления в вышеуказанной норме права.

Многие представители уголовно-процессуальной науки считают, что понятия «следователь» и «орган, осуществляющий предварительное следствие» – синонимы [6, с. 19]. Например, А. П. Кругликов считает данные понятия идентичными в силу того, что слово «орган» в русском языке содержательно обозначается как орудие, используя которое осуществляется определенная деятельность. Следовательно, по мнению указанного ученого, в уголовном судопроизводстве таким орудием осуществления деятельности предварительного расследования в форме следствия является следователь. Заключая свою позицию, А. П. Кругликов представляет возможным дополнить ст. 37.1 УПК РФ понятием органа предварительного следствия, которое включало бы в свое содержание следователей Следственного комитета Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ), органов внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту – ОВД РФ) и Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее по тексту – ФСБ РФ), которые полномочны производить предварительное следствие по уголовным делам [7, с. 36].

Если принять данную модель определения органа предварительного следствия за истинную, то верным будет утверждение «объект прокурорского надзора за органами предварительного следствия – следователи конкретных органов», что вступает в логическую конфронтацию с положениями ст. 21 ФЗ «О прокуратуре РФ», где в качестве объекта надзора за исполнением федерального законодательства определен именно СК РФ и иные федеральные органы исполнительной власти, а не их должностные лица, и выглядит иррациональным, ведь даже исходя из несложной цепочки логический рассуждений становится ясно, что орган предварительного следствия не может быть человеком, а является организацией с определенным статусом.

Помимо сказанного, в пп. 40.1 и 41 ст. 5 УПК РФ законодатель дал дефиницию понятиям «следователь-криминалист» и «следователь», указав, что это должностные лица, уполномоченные осуществлять от лица соответствующего органа предварительное следствие, что так же вступает в логическое противоречие с предложенным А. П. Кругликовым подходом. Законодательно определяя следователя как должностное лицо, а не именно орган, правотворческий орган исходил из того, что следователями выступают должностные лица, которые выполняют соответствующие должностные обязанности в конкретном органе предварительного следствия. Другими словами, следователь – должностное лицо, которое занимает конкретную должность в соответствующем органе и обладает определенными полномочиями.

Изложенное позволяет сформулировать следующее определение органов предварительного следствия как государственного органа: орган предварительного следствия – это СК РФ, ОВД РФ и ФСБ РФ, их должностные лица (следователи), которые структурно являются частью состава подразделений, совокупно образующих следственный аппарат соответствующего государственного органа и уполномочены заниматься деятельностью по предварительному следствию по уголовному делу, а также обладающие иными полномочиями, которые предусмотрены УПК РФ, посредством осуществления совокупности процессуальных решений и действий. Именно

данные органы, а не их должностные лица – следователи, и образуют систему органов предварительного следствия, а значит, являются объектом прокурорского надзора.

Прокурорские работники, реализуя деятельность Прокуратуры Российской Федерации по надзору за органами предварительного следствия, обладают определенными полномочиями, используя которые достигаются указанные выше цели. Так, на основании ч. 1 ст. 30 ФЗ «О Прокуратуре РФ» полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, закрепляются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими Федеральными законами. Такой механизм определения полномочий прокурора является специфическим, выбивающимся из общей юридической техники данного ФЗ, поскольку, в других главах, посвященных каждому конкретному направлению прокурорского надзора, для данных направлений полномочия прокурорского работника и соответствующие методы прокурорского реагирования закреплены прямо в федеральном законе, без использования отсылок на иные нормативно-правовые акты. Предлагаемый законодателем механизм деления полномочий порождает дискуссию о возможности применения общенадзорных актов прокурорского реагирования и общенадзорных полномочий.

Исходя из сказанного следует, что полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве закреплены в ст. 37 УПК РФ, которые, если ссылаться на ч. 1 ст. 1 УПК РФ, которая провозглашает УПК РФ и Конституцию Российской Федерации единственными актами, регулирующими порядок уголовного судопроизводства РФ, являются исчерпывающими. Более того, требования ч. 2 ст. 1 УПК РФ императивно устанавливают обязательность порядка уголовного судопроизводства для органов прокуратуры, закрепленного в УПК РФ.

Безусловно, использование общенадзорных правомочий с точки зрения закона недопустимо, так как ст. 1 УПК РФ четко и ясно определяет круг нормативно-правовых актов, способных регулировать порядок уголовного производства – и ФЗ «О Прокуратуре РФ» среди них нет, более того, сам ФЗ «О Прокуратуре РФ», определяя полномочия прокурора в сфере данного надзора отсылает к уголовно-процессуальному законодательству, а не к положениям ФЗ «О прокуратуре РФ», а поскольку прокурорский надзор за органами предварительного следствия осуществляется в уголовно-процессуальном поле, то в юридическом конфликте главы 1 ФЗ «О Прокуратуре РФ» и УПК РФ выходит победителем второй, ведь является более специальным по отношению к уголовному судопроизводству, чем первый.

Таким образом, с точки зрения права у прокурора в уголовном судопроизводстве присутствуют исключительно полномочия, закрепленные в ст. 37 УПК РФ, но с точки зрения реальной уголовно-прокурорской практики сотрудниками данного органа активно используются общенадзорные полномочия главы 1 ФЗ «О Прокуратуре РФ». Возможность законного использования данных полномочий аргументируется фактическим использованием общенадзорных средств и требованием п. 1.21 Приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»,

которое обязует прокуроров использовать полномочия и акты реагирования, предусмотренные п. 2 ст. 4, п. 3 ст. 22 и ст. 24 ФЗ «О Прокуратуре РФ» по внесению представлений в случае систематического характера нарушений [8], что никак не соответствуют закону и является важнейшей правовой проблемой, устраняя которую необходимо внести изменения в ст. 30 ФЗ «О Прокуратуре РФ», включив в нее все полномочия прокурора в уголовном процессе, более того, необходимо внести изменение в ст. 37 УПК РФ, дополнив ее отсылочной нормой к вышеуказанной ст. 30. Такое изменение приведет к ясности круга полномочий у прокурора в надзоре за органами предварительного следствия и законности используемых прокурором общенадзорных полномочий.

Кроме того, в виду несогласованности двух вышеуказанных нормативно-правовых актов становится неясна природа требования прокурора, предусмотренного п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, которое применятся в отношении нарушений, которые возможно устранить в настоящее время (например, если подозреваемому в силу п. 7 ч. 4 ст. 46 УПК РФ не было обеспечено право пользоваться услугами переводчика бесплатно). В ФЗ «О Прокуратуре РФ» данный акт прокурорского реагирования не перечислен в списке актов реагирования одновременно с представлением, постановлением, протестом, предостережением. Но, несмотря ни на что, в результате сложившийся прокурорской практики данное требование применяется в качестве самостоятельного акта реагирования, который вносится руководителю следственного органа и содержит в себе указания на необходимость оперативного устранения выявленного нарушения.

Более насущной, уже не теоретической, а практической проблемой является правовой механизм несогласия должностных лиц следственного органа с требованием прокурора, который закреплен в ч. 6 ст. 37 УПК РФ. Так, при несогласии с прокурорским требованием об устранении нарушений законодательства руководителя следственного органа либо следователя, прокурор может обратиться с направляемым ранее требованием к руководителю вышестоящего следственного органа. В случае, если и руководитель данного вышестоящего следственного органа будет несогласен с требованием прокурора последний вправе направить оспариваемое требование Председателю СК РФ или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти. Далее, при несогласии Председателя СК РФ или руководителя следственного органа федерального органа исполнительной власти с направленным им требованием, прокурору необходимо обратиться к своему самому вышестоящему руководителю – Генеральному прокурору Российской Федерации, решение которого является окончательным.

Временной промежуток, требующийся для заключительной инстанции – решение Генерального прокурора Российской Федерации, может достигать целые месяца, что в обстановке необходимости оперативного устранения нарушения законодательства может повлечь долгосрочное нарушение прав человека и гражданина Российской Федерацию.

Катастрофическую неэффективность данного механизма может продемонстрировать следующий смоделированный пример: было совершено преступление, а именно ДТП со смертельным исходом. В порядке ст. 144 УПК РФ следователем были установлены обстоятельства, дающие основание

полагать, что виновником ДТП было совершено уголовное преступление (нарушено правило ПДД, лицо находилось в состояние алкогольного опьянения, скрылось с места ДТП, установлена причинно – следственная связь между нарушением ПДД и смертью пешехода, установлена вина лица). Однако, следователь, при постоянном продлении срока проверки сообщения о преступлении, желает провести еще транспортную судебную экспертизу в целях установления технической возможности избежать аварию. Помимо того, что результаты данной экспертизы фундаментально не повлияют на наличие в действиях лица признаков состава ч. 2 ст. 264 УК РФ, проведение данной экспертизы еще необходимо дождаться, а срок проверки сообщения невозможно продлевать бесконечно, в результате чего следователем используется механизм отказа в возбуждении уголовного дела в целях его дальнейшей отмены либо руководителем следственного органа, либо прокурором, чтобы таким образом продлить срок проверки сообщения о преступлении и провести бессмысленную экспертизу. В таком случае нарушается принцип разумного срока уголовного судопроизводства, при наличии достаточных данных (даже без учета экспертизы) для возбуждения уголовного дела. Обнаружив это, прокурор может направить следователю требование об устранении данного нарушения ст. 6.1 УПК РФ, в котором потребует возбудить уголовное дело. Следователь, будучи самостоятельным, все еще убежден в необходимости проведения экспертизы и не соглашается в необходимости возбуждения уголовного дела. Запускается механизм ч. 6 ст. 37 УПК РФ, который даст результат не мгновенно. Таким образом, потерпевший находится в состояние длительного нарушения его прав, а преступник, в принципе, может скрыться, ведь до возбуждение уголовного дела его задерживать недопустимо. Данный пример показывает, что во избежание появления самой возможности нарушения прав потерпевшего и сокрытия от органов предварительного расследования потенциального преступника необходим более быстрый механизм преодоления несогласия следователя.

Представляется возможным заменить данный механизм судебным обжалованием требования прокурора следователем в особом, ускоренном порядке в виду необходимости своевременного устранения нарушений закона. Таким образом, следователю будет необходимо множество раз подумать о своей правоте, и если он придет к выводу о ее наличие, то сможет в оперативном порядке данное требование обжаловать. Предположительно, можно ввести пресекательный срок для обжалования в целях недопущения затягивания исполнения требования прокурора, например, в течение суток с момента получения следователем требования. Суду необходимо установить максимально краткий срок для рассмотрения данной жалобы. Учитывая, что вся информация о возможных нарушениях и реакции прокурора содержится в процессуальных документах, судебное рассмотрение жалобы возможно без проведения самого судебного разбирательства.

Подводя итоги, стоит сказать, что и теоретических, и практических проблем в области осуществления надзора за органами предварительного следствия еще множество. Некоторые из них напрямую влияют на эффективность прокурорского надзора, в связи с чем должны быть устранены в оперативном порядке.

Список литературы

1. Уровень преступности в мире // VisaSam.ru : [сайт]. — URL: https://visasam.ru/emigration/vybor/prestupnost-v-mire.html (дата обращения: 26.02.2023).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для вузов / Е. Р. Ергашев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 474 с.

4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Бородачева, О. А. Понятие органов предварительного следствия / О. А. Бородачева. – 2020. – № 93. – С. 18-22.

7. Кругликов, А. П. Следователь - орган предварительного следствия в современном уголовном процессе России / А. П. Кругликов // Российская юстиция. — 2017. — № 7. — С. 35-37.

8. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» : URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=65415051 (дата обращения: 26.02.2023).

УДК 343.228

Алексеев Андрей Александрович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская
юридическая академия)
E-mail: devillight19993@list.ru

Alekseev Andrey Aleksandrovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: devillight19993@list.ru

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

THE CONCEPT AND ESSENCE OF NECESSARY DEFENSE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

В данной статье рассматриваются вопросы правового понимания понятия и сущности необходимой обороны в российском уголовном праве. На основе анализа ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» автор указывает важность понимания сущности необходимой оборо-

ны, т. к. это напрямую влияет на осуществление правосудия в рассмотрении дел в данной сфере.

Ключевые слова: необходимая оборона, посягательство, основание обороны, насилие, обороняющееся лицо.

This article discusses the issues of legal understanding of the concept and essence of necessary defense in Russian criminal law. Based on the analysis of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.09.2012 No. 19 "On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime", the author points out the importance of understanding the essence of necessary defense, since this directly affects the administration of justice in the consideration of cases in this sphere.

Keywords: necessary defense, encroachment, foundation of defense, violence.

Нормы конституционного права закладывают основные положения, которые находят свое последующее развитие в иных отраслях права. Именно в этом состоит образующая роль Конституции, так как ни одна из отраслей права не может существовать и самостоятельно развиваться, если не находит опоры в конституционной норме. Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции, каждому гарантируется возможность защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а, в свою очередь, статья 37 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает обстоятельство, исключающее преступность деяния – необходимая оборона, что, в свою очередь конкретизирует конституционную норму в области реализации права человека на защиту.

Прежде чем рассматривать понятие необходимой обороны, необходимо обратиться к этимологическому толкованию слов «необходимость» и «оборона». Согласно словарю С. И. Ожегова, «необходимость» означает «надобность, потребность» [1, с. 627], а слово «оборона» определяется, как «вид боевых действий, применяемых с целью сорвать или отразить наступление противника, удержать свои позиции и подготовить переход к наступлению» или «совокупность средств, необходимых для отпора врагу» [1, с. 669]. На основании вышесказанного, можно сделать вывод, что определение «необходимая оборона» можно трактовать, как потребность в отражении нападения противника.

В. И. Даль не дает определения слову «необходимость», однако слово «необходимый» определяет, как «нужный, надобный, без чего нельзя быть, нельзя обойтись» [2, с. 1303]. Аналогично лингвист не дает понятие слову «оборона», а ссылается на более старое «оборанивать» которое трактуется как «защищать, закрывать, заступать собою, ограждать, отбивать нападенье» [2, с. 1389].

На основании вышеописанных определений, мы можем сделать вывод, что необходимая оборона – это действия, направленные на защиту от противоправных действий оппонента. Ученые-юристы также дают различные определения необходимой обороне. Так, например, Ревин В.П. определяет необходимую оборону, как «правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства» [3, с. 326]. В свою очередь Алешина И.В., Плотников А.И. считают, что необходимая оборона – это правомерная защита личности, общественных и государственных интересов от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему [4, с. 198]. Идентичное понятие дается в работе Гладких В. И. и Курчеева В. С. [5, с. 66].

Ретунская Т. П. в своей статье, посвященной необходимой обороне, как мне кажется, решила отойти от моральной стороны вопроса, указав, что необходимая оборона — это «насильственные действия в отношении лица, совершившего общественно опасные деяния» [6, с. 132]. С одной стороны, в данном определении указано, что необходимой обороной, являются только насильственные действия и они должны быть направлены именно на лицо совершившего общественно опасное деяние, но с другой стороны в данном определении не дана оценка, как в определениях других ученых юристов, а именно, что данные действия будут признаны законом правомерными и за их совершение не последует наказание. Вроде бы одно слово, однако, оно подтверждает и дает гарантию на правильную квалификацию действий. На основании вышеописанных определений мы можем сделать вывод, что необходимая оборона, это не только защита себя и своих интересов, а также иных лиц, а также общества в целом и государства. Видимо поэтому законодатель в ст. 37 УК РФ квалифицировал необходимую оборону, как «защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено или не сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [7, с. 55].

В соответствии с главой 8 Уголовного кодекса РФ необходимая оборона относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. По мнению Бирюкова Н. И., обстоятельства, исключающие преступность деяния, — «сознательные, волевые (активные) общественно полезные и целесообразные действия лица, сопряженные с причинением какого-либо вреда (или его реальной угрозой) другим интересам, но в силу отсутствия общественной опасности и их полезности, признаваемые уголовным законом правомерными, исключающими преступность деяния, а, следовательно, и уголовную ответственность лица за причиненный вред» [8, с. 28].

Сущность необходимой обороны раскрывается в трех основных аспектах: естественно-правовой, социально-политический и позитивистский. Естественно-правовой подход к обоснованию правовой сущности права на необходимую оборону базируется на неотъемлемых правах человека, которые дарованы природой, и государство не устанавливает их, а лишь устанав-

ливает над ними свой контроль, предоставляет для них санкцию. По мнению Кауфмана М. А., «Право на необходимую оборону – это естественное, данное каждому гражданину право. Его естественность состоит в том, что оно не создается государством, а признается и санкционируется им» [9, с. 5].

Об естественности права на самозащиту человека, писал еще в 19 веке доктор уголовного права Кони А.Ф., а именно «Человеку присуще чувство самосохранения. Оно присуще ему и как существу нравственно разумному, и как высшему созданию животного царства. Это чувство вложено природой в человека так глубоко, что не оставляет его почти никогда; человек стремиться к самосохранению, с одной стороны, инстинктивно, а с другой – сознавая свое право на существование. В силу стремления к самосохранению человек <…> ограждает это право от всякого посягательства, от всякого неправа» [10, с. 87].

Согласно данному подходу, оборона – это естественное поведение человека в случае возникшей для него опасности, так как инстинкт самосохранения свойствен любому живому существу. Поэтому и запрещать совершение оборонительных действий, даже под угрозой какого-либо наказания, не имеет смысла, так как индивид в любом случае будет стремиться к противодействию возникшей опасности. Необходимо отметить, что хоть инстинкт самосохранения у человека возникает только при угрозе причинения вреда непосредственно ему, но Уголовный закон Российской Федерации, а именно ст. 37 УК РФ прямо указывает, что необходимая оборона есть и защита других лиц, общества или государства, что ставит под сомнение реализацию естественно-правовой концепции в полной мере. Я считаю, законодатель расширил перечень объектов защиты по следующим причинам: 1) государство неспособно пресекать каждое преступление для защиты себя и своих интересов, т.к. уполномоченные органы не способны законным образом ежеминутно контролировать все преступления на вверенных территориях. Данную причину можно рассматривать, как с плохой стороны, а именно что государство при всех имеющихся у него ресурсах не способно обеспечить полноценную свою защиту, и с положительной, что государство не использует все доступные для него ресурсы во имя сохранения прав и свобод своих граждан, поэтому и предоставляет возможность людям самим защищать свои государство и свои интересы; 2) человек – существо социальное, живущее и развивающееся в обществе.

По своей природе каждый человек индивидуален и обладает своим набором различных способностей. Исходя из этого, некоторые люди не способны самостоятельно защитить себя, когда в отношении их совершаются преступные деяния. Поэтому законодатель закрепил право на защиту не только самого себя, но и других лиц. Я считаю, это правильным решением, т. к., во-первых, это сближает людей, предоставляя возможность в проявлении самых лучших качеств граждан, ну а во-вторых, как мы уже определяли ранее, уполномоченные органы не в состоянии законными методами осуществлять охрану жизни и здоровья граждан ежеминутно.

Институт необходимой обороны берет свое начало еще в 19 веке, когда происходило становление и формирование «полноценного» государства.

Конфликты между людьми имеют место на протяжении всего существования человечества, поэтому и вопросы самозащиты всегда оставались актуальными. Социально-политическая концепция базируется на «живом праве», то есть на системе развивающихся и имеющихся правоотношений. В соответствии с данной концепцией становление института необходимой обороны напрямую связано с обществом. Еще в начале 20 в. профессор Познышев С. В. писал: «Прирожденных прав вообще не существует; всякое право индивида мыслимо и возникает лишь в общежитии» [11, с. 77].

Развитие общества способствует и развитию законодательства, в том числе и совершенствованию института необходимой обороны. Так, Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 в ч. 1 ст. 24 закрепил, что граждане Российской Федерации могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны. Применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия [12]. Но необходимо отметить, что применение оружия не всегда происходит на законных основаниях, например, в случае если нападение осуществлялось с использованием оружия, но в ходе защиты оно перешло к обороняющейся стороне и было использовано последним в отношении нападавшего.

С другой стороны, социально-политическую концепцию можно рассмотреть следующим образом, а именно субъект, создающий угрозу безопасности, тоже является личностью, наделенной соответствующим правовыми статусом, следовательно, необходимо установление четких, очевидных и объективных критериев правомерности и, соответственно, неправомерности необходимой обороны. Это право должно быть строго ограничено рамками закона. Таким образом, государство защищает не только лицо, которому причиняется или может быть причинен вред, но и посягающее лицо, во избежание, например, самосуда или превышения самообороны. Это соответствует статусу социального, демократического и правового государства.

Позитивистский подход предполагает основание права на необходимую оборону не в личном интересе, а только в юридических источниках. Государство устанавливает общеобязательную систему прав и свобод человека в нормативных правовых актах, которые являются обязательными для всех на его территории. Так, Н. С. Таганцев пишет: «Мое вторжение в право другого имеет производный характер; я употребляю силу, предупреждая или преступное деяние – убийство, поджог, изнасилование, или же хотя и непреступное, но и неправомерное деяние» [13, с. 221]. То есть при осуществлении посягательства обороняющийся причиняет вред нападавшему, тем самым нарушая и его права. Но такое причинение вреда посягающему считается правомерным, так как осуществляется с целью собственной защиты от посягательства нападавшего.

Вышерассмотренные концепции правовой природы необходимой обороны не могут существовать в разрыве друг от друга. Инстинкты самосо-

хранения свойственны каждому человеку, и рассматриваемый институт необходим в законодательстве каждого государства, так как человек живет в обществе, и никто не может быть застрахован от посягательства со стороны другого человека. Государство, в свою очередь, нормативно закрепляет право на необходимую оборону, устанавливая условия ее правомерности и ответственность за ее превышение.

На основании вышеизложенного мы можем определить, что необходимая оборона – это пресечение общественно опасного посягательства при защите интересов личности, общества или государства путем правомерного причинения вреда посягающему. Сущность необходимой обороны определяется естественно-правовым, социально-политическим и позитивистским аспектами.

Список литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка // Издательская группа АСТ, 2022 – 1442 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка // Издательская группа АСТ, 2022 – 2864 с.
3. Ревин, В. П. Уголовное право России. Общая часть: Учебник // М.: Юстицинформ. 2016. – 580 с.
4. Алешина, И. В., Плотников, А. И. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров /Оренбург: Университет, 2016.
5. Гладких, В. И., Курчеев, В. С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник. Под общей редакцией д.ю.н., профессора В. И. Гладких. – М.: Новосибирский государственный университет, 2015. – 614 с.
6. Ретунская, Т. П. Необходимая оборона как институт уголовного права // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2008. № 5. 131–140 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Есакова Г. А. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018 - 736 с.
8. Бирюков, Н. И. Понятие, виды и значение обстоятельств, исключающих преступность деяния // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2012. № 1. С. 28–29 с.
9. Кауфман, М. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // М.: МЮИ МВД России, 1998.
10. Баишева, З. В. А. Ф. Кони о Необходимой обороне // ООО Логика, 2015 87-89 с.
11. Свирин, Д. А. к вопросу о понятии необходимой обороны и ее социально-правовой природе // Евразийская адвокатура 73-78 с.
12. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. 5681 с.
13. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. В 2 частях ч.1// М: Издательство Юрайт, 2023 – 414 с.

УДК 343.241

Алексеева Александра Николаевна,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: aleksandra.alekseeva0@ya.ru

Alekseeva Alexandra Nikolaevna,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: aleksandra.alekseeva0@ya.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

CRIMINAL LIABILITY OF MINORS IN THE SOVIET PERIOD

В данной статье рассмотрены основные исторические этапы развития уголовной ответственности несовершеннолетних в советский период, изучены изменения правового положения несовершеннолетних в советское время.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, уголовная ответственность, подростки, советское развитие.

This article examines the main historical stages of the development of criminal responsibility of minors in the Soviet period of development, studied the changes in the legal status of minors in Soviet times.

Keywords: minors, crime, criminal liability, adolescents, Soviet development.

В современное время в отношении несовершеннолетних преступников уголовная политика государства характеризуется двойственным содержанием: прежде всего, она, безусловно, осуждает преступные действия лица, не достигшего 18 лет и направлена на то, чтобы оно понесло максимально справедливое наказание, однако с другой стороны данная политика направлена на обеспечение его повышенную охрану. Такая охрана осуществляется не только когда несовершеннолетний является потерпевшим, но и когда он выступает субъектом преступления. Придавая значения психологическим возрастным различиям несовершеннолетних преступников, законодатель определил также особые правила, используемые при расследовании уголовных дел с участием данных лиц. Данные правила представляются дополнительными гарантиями для охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, а также для полного и объективного изучения всех обстоятельств по делу.

Следует указать, что в последнее время российский законодатель ведет обсуждения по поводу принятия законопроекта, касающегося установления уголовной ответственности не с 14 лет, а с 12-летнего возраста. Криминогенная обстановка в стране по-прежнему острая, неблагоприятная, сохраняются негативные факторы, влияющие на подростковую преступность, при этом изменилась и качественная ее характеристика, наблюдается увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними. В силу психофизиологических особенностей своего возраста несовершеннолетние нуждаются в особой защите, в том числе уголовно-правовой. Однако такой подход не сразу стал подкреплен законом [6, с. 26].

Главы государства на разных этапах исторического развития общественных отношений определяют новые ориентиры в деятельности правоохранительных органов, возникающих в сфере управления, и внедряют принципы профилактики правонарушений. Самая главная проблема – несовершеннолетние.

Советское государство с момента его становления и дальнейшего развития, проводило гуманитарную политику, направленную на защиты несовершеннолетних. Поэтому сразу был принят Декрет Совета Народного Комитета РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14.01.1918, посредством которого ювенальные суды и тюрьмы в данный период перестали существовать. Всех несовершеннолетних, заключенных в тюрьмах и следственных изоляторах, поручалось отпустить, и с этого момента воспитательные учреждения получили новое развитие, стала меняться непосредственно сама система учреждений для осужденных несовершеннолетних. Этим декретом также указывалось, что лица, моложе 17 лет не должны нести уголовную ответственность. Следует также отметить, что уголовные дела в отношении несовершеннолетних расследовались специальными комиссиями, и пока шел процесс расследования, они зачастую находились под стражей, однако само наказание редко было связано с лишением свободы.

«Окончательная» форма советского уголовного законодательства была разработана в 1919 г. в основных положениях УК РСФСР, устанавливавших минимальный и переходный возраст уголовной ответственности и наказания. Так, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут быть привлечены к ответственности и наказаны в соответствии с вышеуказанными положениями [2, с. 194].

В сентябре 1921 года были созданы детские социальные инспекции, основной задачей которых была борьба с нищенством и преступностью в отношении детей и беспризорников. Социальная инспекция не могла справиться с ликвидацией огромного количества «беспризорников» с улиц и различных общественных мест, поэтому в 1929 году Совнарком РСФСР поручил эту задачу милиции. Условием является направление заключенных в комиссию по делам несовершеннолетних или распределительные центры для детей, подлежащих социальному контролю.

Уголовный кодекс, введенный в действие в 1922 г., уделяет особое внимание уголовной ответственности и наказанию несовершеннолетних. Например, в статье 18 указывается, что «в отношении несовершеннолетних в возрасте до 14 лет и всех несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет не применяется наказание, в отношении последней категории в том случае, если комиссией по делам о несовершеннолетних установлена возможность ограничиться деятельностью, имеющей лечебно-воспитательный эффект». Позднее, в 1922 г., Всероссийский ЦИК принял решение дополнить ст. 18 частью 18а - «Несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет наказание, выносимое судом, в обязательном порядке уменьшается до 1/3 верхнего предела, предусмотренного определенной статьей».

То есть уголовная ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет была возможна только по постановлениям комиссии по делам несовершеннолетних и исключительно тогда, когда при применении воспитательных мер эффекта исправления не наступало. Кроме этого, в качестве

альтернативы уголовного наказания для несовершеннолетних лиц применялось их направление в учреждения для умственно нездоровых (ст. 46 УК РСФСР) и исправительно-трудовые учреждения (ст. 56 УК РСФСР) [3, с. 133].

Также запрещалось применение расстрела к несовершеннолетним.

Далее, с принятием в 1935 г. Закона о противоборстве с преступлениями, совершенными подростками, предусматривалась уголовная ответственность за отдельные преступления, как правило, тяжкие и особо тяжкие, начиная с 12-лет, в судебной практике стало приобретать широкое применение уголовной репрессии, все чаще несовершеннолетние получали реальные сроки [4, с. 28].

Были вопросы о новых типах мест отбывания наказаний. В 1935 году в стране приняли постановление Народного комитета СССР «О ликвидации беспризорности и детской безнадзорности», с последующим созданием организации по делам несовершеннолетних. Это были организации карантинного характера, трудовые учреждения и приемные пункты. В том же году появился закон о детских трудовых лагерях, соответственно с определенного возраста. В нем обозначалось, что дети в возрасте от 12 до 16 лет и беспризорники в возрасте от 14 до 16 лет содержатся в трудовых лагерях. Подростки старшего возраста (16-18 лет) должны были помещаться в общие места содержания, то есть те же самые, что и для взрослых осужденный.

В октябре 1956 г. началась ликвидация трудлагерей, что было связано с тем, что вопрос перевоспитания подростков так и не бы решен. Поэтому основным звеном, наиболее подходящей для подростков единицей пенитенциарной системы являются исправительно-трудовые колонии.

В 1958 г. возраст уголовной ответственности вновь был установлен в 16 лет. Также в 1960 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, установивший нормы об освобождении несовершеннолетних преступников от наказания и применения мер принуждения с воспитательным характером. Хотя субъектом преступления в этом кодексе было лицо старше 16 лет, ответственность за некоторые преступления устанавливалась с 14-летнего возраста. В целом, нормы зачастую носили воспитательную функцию [5, с. 286].

В преамбуле Конвенции о правах ребенка, утвержденной 20.11.1989 г. на 44-ой сессии Генеральной ассамблеи ООН, указывается, что ребенок, в следствие его как физической, так и умственной незрелости, нуждается в особой охране и заботе, охватывая соответствующую правовую защиту [1]. Результатом ратификации Российской Федерацией в 1990 г. данного международного акта выступило деятельное обновление российского законодательства, регламентирующего правовое положение несовершеннолетних лиц.

Современная пенитенциарная система нашего государства все еще не закончила оформляться и находится в процессе своего развития. Наказание и уголовная ответственность зафиксированы как независимые институты уголовного права. Данный вывод следует из ст. 92 Уголовного кодекса РФ, содержащая положение, что несовершеннолетний преступник, осужденный за преступления средней либо небольшой тяжести, может освобождаться судом от наказания, но с применением принудительных мер воспитательного характера, которые предусмотрены ч. 2 ст. 90 УК РФ. Речь идет об снятии с несовершеннолетнего лишь наказания.

Проанализировав развитие законодательства России об уголовной ответственности несовершеннолетних, можно отметить, что постреволюционный период института уголовной ответственности несовершеннолетних характеризуется относительной гуманностью к данным лицам, при этом возраст, с которой эта ответственность наступала, постоянно менялся, наказание в виде лишения свободы, несовершеннолетних в связи с развитием принципов права не применялось, но преступность несовершеннолетних увеличилась, и это привело к возобновлению назначения реального наказания подросткам.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI, 1993.
2. Зорькина, А. А. Некоторые особенности советского законодательства об ответственности несовершеннолетних/ А. А. Зорькина // Символ науки. – 2017. – № 3. – С. 191-195.
3. Нечаева, Е. В. История развития уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в России / Е. В. Нечаева, Т. Г. Алексеева // Вестник РУК. – 2019. – № 4 (38). – С. 132-137.
4. Новик, В. И. Становление и организация пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в России / В. И. Новик // История государства и права. – 2012. – № 10. – С. 27-30.
5. Салахов, Э. Б. История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних / Э. Б. Салахов // Молодой ученый. - 2022. – № 52 (447). – С. 285-288.
6. Чуканова, Е.С. Уголовная ответственность несовершеннолетних: основные этапы исторического развития отечественного законодательства / Е. С. Чуканова // Уголовная юстиция. – 2022. – № 19. – С. 25-28.

УДК 343.3/.7

Алиев Теймур Хакимович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: teymur.aliyev.00@internet.ru

Aliyev Teymur Khakimovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: teymur.aliyev.00@internet.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ, ЕГО ЧАСТЕЙ И БОЕПРИПАСОВ

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL TRAFFICKING OF WEAPONS, ITS PARTS AND AMMUNITION

В статье рассматриваются изменения в уголовном законодательстве, касающиеся ответственности за незаконное распространение, приобретение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и самодельных устройств. Пред-

ставлен общий характер положений Уголовного кодекса РФ. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на прогрессивность российского уголовного законодательства в части детальной регламентации процесса привлечения к ответственности виновных лиц в зависимости от степени их участия в незаконном обороте оружия, в настоящее время все еще сохраняется ряд принципиальных аспектов, способствующих развитию анализируемой противоправной деятельности. Акцентируется внимание на том, что за последние годы четко прослеживается тенденция ужесточения уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, что представляется оправданным в условиях совершения большого количества преступлений данной направленности. Выводы и предложения разработаны для повышения качества уголовного правосудия в сфере ответственности за незаконный оборот оружия, его частей и боеприпасов.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, уголовная ответственность, общественная опасность, преступление.

The article examines the changes in the criminal legislation concerning liability for the illegal distribution, acquisition of weapons, ammunition, explosives and improvised devices. The general nature of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation is presented. Attention is paid to the fact that the legal definition of the term - large-caliber firearms (note of article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation) does not quite correspond to the definition of this weapon in forensic science. The author comes to the conclusion that despite the progressiveness of the Russian criminal legislation in terms of detailed regulation of the process of bringing to justice the perpetrators, depending on the degree of their participation in the illegal circulation of weapons, at present there are still a number of fundamental aspects that contribute to the development of the analyzed illegal activity. Attention is focused on the fact that in recent years there has been a clear tendency to tighten criminal liability for illegal arms trafficking, which seems justified in the context of a large number of crimes of this direction. Conclusions and proposals are developed to improve the quality of criminal justice in the field of illegal distribution and use of weapons.

Keywords: weapons, ammunition, criminal liability, public danger, crime.

Преступная деятельность в современном мире во многом ориентирована на использование разнообразных видов оружия, что причиняет существенный ущерб частным и публичным интересам в обществе и достичь достигает конкретных целей совершения противоправных деяний. Незаконный оборот оружия представляет серьезную угрозу обеспечения общественной безопасности, в связи с чем на законодательном уровне определяется целый ряд правил (получение лицензии на оружие, контрольно-надзорная деятельность компетентных органов и др.) [4, с. 398], направленных на легитимность использования оружия, его частей и боеприпасов. В случае, когда речь идет о незаконных формах оборота оружия, государство лишено всех организационно-правовых механизмов их регулирования, и принципиальное зна-

чение приобретает эффективность привлечения к ответственности лиц, которые допускают подобное противоправное поведение.

В первую очередь отметим, что сама категория «незаконный оборот оружия» детально не закреплена российским законодательством, однако проблем в определении ее содержания не возникает: незаконным признается оборот оружия, который осуществляется с нарушением требований действующего законодательства к обороту оружия. Следовательно, данное понятие включает в себя всю совокупность действий, которые могут быть совершены с оружием, начиная с момента его изготовления и заканчивая непосредственным использованием, вне зависимости от количества лиц, вовлеченных в данный процесс.

Учитывая тот факт, что незаконный оборот оружия подразумевает совокупность разноплановых действий с ним, действующее российское уголовное законодательство содержит целый ряд норм, закрепляющих ответственность за подобные деяния. Так, российский законодатель уделяет пристальное внимание необходимости наступления последствий для лиц, участвующих в незаконном обороте огнестрельного оружия в рамках приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения самого оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (ст. 222 УК РФ). В самостоятельные составы преступлений выделяется изготовление оружия (ст. 223 УК РФ), а также взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 223.1 УК РФ) [1].

Вышеназванный подход представляется весьма справедливым, что позволяет в полной мере учитывать возможное противоправное поведение преступников в рамках незаконного оборота оружия. Однако на различных этапах развития современного общества наиболее актуальным становится распространение отдельных деяний в рамках анализируемого противоправного процесса, что предопределяет потребность своевременного совершенствования уголовного законодательства, регламентирующего особенности привлечения к ответственности за незаконный оборот оружия.

Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ в ряд статей УК РФ) [2] были внесены изменения и дополнения в отношении незаконного оборота оружия, его частей и боеприпасов.

Необходимо отметить, что в целом рассматриваемые изменения характеризуются дифференциацией и усилением уголовной ответственности за незаконный оборот предметов исследуемой противоправной деятельности.

УК РФ дополнен нормами-дефинициями, в которых находят свою характеристику такие предметов преступлений, как: огнестрельного оружия (п. 2 примечаний к ст. 222 УК РФ), боеприпасов (п. 3 примечаний к ст. 222 УК РФ).

В п. 2 примечаний к рассматриваемой статье УК РФ отражено следующее: «Для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда».

В обозначенном примечании к ст. 222 УК РФ в буквальном виде повторяется соответствующее понятие из ст. 1 ФЗ от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ

«Об оружии» (далее - ФЗ об оружии), при этом в таком отражении, как представляется, не было необходимости. Так, правоприменители в ходе расследования и прежде обращались к положениям данного закона при квалификации по ст. 222 УК РФ, что также подтверждено соответствующими разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 1, 2 постановления «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 (в дальнейшем – ППВС РФ № 5 от 12.03.2002) [3].

Следует отметить, что использование в уголовном законе терминов других отраслей права давно имеет широкое распространение, однако не всегда такая позиция законодателя вызывает целесообразность повторения определений таких терминов не только в ином отраслевом законодательстве, но еще и в УК РФ.

Указанным законом от 2021 года также введены новые самостоятельные составы и предметы преступлений, изменены конструкции некоторых действующих уголовно-правовых норм об ответственности за преступные деяния с оружием.

Так, изменены и дополнены положения Уголовного кодекса, устанавливающие ответственность за незаконное хранение, сбыт, хранение, передачу или сбыт оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (статья 222 УК РФ):

1. В диспозицию данной статьи был введен новый признак объективной стороны деяния - «незаконная пересылка» перечисляемых в ней предметов (ч. 1 ст. 222 УК РФ);

2. Введены следующие новые квалифицированные виды незаконного хранения, передачи, сбыта, перевозки и передачи огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему:

совершение указанных преступлений лицами, занимающими какие-либо должности (п. «б» ч. 3 и п. «б» ч. 5 ст. 222 УК РФ);

использование информационно-коммуникационных систем, например сети Интернет, для совершения указанных преступлений (п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222 УК РФ).

3. Отражен новый предмет незаконного оборота оружия – пневматическое, с дульной силой более 7,5 Дж (ч. 7 ст. 222 УК РФ).

4. Незаконный сбыт рассматриваемых предметов, перечисленных в частях 2, 5 и 6 статьи 222 УК РФ, теперь является самостоятельным преступным деянием.

5. В УК РФ добавлена новая статья 222.2, устанавливающая ответственность за незаконное хранение, передачу, сбыт, перевозку крупнокалиберного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему [6, с. 280].

Анализ уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод о том, что действующее законодательство в полной мере учитывает особенности поведения преступников, использующих незаконно изготовленное и приобретенное оружие с учетом различной степени вовлеченности в данный процесс целого ряда лиц. Отличия в санкциях, предусмотренных вышеназван-

ными уголовно-правовыми нормами, наглядно демонстрирует данный вывод [9, с. 295].

Важно отметить, что имеющаяся следственная и судебная практика демонстрирует эффективность института уголовной ответственности за незаконный оборот оружия. Ранее указанные уголовно-правовые нормы достаточно часто используются для квалификации противоправных деяний. Так, согласно судебной статистике в 2021 году по ст. 222 УК РФ было осуждено более 3500 человек, а по ст. 223 УК РФ – более 700 человек [7]. Указанное количество привлеченных к уголовной ответственности лиц также свидетельствует о результативности функционирования компетентных правоохранительных органов, наделенных полномочиями по выявлению и расследованию преступных деяний данной направленности.

Отмеченная эффективность и результативность во многом напрямую зависит от актуальности уголовно-правовых норм для существующих преступных реалий. С одной стороны, преступная деятельность развивается весьма динамично, что предопределяет необходимость ее постоянного исследования и выявления существующих тенденций в сфере незаконного оборота оружия в целях ее предупреждения, с другой - российское отраслевое законодательство достаточно оперативно реагирует на все возникающие вызовы и угрозы, о чем свидетельствует регулярное внесение большого количества изменений в действующие нормативно-правовые акты.

Указанная взаимосвязь преступной практики и совершенствования законодательной регламентации механизмов противодействия незаконному обороту оружия наглядно демонстрируется в рамках увеличения количества преступлений, совершенных на территории российского государства с использованием оружия за последние годы. [8, с. 123].

Наиболее значимые изменения в уголовное законодательство по вопросам привлечения к ответственности за незаконный оборот оружия были внесены в 2021 году. В рамках представленного исследования видится необходимым акцентировать внимание на отдельных аспектах проведенного законодательного совершенствования. Так, например, ужесточение уголовной ответственности в указанной сфере произошло не только посредством изменения санкций уголовно-правовых норм, но и появилась дифференциация наказания в зависимости от способов совершения и предмета преступления. В частности, в отдельную часть выделяются деяния, связанные со сбытом огнестрельного оружия [5, с. 11]. Сбыт оружия имеет особое значение в рамках организации и осуществления преступной деятельности, в связи с чем вышеназванные нововведения представляются весьма оправданными.

Еще одной актуальной тенденцией современного состояния института уголовной ответственности за незаконный оборот оружия выступает своевременная криминализация отдельных деяний в рамках незаконного оборота оружия. Так, в 2021 году были криминализированы деяния, связанные с незаконным сбытом пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж. Важно отметить, что представители преступного сообщества достаточно давно используют законодательные возможности легального сбыта отдельных разновидностей оружия, в том числе и пневматического, однако учиты-

вая существующие отличия в их технических характеристиках принципиальное значение приобретает дифференциация правовых последствий.

Таким образом, за последние годы четко прослеживается тенденция ужесточения уголовно-правовой ответственности за незаконный оборот оружия, что представляется весьма оправданным в условиях совершения большого количества преступлений данной направленности. Регулярная криминализация отдельных деяний, совершаемых в рамках незаконного оборота оружия способствует повышению эффективности борьбы с распространением подобного преступного поведения.

Незаконный оборот оружия и государственная деятельность по борьбе с его масштабным распространением представляется весьма сложным и многоаспектным процессом. С одной стороны, полностью исключить нелегальное изготовление и распространение оружия на территории российского государства невозможно, с другой -общественная опасность, которую представляет подобное преступное поведение обуславливает необходимость постоянного совершенствования действующих уголовно-правовых норм с учетом актуальных тенденций противоправной практики.

Несмотря на то, что российское уголовное законодательство весьма прогрессивно в части детальной регламентации процесса привлечения к ответственности виновных лиц в зависимости от степени их участия в незаконном обороте оружия, в настоящее время все еще сохраняется ряд принципиальных аспектов, способствующих развитию анализируемой противоправной деятельности. В данном контексте видится необходимым сконцентрировать внимание на проблемах распространения информации, которая представляет интерес для организации и осуществления изготовления или переделки оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Незаконный оборот оружия способствует развитию преступности во многих направлениях, в связи с чем противодействие с данным противоправным процессом является одним из наиболее приоритетных направлений органов государственной власти. Несмотря на то, что идея полного исключения указанного процесса из преступной деятельности представляется весьма утопичной, эффективное использование института уголовной ответственности в данной сфере позволяет существенно снизить масштабы негативных последствий для общества и государства. Действующее уголовное законодательство достаточно часто подвергается изменениям, что весьма оправдано в целях учета всех возможных преступных деяний, совершаемых в рамках незаконного оборота оружия. Однако в условиях информатизации жизни современного человека видится необходимым криминализировать отдельные деяния, связанные с распространением материалов, используемых для организации незаконного оборота оружия в качестве самостоятельных преступлений.

Также следует отметить, что при дифференциации ответственности за совершение действий, указанных в ст. 222 УК РФ, остается без внимания количественный признак предметов вооружения. Так, законодателем установлена одна и та же санкция за незаконные действия как с единицей любого из предметов вооружения, так и с крупным количеством предметов воору-

жения. В связи с этим необходимо установить в качестве квалифицирующего обстоятельства такой признак, как количество оружия, находящегося в незаконном обороте. В качестве квалифицирующего признака предусмотреть совершение деяний в крупном размере (превышающем пять единиц оружия), особо квалифицирующего – совершение преступления в особо крупном размере (более 15 единиц оружия). При этом количественные характеристики крупного и особо крупного размера указать в Примечании.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 01.07.2021 № 281-ФЗ //Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5109.
3. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.
4. Гутаев, А. М. Проблемы правового регулирования оборота оружия в России / А. М. Гутаев, Д. М. Кривицкий // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 396-397.
5. Егорова, Н. А. Новое в уголовном законодательстве об ответственности за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств / Н. А. Егорова, А. Г. Егоров // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1 (60). – С. 9-18.
6. Павлухин, А. Н. Изменения и дополнения в УК РФ об ответственности за преступления против общественной безопасности, связанные с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств: комментарии и предложения / А. Н. Павлухин, Н. Д. Эриашвили // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 5. – С. 276-281.
7. Судебная статистика РФ. URL: https://stat. xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 20.02.2023).
8. Хамгоков, М. М. К вопросу об ужесточении ответственности за незаконный оборот оружия / М. М. Хамгоков // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 4. – С. 120-124.
9. Хамгоков, М.М. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия: современное состояние и перспективы совершенствования / М. М. Хамгоков // Образование и право. – 2022. – № 9. – С. 293-297.

УДК 343/7

Ахундова Лейла Гусейновна,
студент,
(Российский государственный университет правосудия)
E-mail: ahundovalejla18@gmail.com

Akhundova Leyla Hyseynovna,
student,
(Russian State University of Justice)
E-mail: ahundovalejla18@gmail.com

О КОНСТРУКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ (МОТИВА И НЕОБОСНОВАННОСТИ) СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 145 УК РФ

ABOUT CONSTRUCTIVE SIGNS (MOTIVE AND UNJUSTIFIED) OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 145 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются актуальные проблемы конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ об ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, по мотивам беременности или наличия детей. В частности, автор анализирует признак мотива данного преступления, а также признак «необоснованности» при увольнении либо отказе в приеме на работу.

Проведенное автором исследование правоприменительной практики, российского и зарубежного законодательства, а также научной литературы позволяет заключить: нулевая статистика осужденных по данной статье не свидетельствует об искоренении увольнения или отказа в приеме на работу рассматриваемых категорий женщин; принципиально важно сохранить как признак мотива, так и признак «необоснованности» в рассматриваемой норме.

Ключевые слова: трудовые права, права женщин, необоснованный отказ в приеме на работу, необоснованное увольнение, дискриминационный мотив, уголовная ответственность.

The following article discusses actual problems of the construction of Article 145 of the criminal code which provides for liability for unjustified refusal to hire or unjustified dismissal of a pregnant woman and a woman with children under three years of age. The author analyzes the motive of this crime, as well as the sign of unjustified refusal to hire or unfair dismissal.

Research conducted by the author of law enforcement activities, Russian and foreign legislation, academic literature allows to come to the following conclusions: zero statistics of convicts under this article does not indicate the eradication of dismissal or refusal to hire the categories of women in question; it is fundamentally important to preserve both the sign of motive and the sign of «unjustified» in the Article under consideration.

Keywords: labour law, women's rights, the unjustified refusal to hire, unfair dismissal, motive of the crime, criminal liability.

Одной из наиболее острых проблем в современном мире, в российском обществе является демографическая проблема. Так, согласно публикуемым ежегодно докладам Росстата «Социально-экономическое положение России» с каждым годом показатели рождаемости снижаются: в сравнении 2019 г. и 2020 г. – на 59,4 тыс. человек; 2020 г. и 2021 г. – на 21,5 тыс. человек; 2021 г. и 2022 г. – на 87,1 тыс. человек [1]. Представляется, что на фоне последних событий социально-экономического и политического характера рождаемость в предстоящем 2023 г. еще будет сокращаться.

Ввиду вышеизложенного государству принципиально важно предпринимать все необходимые меры, направленные на эффективную защиту прав беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет.

На международно-правовом уровне в ряде конвенций закреплены гарантии трудовых прав женщин. К таким, в частности, относятся «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» от 18 декабря 1979 г. [2]; Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» от 23 июня 1981 г. [3]; «Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» от 29 июня 1951 г. [4].

Активность и работоспособность женщины в эти периоды значительно снижается, что может стать полем для злоупотребления со стороны работодателя, поскольку, представляется, что для него невыгодно иметь в подчинении такого работника. Поэтому наряду с закреплением универсальных стандартов трудовых прав женщин, на международно-правовом уровне закреплены также меры ответственности за их нарушение.

При неэффективности иных мер вступает в силу уголовная репрессия, которой по российскому законодательству является ст. 145 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [5].

Статьей 145 УК РФ предусматривается ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет.

Число осужденных по указанной статье невелико. За 2016 год было осуждено 1 лицо, за 2017 и 2018 год было осуждено 2 лица, а с 2019 года по 1 полугодие 2022 года лица по указанной статье не осуждались [6]. Данная статья является предметом рассмотрения многих авторов, чему способствует наличие определенных проблем в ее конструировании.

В частности, к таковым относят признак «необоснованности» отказа в приеме на работу или увольнения с работы беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, и признак дискриминационного мотива субъективной стороны.

В уголовной доктрине сложилось несколько подходов к пониманию признака «необоснованности». Ряд авторов, такие как Рыбалка А. А., Яньшина С. В., отождествляя понятия «необоснованности» и «незаконности», подходят к его определению через нарушение требований трудового законодательства и желания женщины [7. С.67.].

Другие авторы, например, Комиссаров В. С., напротив, понимают признак «необоснованности» через оценку действий уволившего лица, то есть обнаружить «необоснованность» можно там, где отсутствуют уважительные и достаточные причины. При этом отказ в приеме на работу или увольнение такой женщины может проявляться в любой форме (прямой или завуалированный отказ, ссылка на отсутствие вакансии). Также судить об обоснованности или необоснованности возможно и на основании формулировки отказа в приеме на работу или увольнения [8, с. 171].

Если руководствоваться первым подходом, то представляется логичной замена признака «необоснованности» на «незаконность», в чем авторы подхода видят решение проблемы неоднозначности и неопределенности формулировки признака «необоснованности». Однако, такую замену можно подвергнуть сомнению: зачем создавать такую сущность, которая уже существует (ст.ст. 201, 285 УК РФ)? *Entia non sunt multiplicand a sine necessitates!* (сущности не следует умножать без необходимости!).

Замена признака «необоснованности» признаком «незаконности» не решит проблему неоднозначности формулировки, а напротив породит еще большую ее неоднозначность. Незаконность увольнения либо отказа в приеме на работу можно также понимать через полномочия лица, совершившего эти действия. Как представляется, незаконно уволить либо отказать в принятии на работу может только должностное лицо, и незаконное увольнение либо отказ в принятии на работу со стороны должностного лица суть злоупотребление, превышение или присвоение должностных полномочий.

Любопытным в данной связи представляет опыт Уголовного кодекса Республики Беларусь, который в ст. 199 в объективной стороне аналогичного состава преступления наряду с иными альтернативными действиями (с необоснованным отказом или увольнением) предусмотрел также «заведомо незаконное увольнение» [9]. Представляется, что законодатель исходил из вышеизложенного подхода при конструировании данной нормы, что на наш взгляд, является целесообразным и обоснованным, исключающим конкуренцию с иными схожими составами.

Напротив, второй подход, представителем которого являлся Комиссаров В.С., видится более правильным. Кроме того, именно на нем основаны имеющиеся в судебной практике приговоры судов. Суды в большинстве своем в мотивировочной части приговоров указывают не на увольнение или отказ в приеме на работу вопреки требованиям трудового законодательства, а на отсутствие «уважительных» и «достаточных» причин у работодателя.

Так, например, приговором мирового судьи Октябрьского судебного района г. Кирова судебного участка № 63 от 21.03.2016 была осуждена директор магазина по ст. 145 УК РФ. Судом было установлено, что потерпевшая работала в должности продавца-кассира. Узнав о беременности, потерпевшая сообщила об этом директору. Не желая, чтобы в организации работала беременная, директор сообщила потерпевшей, что она уволена в связи с нахождением ее в состоянии беременности. Судом были приняты во внимание показания одного из свидетелей, который сообщил, что слышал разговор между потерпевшей и директором, в ходе которого последняя заявила: «Если бы не твой животик, мы бы с тобой не попрощались, как работник ты меня

устраиваешь» [10]. Суд, изучив обстоятельства дела, обоснованно квалифицировал действия директора по ст. 145 УК РФ.

В мотивировочной части вышеприведенного приговора суд указал, что директор магазина уволила беременную женщину без указания «уважительных» и «достаточных» причин, а не вопреки трудовому законодательству.

Вместе с тем, в некоторых приговорах в мотивировочной части все же можно встретить обоснование «необоснованности» через «незаконность».

Так, например, апелляционным определением Сернурского районного суда Республики Марий Эл от 11.07.2013 приговор мирового судьи судебного участка Сернурского района был оставлен без изменения, а апелляционную жалобу без удовлетворения. Судом было установлено, что потерпевшая работала в должности продавца магазина на основании двустороннего бессрочного трудового договора. Свинина З. Н., являясь индивидуальным предпринимателем, заключила с потерпевшей этот трудовой договор. Однако, узнав о том, что потерпевшая беременна, Свинина З. Н. изменила вид договора на срочный, и издала незаконный приказ об увольнении потерпевшей. Суд также указал на то, что Свинина З. Н., зная о беременности потерпевшей, незаконно уволила А.С.М. по мотивам ее беременности [11].

Из данного примера видим подмену понятий «незаконности» и «необоснованности». Суд использует вначале термин «необоснованность», затем употребляет «незаконность». На наш взгляд, это и подобные определения и приговоры только нарушают единообразие судебной практики. Представляется, что в данном определении можно было оперировать термином «необоснованности» по аналогии с вышеприведенным приговором мирового судьи Октябрьского судебного района г. Кирова судебного участка № 63 от 21.03.2016.

Не менее интересным представляется дискуссия в определении содержания мотива данного преступления.

Обязательным признаком, связанным с субъективной стороной рассматриваемого состава преступления, является мотив его совершения. Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статья 137, 138, 138^1, 139, 144^1, 145, 145^1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее – ПП ВС РФ от 25.12.2018 № 46) уголовная ответственность за рассматриваемое преступление наступает только в случаях, когда работодатель руководствовался дискриминационным мотивом, связанным с беременностью женщины или наличием у женщины детей в возрасте до 3 лет [12]. Представляется, что данные разъяснения Верховного Суда РФ направлены к формированию единообразного подхода в определении мотива преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то можно встретить аналогичные формулировки мотива преступления. Так, например, ст. 164 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [13], ст. 156 Уголовного кодекса Республики Армения [14], ст. 199 Уголовного кодекса Республики Беларусь используют аналогичную формулу «по мотивам ее беременности».

Однако, в теории и на практике продолжаются споры, касающиеся содержания этого мотива.

Представляется, что мотив совершения данного преступления связан с фактом беременности, то есть работодатель руководствуется именно нежеланием иметь в качестве работника беременную женщину или женщину, имеющую детей в возрасте до трех лет, а не какими-либо иными мотивами. В таких случаях мотив является явным и напрямую сообщается потерпевшей.

Примером может послужить рассмотренный выше приговор мирового судьи Октябрьского судебного района г. Кирова судебного участка № 63 от 21.03.2016 г. Директор магазина, увольняя потерпевшую, указала ей прямо на то, что если бы она не была бы беременна, то продолжила работать.

Напротив, Мешков М. В. и Гайфуллин А. Н. полагают, что истинным мотивом совершения преступления является избавление от материальных затрат работодателя [15. С. 17]. Нередко суды указывают на это в приговоре.

Так, например, приговором мирового судьи Шахтинского судебного района Ростовской области судебного участка № 5 от 18.08.2016 был осужден Черепанцев П. П. по ст. 145 УК РФ. Судом было установлено, что потерпевшая работала в должности менеджера по работе с клиентами. Узнав о беременности, потерпевшая сообщила об этом генеральному директору Черепанцеву П.П. Желая избежать для себя в дальнейшем нести дополнительные обязанности по обеспечению гарантий по предоставлению потерпевшей отпуска по беременности и родам, генеральный директор, уволил ее по мотивам беременности [16]. Суд, изучив обстоятельства дела, обоснованно квалифицировал действия Черепанцева П.П. по ст. 145 УК РФ.

Также, например, в уже рассмотренном выше апелляционном определении Сернурского районного суда Республики Марий Эл от 11.07.2013 можно встретить указание на избавление от материальных затрат работодателем. Как следует из определения при оставлении на работе потерпевшей Свинина З. Н. должна была «ежемесячно выплачивать потерпевшей пособие по уходу за ребенком, держать за ней место работы и не могла принять на работу другого человека на постоянную работу» и ряд других обязательств.

По мнению исследователей, законодательное закрепление мотива существенно затрудняет применение статьи: Курсаев А. В., Мешков М. В. и Гайфуллин А. Н., предлагают заменить формулу «по мотивам» на более конкретную формулировку «… в связи с ее беременностью или наличием малолетних детей…» [17. С. 27].

Другие исследователи, такие как Рыбалка А. А., Яньшина С. В. предлагают исключить мотив в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления, обосновывая это практической сложностью в доказывании мотива совершения преступления. Кроме того, по мнению авторов, работодатель при увольнении такой женщины не называет истинный мотив своих действий, а указывает на иные причины, например, сокращение штатов [18, с. 97].

Однако, на наш взгляд, вышеприведенные позиции определения мотива не исключают, а взаимодополняют друг друга. Нам представляется, что мотив работодателя не иметь в качестве работника именно беременную женщину либо женщину, имеющую детей в возрасте до трех лет (первый подход) сам по себе онтологически (имманентно, сущностно) включает нежелание работодателя нести дополнительные расходы (второй подход).

Отсюда следует, что сформулированный мотив в разъяснениях ПП ВС РФ от 25.12.2018 № 46 вовсе не создает препятствий для его определения. Кроме того, сформировавшийся подход в судебной практике к определению мотива свидетельствует о том, что суды могут обосновывать мотив и как избавление от материальных затрат, и как сам факт нежелания иметь такого работника, что непосредственно ему сообщается.

Между тем, предложенный вариант исключения мотива, а равно замена «необоснованности» на «незаконность», на наш взгляд, приведет к такой ситуации, что под данную статью будет подпадать незаконное увольнение беременной (и не только беременной) женщины по любым мотивам (а не только мотивам ее беременности). В данной связи интересным представляется дело из «Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими» [19].

Приказом начальника УФСИН России по субъекту РФ от 11.08.2016 А. была уволена с замещаемой должности из органов уголовно-исполнительной системы за грубое нарушение служебной дисциплины. Впоследствии в данный приказ были внесены изменения основания ее увольнения (в связи с нарушением условий контракта по вине сотрудника). Однако, судом было установлено, что на момент увольнения А. находилась в состоянии беременности. Суд обоснованно пришел к выводу о признании увольнения незаконным и восстановлении на службе.

Таким образом, увольнение не было произведено по мотивам беременности, и должностное лицо не привлекли к уголовной ответственности, но беременную женщину все-равно восстановили на службе, признав увольнение незаконным в рамках гражданских правоотношений.

Следовательно, если убрать названный мотив и внести признак «незаконности» в рассматриваемый состав преступления, то вышеприведенный случай необходимо будет квалифицировать по ст. 145 УК РФ, что представляется излишне репрессивной мерой, не адекватной общественной опасности содеянного. На практике случаи незаконного увольнения и восстановления работника по суду в рамках гражданских правоотношений далеко не единичны - довольно часто встречаются. Соответственно, изменения, предлагаемые авторами, необоснованно расширяют сферу уголовно-правовой репрессии, поскольку устанавливают основания для подпадания любого незаконного увольнения под уголовную ответственность по ст. 145 УК РФ

Также необходимо отметить недопустимость исключения ст. 145 из УК РФ как «нерабочей» – даже при отсутствии количества осужденных по данной статье с 2019 по 2021 гг.! За 2019 г. в отношении 1 лица дело было прекращено по основаниям, не связанным с отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению, за 2020 г. – в отношении 3, за 2021 г. – в отношении 1. Таким образом:

1) дела по данному преступлению прекращаются либо в связи с примирением сторон, либо в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности;

2) увольнение беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, не искоренено в нашем обществе;

правоприменитель в виду своих дискретных полномочий и в зависимости от конкретных обстоятельств дела решает вопрос о привлечении уволившего такую женщину лица к уголовной ответственности. Названными обстоятельствами и являются законодательно закрепленные признаки рассмотренного состава преступления – «по мотивам беременности» и «необоснованности» увольнения женщины.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL.: Росстат — Статистика (rosstat.gov.ru) [Дата обращения: 8.03.2023г.].
2. «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (Заключена 18.12.1979) (с изм. от 22.05.1995) // Ведомости ВС СССР. 23 июня 1982 г. № 25. Ст. 464.
3. Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» // СЗ РФ. 2004 г. №32. Ст.3284.
4. «Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» от 29 июня 1951 г. URL.: un.org [Дата обращения: 8.03.2023г.].
5. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954;
6. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL.: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 [Дата обращения: 08.02.2023г.].
7. Яньшина С.В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод в области охраны труда и профессиональной деятельности: магистерская диссертация. Москва, 2021. – С. 109;
8. Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008. – 720 с.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 № 275-З URL.: Уголовный кодекс Республики Беларусь: статьи, комментарии, право - УК РБ 2023 (xn----ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais) [Дата обращения: 8.03.2023];
10. Приговор мирового судьи Октябрьского судебного района г. Кирова судебного участка № 63 по делу № 63/1-13/16 от 21 марта 2016 г., URL: СудАкт.ру (sudact.ru) [Дата обращения: 8.02.2023].
11. Апелляционное определение Сернурского районного суда Республики Марий Эл по делу № 1-13/2013 от 11 июля 2013 г., URL.: Сернурский районный суд Республики Марий Эл (sudrf.ru) [Дата обращения: 8.03.2023].
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // РГ. 2019. № 1.
13. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ URL.: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 [Дата обращения: 8.03.2023].

14. Уголовный кодекс Республики Армения, принят 18.04.2003/ URL.: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus [Дата обращения: 3.03.2024г.].

15. Мешков, М. В. Доказывание мотива преступления и проблемы уголовно-правового регулирования / М. В. Мешков, А.Н. Гайфуллин // Мировой судья. – 2015. – № 3. – Москва. – С. 14-17.

16. Приговор мирового судьи Шахтинского судебного района Ростовской области судебного участка № 5 по делу № 10-1/2017 от 18.08.2016, URL: СудАкт.ру (sudact.ru) [Дата обращения: 08.02.2023].

17. Курсаев, А. В. Мотивы совершения преступления, заключающегося в необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ) // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – №1 (37). – Москва. – С. 26-29.

18. Рыбалка, А. А. Уголовно-правовая охрана трудовых прав личности: Международные стандарты и проблемы их реализации в российском законодательстве: дисс. ... канд.юрид. наук. Краснодар, 2016. – 180 с.;

19. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017). URL: КонсультантПлюс (consultant.ru) [Дата обращения: 08.02.2023].

УДК 343.8

Бакланов Артур Валерьевич,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: avb812@gmail.com

Baklanov Artur Valerievish,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: avb812@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИИ

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF RESOCIALIZATION AND ADAPTATION OF CONVICTS IN RUSSIA

В статье отражены содержание и сущность воспитательного потенциала пенитенциарных учреждений Российской Федерации, выделены основные проблемы социальной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Проведен анализ факторов, влияющих на полноценную адаптацию осужденных, представлены меры, направленные на повышение уровня их ресоциализации.

Ключевые слова: пенитенциарная система, адаптация, ресоциализация, осужденные, исправительные учреждения, Федеральная служба исполнения наказаний.

The article reflects the content and essence of the educational potential of penitentiary institutions of the Russian Federation, highlights the main problems of social adaptation of persons released from prison. The analysis of factors influencing the full adaptation of convicts is carried out, measures aimed at increasing the level of their re-socialization are presented.

Keywords: penitentiary system, adaptation, re-socialization, convicts, correctional institutions, Federal Penitentiary Service.

Борьба с преступностью, а также реализация превентивных мер обусловливают необходимость повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы, так как большинство осужденных, отбывших наказание, снова совершают общественно-опасные уголовные деяния [1].

В соответствии с п. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, целью уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений.

Целью ресоциализации и адаптации осужденных является формирование в их мышлении и поведении уважительного отношения к человеку и обществу, а также нормам, правилам и традициям человеческого общежития, что в свою очередь повысит образовательный и культурный уровень граждан, освободившихся из мест лишения свободы [2, с. 236].

Содержание процесса ресоциализации и адаптации включает в себя не только пенитенциарный, но и постпенитенциарный период воспитательной работы с личностью. Однако, на наш взгляд, процесс ресоциализации осужденных в местах лишения свободы не сводится только к воспитательной работе, имеет четкую правовую регламентацию, а также сопряжен с негативными последствиями изоляции для психического и физического здоровья человека, что определяет его специфику.

Полагаем, что ресоциализация осужденных к лишению свободы включает в себя процесс усвоения позитивных норм, убеждений, установок, принятых в обществе, и приобретения социально-полезных навыков в период отбывания наказания, необходимых для адаптации к жизни на свободе после освобождения. Таким образом, ресоциализация представляет собой ряд мер нравственно-социального характера, направленных на исправление личности с антиобщественной манерой поведения.

Важной составляющей в процессе ресоциализации является психотерапевтическая коррекция. Необходимым условием ресоциализации является исправление осужденного, что особенно трудно, так как ресоциализация осужденных к лишению свободы осложнена большинством негативных факторов, ключевым из которых является невозможность изменения отрицательной социальной среды, а также комплексом факторов, присущих наказанию в виде лишения свободы, в частности принудительной изоляцией от общества, включением индивидов в однополые группы, жесткой регламентацией поведения во время отбытия наказания.

Также крайне неблагоприятным фактором является стремление группы заключенных из числа уголовников-рецидивистов, а также так называемых «авторитетов» и «воров в законе» навязывать свои порядки и правила остальным гражданам.

Такие группы осужденных, в основном к длительным срокам лишения свободы, крайне негативно воздействуют на общую массу лиц, отбывающих наказание, воздействуют на них, прививают чуждые, антисоциальные взгляды, подстрекают к противодействию персоналу исправительного учреждения, пытаются привлечь на свою сторону для совершения преступлений в учреждениях уголовно-исправительной системы.

Для минимизации таких рисков необходимо изолировать группы так называемых «авторитетов» от остальной массы заключенных с целью недопущения деструктивного воздействия на последних.

С целью создания системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов и механизмов оказания всесторонней помощи подозреваемым, обвиняемым, осужденным и лицам, освободившимся от отбывания наказания, а также преемственности при ведении социальной, воспитательной и психологической работы на различных этапах пребывания подозреваемого, обвиняемого и осужденного в учреждениях уголовно-исполнительной системы., Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает:

на первом этапе (до 2024 года) - закрепление института пробации на законодательном уровне, определение функции пробации, перечня задач и полномочий органов государственной власти и местного самоуправления; возложение соответствующих полномочий на уголовно-исполнительные инспекции в части оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания условно-досрочно;

на втором этапе (до 2030 года) – оказание содействия лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в занятости и бытовом устройстве.

Реализация указанных положений потребует:

развития системы уголовно-исполнительных инспекций;

совершенствования научно-методической базы в целях подготовки квалифицированных кадров;

внедрения новых информационных технологий в деятельность уголовно-исполнительных инспекций;

повышения уровня взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с органами государственной власти, органами местного самоуправления и общественными организациями, а также с учреждениями и предприятиями социального обслуживания по вопросам оказания адресной социальной помощи осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы [3].

Необходимо выделить особенности процесса социальной адаптации осужденных:

– данный процесс воздействует только на граждан, которые освобождаются из мест лишения свободы;

– процесс связан с элементами принуждения, которые являются последствиями отбывания наказания, вытекающими из института судимости.

Необходимо отметить, что процесс социальной адаптации делится на две взаимосвязанные стадии:

первый – стадия нравственно-психологической, правовой и организационной подготовки осужденных к жизни в обществе;

второй – стадия приспособления освобожденных к условиям жизни на свободе, определения ими своих социальных позиций и ролей, восприятия требований и системы ценностных ориентаций нового социального окружения, руководство этим процессом со стороны государства и общества.

Для возврата к нормальной жизни осужденный должен снова пересмотреть все нормы и правила, а также суметь адаптироваться к новой жизни, при этом реализовать нормальную дальнейшую жизнь возможно только при помощи внешних факторов и собственных адаптивных способностей. Именно реализация нормальной жизни – проблема для многих осужденных в настоящее время [4, с. 75].

Обеспечение исправительных учреждений высококвалифицированными специалистами в области социальной работы способствует повышению эффективности в решении проблем, связанных с ростом рецидивной преступности, особенно в подростково-молодежной среде, а также среди женщин.

Так, в 2022 году в исправительных учреждениях содержалось свыше 48 тысяч осужденных к лишению свободы женщин. Необходимо отметить, что лица женского пола в силу своего социального положения являются уязвимой группой, поэтому проблемы их ресоциализации в исправительных колониях имеют свою специфику. Специфика преступниц-женщин характеризуется эмоциональной нестабильностью, они подвергаются в большей степени отрицательному влиянию и способны длительное время сохранять антиобщественное поведение и взгляды [5, с. 350].

Специалисты групп социальной помощи и поддержки осужденных совместно с заинтересованными службами исправительного учреждения оказывают содействие в следующем:

– составляют социальную карту для каждого осужденного лица;

– оказывают индивидуальную психологическую помощь;

– консультируют осужденных по вопросам пенсионного и жилищного законодательства;

– проводят среди осужденных работу по их подготовке к освобождению;

– оказывают содействие в решении вопросов бытового устройства.

Следует отметить, что бывшим заключенным создают проблемы некоторые факторы, которые мешают полноценной ресоциализации и адаптации их в обществе:

– отсутствие работы;

– отсутствие места жительства;

– отсутствие денежных средств;

– наличие судимости;

– отсутствие психологической и социальной помощи;

– употребление спиртных и наркотических веществ.

Поэтому необходимо осуществлять контроль за данной категорией лиц, чтобы предотвратить совершение ими новых преступлений.

Таким образом, следует отметить, что эффективная работа по ресоциализации и адаптации бывших осужденных невозможна без усилий со стороны государства, в том числе в виде финансирования и принятия необходимых законодательных актов.

Существует необходимость обоснованного законодательного регулирования деятельности по реабилитации и социальной адаптации осужденных с учетом специфики контингента, находящегося в исправительных учреждениях. Решение подобных вопросов, безусловно, требует тщательной и взвешенной проработки, поскольку служит обеспечению общественной безопасности в государстве.

Необходимо использовать и применять положительную практику правоприменения с учетом зарубежного и отечественного опыта, когда предлагается решить проблему социализации и адаптации осужденных путем принятия Федерального закона «О мерах по социальной поддержке осужденных и лиц, освобожденных из мест лишения свободы».

Подобный законопроект еще в 2012 году был подготовлен авторским коллективом ФКУ НИИ ФСИН России. Основной сутью законопроекта является оказание помощи гражданам, освобожденным из мест лишения свободы в трудовом и бытовом устройстве.

Итак, социальная реабилитация и адаптация бывших осужденных после освобождения из мест лишения свободы – сложный процесс. После отбытия наказания бывшие осужденные сталкиваются с рядом проблем. Для помощи в решении этих проблем в России распространяется социальная практика создания специализированных центров по реабилитации бывших заключенных.

Важно подчеркнуть, что ключевая роль в работе с осужденными принадлежит ФСИН, поскольку у ведомства есть закрепленные в законодательстве полномочия по воспитанию осужденных и постпенитенциарному сопровождению.

Именно поэтому необходимо проводить политику в сфере адаптации и ресоциализации бывших осужденных на базе ФСИН России.

Список литературы

1. Назаров, С. В. Тюремная реформа: основные направления // Вестник Владимирского юридического института. 1(58). 2021. С. 8-12.

2. Зубкова, В. И. Цель исправления как путь ресоциализации осужденного // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: сборник материалов Междунар.научно-практич. конф. – Киров. 2014. – С. 235-238.

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Борсученко, С. А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование – «Юридический вестник Самарского университета» – № 2. – 2018. С. 74-79.

5. Сарычева, Н. В. Проблемы ресоциализации и адаптации женщин, осужденных к лишению свободы – «Пробелы в российском законодательстве» – № 3. 2017.С. 350-353.

УДК 343.1

Бельский Сергей Викторович,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: belskiy.93@bk.ru

Belskiy Sergey Viktorovich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: belskiy.93@bk.ru

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ И ДОКАЗЫВАНИЯ

THE OBJECTIVE SIDE OF OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT AND EVIDENCE

В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с квалификацией содеянного и доказыванием по уголовным делам о преступлениях, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии, акцентируется внимание на отсутствии четко определенного перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию по рассматриваемому общественно-опасному деянию. На основании проанализированной практики аргументируется вывод о том, что по ст. 210.1 УК РФ ответственность наступает не столько за обладание криминальным статусом либо его присвоение, а за совершение определенного общественно опасного деяния, связанного с реализацией такого статуса.

Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии, обстоятельства, подлежащие доказыванию, общественно опасное деяние; преступный статус.

The article deals with problematic issues related to the qualification of the deed and the proof in criminal cases of crimes related to occupying the highest position in the criminal hierarchy, focuses on the lack of a clearly defined list of circumstances to be proved in relation to the considered socially dangerous act. Based on the analyzed practice, the conclusion is argued that according to Art.

210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, responsibility arises not so much for the possession of a criminal status or its assignment, but for the commission of a certain socially dangerous act related to the implementation of such a status.

Keywords: the highest position in the criminal hierarchy, circumstances to be proved, socially dangerous act, criminal status.

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 210.1, в которой предусмотрена уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Необходимость указанных изменений в законе сформулирована в пояснительной записке к законопроекту следующим образом: «Лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность. Однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности» [1].

Общественная опасность лиц, обладающих статусом лидеров в преступной иерархии, заключается в оказании ими значительного криминального влияния как в пределах отдельного преступного сообщества, так и во всей преступной среде [2]. В связи с этим установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии - социально обусловленное и своевременное законодательное решение, направленное на усиление противодействия организованной преступности.

Несмотря на несовершенность формулировки диспозиции ст. 210.1 УК РФ, связанной, в том числе с трудностями ее применения в связи с ее неопределенностью, наличием терминов исключительно оценочного характера «преступная иерархия» и «занятие высшего положения», законодательная новелла оказалась востребованной на практике.

Так, в период с 2020 г. по 1-е полугодие 2022 г. с вынесением итогового решения судами рассмотрено 38 дел в отношении 42 лиц, обвиняемых по ст. 210.1 УК. Из общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности по этой статье: 32 осуждено, из них 3 лица – судом с участием присяжных заседателей; в отношении 1 лица дело прекращено судом по нереабилитирующему основанию (в связи со смертью подсудимого); 9 лиц оправданы, 7 из них – с удом присяжных. В законную силу вступил приговор только в отношении одного лица, оправданного по ст. 210.1 УК. В отношении пяти лиц оправдательные приговоры отменены, дела направлены на новое рассмотрение. В отношении трех лиц апелляционные представления об отмене оправдательных приговоров к настоящему времени не рассмотрены [3].

На наш взгляд, приведенная статистика позволяет прийти к выводу о наличии практических проблем, связанных с доказыванием наличия в действиях того или иного лица состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, к которым можно отнести, в том числе отсутствие четко определенного перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, ввиду наличия в диспозиции ст. 210.1 УК РФ таких оценочный категорий, как «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии», «занятие», что в последующем приводит к отсутствию в деле необходимых доказательств, позволяющих сделать вывод о виновности лица.

Полагаем верной позицию В. Степанова-Егиянца, указывающего на неоднозначный смысл слова «занятие»: «При одном прочтении данная норма может быть истолкована как устанавливающая ответственность за то, что преступник занял высшее положение в преступной иерархии. Но возможна и альтернативная трактовка: наказанию подлежит тот, кто уже занимает такое положение. В первом случае речь идет об однократном событии, во втором - о длящемся деянии». И далее: «Если признать, что речь идет об однократном событии, то в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ из-под действия новой статьи автоматически выбывают как воры в законе, эмигрировавшие из Грузии, так и все прочие лидеры преступного мира, добившиеся признания своего статуса до начала действия новой статьи. В свете этого данный вариант истолкования выглядит маловероятным. По-видимому, закон все же подразумевает ответственность за длящееся преступление» [4].

Вывод, к которому пришел В. Степанов-Егиянц, нашел свое подтверждение в судебной практике: «…поскольку состав преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ относится к числу так называемых длящихся преступлений, и поскольку действия (бездействие), свойственные статусу "вора в законе" и подпадающие под признаки преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, совершались осужденным и после введения в действие с 12 апреля 2019 г. вплоть до 17 июня 2020 г. установленного названной статьей запрета, на них не распространяются положения ст. 10 УК РФ, исключающие возможность придания обратной силы закону, устанавливающему преступность деяния, усиливающему наказание или иным образом ухудшающим положение лица» [5].

Неоднозначным остается вопрос установления конкретных противоправных действий по использованию лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, имеющихся у него, как у лидера в преступной среде, полномочий.

Необходимо отметить, что, дополнив УК РФ ст. 210.1, законодатель не указал, какие именно действия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, могут расцениваться как общественно опасные, то есть являющиеся в силу ст. 14 УК РФ преступлением.

Об общественной опасности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, могут свидетельствовать конкретные противоправные действия или бездействие, составляющие способ совершения преступления.

Это соответствует положению, закрепленному в ч. 1 ст. 5 УК РФ, согласно которому лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, без обязательного указания на совершение этим лицом конкретных противоправных действий, связанных с использованием этого статуса, противоречит понятию преступления, определенному в ст. 14 УК РФ, в соответствии с которым преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

По мнению Кондратюка С.В. в силу усеченности состава рассматриваемого деяния занятие главенствующего (высшего) положения в преступной иерархии воровского мира становится оконченным преступлением уже на ранней стадии его совершения, соответствующей приготовлению или покушению на преступление, в связи с чем считается оконченным с момента признания лица статусным лидером преступного сообщества.

Так, в приговоре от 7 октября 2020 г. по обвинению О. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК и др., Московский городской суд указал, что «диспозиция ст. 210.1 УК РФ не предусматривает реализации своего статуса виновным лицом, совершения им каких-либо действий с использованием статуса, и в изложенном понимании занятие высшего положения в преступной иерархии не предполагает дополнительных действий такого лица, необходимых для состава такого преступления. Иное, расширительное толкование диспозиции ст. 210.1 УК РФ противоречит требованию уголовного закона и является недопустимым» [6].

Первый апелляционный суд общей юрисдикции, постановив апелляционный обвинительный приговор в отношении О. [7], признал несостоятельными доводы стороны защиты о том, что в судебном заседании не установлены структура преступной иерархии, в которой О. занимает высшее положение, его полномочия и функции. По мнению судебной коллегии, эти обстоятельства не влияют на юридическую оценку содеянного, поскольку совокупностью доказательств установлен факт занятия им высшего положения в преступной иерархии после вступления в силу уголовного закона, установившего соответствующую уголовную ответственность. Законность этого апелляционного приговора подтверждена Верховным Судом РФ в кассационном порядке [8].

Вместе с тем наряду с обстоятельствами приобретения лицом высшего криминального статуса в преступной иерархии и наличием соответствующих такому статусу полномочий, в приговорах отражаются и конкретные действия, свидетельствующие о реализации виновным таких полномочий.

Например, Верховным Судом Республики Татарстан от 25.03.2022 Н. осужден, в том числе по ст. 210.1 УК за то, что, будучи наделенный статусом «положенец», являющимся в преступной иерархии высшим, продолжая после 01.04.2019 занимать высшее положение в преступной иерархии, с целью обеспечения эффективности управления криминальной средой на подконтрольной ему территории, принимал участие в собрании лиц, входящих

в криминальную иерархию, с целью разрешения конфликтов. Кроме того, он организовал сбор и распределение продуктов питания, сигарет, предметов первой необходимости по исправительным учреждениям, наделяя установленных следствием лиц статусом «смотрящим за общим» (вещами, продуктами, сигаретами, нелегально поступающими в места лишения свободы).

О значимости установления конкретных действий, свидетельствующих о реализации виновным полномочий, присущих лидерам преступной среды, указывает также апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 6.06.2022 по делу № 55-254/2022, в соответствии с которым из приговора суда первой инстанции исключено указание о том, что Н. организовал сбор и распределение денежных средств, мотивируя это отсутствием в предъявленном Н. обвинении указанного действия [8].

Таким образом, проведенный анализ приговоров показал, что реализация криминальных полномочий, присущих лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, не столько является признаком состава преступления, сколько служит индикатором наличия у виновного соответствующего криминального статуса. В ином случае состав преступления был бы сформулирован иначе.

В этой связи, полагаем, что доказыванию в данном случае подлежит не только сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии после введения уголовно-правового запрета либо пребывания в нем, но и реализация присущих такому статусу полномочий.

Принимая во внимание длящийся характер преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, и с учетом момента вступления в силу Федерального закона от 01.04.2019 № 46-ФЗ, установившего уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства важно также установить факты, свидетельствующие о том, что обвиняемые уже после 12.04.2019 не приняли никаких мер по прекращению своего статуса и продолжали оказывать влияние на криминальную среду.

В завершение важно отметить, что рассмотренная в настоящей работе новация, хотя и имела, по мнению ряда представителей юридической науки, негативные перспективы, связанные, как с проблематикой доказывания рассматриваемого деяния, так и квалификацией, показала себя востребованной, однако требующей существенной доработки.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество : официальный сайт. – 2023. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7 (дата обращения 10.03.2023).

2. Агапов, П. В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии / П. В. Агапов, Н. В. Сальников, С. В. Кондратюк // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 3 (30). – С. 50, 51.

3. Бажутов, С. А. Особенности уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК) / С. А. Бажутов, А. А. Кунашев // Законность. – 2022. – № 11. – С. 25 - 33.

4. Степанов-Егиянц, В. Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии / В. Г. Степанов-Егиянц // Российский следователь. – 2019. – № 5. – С. 59 - 60.

5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 4-УД22-53-А1 : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Кондратюк, С. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков / С. В. Кондратюк // Законность. – 2021. – № 8. – С. 49–53.

7. Апелляционный приговор Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 2 июня 2021 г. по делу № 55-357/2021 : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18.01.2022 № 5-УД21-147-А1 : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 6.06.2022 по делу № 55-254/2022 : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.2

Борисов Евгений Сергеевич,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: benito_barone@bk.ru

Borisov Evgenii Sergeevich,
master`s student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: benito_barone@bk.ru

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

THE CONCEPT OF CRIMINAL LIABILITY

В связи с дестабилизацией общества из-за угрозы политических и социально-экономических кризисов в сочетании с ослаблением государственной власти и сбоями в работе государственных институтов обеспечение индивидуальной и коллективной безопасности граждан приобретает ярко выраженный характер прямого противоборства преступных и противопреступных сил. В этой ситуации роль уголовного права как основного элемента борьбы с преступностью становится особенно острой. Его улучшение является необходимой и целесообразной мерой. В данной статье автор раскрывает основные понятия и проблемы уголовной ответственности,

акцентируя внимание на ее понятии, ее основе и разграничении с иными видами уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, понятие уголовной ответственности, основание уголовной ответственности, разграничение.

In connection with the destabilization of society due to the threat of political and socio-economic crises, combined with the weakening of state power and failures in the work of state institutions, ensuring the individual and collective security of citizens acquires a pronounced character of a direct confrontation between criminal and anti-criminal forces. In this situation, the role of criminal law as the main element in the fight against crime becomes especially acute. Its improvement is a necessary and expedient measure. In this article, the author reveals the basic concepts and problems of criminal liability, focusing on its concept, its basis and distinction from other types of criminal liability.

Keywords: criminal liability, the concept of criminal liability, the basis of criminal liability, delimitation.

Уголовная ответственность в настоящее время является наиболее эффективным средством борьбы с преступностью на современном этапе развития уголовного права. Уголовная ответственность вместе с такими понятиями как преступление, наказание, находится на лидирующих позициях в сфере уголовного права. Такое понятие, как уголовная ответственность, существует достаточно продолжительное время. У данного понятия есть некоторые характерные особенности. Для примера можно рассмотреть направление исследования как о самом понятийном аппарате уголовной ответственности, так и о целях уголовной ответственности и ее истоках. Также дискуссионными являются тезисы, которые повествуют о сути такого понятия, как уголовная ответственность, а также встраивание данного понятия в саму сферу уголовно-процессуального права.

Исследовательский процесс, который затрагивает правовую сферу и действия правовых уголовных институтов, рассматривает положения уголовной ответственности. Характерной особенностью изучения уголовной ответственности является то внимание, которое требуется при изучении данной области права. Подобная исследовательская деятельность необходима для совершения наиболее эффективной деятельности и функционирования органов исполнительной власти, а также для защиты граждан государства от сотрудников, которые могут превышать свои служебные полномочия.

Еще одним положением, которое стоит упомянуть, является то, что понятие уголовной ответственности можно рассматривать как разновидность юридической ответственности. Уголовная ответственность наступает при рассмотрении дел с нанесением наиболее тяжкого вреда жизни и здоровью человека, а также при достаточно крупных хищениях имущества.

Рассматривая понятие ответственности, можно сказать, что данная категория является основной в контексте отечественного современного законодательства. В рамках Уголовного Кодекса Российской Федерации

закладывается основа понятия «ответственность» и также указываются ее характерные черты для внедрения этого понятия в сфере правового регулирования современного отечественного законодательства. Таким образом, рассмотрение понятия «ответственность» требует более детального анализа его характерных черт и особенностей [1].

В связи с этим подтверждается необходимость осуществления исследования теоретической направленности в рамках понятийного аппарата уголовной ответственности. Данное теоретическое исследование необходимо проводить, используя как научную, так и социальную и методологическую основу влияния факторов на реализацию данного понятия в правовой сфере государства. С точки зрения методологии данный вопрос влияния комплекса факторов на применение данного термина носит как системный, так и комплексный характер. Поэтому для определения воздействия тех или иных факторов на реализацию данного термина в рамках правовой среды необходимо учитывать контекст, который заключен в этом понятии, характерные черты развития общества, а также исторический опыт, основанный на традициях и обычаях. Научной основой изучения понятия «уголовная ответственность» становится разносторонний контекст интерпретации данного понятия, а также реализации этого понятия в правовой сфере государства [2, с. 87].

В соответствии с этим многосторонний подход, исходя из понимания данного термина с точки зрения системы, дает возможность обосновывать реализацию данного понятия в рамках правоприменительной практики.

Как отмечается в юридической литературе по рассматриваемому вопросу, термин уголовной ответственности как достаточно значимой составляющей деятельности органов исполнительной власти является обязанностью субъекта нести юридическую ответственность за правонарушение, которое он совершил. Таким образом, субъект несет ответственность за то преступление, которое совершено им. Мнение людей, не признающих трактовку данного понятия, отмечают несостоятельность данной точки зрения (А. И. Санталов и И. А. Ребане). Например, А. И. Санталов высказывает мнение свое о том, что в такой точке зрения на уголовную ответственность существуют определенные недостатки, заключающиеся в том, что само понятие ответственности воспринимается как данность. Другой исследователь И. А. Ребане высказывает свое мнение о том, что понятие уголовной ответственности становится вполне реальной категорией, имеющей точки соприкосновения с реальной действительностью в виде ответственности за совершенные поступки.

Таким образом, исходя из вышеперечисленной информации, можно сделать вывод о том, что понятие уголовная ответственность представляет собой форму юридической ответственности, которая проявляется в виде необходимости несения ответственности в виде наказания за то правонарушение, которое субъект совершил. Данная ответственность устанавливается в рамках судебной системы государства и приводится в исполнение в рамках деятельности исполнительных органов государства. У понятия уголовной ответственности также есть некоторые признаки, которые ее характеризуют:

Во-первых, ответственность данного вида определяется федеральным законодательством. Так как уголовная ответственность наступает в рамках правовой сферы уголовного права, то соответственно и значимость уголовных правовых документов находится в ведении федерального законодательства.

Во-вторых, для данного вида ответственности характерны нормы публичного права, но также в виде исключения могут быть рассмотрены и нормы частноправовых дел.

В-третьих, субъективная сторона данного понятия выступает в виде физических лиц.

В-четвертых, в виде основания для данного понятия представляется определенное действие, которое было совершено субъектом и которое содержит в своем составе признаки преступной деятельности, в соответствии с восьмой статьей Уголовного кодекса Российской Федерации;

В-пятых, в качестве правоприменительной практики данного термина можно рассматривать вынесение судебного постановления об уголовном наказании в соответствии со ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации; наряду с этим может быть вынесено судебное постановление о реализации мер принудительного воздействия в соответствии со ст. 90 Уголовного Кодекса; а также могут быть применены меры воздействия медицинской направленности, которые могут оказываться в принудительном порядке в соответствии ст. 97 Уголовного Кодекса;

В-шестых, уголовная ответственность присуждается в рамках действия судебной системы государства;

В-седьмых, уголовная ответственность присуждается в отношении субъекта, который совершил то или иное правонарушение, для которого характерны признаки преступления, касающегося уголовного наказания. Таким образом, термин уголовная ответственность носит как публичный, так и персонифицированный характер, позволяя нести ответственность за совершенное преступление самому субъекту.

В-восьмых, правоприменительная практика уголовной ответственности осуществляется, руководствуясь процессуальными нормами, которые указаны в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации;

В-девятых, наложение уголовного взыскания влечет за собой судимость, имеющую уголовное значение в соответствии со статьей 86 Уголовного Кодекса.

Те правонарушения, которые совершаются, являются уже фактом юридического характера, приводящим к формированию отношений в уголовно-правовой сфере, возникающих между нарушителем права и законодательством. Возникшие отношения между нарушителем права и нормами права обязывают правоохранительные органы расследовать данное правонарушение и назначать наказание в соответствии с тяжестью данного правонарушения, которое должен понести субъект. Субъект, совершивший правонарушение, должен нести уголовную ответственность в соответствии с судебным постановлением.

Правоприменительный характер уголовной ответственности завершается с того момента, когда субъект, совершивший правонарушение, отбыл свое наказание. В соответствии с этим после того, как судимость погашена,

прекращаются и все юридические последствия уголовной ответственности. В правоприменительной практике уголовной ответственности выделяются несколько этапов применения данного понятия:

Во-первых, сначала возбуждается уголовное дело по факту совершенного правонарушения.

Во-вторых, осуществляется предварительное расследование в отношении совершенного правонарушения.

В-третьих, на основании материалов, собранных на этапе предварительного расследования, проводится судебное рассмотрение данного дела в суде.

В-четвертых, в соответствии с судебным постановлением производится наказание данного субъекта. В соответствии с этим уголовная ответственность реализуется на практике в виде наказания субъекта.

Но между понятием «уголовная ответственность» и понятием «наказание» есть существенное отличие. Данное отличие можно рассмотреть в контексте статьи Уголовного кодекса. Рассмотрим статьи 2,3 и 8 Уголовного кодекса, из которых можно заключить, что термин уголовная ответственность намного шире представлен, чем термин наказание. Также в качестве отличия можно рассмотреть раздел 4 Уголовного кодекса, в рамках которого статьи 75, 76, 78 включаются в главу 11, а правовые нормы статьи 79 по 83 включаются в главу 12 Уголовного кодекса. В соответствии с этим можно сказать, что в качестве уголовной ответственности рассматриваются правовые нормы, для которых характерен уголовный характер и применяемые в отношении субъекта, совершившего правонарушение. При анализе статьи Уголовного кодекса установлено, что термин уголовную ответственность можно разграничить:

Во-первых, уголовную ответственность можно представить, как наказание за правонарушение субъекта;

Во-вторых, уголовную ответственность можно представить, как меру уголовного правоприменительного характера.

Термин уголовной ответственности можно рассматривать не только как форму юридической ответственности, но и также как форму социальной ответственности перед обществом за тот вред и ущерб, который субъект причинил своими действиями обществу.

Рассматривая причины и фактор, побудившие субъекта совершить неправомерное действие, которое повлекло за собой уголовную ответственность можно сказать, что влияют на совершенное преступление как субъективные, так объективные причины. Большой вес для понимания причин, по которым было совершено то или иное преступление, имеют субъективные причины, так как человек, несмотря на все внешние условия и факторы, обладает свободой воли и поэтому сам в состоянии принимать решения, если не болен психически. Поэтому человек в здравом уме способен как субъект сам принимать решения и прогнозировать, какие последствия будут у его действий [3].

Поэтому человек является носителем свободы воли и может несмотря на всю окружающую обстановку принимать решение в соответствии со своими ценностями и моральными нормами. Таким образом, способность человека самостоятельно принимать решения и обладание свободой воли являет-

ся основанием для несения уголовной ответственности за те правонарушения, которые субъект может совершить. Таким образом, государство может только создавать условия для того, чтобы у граждан оставалась свобода выбора не совершать правомерные поступки. Но в случае, если человек все-таки совершил данные неправомерные поступки, государство берет на себя функцию проведения судебного производства и вынесения постановления об уголовной ответственности данного субъекта.

В соответствии с этим основанием под термином «уголовная ответственность» понимается совершение правонарушения, которому характерны признаки уголовного и наказуемого деяния, в соответствии с статьей 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с этим уголовная ответственность наступает в контексте современного отечественного законодательства за совершенные субъектом правонарушения. Противоправные суждения и высказывания мнений, которые направлены против государственного строя, но не несут в себе подтекста совершения преступных деяний, не могут быть уголовно наказуемы. Но существуют также такие правонарушения субъекта, которые рассматривают бездействие субъекта. То есть отсутствие действий субъекта, которые привело к нанесению тяжкого вреда жизни и здоровью человека. Такие ситуации уголовно наказуемого бездействия прописаны в статье 5 Уголовного кодекса Российской Федерации. Для того чтобы человеку было присуждено несение уголовной ответственности за бездействие, его вина должна быть доказана в рамках судебного производства.

Так как уголовная ответственность является формой социальной ответственности, то соответственно с этим общественный вред достаточно значимый и влечет за собой уголовную ответственность субъекта.

Так как уголовная ответственность является наиболее значительной по сравнению с другими видами административной ответственности или имущественной ответственностью, то именно на уголовной ответственности основывается все правовое регулирование общественного порядка законодательством. То есть уголовная ответственность рассматривается как наиболее тяжелый вид ответственности, которая может распространяться на субъектов, совершивших серьезные правонарушения. Уголовное наказание стоит рассматривать как форму реализации уголовной ответственности на практике. Но в законодательной базе нет конкретного определения сущности уголовной ответственности.

Можно также заметить, что термин «уголовная ответственность» имеет условный характер, однако применение данного термина осуществляется через реализацию норм уголовного права. В соответствии с этим в процессе формирования ее содержательной части нужно брать во внимание не только положение Уголовного кодекса, но и положение Уголовно-исполнительного кодекса.

В соответствии с этим можно выделить цели, которые существуют у применения уголовной ответственности на практике и этими целями являются, прежде всего, поддержание справедливости в обществе, возмещение того ущерба, который был нанесен преступной деятельностью субъекта; реализация превентивных мер, направленных на предупреждение совершения новых преступлений.

На практике существует процесс освобождения от несения уголовной ответственности:

Во-первых, возможно освобождение от несения уголовной ответственности;

Во-вторых, возможно освобождение от назначения наказания [4].

Освобождение лица от уголовной ответственности не должно отождествляться с делами, в которых речь идет о лице, которое не может быть привлечено к уголовной ответственности, или в которых отсутствует состав преступления. Преступление может быть совершено только лицом, которое может быть субъектом преступления (преступником). В противном случае лицо не совершает преступление, а совершает общественно опасное деяние. Даже в случае незначительного деяния нельзя говорить об освобождении от уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности за совершение уголовного правонарушения возможно лишь в случае совершения уголовного правонарушения, которое в силу малозначительности не может рассматриваться [5, с. 304]. Иных способов и условий освобождения лица от уголовной ответственности быть не должно. В противном случае нельзя говорить о функционировании норм уголовного права. Допустимо просто сказать, что человеку может не назначаться наказание (вид уголовной ответственности). Доказательством этого является сам факт задействования в отношении такого лица уголовно-правовых и уголовно-процессуальных механизмов.

Достижение других целей уголовного наказания, таких как исправление осужденного и предотвращение совершения им новых преступлений, вероятно лишь при условии привлечения лица к уголовной ответственности. Таким образом, совершенствование виновного случается именно в процессе воздействия на виновного посредством преступных мер. Только после приведения приговора в исполнение преступник считается исправившимся. Достижение цели предупреждения осужденным от совершения новых правонарушений допустимо только в процессе исполнения карательных мер с учетом того, что после отбытия наказания виновный считается исправившимся.

Требование о безнаказанности при примирении с потерпевшим, в его нынешнем виде, не в полной мере соответствует доктринальному принципу неотвратимости уголовной ответственности. В связи с этим представляется разумным исключение указанной нормы из УК РФ в целях обеспечения неотвратимости уголовного преследования и назначения справедливого уголовного наказания.

Исправление осужденного является одной из целей как уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), так и уголовного законодательства России (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Согласно части 1 ст. 9 УК РФ исправлением осужденных является формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общества и поощрение к законопослушному поведению.

В юридической литературе, помимо термина «наказание», в отношении осужденных к лишению свободы используется также термин «ресоциализация». Ресоциализация осужденных, пишет М. С. Рыбак включает разноплановую и многоплановую организационно-воспитательную деятельность в процессе исполнения наказаний исправительными учреждениями, направ-

ленную на обеспечение реализации уголовно-исполнительных целей, социализацию десоциализованной личности осужденного, восстановление его утраченных социальных контактов и подготовку к жизни на свободе [6].

Ресоциализация осужденного представляет собой целенаправленный процесс перерождения преступника в законопослушного человека (гражданина). М. С. Рыбак, предлагает закрепить термин «ресоциализация» в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве России.

Последняя проблема, которую хочется затронуть – это разграничение уголовной ответственности с другими видами юридической ответственности, особенно административной ответственностью. До сих пор предметом дискуссий в юридической литературе является различие уголовных и административных правонарушений. Все высказанные мнения можно свести к одной позиции: разница между уголовной и административной ответственностью находит выражение в виде и степени вмешательства в общественные условия [7].

В отношении данной проблемы следует также отметить, что законодатель в настоящее время достаточно расплывчато проводит границы между смежными правовыми актами в уголовном и административном праве. Представляется правильным установить единую терминологию уголовного и административного права, что позволит избавиться от неоднозначного понимания того или иного совершаемого деяния.

В заключение хотелось бы сказать, что в современной уголовно-правовой науке выделяют четыре группы различных определений понятия уголовной ответственности:

— исполнение уголовных санкций, уголовная ответственность и наказание идентичны; реальное подчинение со стороны виновного, принудительные и цензурные меры со стороны государства;

— отождествление уголовной ответственности с уголовно-правовыми отношениями, всей совокупностью уголовного права, уголовным судопроизводством и исправительно-трудовыми отношениями;

— негативная оценка действий правонарушителя в виде порицания и осуждения за совершенное преступление; однако такой подход не раскрывает всех элементов содержания уголовной ответственности и не определяет ее основные функции;

— важнейшим элементом уголовно-правовых отношений является обязанность лица, совершившего преступление, понести отрицательные и неблагоприятные последствия в виде наказания [8].

Уголовную ответственность можно рассматривать как правоотношение, возникающее между государством и виновным лицом с момента совершения преступления. Государство может ограничить правовой статус правонарушителя, который, будучи осужденным за свое деяние от имени государства, подлежит имущественной или личной утрате, применением к правонарушителю наказания, предусмотренного уголовным законодательством.

Список литературы

1. Дворецкий, М. Ю. Проблемы эффективной реализации уголовной ответственности. Текст научной статьи по специальности «Право». Режим

доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-effektivnoy-realizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti (Дата обращения 22.02.2023).

2. Дворецкий, М. Ю. Направления совершенствования системы отдельных видов уголовных наказаний и иных мер исправления и безопасности в контексте оптимизации уголовной ответственности по УК ФРГ // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2009. № 5. С. 86-88.

3. Актуальные проблемы уголовной ответственности. Режим доступа: https://idaten.ru/law/criminal-law/actualnie-problemi-ugolovnoy-otvetstvennosti (Дата обращения 22.02.2023).

4. Назаров, С. В. Освобождение от уголовной ответственности по амнистии в рамках судебного производства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 3 (56). С. 86-93.

5. Дворецкий, М. Ю. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. № 9 (89). С. 303-309.

6. Актуальные проблемы уголовного права. Режим доступа: https://www.kubsau.ru/upload/iblock/b17/b1731e8260b229ef460fb68fe9408278.pdf (Дата обращения 22.02.2023).

7. Ковалев, К.А. Актуальные вопросы уголовной ответственности. Текст научной статьи по специальности «Право». Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-ugolovnoy-otvetstvennosti (Дата обращения 22.02.2023).

8. Чувелева, Н.Н. Понятие уголовной ответственности. Режим доступа: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_ugolovnoy_otvetstvennosti/ (Дата обращения 22.02.2023).

УДК 343.1

Бороздин Егор Олегович,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: e.borozdin@bsbconsulting.ru

Borozdin Egor Olegovich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: e.borozdin@bsbconsulting.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАССМОТРЕНИЯ РЕГРЕССНЫХ ИСКОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

TRENDS IN CONSIDERATION OF REGRESS CLAIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты предъявления и рассмотрения гражданских исков в уголовном деле. Определено понятие регрессного иска в уголовном процессе. На основании сравнительно-правового анализа процессуального законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан выявлены недостатки существующего порядка разрешения гражданских исков в уголовно-

процессуальном законодательстве России. Предложены пути совершенствования института гражданского иска в уголовном процессе, что позволит повысить эффективность восстановления прав лиц, которым причинен вред от преступления, а также приведет к снижению нагрузки на судебную систему и сокращению сроков рассмотрения дел.

Ключевые слова: гражданский истец, гражданский ответчик, уголовный процесс, доступ к правосудию, регрессный иск.

The article deals with some problematic aspects of the presentation and consideration of civil claims in a criminal case. The author defines the concept of a recourse claim in criminal proceedings. On the basis of a comparative legal analysis of the procedural legislation of the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan, the author revealed the shortcomings of the existing procedure for resolving civil claims in the criminal procedural legislation of Russia. The author proposes ways to improve the institute of civil action in the criminal process, which will increase the efficiency of restoring the rights of persons who have been harmed by a crime, as well as reduce the burden on the judicial system and reduce the time for considering cases.

Keywords: civil plaintiff, civil defendant, criminal procedures, justice, recourse action.

Конституционные гарантии прав потерпевшего от преступления на доступ к правосудию и на возмещение причиненного ему ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации) реализуются, в частности, посредством применения, предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка рассмотрения судом гражданского иска по уголовному делу, установленного в качестве правового механизма эффективной судебной защиты прав потерпевшего [1].

В развитие названных положений законодатель в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве назначения уголовного судопроизводства определяет, в том числе защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

При этом, способом защиты имущественных прав указанных лиц является институт гражданского иска в уголовном процессе, позволяющий физическому или юридическому лицу возместить вред, причиненный ему непосредственно преступлением.

Несмотря на отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации понятия гражданского иска, в юридической науке дано множество определений данного института.

Так, по мнению Н.О. Никурадзе гражданский иск в уголовном процессе – письменное или устное требование гражданского истца, или в его интересах представителя, прокурора к обвиняемому, гражданскому ответчику о возмещении материального или морального вреда, причиненного преступлением, заявленное на любой стадии уголовного процесса с момента

возбуждения уголовного дела и окончания судебного следствия в суде первой инстанции, разрешаемое судом одновременно с уголовным делом [2].

Матейкович М.С., подчеркивая преимущества анализируемого института, понимает под ним льготный механизм защиты нарушенного права, обусловленный конституционным гарантированием прав потерпевших от преступлений, их доступа к правосудию и компенсации причиненного им ущерба [3].

Таким образом, институт гражданского иска является одной из форм реализации принципа процессуальной экономии, который хотя напрямую не поименован российским законодателем в перечне принципов уголовно процесса, но упоминается Конституционным судом Российской Федерации при проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4].

Указанный принцип направлен на исключение неоправданного использования временных, финансовых и кадровых ресурсов органов судебной власти государства в ходе рассмотрения дела, избыточности процессуальных процедур, исключить затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства.

Однако буквальное толкование положений ч. 1 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации свидетельствует о возможности воспользоваться таким «льготным механизмом» только в том случае, если вред причинен лицу непосредственно преступлением.

Аналогичная формулировка о «непосредственности» причинения вреда содержится в ч. 1 ст. 148 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Вместе с тем понятие «непосредственности» причинения вреда, а также критерии, позволяющие отнести тот или иной случай к причинению вреда «непосредственно» преступлением в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации законодатель не закрепил, тем самым оставив открытым вопрос о возможности разрешения в уголовном процессе «регрессных» исков о возмещении вреда, причиненного преступлением.

С учетом предложенной Г. Н. Шевченко [5] под регрессным иском следует понимать заявленное в установленном порядке требование гражданского истца о возмещении убытков, понесенных в результате исполнения обязанности, возникшей у него вследствие совершения преступления.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом, имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Основными категориями регрессных исков, успешно разрешаемых судами в рамках рассмотрения уголовных дел до 2020 года, являлись:

1) иски территориальных фондов обязательного медицинского страхования к лицам, ответственным за причинение вреда, в целях возмещения расходов на оказание медицинской помощи пострадавшим от преступлений;

2) иски работодателей о взыскании средств, уплаченных третьим лицам за вред, возникший по вине работников, привлеченных к уголовной ответственности;

3) иски собственников автомобилей или страховщиков, возместивших вред, причиненный в результате управления ими водителями, привлеченными к уголовной ответственности [6].

Поскольку указанные иски вытекают из самого преступления и обусловлены именно преступлением, которое порождает у соответствующих лиц в силу закона или договора обязанность произвести денежные выплаты пострадавшим, разрешение таких исков при рассмотрении соответствующего уголовного дела в суде являлось оптимальным.

Вместе с тем с октября 2020 года возможность рассмотрения судами регрессных исков полностью исключена в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [7].

Так, в пункте 12 указанного постановления закреплено, что регрессные иски (о возмещении расходов страховым организациям и др.) подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. В этой части гражданский иск по уголовному делу суд оставляет без рассмотрения с указанием в постановлении (определении) или обвинительном приговоре мотивов принятого решения.

Такой подход нашел поддержку у отдельных авторов, по мнению которых приведенные выше категории регрессных исков подлежат самостоятельному рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку имущественный вред, причиненный преступным деянием опосредованно [8].

Однако, по нашему мнению, полный запрет на предъявление регрессных исков по уголовным делам является опрометчивым решением, которое в среднесрочной перспективе приведет к необходимости совершения лицами, которым преступлением причинен «опосредованный» вред, либо прокурорами дополнительных, в большинстве случаев формальных действий (подготовка однотипных исков, с единственным приложением – заверенной копии приговора суда), и возложит на таких лиц дополнительные обязанности (например, по оплате государственной пошлины).

Анализируя результаты рассмотрения заявленных прокурорами Архангельской области регрессных исков о взыскании с осужденного средств, затраченных на лечение потерпевшего, пострадавшего от противоправных действий, А. В. Нибаракова обоснованно утверждает, что применяя одновременно уголовную и материальную ответственность, суд тем самым способствует более оперативному возмещению причиненного государству ущерба, а также позволяет сэкономить временные и материальные затраты работников судебной системы, прокуроров и иных участников процесса, связанные с необходимостью повторного исследования одних и тех же обстоятельств в порядке сначала уголовного, а затем гражданского судопроизводства [9].

К аналогичным выводам пришел Багаутдинов Ф., указывая на значительное количество «простейших, не представлявших никакой сложности для суда», исков, предъявленных органы прокуратуры после рассмотрения уголовных дел, например, о преступлениях против личности, в частности, регрессные иски в интересах органов социального страхования и отмечая необоснованный запрет разрешения таких исков при вынесении приговора [10].

Но основным недостатком рассматриваемого запрета является существенное увеличение нагрузки на судей, рассматривающих гражданские дела, и, соответственно, к увеличению среднего срока рассмотрения гражданских дел, что будет противоречить установленному статьей 6.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации принципу осуществления судопроизводства в разумный срок.

Здесь нельзя не отметить более удачную, на наш взгляд, законодательную конструкцию, закрепленную в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан, в соответствии со статьей 166 которого в уголовном процессе рассматриваются гражданские иски физических и юридических лиц о возмещении имущественного и морального вреда, причиненного непосредственно уголовным правонарушением или общественно опасным деянием невменяемого, а также о возмещении расходов на погребение, лечение потерпевшего, сумм, выплаченных ему в качестве страхового возмещения, пособия или пенсии, а также расходов, понесенных в связи с участием в производстве дознания, предварительного следствия и в суде, включая расходы на представительство.

Таким образом, закрепление на законодательном уровне возможности предъявления и рассмотрения регрессных гражданских исков в уголовном процессе позволит повысить эффективность восстановления прав лиц, которым причинен вред от преступления, а также приведет к снижению нагрузки на судебную систему и сокращению сроков рассмотрения дел.

Список литературы

1. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 : текст с изм. и доп. на 13 марта 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Никурадзе, Н. О. Защита прав гражданского истца в уголовном процессе : автореферат дис. ... канд. юрид наук / Н. О. Никурадзе. – Екатеринбург, 2017. – 22 с.

3. Матейкович, М. С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика / М. С. Матейкович // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 103 - 118.

4. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Лушникова, А. С. Пушкарева и И. С. Пушкарева : Постановление

Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Шевченко, Г. Н. Регресс и суброгация в российском гражданском праве / Г. Н. Шавченко // Вестник ОмГУ. – Серия. – Право. – 2021. – № 3. – С. 45 – 52.

6. Сушина, Т. Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике / Т. Е. Сушина // Журнал российского права. – 2016. – № 3. – С. 133-147.

7. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 : текст с изм. и доп. на 13 марта 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Ершова, Г. В. Некоторые аспекты обеспечения судом прав подсудимого в части защиты от гражданского иска / Г. В. Ершова // Российский судья. – 2021. – № 5. – С. 7 – 11.

9. Нибаракова, А. В. Гражданский иск прокурора о взыскании с осужденного средств, затраченных на лечение потерпевшего, пострадавшего от противоправных действий / А. В. Нибаракова // Законность. – 2019. – № 9. – С. 22 - 24.

10. Багаутдинов, Ф. Пределы действия гражданского иска в уголовном процессе стоит расширить / Ф. Багаутдинов // Российская юстиция. – 2003. – № 3. – С. 32-25.

УДК 343.241

Буринков Егор Максимович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: burinkov0@ya.ru

Burinkov Egor Maximovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: burinkov0@ya.ru

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

NECESSARY DEFENSE: QUALIFICATION PROBLEMS

В данной статье рассматривается сложность применения необходимой обороны в связи с недостаточной четкостью и ясностью законодательных норм. Проведено специальное теоретическое и практическое исследование по тактике, технике и методике расследования преступлений, связанных с эксцессом обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, эксцесс обороны, ошибки расследования, незаконное осуждение лиц, квалификация преступлений по делам о необходимой обороне.

This article examines the complexity of the application of the necessary defense due to the lack of clarity and clarity of legislative norms. A special theo-

retical and practical study was conducted on tactics, techniques and methods of investigating crimes related to the excess of defense.

Keywords: necessary defense, excess defense, investigation errors, illegal conviction of persons, qualification of crimes in cases of necessary defense.

В свое время А. Ф. Кони писал: «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что она основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне существует исстари и никогда не перестанет существовать, это закон, вытекающий непосредственно из человеческой природы» [1].

Необходимая оборона - это неотъемлемое право любого человека, направленное на защиту себя, ценностей, законных интересов и прочих благ, это то право, которое присуще каждому, ведь любой человек может оказаться в ситуации применения необходимой обороны и правильная квалификация применения этого права на практике является очень важным инструментом в борьбе с преступными посягательствами.

Необходимая оборона, как элемент правовой системы, является сдерживающим фактором преступности, ведь перспектива получения жесткого отпора от обороняющегося больше воздействует на преступника, чем вероятность оказаться в руках правосудия.

В законодательном понимании необходимая оборона – это удел частных лиц. Она является действенным средством борьбы с преступностью, которое закон позволяет применять каждому человеку, независимо от социального статуса и специальной подготовки. Еще древние юристы указывали на то, что самозащита является природным правом человека, которое уже потом было отражено в праве писаном. Необходимая оборона – наиболее распространенное на практике обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Уголовный закон, теория уголовного права и судебная практика признают необходимую оборону правомерной лишь в том случае, если она удовлетворяет ряду условий, относящихся как к посягательству, так и к защите.

Перечислим условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству:

первым и важнейшим условием правомерности необходимой обороны является общественная опасность деяния – это условие является юридическим основанием необходимой обороны, так как общественная опасность нападения означает, что необходимая оборона допустима против такого деяния, которое по своим объективным признакам представляет собой преступное посягательство;

посягательство должно быть наличным, при этом наличность посягательства обычно означает такое нападение, которое уже началось, или непосредственная угроза нападения настолько очевидна, что не вызывает никакого сомнения [2, с. 95].

Также правильная квалификация позволяет правильно и достоверно разграничить правомерное применение необходимой обороны, как обстоя-

тельства, исключающего преступность деяния, от использования необходимой обороны в целях, не являющихся общественно полезными, а именно, провоцирование нападения с последующей имитацией необходимой обороны из хулиганских, корыстных и преступных побуждений, так называемого самосуда, излишней жестокости в применении данного права и других неправомерных деяний под маской необходимой обороны, о чем говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», а именно, в п. 9 - «Не признается находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое спровоцировало нападение, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий (для причинения вреда здоровью, хулиганских действий, сокрытия другого преступления и т. п.). Содеянное в этих случаях квалифицируется на общих основаниях».

В нашей стране официально данное право закреплено в Конституции Российской Федерации, так, в ч. 2 ст. 45 содержится положение о том, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Данное конституционное положение соответствует и нормам международного права, а именно, Всеобщей декларации прав человека 1948 года.

Также, одной из важнейших функций государства является организационно-правовое обеспечение защиты личности, общества и государства от преступных и общественно опасных посягательств. Для претворения в жизнь данной функции государства и реализации права не необходимую оборону Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) детализирует и закрепляет право гражданина на правомерное причинение вреда лицу, посягающему на социальные ценности, охраняемые уголовным законом.

Непосредственно данное право детализировано в ст. 37 УК РФ и является обстоятельством, исключающим преступность деяния. Данная уголовно-правовая норма обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Согласно УК РФ, необходимая оборона представляет собой правомерную защиту от преступных, общественно опасных посягательств на различные блага и интересы личности, общества и государства путем причинения вреда посягающему. Право каждого гражданина на необходимую оборону, безусловно, должно быть полностью гарантировано и закреплено государством, так как только уверенность в том, что тебя не привлекут к уголовной ответственности, за то, что ты защищаешь свои или чужие права, может гарантировать право на эффективное использование необходимой обороны.

Как уже было отмечено, необходимая оборона служит своего рода противовесом и сдерживающим фактором по отношению к преступности. Институт необходимой обороны на первый взгляд кажется довольно ясным и простым институтом уголовного права, но на самом деле это далеко не так.

В институте необходимой обороны содержится немало оценочных категорий, таких как явность, посягательство, соответствие защиты характеру и опасности посягательства, по поводу которых возникают споры и проблемы в квалификации деяний, совершенных защищающимся. Проблемы квалификации порождают многочисленные теоретические дискуссии уже не один десяток лет.

Преобладание «универсальности» в редакции статьи 37 УК РФ, регламентировавшей необходимую оборону в совокупности с огромным многообразием жизненных ситуаций, порождает такую ситуацию, что нынешнее законодательство не всегда правильно понимается и, следовательно, применяется следственными органами.

Законодатель определил правомерность необходимой обороны на все случаи жизни, а субъект права на необходимую оборону находится в такой ситуации, в которой ему при защите следует определить направленность посягательства (на жизнь или на другие блага), следует выяснить характер применяемого или угрожающего насилия, другими словами, человек при реализации его права на необходимую оборону должен понять и решить вопросы, которые вызывают трудности даже у специалистов, и которые без разъяснения Пленума Верховного Суда однообразно толковаться не могут. Из-за этого имеют место случаи неосновательного осуждения граждан, которые активно боролись с преступными посягательствами.

Многообразие ситуаций, связанных с необходимой обороной, неизбежность субъективных оценок действий обороняющегося лица являются причинами квалификационных ошибок. Самой главной проблемой является, конечно же, определение собственно самих пределов необходимой обороны, при превышении которых устраняется общественная полезность действий обороняющегося, и деяние последнего становится преступным.

Представляется, что закрепленный в действующем праве закон не раскрывает понятие превышения необходимой обороны достаточно конкретно и требует совершенствования. Исходя из того, что данная статья УК РФ рассчитана в первую очередь на граждан, следовательно, она должна содержать ясные и понятные, прежде всего для них критерии, которые дают ясное представление о том, при каких обстоятельствах обороняющееся лицо вправе причинить нападающему смерть, тяжкий вред здоровью, а также при каких обстоятельствах он не вправе делать этого.

Данный вопрос является актуальным вследствие того, что правильное его разрешение предопределяет наличие или отсутствие ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

В соответствии с вышеизложенным, под превышением пределов необходимой обороны следует понимать применение обороняющимся чрезвычайно сильных средств или невероятно интенсивной защиты, в результате чего посягающему причиняется излишне тяжелый вред, который со всей очевидностью с учетом социальной значимости охраняемого блага, характера и степени угрожающей ему опасности, интенсивности посягательства и используемых при этом орудий и средств не вызывался необходимостью.

Любое общественно опасное посягательство служит основанием необходимой обороны и может вызвать аффект. Фактически, такое состояние характерно для обоих из рассматриваемых составов преступления, но если диспозиция ст. ст.107, 113 УК РФ прямо указывает на совершение преступления в состоянии аффекта, то в ст. ст.108 ч. 1, 114 ч. 1 УК РФ об этом ничего не говорится, хотя трудно себе представить убийство при превышении пределов необходимой обороны в спокойном состоянии психики. Кроме этого, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 указывается, что, если обороняющийся превысил пределы необходимой обороны в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), его действия надлежит квалифицировать по ст. 108 или 114 УК РФ.

Указанное позволяет сделать вывод о несовершенстве не только уголовного закона, но и положений Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые должны помогать практическим работникам правоохранительных органов правильно квалифицировать действия лиц относительно рассматриваемых вопросов.

Во избежание судебных ошибок вследствие несовершенства уголовного законодательства, в ст. 37 УК РФ необходимо внести дополнение относительно оборонительных действий в состоянии физиологического аффекта и исключить ответственность за такие действия ввиду отсутствия вины лица.

Изменения статьи 37 УК в свете принятия Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14.03.2002 № 30-ФЗ (последняя редакция) сводятся к тому, что обороняющийся, в момент нападения, не должен думать о соразмерности средств защиты, характера и опасности посягательства. Однако данное положение действует в случае, если такое посягательство сопряжено с явной угрозой жизни обороняющегося или другого лица.

В остальном норма о необходимой обороне изменений не претерпела. Законодатель так и не смог уйти от определения необходимой обороны «на все случаи жизни». Заслуживающим поддержку является предложение С. В. Тасакова об исключении ответственности за превышение пределов необходимой обороны, если причинение смерти или тяжкого телесного повреждения было совершено в состоянии страха, испуга, замешательства, вызванных внезапностью [6].

Думается, что интересы укрепления законности требуют единообразного понимания и применения правовых норм, регламентирующих участие граждан в предупреждении и пресечении преступлений.

Недостаточная разработанность и дискуссионность многих теоретических положений не отвечает потребностям потенциального субъекта необходимой обороны. В связи с этим, актуальным остается вопрос о разработке действенных уголовно-правовых гарантий реализации права на необходимую оборону. Необходима переоценка степени правомерности необходимой обороны, соразмерность ответственности между субъектом посягательства, от уровня противоправного деяния, то есть характера преступления.

Список литературы

1. Кони, А. Ф. О праве необходимой обороны. – М., 1866. – 325 с.

2. Варушкин, А. А. Проблемы уголовно-правового регулирования института необходимой обороны / А.А.Варушкин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – № 1 (50). – 2021. – С. 94-98.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14.03.2002 № 30-ФЗ (последняя редакция) : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Тасаков, С. В. Необходимая оборона в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, по уголовному праву России // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 1.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 29.12.2022) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343

Винокурова Мария Борисовна,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: winokurowa77@yandex.ru

Vinokurova Maria Borisovna,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: winokurowa77@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ЗАКОНА О ЗАПРЕТЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF THE INTRODUCTION OF THE LAW ON THE PROHIBITION OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются вопросы частичной декриминализации побоев, приводятся мнения специалистов о необходимости введения закона о запрете домашнего насилия, актуальность в котором возрастает с каждым годом.

Ключевые слова: побои, домашнее насилие, декриминализация, охранный ордер.

The article discusses the issues of partial decriminalization of beatings, provides expert opinions on the need to introduce a law banning domestic violence, the relevance of which is increasing every year.

Keywords: beatings, domestic violence, decriminalization, protective order.

Проблема домашнего насилия в России предстает темой, активно обсуждаемой на протяжении многих лет политиками, законодателями, известными личностями и простыми гражданами. В концепции государственной семейной политики в России до 2025 года указано, что случаи семейно-бытовое насилия, а также правонарушений в отношении детей в семье по-прежнему достаточно распространены. Названная концепция опубликована 28.08.2014 и на тот год по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы потерпевшими стали 364,3 тыс. женщин, в то время как в 2022 году данная цифра возросла до 598,7 тыс. Неутешительная статистика и в сфере преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Так, в 2014 году жертвами преступлений стали 48,6 тыс. детей, а в 2022 году эта цифра выросла до 113,3 тыс. На критически высоком уровне находится количественный показатель женщин, ставшими потерпевшими от рук членов своей семьи в категории преступлений против жизни и здоровья. На 2022 год данная цифра достигла показателя 12,6 тысяч женщин. О проблеме домашнего насилия в России указано и в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 годы, утвержденной Правительством Российской Федерации 29 декабря 2022 года. В качестве одной из задач в данной стратегии указано совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере профилактики насилия в отношении женщин, включая насилие в семье.

Таким образом очевидно, что проблема домашнего насилия в России носит острый характер и нуждается в особом внимании со стороны законодателя, что подтверждает актуальность указанной темы. В то время как в 127 странах мира в том или ином виде принят закон о запрете домашнего насилия, включая охранные ордера, запрет на проживание насильника с жертвой, штрафы и арест агрессора, российский законодатель напротив идет по пути смягчения наказания в данной сфере, частично декриминализировав 116 статью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), предполагающую наказание за побои. С 27.01.2017, после внесения изменений в уголовное законодательство, к уголовной ответственности за побои может быть подвергнуто только лицо, подвергнутое ранее административному наказанию за аналогичное деяние по ст. 116.1 УК РФ, или же совершившее побои из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, как указано в статье 116 УК РФ.

Каких-либо иных законов, запрещающих домашнее насилие в России, в настоящее время не принято. Возникает вопрос: почему российский законодатель, в противовес зарубежной практике, не принимает закон о запрете домашнего насилия, частично декриминализировав фактически единственную норму, запрещающую жесткое обращение в семье – статью 116 УК РФ, а законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», внесенный в Государственную Думу Российской Федерации еще в 2016 году, так и не был принят по сегодняшний день, несмотря на тот факт, что и в концепции государственной семейной политики в России

до 2025 года, и в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 годы со стороны государства признана указанная проблема и необходимость ее решения.

Политики, ученые-правоведы и правоприменители называют несколько причин, по которым побои были частично декриминализированы и переведены в категорию административных правонарушений. Одной из основных причин сторонники данной законодательной новеллы называют отсутствие значительной общественной опасности такого деяния. Так, О. В. Артюшина указывает, что побои даже не несут легкого вреда здоровью потерпевшему, и вопрос о смягчении ответственности за данное деяние полностью оправдан [1, с. 5]. Той же точки зрения придерживается Я. И. Гилинский, который считает, что уголовный кодекс должно быть лаконичным, а не избыточным, указывая на то, что уголовная ответственность – самый строгий вид наказания, который не может применяться к малозначительным правонарушениям [2, с. 146]. Отсюда вытекает вторая причина декриминализации побоев – перегруженность уголовного законодательства нормами. Я. И. Гилинский отмечал, что уголовный кодекс составлен так, что каждый человек хоть раз совершал преступление, часто приводя в пример побои как малозначительное преступление, которое необходимо перевести в разряд административных правонарушений [2, с. 148]. Такой же точки зрения придерживается Н. Ф. Кузнецова, отмечая, что ряд уголовных преступлений необходимо отнести к административным правонарушениям в виду отсутствия значительной общественной опасности [3, с. 146].

Совершенно другие причины декриминализации побоев называют правоведы, выступающие против данных изменений. Так, Н. Е. Крылова отмечает, что исключение побоев из числа преступлений связано с ростом преступлений небольшой и средней тяжести на территории России и большой загруженностью в связи с данным фактом следственных органов и судов [4, с. 15]. На первый взгляд все вполне логично и обоснованно: возросло количество преступлений небольшой тяжести, следственные органы и суды, расследуя дела данной категории, не успевают обеспечивать качественное предварительное и судебное следствие по тяжким и особо тяжким преступлениям, что безусловно является более приоритетным направлении в работе правоприменителей. Таким образом, законодатель, желая разгрузить следственные органы и суды, перевел такое преступление как побои в разряд административных правонарушений, при оформлении и рассмотрении которых необходимо составить значительно меньшее количество документов. Однако, не стоит забывать, что, как указывает Н. Е. Крылова, рост приговоров по преступлениям небольшой тяжести связан в первую очередь не с ростом совершения таких преступлений, а с изменениями, внесенными в ст. 15 УК РФ в 2011 году, в связи с которыми преступления, ранее относящие к категории преступлений средней тяжести перешли в разряд преступлений небольшой тяжести [4, с. 17].

Таким образом можно выделить три основные причины, по которым законодатель решил частично декриминализировать побои: незначительная общественная опасность данного деяния, позволяющего квалифицировать

его как административное правонарушение; необходимость в лаконичности уголовного законодательства; необходимость в разгрузке органов предварительного следствия и судов – административное разбирательство носит более оперативный характер в отличии от расследования уголовного дела.

Какими бы ни были мотивы законодателя при принятии такого решения, со стороны многих ученых-правоведов, а также обычных граждан данные изменения подверглись резкой критики и в первую очередь по уже указанной причине – 116 ст. УК РФ была единственной законодательной защитой жертвы от домашнего насилия. Противники указанной законодательной новеллы отмечают, что нельзя относить к административным правонарушениям те деяния, где объектом противоправных действий служит жизнь и здоровье человека. Исключение побоев внутри семьи из числа преступлений способно снизить правовую защиту потерпевших, как отмечает Н. Е. Крылова [4, с. 17].

Еще более резкой критике, чем сам факт частичного исключения побоев из числа преступлений, подвергается административная преюдиция, указанная в ст. 116.1 УК РФ. Как отмечает В. И. Торговченков и Н. Е. Крылова, сколько бы не совершалось административное правонарушение, оно никогда не обретет качество уголовного преступления, ведь характер и степень общественной опасности неизменны вне зависимости от того, впервые или повторно совершено деяние [5, с. 132]. Таким образом ст. 116.1 УК РФ очевидно не может быть альтернативой для прежней редакции ст. 116 УК РФ и действенной защитой для жертв, подвергающихся домашнему насилию.

Почему же все-таки побои являются деянием, общественная опасность которых подходит под определение преступления и, почему в России отсутствуют другие запретительные меры, огораживающие и защищающие жертву от агрессора. Необходимо отметить, что общественная опасность от действий лица, совершившего побои, в особенности в отношении членов своей семьи, выражается не только в физической боли, которая испытывает потерпевший, но и в угрозе того, что агрессор, в особенности при отсутствии какого-либо наказания или иного сдерживающего фактора, станет вновь применять физическую силу в отношении своей жертвы. Косвенно это подтверждает и законодатель, введя в УК РФ ст. 116.1, предусматривающее наказание для лица, ранее совершавшее аналогичное деяние. По смыслу ст. 43 УК РФ одной из целей применения наказания является предупреждение совершения новых преступлений. Необходимость в предупреждении и пресечении побоев мерами именно уголовного законодательства подтверждает судебная практика. Так, одним из примеров уголовных дел, получившее широкий общественный резонанс стало уголовное дело в отношении Грачева Д. Д., которому 15 ноября 2018 года Серпуховский городской суд Московской области вынес обвинительный приговор по п.п. «в, г» ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 126, п.п. «б, з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Из приговора следует, что Грачев Д. Д. похитил свою супругу, отвез на своем автомобили в лесной массив, где высказывая угрозы убийства, Грачев Д. Д. достал из багажного отделения своего автомобиля топор, находясь в лесном массиве, подвел ее к пню дерева и приказал положить руки на пень. Затем Грачев Д. Д.

умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшей с особой жестокостью, желая причинить ей особые страдания и мучения, применяя топор как предмет, используемый в качестве оружия, нанес один удар лезвием данного топора одновременно по лежащим на пне обеим рукам потерпевшей в области запястий. Затем Грачев Д. Д. нанес ей не менее 10-ти ударов лезвием топора по запястьям и кистям, в результате чего отсек кисти рук потерпевшей. Кроме того, когда потерпевшая находилась на земле и пыталась отползти в сторону, Грачев Д. Д. действуя умышленно, желая причинить ей особые мучения и страдания, действуя с особой жестокостью, нанес лезвием топора не менее 4-х ударов по наружной поверхности левого бедра потерпевшей. Своими действиями Грачев Д. Д. причинил супруге тяжкий вред здоровью. Из показаний самой потерпевшей следует, что она заявляла о побоях со стороны супруга, указывая, что последний применяет к ней физическую силу, однако никаких мер уголовно-правового воздействия в отношении Грачева Д. Д. не применялось [6]. Таким образом, безнаказанность со стороны правоохранительных органов в итоге привела к более серьезным общественно-опасным последствиям.

Однако не только судебная практика российских судов подтверждает тот факт, что безнаказанность за побои может привезти к совершению более жестоких преступлений со стороны агрессора. 9 июля 2019 года Европейский суд по правам человека (далее – ЕСЧП) вынес решение по жалобе Володиной В. И. Из решения следует, что Володина В. И. неоднократно подвергалась побоям со стороны своего бывшего сожителя, обращаясь за помощи в правоохранительные органы Российской Федерации в период с января 2016 года по март 2018 года. Никаких санкций со стороны государства сожитель Володиной В. И. не понес, уголовные дела в отношении него не возбуждались, пока в марте 2018 года он не выложил в сеть Интернет в общий доступ интимные фотографии Володиной В. И. без ее согласия. Данные действия также сопровождались угрозами убийства, которые Володина В. И. воспринимала как реальные и обращалась с заявлением о госзащите в качестве потерпевшей по уголовному делу. Однако, в заявлении Володиной В.И. было отказано, уголовное дело прекращено. ЕСЧП установил, что заявительница подверглась домашнему насилию, а государственные органы Российской Федерации не оказали ей помощь в защите от агрессора. Впервые ЕСЧП обязал Россию выплатить компенсацию заявительнице, указав, что на сегодняшний день в стране отсутствует законодательство, защищающее жертву от агрессора. Судьи указали о необходимости принятия закона о запрете домашнего насилия с введением практики использования охранных ордеров, запрещающих агрессору приближаться к жертве, однако по сей день никакие изменения в законодательство России по данной теме введены не были, а идея об использовании охранных ордеров встречает множество критики со стороны законодателя [7].

По каким же причинам законодательство России застыло на мертвой точке в вопросе введения закона о запрете домашнего насилия, несмотря на печальные последствия безнаказанности побоев, о которых говорит судебная практика, а также несмотря на опыт зарубежных стран, в большин-

стве из которых такой закон давно принят. Какого-то устоявшегося единого мнения у ученых-правоведов и простых обывателей по этому вопросу нет. Одни считают, что закон о домашнем насилии является прямым вмешательством в личную семейную жизнь граждан, другие уверяют, что действующие нормы уголовного права в полной мере регулируют данный вопрос и в введении дополнительных нормативных актов нет никакой необходимости. Анализируя судебную практику, мнения правоведов и публичные высказывания политиков по данному вопросу можно прийти к следующим выводам, почему закон о запрете домашнего насилия так и не был принят в России по сегодняшний день.

Одной из причин может быть катастрофическая нехватка кадров, которые могли бы осуществлять профилактическую деятельность по пресечению домашнего насилия, следить за предписаниями о запрете насильника приближаться к жертве и ее жилищу. По смыслу законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации сотрудники органов внутренних дел осуществляют профилактический контроль и учет, ведут профилактические беседы, выносят защитные предписания. Однако, по заявлению глав подразделений Управления внутренних дел России, в регионах наблюдается нехватка участковых уполномоченных, которые и являются главными субъектами профилактической деятельности. Если количества участковых уполномоченных не хватает на данный момент для выполнения текущих задач, то с введением закона о запрете домашнего насилия очевидно, что ситуация с их нагрузкой усугубиться.

Еще одной причиной, по которой законопроект о профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации так и не был принят, может быть стойко устоявшаяся позиция российского общества, при которой конфликты внутри семьи являются личным делом ее членов, а государство не должно вмешиваться в отношения супругов, родителей и детей. Фактически данную позицию разделяет и Российская православная церковь. Патриаршая комиссия по делам семьи, защиты материнства и детства выступила с критикой указанного законопроекта, подчеркнув, что, все, что сказано или сделано в семье, между близкими людьми, в любой момент может быть использовано ими друг против друга. Такая ситуация разрушительна для семейного образа жизни и традиционных семейных и духовно-нравственных ценностей.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы. В настоящее время российской законодательство не может в полной мере защитить жертв домашнего насилия от рук агрессора. Частичная декриминализация побоев и отсутствие закона о запрете домашнего насилия приводит к безнаказанности насильника, фактически позволяя ему совершать новые акты насилия над своей жертвой, что подтверждает судебная практика. Разумеется, само по себе наличие закона полностью не решает проблему домашнего насилия в России. Данный вопрос требует комплексного подхода, с наличием соответствующего законодательства, подготовкой кадров, которые будут являться субъектами профилактики, а также развитием

семейной политики, направленной на укрепления семейных ценностях, основанных на уважении и равном отношении партнеров друг к другу.

Список литературы

1. Артюшина, О. В. Частичная декриминализация побоев как экономия мер уголовной репрессии / О.В. Артюшина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. - № 4. С. 5.

2. Гилинский, Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. – СПб. : Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», – 2004. – С.148.

3. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. – Москва: Издательство МГУ, – 2007. – С.146.

4. Крылова, Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов Федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. / Н. Е. Крылова // Закон. – 2015. – №8. – С.15-17.

5. Торговченков, В. И. К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, предложенных Верховным Судом России / В.И. Торговченков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. - №1. - С.132.

6. Приговор Серпуховского городского суда Московской области от 15.11.2018 по делу № 1-375/2018 // https://serpuhov--mo.sudrf.ru/ (дата обращения:16.03.2023).

7. Постановление ЕСЧП по жалобе № 41261/17. Дело «Володина против России» от 09.07.2019 // http://www.consultant.ru/cons/cgi/ (дата обращения:16.03.2023).

УДК 343.2

Войстрик Диана Валерьевна,
студент,
(Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
E-mail: voistrik.diana@gmail.com

Voistrik Diana Valeryevna,
student,
(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: voistrik.diana@gmail.com

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

CRIMINAL LIABILITY IN THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Технология искусственного интеллекта базируется на основе когнитивных функций человека, однако может ли искусственный интеллект являться субъектом правоотношений? Деятельность нейронной сети, запрограммированной на взлом компьютерных систем, может причинять вред

общественным отношениям в сфере компьютерной информации, собственности, конституционных прав и свобод человека и гражданина. Искусственный интеллект может прямо причинять вред жизни и здоровью человека. В настоящее время в уголовном законодательстве отсутствуют нормы права, посвященные преступлениям с использованием нейронных связей и искусственного интеллекта, однако деятельность самообучаемых программ может представлять общественную опасность и причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Искусственный интеллект внедряется во все сферы жизнедеятельности человека, поэтому особо важно уделить внимание ответственности за правонарушения и преступления, связанные с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберпреступления, субъект преступления, уголовная ответственность, правосубъектность, робот.

Artificial intelligence technology is based on human cognitive functions, but can artificial intelligence be a subject of legal relations? The activity of a neural network programmed to hack computer systems can harm public relations in the field of computer information, property, constitutional rights and freedoms of man and citizen. Artificial intelligence can directly harm human life and health. Currently, there are no legal norms in criminal legislation dealing with crimes involving neural connections and artificial intelligence, however, the activities of self-learning programs can pose a public danger and harm public relations protected by criminal law. Artificial intelligence is being introduced into all spheres of human life, so it is especially important to pay attention to responsibility for offenses and crimes related to artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, cybercrime, subject of crime, criminal liability, legal personality, robot.

Искусственный интеллект успешно заменяет человека во многих отраслях производства, в коммерческой деятельности и в некоторых сферах жизнедеятельности человека. Компьютерные системы и роботы постепенно вытесняют человека не только на заводах, предприятиях и в сельском хозяйстве, но и в сферах, где ведется работа с большим объемом не всегда однообразной информации. А именно банковская деятельность, бухучет, юриспруденция, госуслуги, военные технологии, реклама, страхование. Наиболее социально значимая деятельность, отвечающая за общественный порядок и безопасность как одного гражданина, так и государства в целом, правоохранительная деятельность. От эффективности деятельности правоохранительных органов зависит надежность охраны жизни и здоровья наших граждан, их собственности, а также защита других критически значимых для государства объектов.

Впервые понятие «искусственный интеллект» было сформулировано на подзаконном уровне Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1]. Под ним понимают комплекс технологических ре-

шений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Тема является актуальной, так как рост и влияние самообучаемых программ в жизни человека с каждым годом увеличивается. Главная особенность заключается в том, что искусственный интеллект умеет самообучаться, следовательно, не поддается влиянию разработчика. Искусственный интеллект внедряется во все сферы жизнедеятельности человека, поэтому особо важно уделить внимание ответственности за правонарушения и преступления, связанные с искусственным интеллектом.

В России запланировано проведение пятилетнего эксперимента по внедрению технологий искусственного интеллекта на территории Москвы в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2]. Закон регламентирует условия для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, а также возможность последующего использования результатов его применения. Им установлен экспериментальный правовой режим на ближайшие пять лет. При этом аналогичные правовые режимы планируется внедрить и в других субъектах Российской Федерации.

Законодательство является сложной системой нормативно-правовых актов, которая терпит изменения в силу эволюционирующих явлений. Современный этап развития общества характерен изучением робототехники, геномных исследований и всеобщей информатизации. Законодательство постепенно изменяется под влиянием научно-технического прогресса, требуются новые правовые акты, регулирующие работу искусственного интеллекта на территории Российской Федерации. Требуется дальнейшая проработка механизмов уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия.

Несмотря на то, что искусственный интеллект является достаточно новым явлением, оно уже получило отражение в правовой научной литературе, в том числе, в теории уголовного права.

Искусственный интеллект на основе цифровых технологий является одной из тенденций общества будущего. Существует два типа искусственного интеллекта: сильный и слабый. Сильный искусственный интеллект, обладающий мощными математическими и логическими способностями, способности к обучению, алгоритмам, он приближается к модели человечества. В отношении этого типа искусственного интеллекта в будущем следует рассмотреть проблему его структурированного сосуществования с человеком в обществе. В то же время слабый искусственный интеллект, ориентированный на узкие задачи, реализует общечеловеческие задачи под руководством данных, например, автопилот. Следовательно, при развитии и широком применении искусственного интеллекта в различных сферах жизни возникают такие негативные проблемы, как социальная опасность, связанная с чрезмерным или неправильным использованием технологий, социальный ущерб,

связанный с «автономными» решениями искусственного интеллекта, принимаемыми с использованием технологий «компьютерных инструкций» и «глубокого обучения».

В настоящее время в уголовном законодательстве отсутствуют нормы права, посвященные преступлениям с использованием нейронных связей, искусственного интеллекта или самим искусственным интеллектом. Однако деятельность самообучаемых программ может представлять общественную опасность и причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Технология искусственного интеллекта базируется на основе когнитивных функций человека, однако может ли искусственный интеллект являться субъектом правоотношений? Многие ученые считают, что разработчики и пользователи искусственного интеллекта должны нести ответственность за его действия, если используется технология слабого искусственного интеллекта. Как отмечалось выше, слабый искусственный интеллект не способен самообучаться, следовательно, он работает на базе полученных знаний от разработчика, который несет ответственность. Если слабый искусственный интеллект используют для совершения умышленного преступления, то пользователь будет признан виновным и понесет ответственность.

Научно-технический прогресс приносит не только пользу обществу, но и пробелы в законодательстве. Появляются новые преступления и правонарушения, которые невозможно квалифицировать без норм права. Существует необходимость регламентации новых эволюционных явлений. Как верно отмечают В. В. Архипов и В. Б. Наумов, системные исследования в области регламентации общественных отношений в сфере робототехники в России практически отсутствуют, поэтому необходима разработка основ законодательства в данной области [3]. Отметим замечание Н. Ш. Козаева: сегодня наблюдается запаздывание правового, в том числе уголовно-правового, реагирования на изменяющиеся общественные отношения, связанные с эксплуатацией достижений науки и техники представителями преступности [4]. Современный уровень развития технологий искусственного интеллекта еще отражает зависимость от деятельности физического лица, поэтому разработчик программы несет ответственность за свою разработку. Проблемы привлечения к уголовной ответственности в таких случаях и пробелы в правовом регулировании в области искусственного интеллекта характерны не только для российского, но и для зарубежного, а также международного законодательства.

Отметим резонансную ситуацию, которая произошла в 2018 году, когда беспилотный автомобиль во время испытаний насмерть сбил пешехода, переходившего дорогу в неположенном месте. Причина смерти «ошибка оператора, а также несовершенство программного обеспечения» [5]. Оператор, который следил за беспилотным автомобилем не стремился причинить вред общественности. По существу, имел место некий аналог преступной небрежности. Беспилотный автомобиль проходил испытания под наблюдением оператора-разработчика, однако с наблюдением человек произошло преступление против жизни.

Таким образом, вред, причиненный искусственным интеллектом, при соблюдении вышеназванных условий относится к категории невиновного причинения вреда, в связи с чем отсутствует основание уголовной ответственности.

В соответствии со статьей 8 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ1, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным кодексам Российской Федерации [6]. Следовательно, для определения возможности возложения на искусственный интеллект уголовной ответственности необходимо определить, способны ли такие системы совершать общественно опасные деяния.

Деятельность, осуществляемая полностью или частично искусственным интеллектом, объективно может представлять общественную опасность и причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Так, беспилотное транспортное средство может посягать на общественные отношения, обеспечивающие безопасность дорожного движения, в случае нарушения соответствующих правил. Деятельность нейронной сети, запрограммированной на взлом компьютерных систем, может причинять вред общественным отношениям в сфере компьютерной информации, собственности, конституционных прав и свобод человека и гражданина. Система искусственного интеллекта в настоящее время активно применяется для обеспечения управления транспортными средствами, в связи с чем невозможно исключить вероятность нарушения компьютерными алгоритмами правил дорожного движения с общественно опасными последствиями в виде вреда здоровью человеку или смерти человека.

Искусственный интеллект причиняет и в дальнейшем неизбежно будет причинять вред охраняемым общественным отношениям, что обусловливает и актуализирует проблему уголовно-правовой защиты таких отношений. В зависимости от юридической оценки конкретной ситуации можно выделить ряд субъектов, деятельность которых, в сочетании с использованием системы искусственного интеллекта, способна быть основанием для привлечения их к уголовной ответственности.

Перечень возможных субъектов преступлений, совершаемых с использованием систем искусственного интеллекта, включает производителя искусственного интеллекта; производителя или продавца продукции, оснащенной искусственным интеллектом; пользователя продукции, оснащенной искусственным интеллектом; иных лиц (например, хакеров).

Можно прогнозировать, что в будущем модель сочетания человека и искусственного интеллекта будет постоянной. Говоря о вменении уголовной ответственности в случае интеграции человека и искусственного интеллекта, следует выделить три следующих следствия.

Во-первых, когда единица искусственного интеллекта, соединена с человеком, но не влияет на его способность узнавать и судить, то единицу следует идентифицировать как дополнительный инструмент, принадлежащий слабому искусственному интеллекту, например, при использовании

системы улучшения оказания неотложной медицинской помощи физическое лицо несет уголовную ответственность.

Во-вторых, когда искусственный интеллект, совмещен с человеком и частично влияет на его способность узнавать и судить. Искусственный интеллект теоретически все еще является слабым, но его суждения о принятии решений направляют и влияют на совершение преступления человеком. В таком случае, необходимо привлечь к ответственности производителей, инженеров машин искусственного интеллекта.

В-третьих, когда искусственный интеллект интегрирован с человеком и доминирует, контролирует способность человека узнавать и судить, такие машины теоретически сильны, и они могут нести уголовную ответственность.

Искусственный интеллект сможет стать полноправным субъектом преступления лишь в том случае, если достигнет самосознания личности и будет признан таковой законодательно. В таком случае целесообразно использовать термин «искусственное лицо» по аналогии с физическими и юридическими лицами.

Тяжесть социальных рисков, создаваемых искусственным интеллектом, выходит за рамки возможностей человека найти и решить проблему, поэтому очевидна необходимость уголовной регламентации преступлений искусственного интеллекта. Искусственный интеллект, как высокоинтеллектуальный «человек», может не только создавать и осуществлять противоправные риски, но и уклоняться от создаваемых рисков путем эффективного контроля. Если искусственный интеллект совершит преступление, он будет нести ответственность за все негативные последствия. В этом случае возникают некоторые теоретические проблемы привлечения к уголовной ответственности искусственного интеллекта. Для решения общих задач по регулированию преступлений необходимо создание специальных принципов вменения уголовной ответственности за преступления с использованием технологий искусственного интеллекта по признакам социальной опасности. Общее содержание традиционного принципа вменения уголовной ответственности заключается в том, что уголовная ответственность обусловлена виной лица, то есть вина лица является исходным пунктом для привлечения к уголовной ответственности. Умышленный умысел и неосторожность как содержание вины являются не только отдельными составами преступления, но и условием определения уголовной ответственности. Следовательно, субъект не несет ответственности за свою личную невиновность.

Столкнувшись с многочисленными сложными социальными рисками, связанными с техническим развитием, мнения китайских ученых по указанной проблеме разделились: часть ученых считала необходимым выйти за рамки принципа уголовной ответственности на временной основе и перейти к проблемам уголовного права по предотвращению и контролю рисков обеспечения безопасности [7]. Лао Дунъянь отмечал, что необходимо следовать принципу виновности при гарантии свободы уголовным законом [8]. Несмотря на разногласия ученых уголовного права, общественная практика и правовой прогресс развиваются по своим внутренним закономерностям,

уголовное право, как последняя линия защиты и контроля над обществом, постепенно обогащается своим содержанием за счет изменения времени. В указанном случае принцип строгой ответственности становится стратегическим [9].

Таким образом, в процессе применения ИИ возможны четыре ситуации, требующие уголовно-правового регулирования. Во-первых, при создании системы ИИ была допущена ошибка, приведшая к совершению преступления. Во-Вторых, в систему ИИ был осуществлен неправомерный доступ, повлекший повреждение или модификацию его функций, вследствие чего было совершено преступление. В-третьих, искусственный интеллект, обладающий способностью к самообучению, принял решение о совершении действий/бездействия, квалифицируемых как преступление. В-четвертых, искусственный интеллект был создан преступниками для совершения преступлений.

Использование многих достижений научно-технической революции содержит в себе риски, в том числе уголовно-правовые. Однако данное обстоятельство не может служить преградой на пути прогресса, инструментами которого являются эти достижения. Очевидно, что уголовное преследование может иметь место только тогда, когда не соблюдаются разумные и минимальные требования, направленные на недопущение причинение вреда в ситуации, в которой он не должен быть причинен. УК РФ как минимум должен не мешать прогрессу, а как максимум способствовать ему. Именно этой цели призваны служить предлагаемые в уголовно-правовой литературе для дополнения УК РФ нормы о беспилотниках, к которым относятся любые беспилотные мобильные средства (БПМС), в первую очередь беспилотные транспортные средства (БПТС) и беспилотные летательные аппараты (БПЛА), беспилотные воздушные суда (БПВС). Критический анализ указанных норм позволяет утверждать, что нет никакой необходимости создавать свое собственное — уголовно-правовое определение беспилотного транспортного средства. Достаточно использовать то определение, которое имеется в профильном, транспортном законодательстве. Отвергается необходимость дополнения составов, предусмотренных отдельными статьями УК РФ, квалифицирующим признаком «совершение преступления с использованием БПЛА», и высказывается идея о целесообразности дополнения ст. 63 УК РФ нормой, предоставляющей суду право самому решать, при совершении какого именно преступления считать использование БПМС (БПТС, БПЛА, БПВС и др.) отягчающим наказание обстоятельством.

К уголовной ответственности, в свою очередь, могут быть привлечены исключительно физические лица, на которых может быть возложена обязанность по выполнению или соблюдению правил. С учетом того, что в общем смысле искусственный интеллект на сегодняшний день представляет собой информационно-телекоммуникационную технологию, а в соответствии со ст. 274 Уголовного кодекса РФ уголовная ответственность наступает за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, указанная норма вполне применима и к ситу-

ациям с использованием искусственного интеллекта. Бланкетный характер нормы отсылает к конкретным инструкциям и правилам, устанавливающим порядок работы со средствами хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, информационно-телекоммуникационными сетями и оконечным оборудованием в ведомстве или организации, нарушение которых повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб. Следует отметить и обязательную необходимость установления причинной связи между нарушением и наступившим существенным вредом, а также достоверности того, что последствия сбоя в функционировании искусственного интеллекта являются результатом нарушения правил эксплуатации, а не программной ошибкой либо действиями, предусмотренными ст. 272 и 273 УК РФ.

В ч. 3 ст. 273 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак рассматриваемого состава преступления наступление тяжких последствий или создание угрозы их наступления. Следует учитывать, что в случае наступления тяжких последствий от применения искусственного интеллекта данный квалифицированный состав преступления является материальным, т. е. деяние окончено с момента наступления общественно опасных последствий, а если создана угроза их наступления, то состав является усеченным. Наличие в УК РФ отдельных норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации, не исключает возможности привлечения за посягательства, совершенные с применением искусственного интеллекта по общим нормам о наказаниях за преступления против личности (ст. 105, 109, 111, 112, 118 УК РФ), за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 143 УК РФ), за преступления против собственности (ст. 167, 168 УК РФ), за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 293 УК РФ) и т. д. Аналогичным образом решается вопрос и в случае, если в систему искусственного интеллекта был осуществлен неправомерный доступ, повлекший повреждение или модификацию его функций, вследствие чего было совершено преступление. Так, в ст. 272 УК РФ предусмотрена ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, а в ч. 3 ст. 273 УК РФ за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления. В случае совершения неправомерного доступа с применением искусственного интеллекта для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации лицо, предпринявшее такие действия, подлежит ответственности по ст. 274.1 УК РФ.

Таким образом, разработчик и (или) владелец искусственного интеллекта несут ответственность за любой вред, причиненный созданным ими и (или) эксплуатируемым искусственным интеллектом.

Развитие искусственного интеллекта привлекло внимание многих стран и международных организаций в эпоху цифровизации. С одной стороны, искусственный интеллект способен анализировать данные, обучаться и выполнять тяжелую работу, которая не под силу человеку. С другой стороны, существуют определенные обоснованные юридические риски, связанные с этим. Очевидно, что технология искусственного интеллекта представляет собой не только направление перспективного технологического развития, но и является движущей силой перспективных правовых исследований. Мы должны идти в ногу со временем и совершенствовать действующее законодательство за счет развития технологий искусственного интеллект.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года").

2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ (последняя редакция).

3. Архипов, В. В., В. Б. Наумов «Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике», *Тр. СПИИРАН*, 55 (2017), 46–62.

4. Козаев, Нодар Ш. 2016. «Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве». Юридический вестник ДГУ 1: 96–101.

5. Ведомости. 2018. «Беспилотник Uber сбил насмерть пешехода из-за настроек автопилота». Ведомости. 2018. 8 мая. Дата обращения 3 июля, 2018. (https://www.vedomosti.ru/technology/news/2018/05/08/768916-bespi lotnik-uber-sbil).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022).

7. Hao, Yanbing (2012). Criminal Risk Law: The focus of a truncated crime], Beijing: China, Political and Law University Press, C 66.

8. Lao, Dongyan (2014) [Risk Society and Volatile Criminal Law Theory] [Chinese and Foreign Law] 1, C 92–93.

9. Li, Lifeng (2009). Study of Mens Rea in American criminal law Beijing: China, Publishing house of the Chinese political and law University. C 658.

УДК 343.2/.7

Голощапов Никита Андреевич,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: nikita.goloschapov.lawyer@gmail.com
Антонов Антон Геннадьевич,
доктор юридических наук, доцент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: antonovanton1@mail.ru

Goloshchapov Nikita Andreevich,
post-graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: nikita.goloschapov.lawyer@gmail.com
Antonov Anton Gennadievich,
Doctor of Law, Associate Professor,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: antonovanton1@mail.ru

ПРЕДМЕТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ

THE SUBJECT OF FALSIFICATION OF EVIDENCE IN A CIVIL CASE

Статьей 303 Уголовного кодекса РФ устанавливается уголовная ответственность за совершение общественно опасного посягательства на деятельность суда и органов, содействующих ему в отправлении правосудия. Преступления, связанные с фальсификацией доказательств в гражданском судопроизводстве, являются не только широко распространенными, но и высоко латентными. Статья посвящена вопросам определения понятия предмета фальсификации доказательств по гражданскому делу. Правильное понимание предмета преступления способствует четкому уяснению сущности объекта преступного посягательства, его места в системе норм Особенной части Уголовного кодекса РФ, позволяет сделать верное различие между ним и средством совершения преступления.

Ключевые слова: предмет преступления, преступления против правосудия, фальсификация доказательств, доказательство по гражданскому делу, уголовная ответственность, доказательства в гражданском судопроизводстве

Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes criminal liability for committing a socially dangerous attack on the activities of the court and bodies assisting it in the administration of justice. Crimes related to the falsification of evidence in civil proceedings are not only widespread, but also highly latent. The article is devoted to the definition of the concept of the subject of falsification of evidence in a civil case. A correct understanding of the subject of the crime contributes to a clear understanding of the essence of the object of criminal encroachment, its place in the system of norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, allows you to make the right distinction between it and the means of committing a crime.

Keywords: subject of crime, crimes against justice, falsification of evidence, evidence in a civil case, criminal liability, evidence in civil proceedings

10 статьей Конституции Российской Федерации установлено, что государственная власть осуществляется на основе разделения на три самостоятельных ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Назначением судебной власти является прежде всего защита конституционных прав и свобод граждан, обеспечение законного решения возникающих в обществе конфликтов и осуществление правового контроля за деятельностью всех субъектов общественной жизни. Одной из гарантий осуществления правосудия исключительно судом, принятия доказательных и процессуально обоснованных судебных актов, соблюдения процессуального порядка судебного разбирательства, выступают нормы главы 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), устанавливающие ответственность за посягательства на интересы правосудия.

Любой судебный акт должен основываться на совокупности достоверных и достаточных доказательств, работа с доказательствами при расследовании и судебном рассмотрении дел является важной частью деятельности правоприменителя. При фальсификации доказательств создаются предпосылки к вынесению незаконных и необоснованных решений, фальсификация доказательств наносит существенный ущерб авторитету судебной власти, влечет за собой иные преступлениям против правосудия и против интересов государственной службы.

Федеральным Законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в статью 303 УК РФ. Частью 1 ст. 303 УК РФ установлена уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому делу, участвующим в деле лицом или его представителем, а равно должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях или составлять протоколы об административных правонарушениях. Санкция ч. 1 ст. 303 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательных работ на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо ареста на срок до четырех месяцев.

Прежде чем непосредственно приступить к анализу предмета фальсификации доказательств по гражданскому делу, необходимо определить, что в теории уголовного права под ним понимаются.

В науке уголовного права нет единого подхода к определению предмета преступления. Так, например, Д. Н. Розенберг определяет предмет как нечто внешнее по отношению к объекту и ничем с ним не связанное [1, с.70-73]. А. Н. Трайнин утверждает, что предметом преступления являются вещи, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление, но которым не причиняется ущерб [2, с.178-179]. Е. А. Фролов относил к предмету преступлений людей (как материальные выражения этих отношений), а также материальные предметы (вещи), являющиеся материальным поводом, условием либо свидетельством существования определенных общественных отношений и посредством которых причиняется ущерб объекту преступле-

ния [3, с. 216-225]. С. Ф. Кравцов признавал предметом преступления конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объект преступлений) путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений [4, с. 13-16].

Несмотря на очевидные различия, большинство авторов выделяют несколько общих признаков предмета преступления. К ним относятся:

1) вещественно материализованный характер предмета преступления;

2) его свойство быть носителем общественных отношений;

3) его самостоятельный характер и связь с объектом преступления.

Наиболее точным, на мой взгляд, является определение, предложенное Н. И. Коржанским, так как в нем нашли свое отражение не только указанные выше признаки, но и еще два дополнительных: взаимосвязь предмета с субъектом преступления и возможность проявления свойств предмета в действительных или возможных последствиях общественных отношений. Он пишет: «Предмет преступления — это конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих отношений» [5, с. 17].

Предмет преступления закреплен в качестве признака во многих, но не во всех, составах преступлений. Если предмет преступления указан в диспозиции уголовно-правовой нормы, то он подлежит обязательному установлению при квалификации преступления, а его отсутствие говорит о том, что данная норма права не была нарушена.

Диспозиция ч. 1 ст. 303 УК РФ носит смешанный характер, так как предписание данной диспозиции непосредственно регламентирует запрет на фальсификацию доказательств как предмета рассматриваемого преступления, но при этом не содержит определения «доказательство по гражданскому делу», тем самым указывая логическую, но не формально-юридическую отсылку к ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

Правоотношения, связанные с доказыванием в гражданском судопроизводстве, регулируются положениями главы 6 ГПК РФ «Доказательства и доказывание». Согласно ст. 55 ГПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

В результате юридического анализа названной статьи, а также иных статей гл. 6 ГПК РФ, при их сопоставлении с нормами гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия» можно сделать вывод, что отечественный законодатель выбрал казуально-абстрактный подход к определению понятия «доказательство», а также регламентирует дифференцированный подход к уголовной ответственности за фальсификацию различных доказательств.

Таким образом, с учетом указанных правил можно сделать следующее заключение: предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, могут быть только письменные и вещественные доказательства, заключение эксперта, аудио- и видеоматериалы, показания специальных технических средств, иные документы и материалы (например, при фальсификации доказательств адвокатом – результаты письменного опроса об обстоятельствах, имеющих отношение к делу, в порядке ст. 6 Федерального закона от 31 05 2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре») , обладающие признаками, предусмотренными ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, и признанные в качестве доказательств по гражданскому делу в силу положений Гражданского процессуального кодекса РФ, либо в порядке им установленном.

В науке процессуального права источники доказательств делят на идеальные и материальные. К идеальным источникам относят устные показания и объяснения, а к материальным источникам - все остальные доказательства, а также протоколы, в которых зафиксированы показания и объяснения.

О фальсификации можно говорить в случае, если участник судебного процесса совершил одно из следующих действий:

- предъявил суду в качестве доказательства искусственно созданные предметы или документы, не содержащие истинную информацию по делу;
- предъявил суду в качестве доказательства предметы и документы, в которые были внесены сведения, искажающие характер и суть доказательства;
- сообщил суду несоответствующие действительности сведения о фактах, играющих важную роль для вынесения справедливого решения по делу, если лицу заранее известно, что эти обстоятельства не отражают действительности.

Такие доказательства признается судом ничтожным и утрачивают свою доказательную силу. Преступление считается оконченным с момента приобщения фальсифицированных документов к материалам гражданского дела.

Важно отметить, что предметом преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, могут быть исключительно доказательства, закрепленные на материальном носителе, то есть заключение эксперта и специалиста, аудио - и видеозаписи, письменные и вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, содержащих показания сторон и третьих лиц, свидетелей, подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего и иных лиц, участвующих в деле (эксперта, специалиста).

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что предметом фальсификации доказательств по гражданскому делу являются доказательства, то есть содержащиеся на материальном носителе сведения, полученные и оформленные в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, на основании которых суд и другие субъекты процессуальной деятельности устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию

при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела и принятия законного и обоснованного решения.

Список литературы

1. Розенберг, Д. Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (Объект и предмет посягательства) / Д. Н. Розенберг // Ученые записки Харьковского юридического института. – 1948. – № 3. – С. 70-73.

2. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – москва : Госюриздат, 1957. – 178--179 с.

3. Фролов, Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления / Е. А. Фролов // Сборник науч. трудов Свердловского юрид. института. – 1969. – № 10. – С.216-225.

4. Кравцов, С. Ф. Предмет преступления. дис. … канд. юрид. наук/ С.Ф. Кравцов. – Ленинград, 1976. - С. 13-16.

5. Коржанский, Н. И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации) / Н. И. Коржанский. – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1976. – С. 17.

УДК 343.13

Дьяков Максим Олегович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: maximdyakov1999@yandex.ru

Dyakov Maxim Olegovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: maximdyakov1999@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

PREVENTION OF EXTREMIST CRIMES

Современный экстремизм радикально отрицает существование в обществе норм и правил, стремится к переустройству мира в соответствии с собственными взглядами и ценностями. Многие государства сталкиваются с проблемой противостояния экстремизму. Современная социальная, экономическая, политическая и духовно-нравственная ситуация в России обусловливают необходимость в числе первостепенных задач совершенствовать систему предупреждения преступлений экстремистского характера, которая должна строиться на основе современных научных рекомендаций, отличаться адаптивностью, а также высокой эффективностью и результативностью.

Ключевые слова: преступность, экстремизм, предупреждение, система мер, правоохранительные органы.

Modern extremism radically denies the existence of norms and rules in society, seeks to rebuild the world in accordance with its own views and values. Many States are faced with the problem of countering extremism. The current social, economic, political, spiritual and moral situation in Russia makes it necessary, among the primary tasks, to improve the system of preventing crimes of an extremist nature, which should be based on modern scientific recommendations, be adaptable, as well as highly efficient and effective.

Keywords: crime, extremism, prevention, system of measures, law enforcement agencies.

Экстремизм как политико-социальное явление в современном мире проявляется в различных и формах. Экстремизм как отдельное явление, например, фанатик пытается себя поджечь на глазах у граждан, а также появляется в устранении политических лидеров.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании таких экстремистских направлений, как религиозный, политический, этно-религиозный, национальный, экологический, государственный, экономический, потребительский, молодежный, эзотерический, правый, левый, книжный, экстремизм в Интернете.

Следует отметить, что понятие «экстремизм» нуждается в детальном изучении и более точной, емкой формулировке так как могут возникают проблемы в правоприменении уголовного и административного законодательства в исследуемой сфере. Выявление основных причин экстремизма, их устранение, снижение их негативного влияния на общество лежит в основе общего предупреждения экстремистской деятельности. В целом такое предупреждение, требующее колоссальных материальных, людских, временных ресурсов, включает меры по стабилизации всех сторон жизни общества, противодействию в нем конфликтности, привитию гражданам положительных ценностных ориентаций, созданию для них жизненной перспективы [6, с. 37].

Можно проанализировать экстремизм и в экономической сфере, тогда это выглядит как определенная установленная цель, не идущая ни на какие компромиссы и выражающая преступные требования экстремистов. Это могут выражать определенные политические, часто не признанные, в большинстве своем запрещенные «преступные» группировки, которые используют это как ультиматум законной власти и режиму в политической борьбе. Данные группировки ни идут на переговоры и не ищут взаимодействия со своими оппонентами. Если есть некоторая структура, то ее можно наращивать подгруппами, например, экстремизм в сфере интеллектуальной собственности и появившийся в XXI веке «потребительский экстремизм».

Проблема экстремизма является достаточно острой проблемой не только в России, но и во всем мире. Единого подхода к определению данных понятий в юридической науке нет. Но в политической сфере мы можем встретить употребление таких понятий как «крайне правые», «крайне левые».

Алгоритм преступлений экстремистской направленности делится на определенные группы, такие как: жизнь, свобода, права и свободы и прочие ценности современного мирового общества. Правовая система Российской Федерации не пошла по пути западных законодателей, т. е. отдельной главы посвященной преступлениям экстремизму Законодатель не выделил, однако, точно определил сущность таких преступлений, которые непосредственно связаны с проявлениями экстремизма [5, с. 402].

Необходимо учитывать все стороны субъективного поведения экстремистской направленности, которые преследует субъект, но такие действия могут носить широчайший круг девиантного поведения. Следовательно, преступления, которые упомянуты в ст. 282. 280 УК РФ не могут объять все возможные проявления экстремизма в поведении лица. Очевидно, что данные виды преступлений не ограничиваются Уголовным Кодексом РФ, а проявляют весь спектр отрицательного в обществе поведения преступной направленности.

Основываясь на исследованиях признаков преступлений экстремистской направленности, можно констатировать, что существенными признаками преступлений экстремизма являются: радикализм, пренебрежение к ценностям общества, идеологическая составляющая и т. д.

Современные правоведы предлагают выделить преступления экстремистской направленности в два вида, первый – преступление в основе, которого находится террористический характер, второй – преступления, где фундаментом является не принятие общечеловеческих ценностей (раса, религия, национальность).

Также частью 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации [1] не допускает пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ определяет основные принципы и направления противодействия экстремизму, конкретизирует вопросы проведения профилактики экстремизма, особенности мер юридической ответственности религиозных общественных организаций, СМИ за распространение экстремистских материалов или осуществление экстремистской деятельности общественными организациями, а также регламентирует вопросы международного сотрудничества по борьбе с экстремизмом.

Учитывая всю сложность определения состава преступлений экстремистской направленности находящихся УК РФ (ст. ст. 205, 239, 280, 282.1,2) [2], автор выделил их как наиболее выделяющийся вид преступлений и характеризующий преступный характер. Автор рассматривает основные составы преступлений, так как их квалифицированные виды в основном обусловлены признаками соучастия или способами совершения преступлений.

Другой разновидностью можно назвать националистический экстремизм, который в своей основе придерживается крайне националистическим идей, что в первую очередь устремлен к разжиганию вражды на национальной почве. Данный вид преступлений экстремистской направленности по раз-

личным источникам имеет приверженцев, а именно более трехсот организаций, из которых половина проявляет агрессию к современному государству.

Главенствующей классификацией экстремизма является его разделение по способам достижения поставленных целей на умеренный и радикальный.

Для умеренного экстремизма характерно использование уже существующих и активно функционирующих государственных средств, приемов и методов решения проблем.

Однако, не смотря на свою, казалось бы, легальность, данные инструменты реализуются в таком контексте, что как последствие выступает грубое нарушение прав граждан, национальных меньшинств, притеснение и т. д. Для радикального экстремизма характерно достижение своих целей путем террора. Данное направление не признает эффективными существующие государственные инструменты политики и решения конфликтов [4, с. 35].

Единственное решение – агрессивная деятельность путем угроз, расправ, террористических актов и т. д. Нужно отметить, что научных подходов и определений понятия экстремизма в сети Интернет, а также противодействия экстремизму в сети Интернет отсутствуют. Возможность предотвращения совершения преступлений с использованием средств связи возможно через совершенствование подготовки специалистов и развития технологий противодействия преступности. Общественно опасное поведение обосновывает необходимость развивать сферу цифрового противодействия преступности. Противодействие экстремистской деятельности, ведущейся в сфере интернет-технологий сегодня, должно осуществляться в трех направлениях: законодательной, криминологической, процессуальной.

Законодательная база должна охватывать весь спектр возможностей виновных лиц организовать пропаганду, распространение идеологии, организацию деятельности экстремистов.

Каждый из видов преступного экстремистского проявления может быть выполнен через интернет-ресурсы и законодатель, учитывая повышенную угрозу массового вовлечения в экстремистскую идеологию, может усилить пенализацию через квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки составов преступлений. И в этой потребности уголовно-правовой оценки преступного экстремистского поведения закон достаточно обоснован. В решениях о криминализации признаков совершения преступлений экстремистской направленности дополнительный признак в виде использования СМИ или сети «Интернет» присутствует в составах 280, 280.1, 282 УК РФ.

Достаточно много преступлений экстремистской направленности совершается несовершеннолетними. Очевидным является то, что в сложившейся ситуации главный упор в противодействии проявлениям экстремизма необходимо делать на профилактику и своевременное предупреждение противоправных проявлений. Важным направлением в профилактической деятельности является работа с мигрантами.

Одним из факторов, определяющих современный облик мира, являются массовые миграции населения, принадлежащего к разным этносам и религиям. В отрыве от привычного образа жизни, традиционных ценностей многие мигранты превращаются в маргинальный слой, подверженный влия-

нию экстремистских идей, в том числе радикального ислама. События последнего времени в стране и мире это подтверждают [7, с. 304].

В нашей стране должно происходить отсечение нежелательных криминализованных и подверженных радикальной идеологии элементов. Или, в другом варианте, это должно происходить на границе с применением процедуры обязательного тестирования трудовых мигрантов на возможность приверженности или принадлежности к идеям экстремистского толка.

Профилактическая работа должна проводиться, исходя из особенностей возрастного состава участников мероприятий, психологических особенностей, а также в соответствии с запросами власти по конкретным проблемам в каждой индивидуальной ситуации. Таким образом, нормы, закрепляющие организационные основы противодействия экстремизму, содержатся в Конституции РФ, УК РФ, КоАП РФ, Законе о противодействии экстремистской деятельности, Стратегии национальной безопасности и ряде других.

Концептуальные основы недопущения развития и роста экстремистской идеологии закреплены не только в Основном законе страны, но и в ряде других правовых актов (например, Трудовой кодекс РФ). Непосредственные направления, принципиальные позиции в противодействии предусмотрены вторым блоков нормативных актов: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ, Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) (ред. от 29.05.2020).

Следующую группу составляют УК РФ и КоАП РФ, предусматривающие юридическую ответственность за совершение деяний экстремистской направленности. Важное место уделено организационным основам противодействия экстремизму в части органов власти, в чью компетенцию входит данная работа.

Можно сделать вывод о том, что в российских реалиях также следует применить опыт зарубежных стран и сделать акцент на разработке и активном применении различных способов технического характера, направленных на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних [5, с. 406].

Наряду с указанным имеет смысл в целях информационной защиты детей обеспечить международное сотрудничество с определением правовых и организационных вопросов государственной политики. Главным направлением указанного сотрудничества следует избрать регламентацию и обеспечение требований фильтрации информационной продукции, побуждающей несовершеннолетних пользователей к совершению противоправных действий, а также действий, представляющих угрозу их жизни и здоровью.

Согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ Президент РФ, который является Верховным главнокомандующим Вооруженными силами РФ, обеспечивает единство всех ветвей государственной власти, а также их согласованную эффективную деятельность в условиях разделения властей и т. д. Все стратегиче-

ские решения в области обеспечения безопасности инициируются указами Президента Российской Федерации. Нормативное правовое обеспечение по вопросам противодействия проявлениям экстремизма – не исключение.

Основными функциями Правительства Российской Федерации в сфере государственной политики противодействия терроризму и экстремизму являются:

1. Определение направлений политики противодействия экстремизму;

2. Координация деятельности и организация взаимодействия органов исполнительной власти различных уровней по вопросам реализации государственной политики противодействия экстремизму;

3. Профилактика проявлений экстремизма и идеологии терроризма;

4. Организация контроля за выполнением субъектам экстремистской направленности противодействия экстремизму мер, предусмотренных нормативными правовыми актами в установленной сфере;

5. Определение приоритетных направлений научно-исследовательской деятельности по вопросам противодействия радикализму, координация в системе разработок и внедрения новых технологий, методов и средств антиэкстремистской деятельности и др.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации осуществляет комплекс мероприятий, направленных на пресечение террористической и экстремистской деятельности, ведет непосредственную борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации проводит предварительное расследование уголовных дел. Министерство внутренних дел Российской Федерации организует и проводит комплексные превентивные мероприятия антиэкстремистского характера; осуществляет выявление и ликвидацию причин, которые способствуют совершению преступлений экстремистской направленности, а также их подготовке; организует розыск экстремистов, уклоняющихся от следствия и суда.

Министерство обороны Российской Федерации компетентно в применении Вооруженных сил РФ в случае возникновения террористического акта в воздушном и морском пространствах государства, защищает государство от посягательств на объекты ВС РФ, вооружения и боеприпасы, являющихся их собственностью, с отдельными уполномоченными ведомствами проводит контртеррористические операции.

Действующая на сегодняшний день нормативно-правовая база противодействия экстремизму не является эффективной. К сожалению, все изменения в уголовном законодательстве создают больше проблем при применении уголовно-правовых норм. Сегодня они нуждаются в разработке и принятия уголовной политики, которая будет обеспечивать повышению качества и уголовного закона и его применения. Данная политика должна быть универсальной и основываться с учетом интересов общества и государства, а также важно учитывать научные достижения в данной области.

Преступники могут взламывать сайты и получать доступ к конфиденциальной информации, использовать данные о кредитных картах. Кроме

того, преступники активно распространяют вирусы, различные троянские программы и программы для слежки. В связи с этим противодействие киберпреступности играет важную роль [7, с. 288].

Экстремизм является социально негативным-явлением и обладает тяжелыми последствиями для личности и общества. Принимая во внимание тяжесть последствий от совершения актов экстремистской деятельности необходимо ужесточить уголовную ответственность в отношении лиц и групп, совершающих данные преступления, а также расширить круг лиц, которые участвуют в подготовке данных преступлений и несут уголовную ответственность.

Необходимо усилить контроль в отношении российский и иностранных организаций, которые находятся на территории страны и занимаются «культурными», «просветительскими» программами, где скрываются лидеры исповедующих шовинизм и расизм в разных формах.

Таким образом, для реализации поставленных задач, предстоит выполнить ряд мероприятий, которые затрагивают целый комплекс мероприятий, начиная от социальных, а именно создание рабочих мест, экономических, а именно повышение уровня жизни населения в целом, где главным элементом является молодое поколение, которое необходимо воспитывать в духе патриотизма и любви к Родине [6, с. 35].

На основе законодательства зарубежных стран в исследуемой сфере можно предложить два альтернативных варианта развития отечественного правового механизма в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

Первый путь основывается на законодательстве европейских государств и заключается в полном отождествлении экстремизма с терроризмом. Данные путь значительно сужает нормативно-правовую базу в данной сфере противодействия и упрощает понятийный аппарат. Но, на наш взгляд, такой вариант развития не раскрывает в полной мере сути экстремизма и терроризма, ведь они в ряде случаев выступают как самостоятельные явления.

Второй путь работы заключается в том, чтобы разграничить понятия экстремизм и терроризм для более конкретного анализа и разработки специализированных мер по предупреждению (с каждым из явлений, так как по своей сути терроризм является крайним и наиболее жестоким проявлением экстремистской идеологии.

Экстремизм угрожает населению нашей страну, включающую около 180 народностей, угрожает безопасности мира (неопасному сожительству наций и социальных групп) и государства, преступает через права и свободы человека, мешает достижению гражданской гармонии, надрывает устои демократического и правового государства. Для действенной борьбы с проявлениями экстремизма потребовалось развитие и реализация соответствующих норм законодательства, так был принят Федеральный закон от 25.07.2002 № 114- ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3].

Тем не менее, серьезность проблемы экстремизма остается довольно высокой, и в связи с развитием новой законодательной базы в области противодействия экстремизму, можно констатировать существование подлинной надобности в научной оценке экстремистской деятельности через анализ

всевозможных видов юридической ответственности, в первую очередь – уголовной, так как уголовно-правовое защита выступает одним из важнейших государственных средств охраны прав и свобод гражданина и человека.

Для того чтобы задача противодействия экстремизму и терроризму была успешно решена, необходим целый ряд комплексных мер, предусматривающих выработку конкретной программы, принятой к исполнению на всех уровнях власти, проведение эффективной социальной политики, формирование продуманной системы политического воспитания граждан, особенно несовершеннолетних и молодежи, создание социально направленной правовой системы.

Необходимость проведения подобной политики в России совершенно очевидна, так как над страной нависла угроза и то, как мы сегодня будем противостоять этой угрозе, определяет наше будущее.

В заключение необходимо отметить, что профилактике экстремизма в органах внутренних дел Российской Федерации уделяется недостаточное внимание, возможно, ввиду отсутствия системы оценки данного вида оперативно-служебной деятельности, результаты не учитываются в показателях деятельности оперативно-розыскных подразделений, а сам данный вид деятельности недостаточно обеспечен научно и методически. Формирование целостной системы профилактики экстремизма в системе МВД России, основанной на научном подходе, и выработка критериев оценки данной деятельности являются необходимым условием успешного противодействия экстремизму на современном этапе развития общественных отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. ст. 3031.

4. Колесников, Р. В. Детерминанты преступлений экстремистской направленности / Р. В. Колесников, И. А. Кравцов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1(60). – С. 35-39.

5. Карчаева, К. А. Проблемные аспекты противодействия преступлениям экстремистского характера / К. А. Карчаева // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6(169). – С. 401-402.

6. Попов, А. Н. Предупреждение экстремизма средствами социально-педагогической профилактики / А. Н. Попов // Новые Вызовы - новые исследования : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 23 января 2023 года. – Петрозаводск: Международ-

ный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 30-35.

7. Трошкин, Д. И. Предупреждение экстремизма и преступлений экстремистской направленности / Д. И. Трошкин // Особенности формирования антиэкстремистской и антитеррористической среды в вузе на современном этапе : Сборник докладов Международной научно-практической конференции, Белгород, 17 марта 2022 года / Под общей редакцией С.Н. Глаголева, сост. В.И. Борисовский . – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2022. – С. 288-304.

УДК 343.140

Жданов Руслан Асхатович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: rus.zhd@yandex.ru

Zhdanov Ruslan Asckhatovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: rus.zhd@yandex.ru

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

SUBJECT AND LIMITS OF PROOF

В статье рассматриваются основные моменты предмета и пределов доказывания, а также современная ситуация на предлагаемую проблематику. Целью статьи является обратить внимание на соотношение процессуальных юридических фактов с предметом доказывания, а также соотношение процессуальных юридических фактов с пределами доказывания, изучить позиции ученых по вопросам доказывания процессуальных юридических фактов.

Ключевые слова: предмет доказывания, пределы доказывания, преступления, расследование, доказывание, дознаватель, процессуальные юридические факты; процессуальное поведение, доказательственное значение

The article discusses the main points of the subject and the limits of proof, as well as the current situation on the proposed problem. The purpose of the article is to pay attention to the correlation of procedural legal facts with the subject of proof, as well as the correlation of procedural legal facts with the limits of proof, to study the positions of scientists on the issues of proving procedural legal facts.

Keywords: subject of proof, limits of proof, crimes, investigation, proof, investigator, procedural legal facts; procedural behavior, evidentiary value.

Большинство ученых в области уголовно-процессуального права полагают и справедливо отстаивают положение, по которому приведенный в УПК РФ перечень подлежащих доказыванию обстоятельств – далеко не исчерпывающий, он открыт для признания необходимости доказывания

и других обстоятельств, не включенных в указанный в уголовно-процессуальном законе список, что необходимо и для правильной уголовно-правовой квалификации содеянного.

Наличие нерешенного вопроса с понятийным аппаратом терминов «предмет» и «пределы» доказывания в теории уголовно-процессуального права усложняет процедуру установления обстоятельств в рамках расследования преступлений.

До настоящего времени остается дискуссионным ряд вопросов, связанных с доказыванием. Одним из таких вопросов является определение предмета доказывания по делу.

В юридической литературе наличествует мнение о том, что процессуальные юридические факты не входят в предмет доказывания, так как «процессуальные юридические факты носят служебный характер, не влияют на материально-правовые последствия обстоятельств дела» [15, с. 13]. Существует точка зрения о том, что процессуальные факты входят не в предмет доказывания, а в пределы доказывания по делу, либо в предмет познания по делу [17, с. 45].

Тема доказывание процессуальных юридических фактов имеет значение не только для науки цивилистического процесса, но и для правоприменительной практики. По мнению, Яркова В.В., который достаточно подробно изучил природу, свойства, функции процессуальных юридических фактов: «На основе установления процессуальных юридических фактов в рамках локальных фактических составов разрешается значительное число правовых ситуаций, связанных с совершением конкретных процессуальных действий, например, применением обеспечительных мер, обеспечением доказательств, назначением экспертизы, процессуальным правопреемством, передачей дела из одного суда в другой в связи с нарушениями правил подсудности и т. д.» [13, с. 55]. Многие процессуальные действия суда, участников процесса как бы запрограммированы процессуальными юридическими фактами.

Отметим специфические особенности предмета доказывания при рассмотрении в суде уголовных дел с участием присяжных заседателей (ст. 339 УПК РФ). Перед последними на разрешение выносится узкий круг вопросов, в том числе:

- доказано ли, что деяние имело место;
- доказано ли, что это деяние совершил подсудимый;
- виновен ли подсудимый в совершении этого деяния [10, с. 89].

Однако, в соответствии со ст. 347 УПК РФ присяжные заседатели не участвуют в разрешении других вопросов.

Предмет доказывания, установленный при возбуждении уголовного дела, не является застывшим, неизменным по содержанию, он вполне может подвергаться изменениям и дополнениям. В процессе расследования, когда появляются и исследуются вновь полученные те или иные обстоятельства, когда обнаружены совсем другие доказательства, вполне возможно качественное и количественное изменение предмета доказывания. При этом ранее не известные обстоятельства могут быть обнаружены в ходе

предварительного расследования или даже на стадии судебного разбирательства. Подобное возможно и при разбирательстве в суде второй инстанции [11, с. 43].

В то же самое время имеются и иные суждения относительно того, что предмет доказывания – это постоянное или же изменчивое явление. К примеру, Н.П. Кузнецов полагает, что «предмет доказывания является одним и тем же в тех стадиях процесса, где осуществляется такое производство».

Несмотря на наличие в ст. 73 УПК РФ общих требований к предмету доказывания и содержанию доказывания, его (доказывания) конкретное содержание вполне может измениться в процессе производства по расследованию уголовного дела.

Для успешного расследования уголовного дела по конкретному преступлению требуется доказывание, первое, самого деяния, то есть имело ли место данное событие; второе, относится ли данное деяние (действия или бездействие) к общественно опасным; наконец, третье, запрещено ли это деяние уголовным законом. Само событие может быть подтверждено доказыванием обстоятельств, сопровождающих данное преступление, а именно, в чем заключается конкретная направленность преступного посягательства, совершено оно в виде действий или бездействия, а по материальным составам – имелись ли преступные последствия от данного деяния. Установление названных обстоятельств помогает определить объект и объективную сторону состава данного преступления. Но если событие не было установлено, то, естественно, отсутствует и его состав как преступления, что влечет отказ в возбуждении уголовного дела. Если же уголовное дело уже было возбуждено, то оно прекращается, на что указывает п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В случае передачи возбужденного и законченного расследованием уголовного дела в суд, который не установил наличия в деянии состава преступления, судом постановляется оправдательный приговор по п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ.

Доказывание обстоятельств совершенного деяния означает определение объекта, интересов и благ, на которые было направлено преступное посягательство, и вместе с ним установление предмета преступления. Дальше устанавливаются признаки, характеризующие внешнее проявление деяния (действие или бездействие). В обязательном порядке необходимо доказывание причинной связи между самим деянием и наступившими в результате этого деяния последствиями, которые могут быть выражены в виде вреда или ущерба. Особенность обязательного доказывания причинной связи между деянием и последствиями заключается в том, что такая связь возможна лишь при наличии трех обязательных условий:

первое, деяние по времени произошло раньше наступления последствий (хотя бы на мгновение). Если последствие наступает во время совершения деяния или после него, то в связи с отсутствием названной причинной связи деяние не будет общественно опасным;

второе, деяние стало непосредственной причиной данного последствия;

третье, данное последствие с неизбежностью наступило в результате именно этого деяния, а не иного [20, с. 54].

К признакам объективной стороны, требующим доказывания, относятся место, способ, обстановка, орудия, средства совершения преступления, наличие которых учитывается судом при выборе вида и размера наказания. Поэтому доказывание таких, называемых факультативными, обстоятельств требуется тогда, когда статья, по которой квалифицируется данное конкретное деяние, прямо указывает на конкретный факультативный признак или подразумевает его. После доказывания конкретного виновного в преступлении лица, необходимо доказать форму и вид вины данного человека, а также мотивов его деяния. Все это относится к субъективной стороне состава совершенного преступления. Если не будет доказана виновность данного лица, тогда не может идти речь о его привлечении к уголовной ответственности, а в случае, когда уголовное дело возбуждено и направлено в суд, в отношении этого лица выносится оправдательный приговор. Для законного привлечения конкретного лица к уголовной ответственности требуется достаточно доказательств его вины, то есть необходимо полное раскрытие признаков субъективной стороны. Подтверждением сказанного является вынесение приговора, в котором суд, прежде всего, решает вопрос, имело ли место совершение общественно опасного деяния, и совершил ли подсудимый то, в чем он обвиняется, то есть виновен ли он в совершении данного преступления [16, с. 86].

Так, по мнению некоторых ученых процессуальные юридические факты не входят в предмет доказывания, поскольку они носят исключительно служебный характер, и поэтому не оказывают влияние на материально-правовые последствия обстоятельств дела. Также наличествует мнение о том, что процессуальные факты входят в пределы доказывания, либо в предмет познания по делу, а не в предмет доказывания по делу.

Говоря о значении процессуальных юридических фактов, необходимо отметить, что их совокупность или даже единичный процессуальный юридический факт может «запустить» механизм целого судопроизводства. Процессуальные юридические факты, соединяясь в единую цепочку, опосредуя при этом факты материально – правового характера, и, «связывая» их при этом, предопределяют и образуют механизм движения. В конечном итоге разрешенное дело, в суде первой инстанцией, решение по которому не было отменено в последующих инстанциях, по сущности представляет совокупность материально-правовых и процессуальных юридических фактов, установленных в судебном порядке. Данный итог, то есть справедливое разрешение дела, был бы невозможен без процессуальных юридических фактов [14, с. 22].

Что касается процессуальных фактов, которые все же нуждаются доказывании, то надо сказать, что необходимость эта обусловлена, прежде всего, тем, что они совершаются вне зала судебного заседания, и лица, участвующие в процессе, их непосредственно не наблюдают. Однако, не все факты, происходящие вне процесса, имеют доказательственное значение и вообще могут быть отнесены к процессуальным. Так, не может служить основанием производства процессуальных действий внепроцессуальные обращение [11, с. 53].

Процессуальные юридические факты могут входить в общий предмет доказывания и, в таком случае, процессуальные факты подлежат доказыванию наряду с материальными фактами. Возможна и иная ситуация, когда

совокупность процессуальных юридических фактов составляет отдельный предмет доказывания, который в юридической литературе принято называть «локальным». Локальный предмет доказывания – это некая система, объединяющая совокупность именно процессуальных юридических фактов, доказательство которых необходимо для совершения конкретного процессуально действия. В целом, в юридической литературе не встречается серьезной критики по поводу рациональности выделения локального предмета доказывания и его понятия [15, с. 41].

Наиболее справедливым подходом к данному вопросу является точка зрения, высказанная Ефимовой В. В., согласно которой в узком смысле предмет доказывания – это обстоятельства материально-правового характера, в широком смысле в предмет доказывания необходимо включать все обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела. В процессуальной юридической науке появились категории «пределы доказывания» и «локальный предмет доказывания». О локальном предмете доказывания еще будет сказано далее, а сейчас хотелось бы остановиться на «пределах доказывания». Так, долгое время считалось, что предмет и пределы доказывания совпадают [8, с. 33]. Исходя из данной позиции, разумно было бы поставить вопрос о рациональности выделения категории «пределы доказывания» вообще, если это суть тождественные понятия. Тем не менее, категория «пределы доказывания» получила некоторую научную разработку и в настоящее время, например, Треушников М. К. утверждал, что: «Для обозначения всей совокупности фактов, подлежащих установлению с помощью судебных доказательств, целесообразно использовать другое понятие – пределы доказывания» [9, с. 90].

Под пределами доказывания понимается совокупность юридических фактов, необходимая для правильного разрешения дела. При этом в предмет доказывания традиционно включают факты материально – правового характера. В свою очередь в пределы доказывания включаются все факты, способствующие правильному разрешения дела, в том числе и юридические процессуальные факты, как средства, способствующие правильному разрешению дела.

Проанализировав норму права, посвященную обстоятельствам, подлежащим доказыванию, следует отметить, что в ней отражена уголовно-правовая конструкция состава преступления (объект, субъект, объективная и субъективные стороны), кроме того, обязательное выполнение всех положений ст. 73 УПК РФ привело к формальному отношению, а не глубокому и детальному изучению каждого обстоятельства, указанного законодателем.

Проанализировав представленные статистические данные ГИАЦ МВД России, можно прийти к выводу, что к преступлениям, относящимся к финансово-бюджетной сфере, следует относить не только регулируемые противоправные деяния, закрепленные в разделе VIII УК РФ, но и преступления, связанные с освоением бюджетных средств, а также преступления коррупционной направленности. По мнению И. Н. Соловьева, исследуемая категория тесно взаимодействуют со сферой образования, которая проявляется в распределении и использовании денежных фондов государства и

субъектов местного самоуправления в целях эффективного социально-экономического развития страны и отдельных регионов» [8, с. 90]. Исходя из представленного выше положения, обозначим перечень различных видов преступлений, которые возникают, развиваются или прекращаются при наличии конкретного условия или обстоятельства [12, с. 88].

В соответствии с приговором, вынесенным 26 февраля 2018 г. Кадошкинским районным судом Республики Мордовия, в отношении гражданки М. было вынесено решение о привлечение к уголовной ответственности за совершение мошенничества при получении выплат с использованием своего служебного положения. Исходя из материалов уголовного дела № 1-1/2018, исполняя свои должностные обязанности, гражданка М. злоупотребила доверием главы администрации, а также осуществила изготовление фиктивных справок, тем самым внесла ложные сведения о своих доходах. Указанная информация в справках, давала возможность на получение бесплатного питания в школе для дочери гражданки М. Суд, принимая решение, руководствовался не только обозначенным материальным ущербом, но и тем, что гражданка М. сознательно и скрытно реализовывала противоправное действие [8].

Аналогичного материального ущерба было совершено преступление гражданкой А., в отношении которой суд вынес решение о привлечении к уголовной ответственности, согласно ч. 3 ст. 160 УК. В соответствии с содержанием приговора, гражданка А. с целью уплаты возложенного на нее административного штрафа, воспользовалась денежными средствами из муниципального бюджета, а значит, осуществила растрату вверенного ей имущества и причинила администрации ущерб на сумму 6 000 рублей [9, с. 43].

Более масштабный материальный ущерб (39 218 048 рублей) государственному бюджету был нанесен в результате реализации инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию Республики Южная Осетия [10, с. 22], которая заключалась в:

1) поставке товаров;

2) выполнении работ;

3) оказании услуг [19, с. 32].

Однако, в ходе выполнения условий договора выяснилось о предоставлении недостоверных данных, объеме и виде фактических выполненных работ, стоимость которых была существенно завышена. Вторым кассационным судом общей юрисдикции было вынесено определение от 4.06.2020 о привлечении к уголовной ответственности – ч. 4 чт. 159 УК РФ [11, с. 45].

Важно обозначить, что хищение, к примеру, в сфере обороны или промышленности затрагивают не только материальную сторону, но и создают предпосылки для возникновения угроз для военной безопасности страны [12, с. 45]. В соответствии с вышеуказанными статистическими данными, суд квалифицирует преступления в исследуемой сфере в согласно г. 21 УК РФ, преимущественно, по ч.ч. 2-4 ст. 159 УК (958 преступлений за 2020 г.), по ч.ч. 2-4 ст. 159.2 УК (78 преступлений за 2020 г.), ч.ч. 2-4 ст. 160 УК (113 в 2020 г.) [13. с. 59].

Таким образом, большинстве случаев, исходя из практических примеров, местом преступления является служебный кабинет должностного лица, представителя организации. Однако, не следует забывать о специфике, данной категории преступлений, а также о развитости современных технологий и возможностях использования дистанционных средств. В связи с чем, уполномоченные лица, расследующие преступления, сталкиваются с проблемой выявления пространственных условий подписания и составления недостоверных контрактов и договоров.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение ВС РФ № 309-ЭС16-7870 от 22 июля 2016 года // «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Алексанова, К. С. Особенности предмета и пределов доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Ростовский научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 65-71.
9. Дело № 10-2119/2020. Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Ч. 1 / А. Р. Белкин. – М.: Юрайт, 2017.
11. Брянская, Е. В. Предмет доказывания в квалификации преступного деяния / Е. В. Брянская // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. С. 95–100.

12. Буторина, А. В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве / А. В. Буторина // Novaum.ru. 2020. № 25. С. 169–173.

13. Кассационное определение № 77-753/2020 от 04.06.2020 г. Второго кассационного суда общей юрисдикции. // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Мутасова, М. А., Осокин, Р. Б. Реализация принципа справедливости с учетом нормы об обратной силе уголовного закона // Юридический мир. – 2020. – № 1. – С. 46-49.

15. Осокин, Р. Б., Денисенко М. В. Генезис института наказания в отечественном уголовном праве // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 4 (22). – С. 50-54.

16. Суденко, В. Е. Доминирующее значение субъективной стороны в преступлении / В. Е. Суденко // Военное право. – 2018. – № 4 (50). – С. 224-231.

17. Суденко, В. Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия / В. Е. Суденко // Мир транспорта. – 2017. – Т. 15. – № 1 (68). – С. 210-222.

18. Осокин, Р. Б., Дикажев, М. М. Электронный документооборот в правоохранительных органах: состояние и проблемы правовой регламентации // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 188-196.

19. Нурмухаметов, Р. Н. К вопросу о предмете и пределах доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам / Р. Н. Нурмухаметов // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5. С. 90–92.

20. Цыбанева, Е. Л. Предмет и пределы доказывания: понятие, содержание и значение для разрешения уголовных дел / Е. Л. Цыбанева // Студенческий форум. 2020. № 4. С. 76–79.

УДК 343.34

Земцов Илья Геннадьевич,
магистрант,
(Санкт-Петербургская
юридическая академия)
E-mail: 113355z77@gmail.com

Zemtsov Ilya Gennadievich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: 113355z77@gmail.com

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

ANTI-TERRORIST ACTIVITIES OF SECURITY AGENCIES IN THE SOVIET PERIOD

В статье проводится анализ исторических аспектов становления и развития органов обеспечения безопасности в советский период. Рассматриваются некоторые моменты истории, в которых органы безопасности

СССР обеспечивали антитеррористическую безопасность советского общества и руководителей страны.

Ключевые слова: общественная безопасность, государственная безопасность, преступления в сфере государственной безопасности, международное право, террористическая угроза.

The article analyzes the historical aspects of the formation and development of security agencies in the Soviet period. Some moments of history in which the security agencies of the USSR ensured the anti-terrorist security of Soviet society and the country's leaders are considered.

Keywords: public security, state security, crimes in the field of state security, international law, terrorist threat.

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков, утверждал, что террор, терроризм растет параллельно с развитием мировой цивилизации, если даже не опережает его [1].

Наибольшего распространения террористическое движение получило с середины XIX века. Причем это явление не обошло и Россию, где приверженность "террористической борьбе" пустила немалые корни [2].

Новая вспышка политически мотивированного насилия, терроризма произошла в России после Октябрьской революции 1917 г., а затем в 30-е годы [3].

На борьбу с террористическими проявлениями были направлены советские органы государственной безопасности.

После Великой Отечественной войны для борьбы с терроризмом в структуре нового министерства государственной безопасности (МГБ) в 1946 г. был образован специальный отдел для борьбы с терроризмом – «Т».

Все подразделения МГБ, получившие соответствующую информацию, должны были передавать ее в этот отдел, который определял дальнейший ход расследования – принимался за него самостоятельно, или давал по нему указания подразделению, первым получившим исходные данные.

Немалое количество дел и сигналов, а также террористических акций в конце 1940-х–начале 1950-х годов приходилось на западные районы Украины и Белоруссии, а также республики Прибалтики, где сохранились и продолжали действовать националистические подполья и связанные с ним повстанческие группы сопротивления – "лесные братья". Нередко экстремистские акции групп сопротивления принимали характер вооруженных столкновений, в ходе которых гибли мирные жители, включая детей, женщин и стариков. Поскольку некоторые из повстанческих групп имели связи со спецслужбами иностранных государств – в первую очередь, Великобритании, работа на этом направлении контрразведывательной деятельности направлялась отделом 2-Н Второго главного управления МГБ СССР.

После образования в марте 1954 г. Комитета государственной безопасности СССР этот отдел стал 2-м отделом 4 управления.

Позже, при реорганизации структуры КГБ в феврале 1960 г. штат и функции этого отдела, как и иных подразделений управления, были перешли во 2 Главное управление. Задача борьбы с возможными террористическими проявлениями была поставлена перед всеми подразделениями органов КГБ, но единого учетно-координационного органа по организации противодействия терроризму в центральном аппарате Комитета не стало.

Эти реорганизации свидетельствуют о том, что количество и масштаб проявлений был незначителен (бывали правда, отдельные факты попыток покушений на выборных партийных работников, председателей колхозов и сельсоветов, других местных номенклатурных «государственных или общественных деятелей, представителей власти», что первоначально могло квалифицироваться как «террористический акт», однако впоследствии при исследовании субъективной стороны этих деяний они, как правило, получали иную уголовно-правовую квалификацию), и что это направление оперативной работы органов КГБ отходило на задний план.

Общей установкой в плане противодействия террористическим проявлениям являлась организация работы по недопущению хищения и розыск похищенного оружия и боеприпасов, их незаконного оборота на территории СССР, которая ставилась перед всеми подразделениями органов КГБ.

Одной из первых акций террора после создания КГБ стал расстрел присутствовавших на трибуне на демонстрации в Архангельске 1 мая 1955 г.

Следующей стал обстрел В. Ильиным кортежа автомашин с космонавтами в декабре 1968 г. у Боровицких ворот Кремля [4].

Однако еще до этого трагического происшествия, в результате которого погиб водитель автомашины, в системе КГБ в его 5-м управлении - управлении "политической контрразведки", в июле 1967 г. был создан пятый отдел, на который была возложена функция обеспечения предупреждения террористических акций.

При этом руководство КГБ исходило из того, что подобные жестокие бездумные акции могут являться следствие иностранного идеологического воздействия на социальные группы и отдельных граждан, вовлеченных в разного рода негативные социальные процессы.

Следует отметить, что именно на этот период времени приходится появление и активизация террористической деятельности за рубежом различных террористических организаций (ЭТА в Испании, «Красных бригад» в Италии, «Фракции Красной армии» в ФРГ, КАЯ в Японии, «Аксьон директ» во Франции, ИРА в Великобритании и тому подобных), пример и демагогические призывы и воззвания которых, по оценкам чекистов, могли вызвать «подражательность» и в нашей стране. Что свидетельствовало как о значительной интернационализации всех социально-политических процессов в мире, так и о необходимости их учета в интересах обеспечения национальной и государственной безопасности страны. Лишь через тридцать лет – это объективно существующее явление получило название «процесса глобализации», и доныне вызывающего немало тревог, волнений и споров.

Однако уже тогда Ю. В. Андроповым была осознана взаимосвязь Советского Союза со всем миром.

В качестве примеров приводятся следующие факты.

3 июня 1969 г. вооруженной группой из трех антисоветски-настроенных жителей Ленинграда был захвачен самолет «Ил-14», совершавший внутренний рейс по маршруту Ленинград – Таллин (о данном факте в советской печати не сообщалось, поскольку теракт был быстро пресечен силами самого экипажа самолета. Все четыре члена экипажа были награждены орденами Красного Знамени и Красной Звезды).

15 июня 1970 органами КГБ в ленинградском аэропорту «Пулково» была пресечена подготовленная при участии израильских спецслужб акция по вооруженному захвату и угону за границу пассажирского самолета [5].

Стоит обратить внимание также на следующие обстоятельства, характеризующее проблему противодействия политическому терроризму.

Следует подчеркнуть, что появление политического терроризма в России не было чем-то уникальным в условиях приводимого временного этапа в Европе; террористические идеи развивались в работах германских, итальянских, французских и других европейских радикалов, и оказывали заметное влияние на умы и настроения наших соотечественников [7].

Влияние радикальных идей из-за рубежа было установлено следствием и по делу Д. В. Каракозова, совершившего первое покушение на Александра II, и его московских единомышленников – «ишутинцев», и на сподвижников С. Г. Нечаева.

Другое дело, что рожденные в то время в нашей стране идеи С. Г. Нечаева, Н. Н. Морозова и других народовольцев, а затем и политическая практика «Боевой организации» партии социалистов-революционеров в 1902-1907 годы стали исходной идеологической основой «левого», точнее – «левацкого», терроризма, получившего наиболее широкое распространение в середине прошлого века. Следует также отметить, что феномен политического терроризма привлек внимание отечественных правоохранительных органов еще во время своего зарождения. И если первым российским криминологическим исследованием феномена политического терроризма можно считать работу Н. Н. Голицына Хроника социалистического движения в России. 1878-1887. Официальный отчет, подготовленную в 1888 г., то следующим явилась книга генерала Отдельного корпуса жандармов А. И. Спиридовича Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, выдержавшая два издания в 1916 и 1918 гг.

Следует также подчеркнуть, что для названных и других первых отечественных исследований феномена терроризма было характерно понимание его социальной обусловленности, в связи с чем методы регулирования данного явления отнюдь не ограничивались лишь только репрессивными мерами.

Стоит подчеркнуть, что деструктивно-разрушительный, социально-криминальный феномен «левого» терроризма отнюдь еще не стал достоянием прошлого и не исчерпал своего разрушительного потенциала.

Не следует только ошибочно олицетворять российских социал-демократов (большевиков) с адептами и апологетами «революционного терроризма» [8]. Поскольку нередко и сегодня доводится слышать о том, что, якобы, большевики и коммунисты в последующие годы «героизировали»

террористов, для опровержения подобных утверждений необходимо обратиться к главному историко-идеологическому документу 30-х – 50-х годов прошлого века – так называемому «Краткому курсу истории ВКП(б)».

В нем подчеркивалась ошибочность политического терроризма исторических предшественников социал-демократов, его бесполезность: «Убийством отдельных лиц нельзя было свергнуть царское самодержавие, нельзя было уничтожить класс помещиков. На месте убитого царя появился другой – Александр III, при котором рабочим и крестьянам стало жить еще хуже.

Избранный народниками путь борьбы с царизмом посредством отдельных политических убийств... был ошибочным и вредным для революции» [9].

Важно также подчеркнуть, что, обращению к террористической деятельности во всем многообразии ее деятельностно-криминальных проявлений, предшествуют глубокие духовно-нравственные и психологические трансформации личности, что необходимо учитывать для организации эффективной системы противодействия и криминологической профилактики терроризма.

При образовании 5 управления согласно приказу председателя КГБ от 25.07.1967 № 0096 на его 5 отдел были возложены задачи:

оказания практической помощи местным органам КГБ по предотвращению массовых антиобщественных проявлений;

розыск авторов анонимных антисоветских документов – листовок, «воззваний», «обращений», инструкций и т. п., – содержащих угрозы или призывы к совершению государственных преступлений, насильственных противоправных действий;

проверка и организация работы по сигналам о вынашивании террористических намерений.

По поводу розыска авторов анонимных документов, содержавших угрозы осуществления терактов, Ф. Д. Бобков отмечал, что, как показывал опыт, к ним следовало относиться серьезно, поскольку нередко их исполнители извещали о своих намерениях рассылкой анонимных требований или ультиматумов. С рассылки анонимных угроз начал В. Ильин, в декабре 1969 г. осуществивший покушение на кортеж Л. И. Брежнева. С этого же начал и А. Шмонов, стрелявший в М. С. Горбачева на Красной площади 07.11.1990 [10].

Организация работы по сигналам о возможных террористических действиях со стороны иностранных граждан по-прежнему оставалась за ВГУ КГБ (в конце 89-х годов она была возложена на 11 отдел, который нередко осуществлял мероприятия совместно с 7 отделом 5 управления).

Позднее, в августе 1969 г. на базе «антитеррористического» отделения 5 отдела был образован самостоятельный 7 отдел, функции которого были определены как «выявление и проверка лиц, вынашивающих намерение применить взрывчатые вещества и взрывные устройства в антисоветских целях» [11].

В его составе имелось отделение по розыску авторов анонимных документов, содержавших угрозы осуществления террористических акций,

отделение проведения непосредственного противодействия реализации преступных замыслов, а также контроля за организацией этой работы в территориальных управлениях и отделах органов КГБ.

В 7 отделе сосредотачивалась вся база данных, поступавших в КГБ по различным каналам, касавшихся террористических настроений, намерений и действий. Хотя, справедливости ради следует сказать, что объем его работы не идет ни в какое сравнение с тем валом террористической угрозы, который пришелся на Россию с 1992 г.

В 70-е годы, по-видимому, не без влияния сообщений отечественных и зарубежных СМИ стал меняться характер террористических покушений: участились попытки вооруженных захватов и угона за рубеж самолетов, вместо огнестрельного оружия все чаще стали появляться взрывные устройства.

Переходя к тактике применения «слепого», то есть деперсонифицированного, «безадресного» терроризма, его организаторы и исполнители рассчитывали вызвать панику, страх среди населения, недовольство политикой и действиями органов власти.

Так, в 1972 г. три взрыва были организованы в городах Грузии – Сухуми, Тбилиси и Кутаиси, - их организатор, некто Жвания впоследствии был разыскан и привлечен к ответственности. В том же году взрыв также был организован в Баку (Азербайджанская СССР).

Органами КГБ проверялись также версии возможной причастности зарубежных спецслужб и антисоветских организаций, в том числе связанных с разведками эмигрантских организаций, - косвенная связь с одной из них группы некоего Затикяна впоследствии была установлена следствием. Также со спецслужбами была установлена связь преступной группы, готовившей в марте 1970 г. захват пассажирского самолета в аэропорту Пулково в Ленинграде (группа Э. Кузнецова и Э. Дымшица).

И для подобных подозрений имелись необходимые оперативные данные.

Это в данный момент времени многочисленные факты причастности ЦРУ и разведывательных служб других государств к международному терроризму становятся все более доступны общественному мнению. Тогда же об этом «свободная» зарубежная пресса предпочитала не распространяться.

«Террористические операции для воздействия на общественное мнение являются для ЦРУ обычным делом», писал уже в 2003 г. бывший министр ФРГ А. фон Бюлов, курировавший в Бундестаге (парламенте) деятельность западногерманской разведки, и. соответственно, хорошо осведомленный в этих вопросах в книге «ЦРУ и 11 сентября. Международный терроризм и роль секретных служб» [12].

Позднее, западной общественности стали известны факты и участия сотрудников ЦРУ не только в сокрытии информации о подготовке покушения, но и в убийстве премьер-министра Испании Карлоса Бланко в марте 1975 г. в Мадриде, и о нахождении агента ЦРУ в «Красных бригадах» в Италии, осуществивших похищение и убийство премьер-министра А. Моро в 1975 г. Имелись и другие многочисленные факты и свидетельства участия западных спецслужб, в том числе Израиля, в осуществлении террористической деятельности [13].

Не говоря уже об участии сотрудников ЦРУ США и СИС Великобритании, спецслужб других государств в подготовке и обучении афганских «Муджахетдинов», в организации и планировании совершения ими диверсионно-террористических акций против контингента советских войск в Демократической республике Афганистан [14].

Как впоследствии признавался один из новоприбывших американских экспертов в области контртеррористической борьбы Марк Сейджмен, в 1987-1989 годах в Исламабаде (Пакистан), он непосредственно занимался подготовкой, обучением и обеспечением деятельности исламистских боевиков, и по его словам «на протяжении этого времени под моим крылом были многие командиры моджахедов» [15].

К внешним источникам террористической угрозы мы еще вернемся, теперь же отметим, что наибольшую известность в то время в СССР, помимо случаев захвата самолетов в 1970 г. в Батуми [16] и в 1983 г. в г. Тбилиси, приобрела серия взрывов, осуществленная на улицах и в метро Москвы группой Затикяна в субботу 7 января 1977 года [17].

Хотя имели место случаи взрывов и в других городах – Свердловске, Москве, – в результате которых даже имелись человеческие жертвы, хотя, как оказалось в результате расследований, они и не имели характера терроризма.

Так, 8 августа 1980 г. в поселке Чолпон-Ата невдалеке от города Фрунзе (ныне г. Бишкек), был убит председатель Совета министров Киргизии С. Ш. Ибраимов, что первоначально также было квалифицировано как «террористический акт» (в действительности же он стал жертвой психически больного человека).

11 сентября 1973 г. террорист-смертник осуществил подрыв взрывного устройства у мавзолея В.И. Ленина на Красной площади.

Наибольшее количество сигналов о террористических намерениях появилось в преддверии проведения летом 1980 г. в Москве XXII летних олимпийских игр.

Например, накануне Олимпиады УКГБ по г. Москве и Московской области в Подмосковье усилено велся розыск "взрывника", подбрасывавшего взрывные устройства в Клину, Химках и других районах области.

Жертвой этого террориста, более полугода терроризировавшего Подмосковье в канун предстоящей Олимпиады, стал один человек, а еще несколько были ранены.

Злоумышленника усиленно искали около года. А уходя в отпуск, начальник УКГБ по г. Москве и Московской области В.И. Алидин пожелал себе, чтобы, по его возвращению, ему доложили об аресте этого неуловимого террориста.

И в первый же рабочий день 6 октября 1979 г. остававшийся «на хозяйстве» его заместитель Юрий Михайлович Денисов радостно доложил:

- Товарищ генерал! Ваше указание выполнено! Террорист разыскан! Арестован, изобличен полученными при обысках доказательствами, дает показания!...

Как подчеркивал Ф. Д. Бобков, почти одновременно в Англии и США еще задолго до июля 1980 г. вышли книги Р. Вача и Дж. Паттерсона, в которых описывались подготовка и проведение террористических акций в Москве якобы во время проведения Олимпиады, которые были расценены как своеобразные «беллетристические» инструкции для возможных психически неуравновешенных личностей, непосредственно напрямую никак не связанных с зарубежными спецслужбами.

В августе 1985 г. к осуществлению террористических действий во время проведения в Москве международного фестиваля молодежи и студентов готовились афганские моджахеды, за год до его открытия заброшенные и легализовавшиеся в СССР.

В 80-е годы, в связи с изменением социально-политической и оперативной обстановки в стране и мире количество сигналов и дел с террористической окраской стало возрастать.

Необходимо отметить, что как впервые признал в интервью, опубликованном 26 октября 1989 г. газетой «Известия», занимавший в тот момент времени должность председателя КГБ СССР В. А. Крючков, в 70-е–80ее годы органами госбезопасности были выявлены и профилактированы свыше 1500 человек, вынашивавших террористические намерения.

Занимались также органы КГБ розыском и выдворением с территории СССР иностранцев, подозревавшихся в причастности к террористической деятельности.

В отчете КГБ об итогах оперативно-служебной деятельности за 1989 г. сообщалось, что в течение года взяты под контроль в связи с высказыванием террористических намерений 130 граждан СССР, пресечены три попытки захвата пассажирских самолетов, контролировалось поведение 140 граждан, высказывавших намерения по захвату самолетов.

Не был допущен въезд в СССР 384 иностранцев, являвшихся членами международных террористических организаций. На основе полученной информации были поставлены на контроль по въезду еще 899 иностранных граждан [18].

Список литературы

1. Бобков, Ф. Д. Как боролся с террором КГБ СССР // Российский кто есть кто. М., 2005, № 1, сс. 77-80.

2. Хлобустов, О. М. Терроризм в России и большевики // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000, сс. 28-35.

3. Мозохин, О. Б. ВЧК – ОГПУ: Карающий меч диктатуры пролетариата. На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. Москва, 2004, сс. 331 - 361.

4. Новостной портал в сети «Интернет» // https://www.vesti.ru/.

5. Белая книга: Шпионаж и диверсии под лозунгом «защиты прав человека». Свидетельства, факты, документы. М., 1979, сс. 241-251.

6. Хлобустов, О. М. Госбезопасность от Александра I до Путина: 200 лет тайной войны. Москва, 2005, сс. 95-129, 440-451.

7. Будницкий, О. В. Терроризм в российском освободительном движении – Москва. – 2000 - с. 14.

8. Хлобустов, О. М. Госбезопасность от Александра I до Путина.... М., 2005, сс. 114-129.

9. Истории ВКП(б). Краткий курс – Москва. – 1938 - С. 12.

10. Почему я стрелял в Горбачева. СПб., 2003.

11. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. Документы. Составители А.И.Кокурин, Н.В.Петров. М., 2003, с. 167.

12. Бобков, Ф. Д. КГБ Союза СССР в борьбе с террором // Новости разведки и контрразведки. М., 2005, N 7-8(202), с. 5.

13. Мата, Л. Г. Невидимые властители. Записки агента. М., 1984; Хлобустов О. М., Федоров С. Г. Терроризм: реальность сегодняшнего состояния // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000, сс. 72-73.

14. Хлобустов, О. М. Госбезопасность от Александра I до Путина: 200 лет тайной войны. М., 2005, сс. 297 - 299.

15. Московский комсомолец, 7 февраля 2005 г.

16. Информационный портал в сети «Интернет» // https://rimmir.livejournal.com/1192999.html.

17. Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999, С. 303-306.

18. Хлобустов, О. М. Госбезопасность от Александра I до Путина.... М., 2005, с. 345.

УДК 343.24

Зимницкий Даниил Александрович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: danya.galanov@gmail.com

Zimnitskii Daniil Aleksandrovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: danya.galanov@gmail.com

ОТЛИЧИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

THE DIFFERENCE BETWEEN CRIMINAL LIABILITY AND CRIMINAL PUNISHMENT

В статье ставится вопрос по поводу различия, казалось бы, сходных понятий в отечественной уголовной парадигме. В то время как уголовная ответственность относится к юридической ответственности, которую несет лицо за совершение преступления, уголовное наказание представляет собой наложение штрафа или санкции как следствие этой уголовной ответственности. В российской правовой системе понятия уголовной ответственности и уголовного наказания также являются ключевыми компонентами системы уголовного судопроизводства. Тем не менее, в российской правовой док-

трине продолжаются споры о соотношении этих двух понятий, при этом некоторые ученые-правоведы выступают за единый подход, который рассматривает их как тесно взаимосвязанные, в то время как другие выступают за более четкий и отдельный подход.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, санкция, уголовное правосудие, принципы уголовной ответственности, наказание, разграничение концепций.

The article raises a question about the difference between seemingly similar concepts in the domestic criminal paradigm. While criminal liability refers to the legal responsibility an individual bears for committing a crime, criminal punishment is the imposition of a penalty or sanction because of that criminal liability. In the Russian legal system, the concepts of criminal liability and criminal punishment are also key components of the criminal justice system. However, there is ongoing debate within Russian legal doctrine about the relationship between these two concepts, with some legal scholars arguing for a unified approach that treats them as closely intertwined, while others advocate for a more distinct and separate approach.

Keywords: criminal liability, criminal punishment, sanction, criminal justice, principles of criminal liability, punishment, differentiation of concepts.

Для начала следует определиться с основной терминологией, используемой в научной статье. Уголовная ответственность относится к юридической ответственности, с которой может столкнуться физическое или юридическое лицо за совершение уголовного преступления. Это означает, что они могут быть привлечены к ответственности и наказаны по закону за свои действия, которые считаются преступными. Уголовная ответственность может включать различные этапы, такие как расследование, судебное преследование и осуждение, и может повлечь за собой различные виды уголовного наказания. Вместе с тем, по нашему мнению, лучше всего характеризует уголовную ответственность Павлов В. Г., в виде следующего определения: «уголовная ответственность как правовое последствие — это результат применения уголовного закона со стороны государства в отношении вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние при доказанности вины субъекта преступления. Сама способность человека понимать совершаемые им действия и осознанно руководить своими поступками отличает вменяемого от невменяемого лица, невменяемый не может нести уголовную ответственность за свои противозаконные (преступные) действия при их совершении» [1, с. 18].

Уголовное наказание, с другой стороны, относится к наказаниям или санкциям, которые налагаются на физическое или юридическое лицо, признанное виновным в совершении уголовного преступления. Эти наказания могут варьироваться от штрафов и общественных работ до тюремного заключения, в зависимости от тяжести совершенного преступления и законов юрисдикции. Целью уголовного наказания обычно является сдерживание

преступного поведения в будущем, обеспечение возмездия или справедливости для жертв и общества и, по возможности, реабилитация преступника. Конкретные виды и суровость уголовных наказаний могут сильно отличаться друг от друга.

В России уголовная ответственность регулируется Уголовным кодексом Российской Федерации. Уголовный кодекс устанавливает правовые основы уголовных преступлений, уголовной ответственности и наказания в России. По российскому законодательству лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, если оно совершило преступление, предусмотренное Уголовным кодексом. К уголовной ответственности могут быть привлечены лица, достигшие возраста уголовной ответственности, который в России составляет 16 лет. Общая уголовная ответственность по действующему законодательству в полном объеме наступает с 16-летнего возраста, т. е. законодатель установил безапелляционно данные границы, хотя и на практике, и в теории уголовного права этот вопрос решается не однозначно. Дело в том, что за некоторые преступления, не оговоренные в законе, уголовная ответственность может иметь место с 18 лет. Данное положение реализуется, когда речь идет о специальном субъекте преступления [2, с. 21]. В соответствии с российским законодательством существуют различные виды уголовных преступлений, в том числе преступления против личности, собственности, государства, общественного порядка и общественной безопасности. Наказания за уголовные преступления могут включать штрафы, тюремное заключение и другие ограничения личных свобод.

Помимо уголовной ответственности за отдельные правонарушения, существуют также положения об уголовной ответственности юридических лиц. Это означает, что компании могут быть привлечены к уголовной ответственности за действия своих сотрудников, если эти действия признаются преступными по российскому законодательству.

Система уголовного правосудия в России включает в себя правоохранительные органы, такие как полиция и Следственный комитет, а также суды и прокуратуру. Система уголовного правосудия подвергалась критике за подверженность политическому влиянию и отсутствие процессуальных гарантий. Однако в последние годы были предприняты усилия по реформированию системы и улучшению защиты прав ответчиков.

По российскому законодательству уголовное наказание назначается лицам, признанным виновными в совершении преступления. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает различные виды уголовных наказаний, в том числе штрафы, лишение свободы и другие ограничения личных свобод. Одной из наиболее распространенных форм уголовного наказания в России является лишение свободы. Срок лишения свободы может варьироваться от нескольких месяцев до пожизненного заключения в зависимости от тяжести совершенного преступления. В некоторых случаях суд может также наложить дополнительные наказания, такие как штрафы, испытательный срок или общественные работы. Помимо лишения свободы, российское законодательство предусматривает и другие виды уголовного наказания, такие как штраф и конфискация имущества. Штрафы могут нала-

гаться как самостоятельное наказание или в сочетании с другими видами наказания. Конфискация имущества может быть назначена в случаях, когда имущество было получено преступным путем или было использовано для совершения преступления.

В некоторых случаях уголовное наказание может быть сокращено или смягчено, если подсудимый сотрудничает с властями или проявляет раскаяние в своих действиях. Кроме того, при определении соответствующего наказания могут учитываться определенные обстоятельства, такие как психическое заболевание или принуждение. Теперь следует непосредственно перейти к вопросу разграничения исследуемых понятий.

Уголовная ответственность и уголовное наказание – это два взаимосвязанных, но разных правовых понятия. Уголовная ответственность означает юридическую ответственность, с которой физическое или юридическое лицо может столкнуться за совершение уголовного преступления, а уголовное наказание относится к санкциям или наказаниям, которые налагаются после осуждения за такое преступление. Иными словами, уголовная ответственность является предпосылкой уголовного наказания. Лицо может быть наказано за уголовное преступление только в том случае, если оно признано виновным в совершении этого преступления. Уголовная ответственность обычно включает различные этапы процесса уголовного правосудия, включая расследование, судебное преследование и осуждение.

Если лицо признано виновным в совершении преступления, оно может быть привлечено к уголовной ответственности. Целью уголовного наказания является наложение штрафа или санкции, соразмерных тяжести совершенного преступления. Конкретный вид и суровость уголовного наказания могут широко варьироваться в зависимости от характера правонарушения и законов юрисдикции. Хотя уголовная ответственность и уголовное наказание являются разными понятиями, они тесно связаны и часто используются взаимозаменяемо в юридических дискуссиях. Наложение уголовного наказания, как правило, основывается на установлении уголовной ответственности, которая устанавливается в процессе расследования, судебного преследования и судебного разбирательства.

Принципы уголовной ответственности и наказания призваны служить различным целям, включая сдерживание, реабилитацию, возмездие и восстановление. Например, наказание может быть назначено для сдерживания других от совершения подобных преступлений, для реабилитации правонарушителя, с тем чтобы он мог стать продуктивным членом общества, для возмездия или справедливости для жертвы и общества или для возмещения вреда, причиненного преступлением.

Конкретные виды уголовного наказания могут широко варьироваться в зависимости от юрисдикции и характера правонарушения. В некоторых правовых системах уголовное наказание может включать штрафы, общественные работы, испытательный срок или реституцию, тогда как в других оно может включать тюремное заключение или смертную казнь. Тяжесть наказания может также зависеть от таких факторов, как судимость правона-

рушителя, степень вреда, причиненного преступлением, наличие отягчающих или смягчающих обстоятельств.

Таким образом, уголовная ответственность и уголовное наказание являются двумя ключевыми понятиями в системе уголовного правосудия, причем первое относится к юридической ответственности за преступное поведение, а второе относится к санкциям или наказаниям, налагаемым в случае осуждения за такое поведение. Принципы, лежащие в основе уголовной ответственности и наказания, призваны служить различным целям, таким как сдерживание, реабилитация, возмездие и восстановление, а конкретные виды и суровость наказания могут широко варьироваться в зависимости от юрисдикции и характера правонарушения. Для того чтобы определить, какие ограничения прав и свобод человека составляют содержание уголовной ответственности, необходимо учитывать характер воздействия на сознание осужденного.

Уголовная ответственность учитывает особенности личности преступника, и, в частности, определяет справедливое соответствие между преступлением и ограничениями социальных благ. Главное удержание от совершения преступления по-прежнему остается страх перед ответственностью. Уголовная ответственность существенно отличается от других видов ответственности, а именно в вопросах о восстановлении социальной справедливости и степени воздействия на правонарушителя.

Лишение или ограничения социальных благ – это именно те факторы, которые дают характеристику социальной сущности уголовной ответственности. Социальная сущность наряду с социальным содержанием уголовной ответственности формирует ее правовое содержание. Что же раскрывает понятие социальной формы уголовной ответственности? Ответ на этот вопрос «лежит» буквально на поверхности: социальная сущность и социальное содержание. Здесь напрашивается другая проблема: реакция общества на воздействие государства на правонарушителя, путем применения к последнему мер государственного воздействия. Уголовно-правовое отношение, как юридическая форма, выражается в непосредственном правомерном воздействии государства на лицо, совершившее неправомерный деяние [3, с. 347].

По своей правовой форме уголовное наказание и ответственность, соответственно, выражаются в лишении правонарушителя социальных потребностей. Что обуславливается наличием данных мер в структуре правовых ограничений, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации за те деяния, которые были совершены определенным лицом. Уголовная ответственность и уголовное наказание являются двумя взаимосвязанными понятиями, лежащими в основе системы уголовного правосудия. Уголовная ответственность устанавливает юридическую ответственность за преступное поведение, а уголовное наказание налагает санкции или наказания за такое поведение.

Различие между уголовной ответственностью и уголовным наказанием важно в российской правовой системе, как и в любой другой правовой системе. Однако применение этих концепций на практике было предметом споров и критики. Одним из основных недостатков российской правовой

системы является то, что она чрезмерно карательная и ориентирована на наказание, а не на реабилитацию. Критики утверждают, что система уделяет слишком много внимания наказанию правонарушителей, часто посредством длительных тюремных сроков, и недостаточно уделяет внимание устранению основных причин преступного поведения и реабилитации правонарушителей. Это привело к переполненности тюрем, тяжелым условиям и высокому уровню рецидивизма.

Еще одним противоречием, связанным с уголовной ответственностью и наказанием в России, является вопрос о надлежащей правовой процедуре и справедливом судебном разбирательстве. Критики утверждают, что российская правовая система страдает от коррупции, политического вмешательства и отсутствия прозрачности и подотчетности, особенно в делах, касающихся политических инакомыслящих или оппозиционеров. Это вызвало обеспокоенность по поводу беспристрастности судебной системы и справедливости судебных процессов.

В российской правовой доктрине ведутся споры о разграничении уголовного наказания и уголовной ответственности. Некоторые ученые-правоведы утверждают, что эти две концепции тесно переплетены и должны рассматриваться как части единой системы уголовного правосудия. Другие утверждают, что это разные и отдельные концепции, которые следует анализировать и понимать отдельно.

Одним из конкретных примеров этой дискуссии является вопрос о том, как определить и применять понятие «уголовная ответственность» в российском праве. Некоторые правоведы утверждают, что уголовная ответственность относится именно к наложению уголовного наказания на правонарушителя, признанного виновным в совершении преступления. Другие утверждают, что уголовная ответственность охватывает более широкий спектр правовых последствий, включая наложение штрафов, ограничение определенных видов деятельности и другие формы наказания, не связанные с лишением свободы.

Еще одним спорным вопросом является вопрос о том, как сбалансировать цели наказания и реабилитации в российской уголовно-правовой системе. Некоторые ученые-правоведы утверждают, что система должна быть сосредоточена в первую очередь на наказании правонарушителей, в то время как другие утверждают, что следует уделять больше внимания реабилитации и реинтеграции в общество. В рамках российской правовой доктрины ведутся споры о различии между уголовным наказанием и уголовной ответственностью, и эти дебаты, как правило, больше сосредоточены на теоретических и концептуальных вопросах, чем на практических проблемах или противоречиях [4, с. 27]. В целом несмотря на то, что понятия уголовной ответственности и наказания являются основополагающими для российской правовой системы, их применение на практике вызывает споры и подвергается критике. Вопросы наказания и реабилитации, надлежащей правовой процедуры и политического вмешательства — все это способствовало возникновению опасений по поводу справедливости и беспристрастности

системы. Теперь к конкретным примерам, для более четкого и структурированного понимания различий этих двух понятий.

Уголовная ответственность**.** Пример 1: Человек совершает кражу, украв кошелек у кого-то на улице. Полиция поймала мужчину и предъявила ему обвинение в краже. Лицо подлежит уголовной ответственности за совершение кражи, за которое предусмотрено наказание до шести лет лишения свободы.

Пример 2: Водитель попал в автомобильную аварию, в результате которой погиб пешеход. Установлено, что в момент аварии водитель находился за рулем в состоянии алкогольного опьянения. Водителю предъявлено обвинение в причинении смерти по неосторожности. Водитель несет уголовную ответственность за правонарушение и может быть приговорен к пяти годам лишения свободы.

Уголовное наказание. Пример 1: В первом приведенном выше примере, если лицо, обвиняемое в краже, признано виновным, суд может назначить уголовное наказание, такое как тюремное заключение, испытательный срок или штраф, в зависимости от тяжести правонарушения и криминального прошлого ответчика.

Пример 2: Во втором приведенном выше примере, если водитель, обвиняемый в причинении смерти по неосторожности, признан виновным, суд может назначить уголовное наказание, такое как тюремное заключение, штраф или запрет на вождение, в зависимости от тяжести правонарушения и криминальное прошлое подсудимого.

Плавно переходя к выводам, следует сказать следующее. Уголовная ответственность и наказание являются двумя тесно связанными понятиями в системе уголовного правосудия. В то время как уголовная ответственность относится к юридической ответственности, которую несет лицо за совершение преступления, уголовное наказание представляет собой наложение штрафа или санкции как следствие этой уголовной ответственности. Как в российской, так и в международной правовой системе уголовная ответственность и наказание служат поддержанию законности, поддержанию общественного порядка и безопасности, а также привлечению к ответственности лиц за свои действия. Однако между этими концепциями есть некоторые ключевые различия, а также противоречия и споры, связанные с их реализацией и интерпретацией. Одно из основных различий между уголовной ответственностью и наказанием заключается в том, что уголовная ответственность сосредоточена на действиях человека, а наказание – на последствиях этих действий. Уголовная ответственность определяется путем изучения намерений, знаний и действий человека, а наказание определяется с учетом тяжести преступления, криминального прошлого человека и других факторов.

Кроме того, хотя уголовная ответственность обычно рассматривается как необходимый компонент системы уголовного правосудия, продолжаются споры о надлежащем применении и строгости уголовного наказания. Критики утверждают, что наказания могут быть несоразмерными проступку, чрезмерно суровыми и бесчеловечными. В результате все большее внимание уделяется альтернативам традиционным формам наказания, таким как вос-

становительное правосудие, реабилитация и общественные работы [5, с. 67]. Кроме того, уголовная ответственность и наказание имеют разные правовые и процессуальные требования. Уголовная ответственность требует, чтобы обвинение доказало вне разумных сомнений, что подсудимый совершил преступление, в то время как наказание требует, чтобы суд назначил наказание, соразмерное совершенному преступлению. Кроме того, применение наказания обусловлено юридическими и этическими соображениями, такими как запрет жестоких и необычных наказаний, право на справедливое судебное разбирательство и принцип соразмерности.

Несмотря на эти различия, уголовная ответственность и наказание имеют ряд общих черт. Обе концепции служат для поддержания общественного порядка и сдерживания преступного поведения, и обе подлежат правовым и этическим соображениям, таким как надлежащая правовая процедура и соразмерность. Обе концепции также направлены на обеспечение отправления правосудия и защиту прав всех людей. Еще одно важное сходство между уголовной ответственностью и наказанием заключается в том, что они оба используются для привлечения людей к ответственности за свои действия. Уголовная ответственность устанавливает юридическое обязательство лица за свое преступное поведение, а наказание служит для наказания и наказания за это поведение. Эта подотчетность необходима для поддержания общественного порядка и построения честного и справедливого общества.

В заключение можно сказать, что уголовная ответственность и наказание представляют собой два взаимосвязанных понятия, которые играют решающую роль в системе уголовного правосудия. Хотя существуют различия и разногласия, связанные с их реализацией и толкованием, обе концепции необходимы для поддержания верховенства права, обеспечения общественной безопасности и защиты прав личности. Уравновешивая цели подотчетности и реабилитации, системы уголовного правосудия могут способствовать построению справедливого общества для всех.

Список литературы

1. Павлов, В. Г. Актуальные проблемы уголовного права: учебное пособие / В. Г. Павлов. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юридический центр", 2020. - 159 с.

2. Павлов, В. Г. Субъект преступления. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 318 с.

3. Чернышева, Е. А. Уголовная ответственность: понятие, признаки, основания, момент возникновения, форма реализации / Е. А. Чернышева // Научные известия. – 2022. - № 28. – С. 346-348.

4. Головин, А. А. Ответственность в уголовном праве: понятие и виды / А. А. Головин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 2. – С. 26-34.

5. Коршунов, А. В. Уголовная ответственность в российском праве: к вопросу о ее понимании и основаниях / А. В. Коршунов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2019. – № 1. – С. 67-72.

УДК 343.2/.7

Иванов Александр Юрьевич,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: zzz1974iv@gmail.com

Ivanov Alexander Yurievich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: zzz1974iv@gmail.com

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: ЗАКОН, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

EXTREME NECESSITY: LAW, THEORY, PRACTICE

В данной статье осуществляется попытка анализа крайней необходимости на основании действующего законодательства. Рассмотрена дефиниция крайняя необходимость, а также проведен сравнительный анализ УК РСФСР 1960 г. с УК РФ 1996 г. Несмотря на то, что ряд практических вопросов, возникавших при применении норм законодательства, разрешен в новой редакции УК РФ, многие проблемы не нашли в нем отражения, притом, что в соответствующие статьи был внесен ряд изменений. Определено, что институт крайней необходимости являлся и является по настоящий день пристальным предметом дискуссий и споров в отечественной доктринальной литературе.

Ключевые слова: институт крайней необходимости, уголовное право, преступное деяние, законодатель, необходимая оборона, закон.

In this article, an attempt is made to analyze the extreme necessity on the basis of the current legislation The definition of extreme necessity is considered, and a comparative analysis of the Criminal Code of the RSFSR of 1960 with the Criminal Code of the Russian Federation of 1996 is carried out. Despite the fact that a number of practical issues that arose when applying the norms of legislation were resolved in the new edition of the UK RF, many problems were not reflected in it, despite the fact that a number of changes were made to the relevant articles. It is determined that the institution of extreme necessity has been and is to this day a close subject of discussion and controversy in the Russian doctrinal literature.

Keywords: institute of extreme necessity, criminal law, criminal act, legislator, necessary defense, law.

В Конституции Российской Федерации [1] прямо указывается на обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы ее граждан в связи с провозглашением в Конституции человека и гражданина вместе с их правами и свободами высшей ценностью. Таким образом, логично полагать, что ориентирование внутренней, а также внешней национальной политики государства должно быть в зависимости от концепции первостепенности защиты законных интересов граждан.

Вместе с тем, на наш взгляд, не противоречит общепризнанным демократическим ценностям и природе правового государства базирование национальной политики и, соответственно, всего законодательства на идее обеспечения баланса между интересами личности, общества и государства, по-

скольку общество и государство являются в какой-то степени средой обитания личности. Без необходимой защиты государственных и общественных интересов не представляется возможным обеспечить должную защиту прав и свобод человека и гражданина.

В процессе развития уголовного законодательства развивался и институт крайней необходимости, однако основным обстоятельством, исключающим преступность деяния, до сих пор остается необходимая оборона.

В результате эволюции обычного права появились нормы, которые освобождают лицо за причинение вреда общественным интересам в случае, если этот вред был причинен вынужденно.

В настоящее время действует следующая редакция ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость» [2]:

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

2. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно несоответствующего характеру и степени угрожавшей опасности, и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Далее отметим, что установленная законодателем норма ст. 39 УК РФ, дает вероятность предположить вынужденный характер причиняемого вреда с целью устранения опасности, даже если непосредственного упоминания этого признака в тексте законодателем не дано. Совершенно естественно, что обязательное условие, оправдывающее причинение вреда в силу крайней необходимости, состоит в том, что грозящая опасность не может быть устранена другими средствами, кроме как причинением вреда другим правоохраняемым интересам. Собственно, и название данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, как бы означает отсутствие другого выхода. Таким образом, «вынужденный» признак исходит из логического толкования, причем как самой нормы, так и соответствующих условий правомерности крайней необходимости [3].

Считаем правильным говорить о том, что институт крайней необходимости в уголовном законодательстве является одним из важных обстоятельств, что исключает преступность деяния, для теории и для практики, который также можно признать древнейшим институтом уголовного права. Крайняя необходимость является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния, которое существует с 1649 года [4].

Если сравнить УК РСФСР 1960 г. прошлого столетия с УК РФ 1996 г., то мы увидим, что в последний были внесены довольно значительные поправки в дефиницию крайней необходимости.

Следует отметить, что в действующем УК РФ на первое место поставлены интересы самой личности, только потом общества или же государ-

ства, в то время как в УК РСФСР 1960 г. на первое место ставились сами интересы государства СССР, потом общественные интересы гражданина или права данного гражданина или же иных граждан.

Итак, далее отметим, что ввиду видоизменившейся политической, а также экономической обстановки на первом месте правоохраняемых интересов от грозящей опасности стоит личность, а также права личности, лишь потом – общество и государство. Вышесказанное вполне соответствует ст. 2 Конституции РФ, в соответствие с которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Также в действующем УК РФ законодатель дал дефиницию «превышение пределов крайней необходимости».

В статье 61 УК РФ законодателем устанавливается одним из обстоятельств, смягчающих наказание, «совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения». Так, в то время как УК РСФСР 1960 г. в соответствии со ст.38 признавал обстоятельством, смягчающим наказание, лишь «совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны».

Значительное внимание необходимо уделять правовому основанию крайней необходимости, в качестве которого выступает представляющая угрозу личности либо правам этой личности или иным гражданам, а также общественным и государственным интересам опасность.

В отечественном научном сообществе до сих пор не имеется единого подхода к дефиниции природы рассматриваемого института. Кроме того, имеются определенные споры о соотношении институтов крайней необходимости и необходимой обороны, а также определении их пределов. Выше обозначенные теоретические проблемы проявляются и в правоприменении.

Судебная практика показывает, что институт крайней необходимости в ней используется достаточно редко. Так, наиболее часто судами применялся институт крайней необходимости по уголовным делам частного обвинения, а конкретно по ст. 116 УК РФ за причинения иных насильственных действий, которые не повлекли причинения легкого вреда здоровью. Так, мировые суды признавали причинение физических страданий в ходе бытовой драки, совершенными в состоянии крайней необходимости в случаях, когда действия со стороны пострадавшего представляли опасность для подсудимого или иных лиц, и предотвратить их иным способом возможности не было.

При этом, встречались приговоры, в которых суд применял положения закона о крайней необходимости, но при этом рассматривал вопрос о превышении пределов необходимой обороны. Представляется, что данные институты хоть и схожи, но имеют разное содержание и критерии для их применения. Поэтому, при выяснении вопроса о том, совершены ли действия в состоянии крайней необходимости, применение критериев и пределов необходимой обороны является ошибочным [5].

В рамках настоящей статьи уместно заметить, что законодателем РФ не было закреплено легальное понятие такой опасности, что обусловливает возможность вложения в него общеупотребительного смысла и значения.

Итак, опасность отождествляют со способностью либо возможностью вызова или причинения какого-либо вреда.

Так, институт крайней необходимости, в соответствие с уголовным законодательством подразумевает столкновение двух охраняемых законом интересов, когда в силу отсутствия другого выбора один защищается, а другой – подвергается вредоносному воздействию.

В качестве основания, с которым связано появление состояния крайней необходимости, следует рассматривать грозящую опасность. Основными источники данной опасности могут быть самыми разными, однако, условно, мы можем их классифицировать на некоторые группы:

явления природного характера;

явления техногенного характера;

человеческое поведение.

В свою очередь, крайняя необходимость возможна за счет действий определенного лица. Проводя оценку таких действий, некоторые юристы ассоциируют их с преступным поведением. Есть также позиция, из которой следует, что эти действия носят просто общественно опасный характер. Осуществляемые в состоянии крайней необходимости действия – это действия противоправного характера.

Излагая собственную точку зрения по данному вопросу, отметим, что порождение состояния крайней необходимости происходит благодаря общественно опасным действиям (бездействиям) лица. Данное мнение, на наш взгляд правильное, поскольку категория «общественно опасное деяние» обозначает преступное деяние и является аналогичным категории «противоправное деяние, создающее опасность».

В рамках правоприменительной деятельности всегда производится установление начального, а также конечного моментов опасности. В случае не возникновении опасности или отсутствия угрозы охраняемым законом интересам, не приходится говорить о наличии правового основания крайней необходимости. Момент, когда возникает опасность, следует связать не только с моментом начала воплощения угрозы причинения вреда, но и с моментом возникновения самой угрозы причинения вреда.

Можно констатировать, что институт крайней необходимости имеет большое теоретическое и практическое значение, которое обусловлено наступлением реальных юридических последствий от его использования.

Видится соответствующим действительности тезис о том, что научный интерес к институту крайней необходимости не ограничится сегодняшним днем, а будет не только существовать, но и не ослабевать и в последующие этапы развития уголовного законодательства, поскольку социальная среда всегда будет содержать в себе источники различного характера опасности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Мелтонян, Р. М. Уголовно-правовой институт крайней необходимости и проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности / Р. М. Мелтонян // Проблемы применения уголовного закона. – 2014. – № 2 (5). – С. 67.

4. Алешина, Е. А. Институт крайней необходимости в законодательстве Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) / Е. А. Алешина // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2016. – № 3. – С. 48.

5. Денисова, Е. К. Генез института крайней необходимости в уголовном праве России / Е. А. Денисова // Инновации, наука, образование. 2021. № 32. С. 110-114.

УДК 343.35

Иванов Даниил Алексеевич,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: daniiliivanoff@mail.ru

Ivanov Daniil Alekseevich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: daniiliivanoff@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ABUSE OF OFFICIAL POWERS

Злоупотребление должностными полномочиями относится к ряду преступлений против государственной власти, интересов государственной службы, а также службы в органах местного самоуправления. В данной статье автор рассматривает основные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 285 УК РФ, а также отграничения от смежных преступлений. Дается правовая оценка коллизионным вопросам практики и предлагаются пути совершенствования законодательства в данной сфере. В статье выделен ряд проблемных вопросов юридической оценки злоупотребления должностными полномочиями, возникающих в современной правоприменительной практике. На основе рассмотренных данных, автор формулирует свою позицию и отношение к указанной проблеме. В тексте работы рассмотрены соответствующие теоретические аспекты квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, а также существующие проблемы квалификационной практики.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, служебные полномочия, квалификация преступлений, интересы службы, служебное положение, должностное лицо.

Abuse of official powers refers to a number of crimes against state power, the interests of public service, as well as service in local self-government bodies. In this article, the author examines the main issues of qualification of crimes provided for in Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as delineation from related crimes. A legal assessment of conflict-of-laws issues

of practice is given and ways to improve legislation in this area are proposed. The article highlights a number of problematic issues of legal assessment of abuse of official authority arising in modern law enforcement practice. Based on the data considered, the author formulates his position and attitude to this problem. The text of the work considers the relevant theoretical aspects of the qualification of abuse of official authority and abuse of official authority, as well as the existing problems of qualification practice.

Keywords: abuse of official powers, official powers, qualification of crimes, interests of the service, official position, public official.

В настоящее время преступления категории «против государственной власти, государственной службы» имеют особо важное значение. Среди них мы обратим внимание на такую категорию преступлений коррупционной направленности как злоупотребление должностными полномочиями. Следственная и судебная практика показывает, что данный состав преступления встречается нередко.

Согласно статистике, Россия занимает 139 место в рейтинге среди всех стран по индексу восприятия коррупции. Мы видим, что показатель достаточно низкий, что может свидетельствовать о наличии большого количества преступлений в этой сфере.

Злоупотребление должностными полномочиями происходит в определенных сферах: государственная служба, бизнес структуры, финансовая и банковская системы, органы местного самоуправления и т. п. В таких местах, к сожалению, должностные лица превышают свои установленные полномочия и действуют в своих личных целях.

Деяние наносит серьезный вред интересам службы в органах местного самоуправления и государственных органах, чем подрывает авторитет государственной власти, что недопустимо и разрушительно влияет на все сферы общественной жизни государства. Объектом преступления является стабильное функционирование государственного аппарата [5].

Злоупотребление должностными полномочиями может быть выражено как в действиях, так и в бездействиях. К ним относятся: хищение государственных средств, служебный подлог, коммерческий подкуп, продвижение по службе и многое другое. Должностные преступления – это социальное явление, которое обосновывается внешними обстоятельствами, условиями жизни, личными качествами субъекта и другими факторами.

В науке и на практике волнующим вопросом остается разграничение преступлений по статье 285 УК РФ и 286 УК РФ. Для того, чтобы различать составы этих преступлений необходимо четко определить объем полномочий лица, которое занимает ту или иную должность, изучить нормативные акты и провести анализ правовой ситуации. Тогда, можно будет сделать вывод имеется ли в деянии лица злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий [3].

В настоящее время квалификация преступлений вызывает немало затруднений у правоохранительных органов. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что формулировка признаков достаточно размыта. Важной частью объективной стороны преступления является причинение «существенного» вреда правам и интересам граждан либо государственным инте-

ресам, которые защищаются законом. Само понятие «существенности» – сформулировано неоднозначно, что затрудняет правильное применение ст. 285 УК РФ. Это усложняет отграничение злоупотребления должностными полномочиями от дисциплинарного проступка и иных смежных категорий преступлений. Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что существенным нарушением прав граждан и организаций является нарушение их конституционных прав, а также прав, предоставленных международным договором.

Еще одним проблемным фактором является то, что в названии статьи 285 УК РФ используется термин «должностные полномочия», а в самой диспозиции статьи – «служебные полномочия» [6]. Мы видим, что в данном случае отсутствует единообразие, что затрудняет применение данной нормы права. Поэтому, следует привести данную норму к единообразию, либо дать толкование каждому понятию и разъяснить его особенности и цель использования в конкретных случаях.

Отметим, что Пленум Верховного Суда РФ в указанном выше постановлении сформулировал ряд разъяснений, которые касаются отграничения злоупотребления должностными полномочиями от смежных составов преступлений, предусмотренных другими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Так, в п. 17 указанного постановления Пленума разъяснено, что злоупотребление должностными полномочиями, совершенное из корыстной заинтересованности, необходимо отличать от хищений. Данное злоупотребление образуют действия должностного лица, не связанные с изъятием чужого имущества (в частности, при получении имущественной выгоды от использования имущества не по его назначению), либо представляющие собой временное и (или) возмездное изъятие имущества [1].

Одним из ключевых признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, является мотив — корыстная или иная личная заинтересованность. Понятие корыстной и/или иной личной заинтересованности, как мотив данного преступления, разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, согласно которому корыстная заинтересованность — стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц [7].

Для того, чтобы снизить количество преступлений данной категории следует разработать эффективные механизмы их противодействию. Целесообразно включить принцип неотвратимости наказания, особенно для лиц, занимающих высокие должности в государстве. Так, лица, желающие совершить преступление будут понимать, какие последствия их будут ждать. Значимым вкладом в достижении этих задач будет влиять знание правоприменителем всех тонкостей проблематики в квалификации злоупотребления должностными полномочиями со смежными преступлениями, наличие навыков легитимно и оперативно применить существующие меры, основным направлением которых и является борьба с коррупцией.

В решении данной проблемы может помочь в том числе и зарубежная практика борьбы с такой категорией преступлений. Это трудоемкая, ответственная и длительная работа по изменению и совершенствованию законо-

дательства. Например, в Китае за совершение коррупционных преступлений, в том числе должностными лицами предусмотрены достаточно жестокие санкции. Даже за самые малые взятки, виновник несет серьезные наказание в виде срока в тюрьме. Такие жесткие рамки дают понять людям, что есть вещи более ценные и важные нежели воспользоваться своим положением для достижения личной цели. В качестве воспитательной процедуры китайские власти применяют практику публичного покаяния, благодаря которой чиновники не только признают свою вину, но и каются в совершенных преступлениях, подчеркивая безнравственность своих деяний. Вероятнее всего, в нашей стране полностью скопировать систему Китая не удастся, в целом этого и не требуется. Необходимо адаптировать успешный опыт зарубежных стран под российские реалии и отечественное законодательство.

Анализ практики показывает, что большинство преступлений по статье 285 УК РФ совершается лицами, которые занимают достаточно серьезные должности. Это может быть связано с тем, что они имеют большие возможности по распространению своих преступных «мыслей», а также считают, что их не накажут, так как они являются не последними людьми в государственной структуре [4].

Из формулировки признака в диспозиции ст. 285 УК РФ следует, что под иной личной заинтересованностью следует понимать желание виновного получить любую выгоду, за исключением имущественной. Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий иная личная заинтересованность – это стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п. То есть ВС РФ однозначно указывает, что обязательным является получение выгоды неимущественного характера. Хотя, на практике квалификация преступлений может производиться иначе. Ведь получение выгоды от своего должностного положения может привести и имущественной выгоде.

Как показывает анализ практики, при совпадении основных признаков составов квалификация по ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ зависит от установления или не установления такого факультативного признака субъективной стороны, характеризующей ст. 285 УК РФ, как мотив – корыстная или иная личная заинтересованность [2].

Важно понимать, что есть обстоятельства, когда невозможно квалифицировать деяние лица как должностное преступление. Например, бывший сотрудник государственного органа господин Н. воспользовался связями со своими бывшими коллегами и заплатил определенную сумму, чтобы его родственника взяли на определенную должность вне конкурса. Так как, господин Н. не является сотрудником на момент совершения указанного преступления, то его деяния нельзя квалифицировать как должностное преступление. Не будут образовывать состав должностного преступления и незаконные действия лица, совершенные им в период нахождения в отпуске, т. е. вне связи со служебной деятельностью.

Субъективная сторона злоупотребления должностными полномочиями характеризуется психическим отношением субъекта к своим общественно-опасным действиям и наступившим последствиям. Данная сторона преступления характеризуется также мотивами и целями, которые субъект желает достичь своим преступным деянием. Субъект преступления, то есть должностное лицо действует вопреки интересам службы, заведомо зная, что наносит вред общественности и государству.

Мы считаем, что выделенные проблемные вопросы и коллизии можно решить путем внесения изменений и дополнений в Постановление Пленума ВС РФ № 19, разъясняющее порядок рассмотрения судами уголовных дел по ст. 285 и ст. 286 УК РФ. В частности, необходимо обязать суды при рассмотрении уголовных дел по ст. 285 УК РФ устанавливать – и при их наличии указывать в приговоре – в чем конкретно выразилась иная личная заинтересованность осужденного, какую выгоду неимущественного характера для себя лично или какую выгоду имущественного или неимущественного характера для своих родственников и знакомых он хотел получить, в силу каких именно причин получение выгоды имущественного или неимущественного характера родственниками или знакомыми виновного представляло интерес для него и какие доказательства подтверждают выводы суда в указанной части.

Таким образом, на данный момент квалификация злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, сопряженных с наступлением тяжких последствий, вызывает на практике определенные затруднения. Наибольшие проблемы образует квалификация злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, повлекших причинение материального ущерб. Также серьезные затруднения доставляет отсутствие единообразия в понятийном аппарате уголовных норм. Поэтому следует обратить внимание на уже имеющийся успешный опыт, внести изменения в законодательство и четко отграничить данный состав преступления.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. № 5031.

2. Бем, А. А. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями / А. А. Бем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 12-3(51). – С. 32-34.

3. Боровкова, И. С. Отдельные проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями / И. С. Боровкова // Закон и право. – 2020. – № 2. – С. 92-95.

4. Густова, Э. В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы конструирования и применения // Журнал рос. права. 2018. № 11. С. 129—137.

5. Давитадзе, М. Д. Злоупотребление должностными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 114-121.

6. Пулкачева, П. К. Спорные вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями / П. К. Пулкачева, Д. Р. Донгак // Молодой ученый. – 2022. – № 2 (397). – С. 324-326.

7. Шакиров, Р. М. Некоторые проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, сопряженных с причинением тяжких последствий / Р. М. Шакиров // Молодой ученый. – 2022. – № 17 (412). – С. 259-262.

УДК 343. 98

Иванов Иван Иванович,
профессор, доктор юридических наук,
(Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
E-mail: ivanov_ivan70@mail.ru
Карпова Александра Евгеньевна,
студент,
E-mail: coms17@yandex.ru
Тропина Кристина Алексеевна,
студент,
Саидов Бобур Атаназар угли,
студент,
(Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

Ivanov Ivan Ivanovich,
Professor,
Doctor of Law,
(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: ivanov_ivan70@mail.ru
Karpova Alexsandra Evgenievna,
student,
(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: coms17@yandex.ru
Tropina Kristina Alekseevna,
student,
(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
Saidov Bobur Atanazar ugli,
student,
(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО–ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

TOPICAL PROBLEMS DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED USING MODERN INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

В статье рассматриваются актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Анализируются статистические данные преступлений, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, и материалы уголовных дел о мошенничестве с использованием указанного способа, рассмотренные судами Российской Федерации. На основе мнений специалистов в области криминалистики сформулированы основные проблемы, связанные

с низким качеством расследования мошенничеств. Изучены особенности тактики производства отдельных следственных действий по делам о мошенничестве, которые совершены с использованием информационных технологий, с учетом психологических особенностей личности современного интернет-мошенника.

Ключевые слова: мошенничество, информационно-телекоммуникационная среда, расследование, статистика, способы совершения преступления, характеристика личности преступника.

The article deals with the actual problems of forensic support for the disclosure and investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies. Statistical data of crimes committed with the help of information and telecommunication technologies and materials of criminal cases on fraud using this method considered by the courts of the Russian Federation are analyzed. Based on the opinions of experts in the field of criminology, the main problems associated with the low quality of fraud investigation are formulated. The peculiarities of the tactics of the production of individual investigative actions in cases of fraud committed using information technology, taking into account the psychological characteristics of the personality of a modern Internet fraudster, are studied.

Keywords: fraud, information and telecommunication environment, investigation, statistics, methods of committing a crime, characteristics of the criminal's personality.

В современном мире каждую область жизнедеятельности стремительно охватывают информационные технологии. Затронули нововведения и преступления, осуществляемые в сети Интернет, методы, способы и средства которого становятся все сложнее.

Всемирное распространение и быстрый рост средств беспроводной коммуникации определило едва ли неограниченные возможности в целях подготовки, совершения и сокрытия преступлений совсем новыми способами и средствами. В настоящее время для большей части развитых стран мира актуальна проблема преступлений, которые совершаются при помощи информационно-коммуникационных технологий.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, по итогам 11 месяцев 2022 года в стране выявлено около 1,8 млн преступлений. Относительно сопоставимого периода предшествующего года их число сократилось на 1,6 % (Рис. 1).

Рис. 1. Удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных техгнологий или в сфере компьютерной информации

Ущерб от преступлений составил 700 млрд. руб., что на 8,6 % меньше показателя за январь – ноябрь 2021 года.

В январе – ноябре 2022 г. наблюдаля незначительный рост количества зарегистрированных мошенничеств (с 308,1 тыс. до 311,5 тыс.).

На преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, приходится около четверти (25,8 %) от всех зарегистрированных преступлений. Их массив продолжил сокращаться (-4,9 %; 470,1 тыс.). Почти три четверти (72,8 %) таких преступлений совершается с использованием сети «Интернет» (+1,9 %, 342,5 тыс.) [2].

В последнее время часто совершаются преступления с использованием современных информационных технологий. Об этом можно сделать вывод исходя из статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В особенности распространились такие преступления как мошенничество. В связи с этим появился термин «дистанционное мошенничество» [7, 2].

В.О. Давыдов и И.В. Тишутина полагают, что прямое содействие потерпевшей стороны в совершении преступления, находясь в неведении или же под влиянием психологического давления, является одним из главнейших аспектов, которые впоследствии препятствуют раскрытию и расследованию мошенничества, совершенного с использованием современных информационных технологий [6, 14].

По мнению профессора Шаталова А. С. использование современных информационных технологий является главной криминалистической особенностью, которая способствует предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию киберпреступлений [10].

Н. Д, Литвинов и А. Н Федоров, полагают что «фишинг» считается одним из наиболее известных методов мошенничеств, которые совершаются с использованием современных информационных технологий. Используя «фишинг», преступники совершают следующие конкретные действия, с целью овладения данными банковской карты будущей жертвы: представляясь сотрудниками банка, преступники отправляют различные сообщения и рассылки, которые содержат в себе необходимые поля для заполнения. Эти данные скопированы с официальных сайтов банка, поэтому не вызывают подозрений, а после их заполнения жертвой, преступнику поступает вся необходимая информация, с помощью которой и будет совершено мошенничество [8].

Авторы полагают, что повсеместно распространены ситуации, при которых преступное лицо звонит потенциальной жертве, представляет себя как сотрудник банка, и под предлогом того, что происходит подозрительная транзакция с карты жертвы, просит ее передать необходимые конфиденциальные сведения. Потерпевший в этот момент находится в шоковом состоянии и разглашает преступнику требуемую информацию [8].

Мнение специалистов подтверждается примером из судебно-следственной практики. Так, в ходе рассмотрения уголовного дела судом в отношении гражданина М. было установлено, что виновный, который не знал пароль от банковской карты, захотел отправить денежные средства на другую карту. Что бы это совершить, он подошел к прохожему, сказав, что банкомат, в котором он хотел снять денежные средства, не распознает его карту и соответственно отсутствует возможность снять деньги. Гражданин М. попросил прохожего о помощи, сказав, что отправит ему деньги дистанционно, а тот в свою очередь отдаст наличными. Мужчина согласился, так как гражданин М. внушал ему доверие. После этого гражданин М. воспользовался приложением «Мобильный Банк» и отправил денежные средства на карту прохожего, который в дальнейшем снял их и передал Гражданину М. Вход в приложение «Мобильный Банк» также был совершен обманным путем: преступник попросил жертву позвонить по ее телефону [3].

Вследствие этого возникла необходимость в подготовке новых специалистов и переподготовке действующих сотрудников для пресечения, предупреждения, расследования и раскрытия мошенничеств, которые совершаются с использованием современных информационных технологий.

К сожалению, существующая система предотвращения, выявления, раскрытия и расследования мошенничеств, которые совершаются с помощью современных информационных технологий, имеет свои минусы, определенные спецификой совершения данного вида преступлений. Она заключается в следующем:

доступности и общераспространенности компьютерной техники для разных слоев населения;

возможности совершения преступления почти из любой точки мира;

недоступности взаимодействия между преступником и жертвой;

комфортности условий, способствующих подготовке и совершению мошенничества, с использованием современных информационных технологий;

большом количестве различных программ, с помощью которых производится незаконное скачивание и использование объектов, защищенных авторским правом [9].

На практике, мошенничества, совершенные с использованием современных информационных технологий, дополнительно квалифицируются по ст. 272–273 или 274.1 УК РФ, а именно мошенничества в сфере компьютерной информации, совершенного посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или создания, использования и распространения вредоносных программ [1].

Законодатель четко указывает на то, что в случае, если предметом преступления, связанного с мошенничеством, являются безналичные денежные средства, в том числе электронные, то оно состав такого преступления является формальным, следовательно, оно считается оконченным с момента их изъятия с банковского счета владельца. Очевидно, что в ходе раскрытия и расследования уголовных дел, связанных с мошенническими действиями, совершенными в сети Интернет, возникают различные трудности.

Исходя из перечня различных схем и способов мошенничества, законодатель вынужден вносить изменения в уголовный закон.

Профессор Шаталов А. С. полагает, что в ходе выявления, раскрытия и расследования мошенничества, произведенного путем использования актуальных информационных технологий, содержит ряд некоторых особенностей. Ошибки, которые допускают следователи и дознаватели во время процесса выявления, расследования, раскрытия и предотвращения преступлений, совершенных с использованием IT технологий, в большинстве случаев являются следствием их недостаточной профессиональной подготовки именно в этом сегменте преступлений [10].

Одной из причин низкого качества расследования данного вида преступлений является отсутствие качественных методических разработок, в которых бы в полном объеме рассматривались современные информационные технологии.

Анализ практики расследования мошенничеств, совершенных с использованием современных информационных технологий, позволяет выявить следующие проблемы:

1. Сложность в определении и в установлении четкого местоположения лица, совершившего преступление. Так, фактический IP-адрес мошенника, может быть зарегистрирован на территории иностранного государства. В таких случаях отправляется запрос через Интерпол в правоохранительные органы иностранных государств о совершенном преступлении в области информационных технологий, которое имеет международный характер. Получение ответ на отправленный запрос можно ожидать длительный промежуток времени, а именно до нескольких месяцев. От своевременности действий правоохранительных органов иностранных государств зависит определение местоположения преступника и дальнейшее расследование совершенного преступления. Исходя из этого, в данном случае, проблема заключается в том, что является отсутствуют договоры об оказании правовой

помощи в расследовании уголовных дел между Россией и некоторыми иностранными государствами.

2. Долговременное ожидание информации (от 1 до 3 месяцев) о движении похищенных денежных средств, которая является необходимой для дальнейшего расследования и раскрытия мошенничеств, совершенных с помощью современных информационных технологий, в виде сведений о движении денежных средств, данных личности-владельца банковской карты. Проблема заключается в местонахождении зарегистрированного в другом региона Российской Федерации счета, на который были совершены переводы денежные средства при помощи мошеннического способа. Одним из способов решения данной проблемы - подписание договоров с соответствующими организации об электронном документообороте.

3. Планы по раскрытию и расследованию мошенничеств, совершенных с использованием современных информационных технологий, должны носить индивидуальный подход.

Исходя из мнения специалистов, подтвержденных примером из судебно-следственной практики о мошенничестве, следует, что во многих случаях по уголовным делам данного направления у сотрудников правоохранительных органов составлен конкретный план расследования, ограниченный выдвижением всего нескольких версий.

Для решения данной проблемы важно организовывать общие совещания по заслушиванию нераскрытых преступлений, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, и вести контроль руководителям в правоохранительных органах.

4. Дефицит необходимого количества специалистов в области IT-технологий, имеющих допуск к производству информационно-технических судебных экспертиз, и весьма высокая их стоимость в негосударственных экспертных организациях. Одним из фактов длительного производства данного вида судебной экспертизы является отсутствие экспертов в данной сфере.

5. Краткосрочность хранения, необходимого для расследования информации, в банках и салонах связи. Кроме того, несоответствующее взаимодействие между правоохранительными органами и крупными платежными системами, действующими на территории Российской Федерации.

В соответствии с вышеперечисленным, довольно часто возникают случаи дефицита обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации. А также проблемы с раскрытием и расследованием, которые состоят в отсутствии современных методических рекомендаций и, соответственно, возникающих проблем с доказыванием конкретной преступной деятельности.

Профессор Шаталов А. С. считает, что те доказательства, которые все же были получены, подвергаются опасности, так как могут быть неправомерно изменены или же утрачены [10].

Шитикова Ю. И. полагает, что следователь ограничен несовершенством правового регулирования. Необходима разработка и повышение уголовно-процессуальных механизмов и способов получения доказательств при расследовании совершенного мошенничества. Следовательно, для сокраще-

ния количества случаев мошенничества, совершенных с помощью современных информационных технологий и удаленным методом, целесообразно повлиять на правосознание граждан, путем обеспечения информацией о существующих методах и приемах мошенничества, совершающихся удаленным способом [11].

Следовательно, для исправления данной ситуации и с целью последующего обеспечения в суде информационных доказательств, необходимое требование для следователей, дознавателей, оперативных работников, специалистов и экспертов наличия специальных знаний и систематического усовершенствования профессиональной квалификации.

Допрос потерпевшего – один из трудных процессуальных мероприятий является допрос потерпевшего. Сложность при допросе потерпевшего состоит фактически отсутствии у него каких-либо сведениями, которые могли бы сыграть роль для раскрытия уголовного дела. Это последовательно отсутствием прямого взаимодействия между правонарушителем и потерпевшим, то есть все деяния совершаются удаленно – на расстоянии.

В свою очередь, потерпевшими чаще всего являются люди, достигшие пенсионного возраста из-за нехватки познаний информационных технологий и обладающие повышенной доверчивости. Поэтому при допросе необходимо установить психологический контакт, а после получить развернутую информацию о действиях как правонарушителя, так и потерпевшего. Таким образом, стоит подчеркнуть, что на современном этапе криминалистическое обеспечение расследования дистанционных мошенничеств пока не достигает соответствующего уровня.

Неотъемлемой частью допроса потерпевшего является характеристика личности преступников, которые совершают мошенничество с использованием современных информационных технологий.

Аксенов В. А. полагает, что социально-психологическими особенностями личности современного интернет-мошенника является:

преобладание мужчин при совершении преступлений данной категории, средние возрастные рамки от 18 до 35 лет, преимущественно городские жители;

имеет место определенная зависимость способов совершения мошенничеств в сфере информационно-телекоммуникационных технологий от уровня образования (мошенничество под предлогом покупки/продажи товаров на интернет-ресурсах);

в связи с высоким уровнем латентности преступлений данной категории пропорционально высокий уровень рецидива у большинства интернет-мошенников;

приверженность к субкультуре интернет-мошенников, которая подразумевает под собой общение на различных закрытых форумах, где пользователи обмениваются информацией о схемах совершения мошенничеств данной категории, новинках в области информационно-телекоммуникационных технологий [4].

Давыдов В. О. и Тишутина И. В. пишут, что лица, совершающие мошенничества с помощью современных информационных технологий, хоро-

шо владеют компьютером и нередко объединены в преступные группы, которые могут носить межрегиональный характер [6].

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что изучение проблем, которые возникают при расследовании, раскрытии, предотвращении уголовных дел о мошенничестве, совершенном с использованием современных информационных технологий, имеют комплексный характер. Данные аспекты являются и правовыми, которые заключаются в отсутствии нормативной базы для оказания правовой помощи по уголовным делам в некоторых зарубежных странах, договоров об электронном документообороте между органами внутренних дел и компаниями сотовой связи, и организационными, которые состоят в отсутствии процессуального взаимодействия при расследовании нераскрытых мошенничеств, совершенных с использованием современных информационных технологий, недостаточном количестве экспертов, которые имели бы доступ к производству соответствующих экспертиз, а так же в отсутствии четкого координированного плана расследования данного вида преступлений. Полагаем, что для их решения также необходим комплексный подход.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996 - № 25 - ст. 2954.

2. Генеральная прокуратура РФ, правовая статистика – http://crimestat.ru/analytics.

3. Определение Верховного Суда Республики Бурятия от 29.12.2021 по делу № 22-2539/2021.

4. Аксенов, В. А., Молчанова, Т. В. Особенности личности современного интернет-мошенника в механизме индивидуального преступного поведения // Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. – С. 79-86.

5. Волынский, А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие / А. Ф. Волынский. – Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2016. – 195 с.

6. Давыдов, В. О., И. В. Тишутина. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. №2 (14).

7. Евтушенко, И. И., Венедиктов, А. А. Дистанционные хищения: понятие и признаки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №12-2.

8. Литвинов, Н. Д., Федоров, А. Н. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения / Н. Д. Литвинов, А. Н. Федоров // Journal of Scientific Research Publications. — 2015.

9. Науменко, О. А. Проблемы в расследовании уголовных дел о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной среды //Вестник Краснодарского университета МВД России – 2019. № 3 (45). – С. 60-64.

10. Шаталов, А. С. Использование современных информационных технологий в криминалистической деятельности: проблемы и тенденции // Сборник статей Международной научно-практической конференции. – М.: 2018. – С. 311-319.

11. Шитикова, Ю. И. Особенности криминалистического обеспечения расследования мошенничеств, совершенных дистанционным способом// Альманах молодого исследователя. – 2020. – №9. – С. 131-134.

УДК 343.2.7

Капустин Алексей Сергеевич,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: superketchups@rambler.ru

Kapustin Alexey Sergeevich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: superketchups@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

TO THE QUESTION OF THE SUBJECT OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING

В статье рассматривается вопрос о том, что является предметом преступлений в целом и наркопреступлений, предусмотренных статьями особенной части УК РФ, а также различия между относимыми к нему средствами и веществами. Проводится краткая систематизация нормативных правовых актов, которые раскрывают значение рассматриваемых наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: предмет преступления, наркопреступления, уголовное право, наркотические средства, психотропные вещества.

The article deals with the question of what is the subject of crimes in general and drug crimes, provided for by the articles of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the differences between the means and substances attributable to it. A brief systematization of normative legal acts that reveal the significance of the narcotic drugs and psychotropic substances in question is carried out.

Keywords: subject of crime, drug-related crimes, criminal law, narcotic drugs, psychotropic substances.

Проблема распространения наркотических средств и психотропных веществ является одной из самых серьезных угроз национальной безопасности, здоровью нации в РФ. По виду воздействия на организм наркотические

средства подразделяются на следующие самостоятельные группы: стимуляторы, галлюциногены и депрессанты. Особенностью данных средств является постепенное привыкание к потребляемым средствам у лица, с последующим повышением выносливости к ним. Данный фактор приводит к необходимости увеличения потребляемых доз наркотика и, как следствие, приводит к смерти в результате передозировки [1].

За последние годы наркопреступления составляют около 10 % от всей совокупности совершенных преступлений. Так, в 2018 г., из 1 млн. 991 тыс. зарегистрированных преступлений 200 тыс. относились к наркотическим. В 2019 г. из 2 млн. 24 тыс. зарегистрированных преступлений 302 тыс. В 2020 г. из 2 млн. 44 тыс. зарегистрированных преступлений 510 тыс. В 2021 г. из 2 млн. 4 тыс. зарегистрированных преступлений 179 тыс. В 2022 г. из 1 млн. 966 тыс. зарегистрированных преступлений 177 тыс. относились к наркопреступлениям [2].

Приведенная статистика показывает важность исследования вопроса борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Предметом преступления называется самостоятельный признак состава преступления, определяемый как предусмотренное уголовным законом материальное или нематериальное явление, путем воздействия на которое причиняется вред или создается угроза его причинения объекту [3].

Стоит отметить тот факт, что он зачастую не относится к обязательному элементу состава преступления. Но в отношении ч. 1 ст. 228 УК РФ предмет играет ключевую роль, влияя на квалификацию совершенного деяния, таким образом, являясь частью состава преступления. Именно данный факт играет ключевую роль при уяснении того объекта преступления, тех общественных отношений, на которые посягает преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ. Так, А. Г. Коргулев в своей работе, посвященной предмету преступления, указывал на тот факт, что в случае наличия предмета преступления как обязательного элемента состава преступления, он формирует непосредственный объект уголовно-правовой охраны, указывает на него [4]. А в связи с тем фактом, что непосредственные объект преступного деяния предопределяет видовой объект, а тот является основой выявления родового объекта, то можно сделать вывод о том, что предмет в данном случае обуславливает формирование всех уровней объекта преступления по вертикали.

Диспозиция ч. 1 ст. 228 УК РФ указывает на то, что предметом рассматриваемого преступления являются наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества.

Рассматривая указанные понятия «наркотическое средство», «психотропное вещество», «аналоги наркотических средств и психотропных веществ», «растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» и обращаясь к действующему УК РФ можно заметить, что в статьях, предусматривающих ответственность за рассматриваемые преступления, отсутствуют данные определения. Представленный

закон лишь отсылает правоприменителя к федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 10.12.1997 № 3-ФЗ.

В соответствии с ним, под наркотическим средством понимаются «вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года» (ч. 1 ст. 1 ФЗ).

Под психотропными веществами данный закон понимает «вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, природные материалы, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией о психотропных веществах 1971 года»;

Представленные два понятия схожи по формулировке: каждая из этих из этих категорий представляет собой вещества синтетического или естественного происхождения, которые включены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации. Разница между ними заключается только в том, что психотропные вещества могут быть к тому же природными материалами.

В ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» есть отсылка к Постановлению Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об отверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [5]. Данный список содержит три списка, разбитие которых основывается на правилах оборота, установленных в отношении указанных в них веществ. В первых двух Списках не наблюдаются отличия между наркотическими средствами и психотропными веществами.

Именно в Списке третьем можно увидеть различия рассматриваемых категорий: он содержит только психотропные вещества, которые ограничены в обороте и в отношении которых дозволено исключение определенных мер контроля. Иначе говоря, в соответствии с юридическим критерием, разница наркотических средств и психотропных веществ состоит в том факте, что в отношении последних возможно установление различных мер контроля. Относительно психотропных веществ может быть исключение определенных мер контроля, в отношении же наркотических средств данное исключение недопустимо ни при каких обстоятельствах. С точки же зрения уголовного законодательства не наблюдается никакой разницы между веществами из всех трех Списков. Каждое из них является предметом преступного деяния, предусмотренного ст. 228 УК РФ.

К тому же необходимо отметить разницу между наркотическими средствами и психотропными веществами со стороны медицинского критерия. Так, одним из таких исследований является работа И. Н. Симаковой [6]. В соответствии с выводами указанного исследователя, с медицинской точки

зрения психотропные вещества имеют следующую отличительную особенность от наркотических средств – терапевтическая полезность и сфера их применения. Психотропные препараты наиболее часто применяются в медицинской сфере, включая и лечение психических расстройств.

Аналогами наркотических средств и психотропных веществ в соответствии с законом выступают «запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят»;

А под растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (далее – наркосодержащие растения) понимаются «растения, из которых могут быть получены наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры и которые включены в Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации».

Частью предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ до 1 марта 2012 г. также выступали прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ. Но в результате принятия и вступления в силу Федерального закона РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.03.2012 деяния с обозначенным предметом стали квалифицироваться по ст. 228.3 или ст. 228.4 УК РФ.

Касаемо относимости указанных средств, веществ и их аналогов к предмету состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ современные ученые задаются вопросом следующего характера. В большинстве учебной литературы, рассматривающих особенную часть УК РФ, а также в работах, посвященных рассмотрению незаконного оборота наркотиков, устанавливают, что вещества, перечисленные в диспозициях ст. 228 и 2281 УК РФ являются предметом указанных преступных деяний. Однако, вывод об этом осуществляется с отсутствием обоснований данного факта.

Вопрос предмета преступления стал наиболее активно возникать в период 1950-1980 гг. На тот момент был разработан доминирующий подход о признании предметом преступления одним из структурных элементов общественного отношения. Представленная позиция существует и в современной литературе. Так, С. Ф. Милюков указывает, что «предмет — это та часть объекта посягательства, в отношении которой происходит непосредственное воздействие преступника». Под предметом он понимает «материальное или нематериальное благо, по поводу которого существует общественное отношение, охраняемое уголовным правом» [7]. Однако, данное понимание предмета преступления является узким, так как его содержание раскрывается исключительно через социальные ценности.

Данный вопрос был рассмотрен П. Е. Алексеевым в своей работе, посвященной предмету преступлений, определенных в ст. 228 и 228.1. Говоря

о предмете преступления, он указывал, что уголовный закон закрепляет в качестве предмета преступления наряду с социальными ценностями также и предметы, которые обладают опасными или вредными свойствами [8]. Такими, например, являются: оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства (ст. 222, 2221 УК РФ); порнографические материалы и предметы (ст. 242, 2421 УК РФ); поддельные официальные документы (ст. 327 УК РФ) и др. Наряду с указанными предметами, вредными являются и наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, растения и их части, которые указаны в ст. 228 и 2281 УК РФ.

Если рассматривать предмет преступления лишь в узком понимании, то к ним нельзя относить предметы, обладающие вредным свойством, так как они не входят в структуру охраняемых уголовным законом общественных отношений. В связи с этим появляется необходимость определения иного значения указанных предметов в составе преступления.

Алексеев в своей работе указывает, что наиболее правильной следует считать определение В.Я. Тация, который указывал, что предметом преступления следует считать любые вещи, с наличием свойств которых закон связывает наличие в действиях лица признаков состава преступления. В отдельных случаях предмет преступления может совпадать с предметом общественного отношения, однако, наряду с ними может и включать такие вещи, которые не входят состав охраняемого общественного отношения, в связи с наличием вредного свойства [9].

Стоит согласиться с мнением Алексеева и сказать, что подход Тация наибольшим образом раскрывает сущность, а также значение предмета преступления как признака состава преступления. В случае признания предмета лишь в качестве части общественного отношения, то является нецелесообразным выделение его как отдельного признака состава преступления. Широкое же понимание предмета устраняет необходимость уточнения или расширения признаков состава преступления.

Список литературы

1. Иванец, Н. Н., Тюлькин, Ю. Г., Чирко, В. В., Кинкулькина, М. А. Психиатрия и наркология : учебник. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2006. 832 с.

2. Состояние преступности в России за 2018-2022 гг. / МВД. Москва. 2023.

3. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 707 с.

4. Коргулев, А. Г., Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопросы квалификации и законодательной регламентации / автореф…дис.… к.ю.н.: 12.00.08 уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. – Краснодар, 21.11.2019. – 220 с.

5. Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежа-

щих контролю в Российской Федерации» от 30.06.1998 № 681 (ред. От 15.06.2022) : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Симатов, И. Н. Правовая характеристика психотропных веществ // И. Н. Симатов, М.: Интел-Синтез, 2018. № 2. С. 122-123.

7. Милюков, С. Ф. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов // С. Ф. Милюков. СПБ., 2017. – 399 с.

8. Алексеев, П. Е. Предмет преступлений, предусмотренных ст. 228, 228[1] УК РФ // П. Е. Алексеев, Краснодар. 2019. - 311 с.

9. Таций, В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Учебное пособие / В. Я. Таций – Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1988. – 198 с.

УДК 343.1

Кириченко Евгений Александрович,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: evgeniy1853@mail.ru

Kirichenko Evgeniy Aleksandrovich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: evgeniy1853@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

MODERN FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES RELATED, TO THE VIOLATION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

В данной статье проведен краткий анализ проблем на международном уровне в части института интеллектуальной собственности, рассмотрен вопрос взаимосвязи уголовного и гражданского законодательства Российской Федерации при установлении обстоятельств подлежащих доказыванию по уголовным делам, связанным с нарушением авторских и смежных прав, рассмотрены наиболее актуальные на сегодняшний день экспертизы, назначаемые следственными органами в качестве важнейших доказательств, необходимых для всестороннего и эффективного расследования уголовных дел, а также сделаны выводы о необходимости введения дополнительных мер поддержки кадровых работников органов предварительного расследования для более полного и эффективного расследования уголовных дел, возбуждаемых в соответствии со ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: авторские и смежные права, предварительное следствие, расследование, экспертиза, интеллектуальная собственность, уголовное законодательство, гражданское законодательство.

This article provides a brief analysis of the problems at the international level in terms of the institute of intellectual property, examines the issue of the relationship between criminal and civil legislation of the Russian Federation in

establishing the circumstances to be proved in criminal cases involving copyright and related rights violations, examines the most relevant to date expertise appointed by investigative authorities as the most important evidence necessary for comprehensive and effective investigation of criminal cases, Conclusions were also drawn about the need to introduce additional measures to support the personnel of the preliminary investigation bodies for a more complete and effective investigation of criminal cases initiated in accordance with Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: copyright and related rights, preliminary investigation, investigation, expertise, intellectual property, criminal law, civil law.

В современном мире особое место занимает институт интеллектуальной собственности, который функционирует в различных областях общественной жизни. В частности, в связи с техническим прогрессом, появилось значительное количество объектов интеллектуальной собственности, распространяющихся в информационно – компьютерной среде. В связи с введением в 2022 году различных санкций недружественными иностранными государствами в отношении Российской Федерации, усложнился процесс регулирования объектов интеллектуальной собственности, так как иностранные компании без каких-либо законных причин были вынуждены отозвать ранее выданные лицензии на объекты интеллектуальной собственности, приостановить или расторгнуть ранее заключенные лицензионные договоры, а также допустили нарушения международных соглашений. Так, российский рынок покинули, приостановили или иным образом ограничили свою деятельность иностранные видеосервисы и крупные IT – компании, среди которых сервисы MEGOGO, NETFLIX, AMAZON PRIME VIDEO, IT – компании MICROSOFT, IBM, ADOBE, APPLE и другие. Данные ограничения со стороны многих иностранных компаний безусловно являются незаконными, однако создают риски незаконного использования объектов интеллектуальной собственности. Регулирование объектов интеллектуальной собственности предусмотрено в гражданском, административном и уголовном законодательстве Российской Федерации (далее по тексту РФ). Одним из институтов интеллектуальной собственности являются авторские и смежные права. В разрезе уголовного законодательства ответственность за нарушение авторских и смежных прав предусмотрена ст. 146 Уголовного кодекса РФ. Учитывая современные тенденции, при выявлении нарушений авторских и смежных прав, а особенно при выявлении преступлений, предусмотренных ст. 146 Уголовного Кодекса РФ, необходимо устанавливать конкретные обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также особое внимание необходимо уделять процессу собирания доказательств на стадии предварительного следствия.

Признаки, характеризующие состав преступлений, предусмотренных ст. 146 Уголовного кодекса РФ, а также основные понятия раскрываются в иных отраслях права, в частности в Гражданском кодексе РФ, то есть данная норма носит бланкетный характер.

Понятие авторского права содержится в ст. 1255 Гражданского кодекса РФ – Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства являются авторскими правами;

Понятие смежных прав раскрыто в ст. 1303 Гражданского кодекса РФ – Интеллектуальные права на результаты исполнительской деятельности (исполнения), на фонограммы, на сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания), на содержание баз данных, а также на произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние, являются смежными с авторскими правами (смежными правами).

Объекты авторских и смежных прав, исключения из объектов авторских и смежных прав, особенности отдельных категорий объектов интеллектуальной собственности, основные определения и понятия перечислены в Гражданском кодексе РФ, при этом в отдельных случаях могут использоваться иные нормы, регулирующие интеллектуальную собственность. Таким образом, в своей деятельности органы предварительного следствия и суды должны руководствоваться не только нормами уголовного законодательства, но и гражданского, в том числе международными и специальными нормами, регулирующие отношения в сфере интеллектуальной собственности. На необходимость ссылаться на нормы гражданского законодательства также указывает Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»), в котором, например указано следующее: разрешая вопрос о наличии в действиях лица составов преступлений, предусмотренных статьями 146, 147 и 180 УК РФ, суды должны учитывать положения гражданского законодательства о том, что использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, являющихся объектом исключительных прав (интеллектуальной собственностью), может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя.

В зависимости от предмета совершения преступления можно выделить следующие обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 146 Уголовного кодекса РФ: Предмет посягательства (литературные произведения, фонограмма, программа для ЭВМ и др.). Подлежат ли охране права на данный объект авторских или смежных прав. Кто является обладателем исключительных прав и чем подтверждается авторство. Имеются ли разрешительные документы по управлению авторскими и смежными правами. Какой вид использования в процессе совершения преступления: воспроизведение, распространение, сдача в прокат, публичный показ и др. Данный перечень обобщенный, так как выявление и установление дополнительных обстоятельств зависит от каждого конкретного способа совершения преступления. Учитывая тот факт, что было введено ряд санкций со стороны недружественных стран, которые допустили нарушения международных соглашений, то при принятии решения о наличии состава преступления следственным органам надлежит особое

внимание уделить вопросу умысла подозреваемого, так как если нарушение авторских или смежных прав произошло из-за незаконных действий третьих лиц (например иностранных компаний, принявших какое-либо незаконное решение в нарушении международных договоров или в нарушение лицензионных соглашений с пользователями), то в таком случае действия заподозренных лиц не должны образовывать состав преступления.

Для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также для непосредственного получения доказательств, органы предварительного следствия проводят ряд следственных действий: допросы потерпевших, свидетелей, подозреваемых, производство обысков, выемок, назначение судебных экспертиз.

Среди доказательств, получаемых на стадии предварительного следствия особое место занимают судебные экспертизы. В большинстве случаев, от правильности и полноты вопросов, которые ставятся на разрешение эксперту, знание и понимание института интеллектуальной собственности, зависит правильное принятие процессуального решения по уголовному делу, полнота и эффективность расследования. Среди назначаемых экспертиз по данному составу преступления считаю необходимыми выделить следующие:

Автороведческая экспертиза: Исследование продуктов речевой деятельности (текстов или их фрагментов) для установления факта авторства текста. Данная экспертиза является одной из самых распространенных как по уголовным делам, так и по гражданским. На сегодняшний день имеется множество методов и способов выявления истинного авторства и данный вид экспертиз постоянно совершенствуется.

Программно-компьютерная экспертиза: проводится в целях определения статуса объекта как компьютерного средства, выявления и изучения его роли в преступлении, а также получения доступа к информации на носителях с последующим всесторонним исследованием. В части данной экспертизы, считаю необходимым отметить, что изучение метаданных компьютерного средства или программы позволит установить необходимую для расследования информацию, в том числе информацию о первоисточнике, об авторстве, дате создания, месте создания.

Таким образом, для решения проблем, которые возникают в процессе расследования уголовных дел, возбужденных в соответствии со ст. 146 Уголовного кодекса РФ, необходимо совершенствовать знания кадровых работников, занимающихся предварительным следствием не только в области уголовного права и уголовного процесса, но также более тщательно уделить внимание нормам гражданского законодательства, изменениям в международных соглашениях, научным и экспертным возможностям в области исследования компьютерной техники и программ, и иным нововведениям в сфере интеллектуальной собственности. Целью совершенствования знаний должно стать то, что лицо, осуществляющее предварительное расследование сможет правильно и своевременно определять обстоятельства, подлежащие доказыванию, задавать конкретные и полные вопросы эксперту при назначении судебных экспертиз, использовать полученные в ходе обучения знания для самостоятельного собирания доказательств (при отсутствии возможности оперативного получения информации). Данный подход решения проблемы не является новым, однако изменения в сфере интеллектуальной собственности происходят постоянно, что в свою очередь приводит к большому количеству нарушений в данной сфере, ввиду чего, органам, осуществляющим предварительное расследование необходимы кадровые работники, спо-

собные более эффективно расследовать уголовные дела по преступлениям, возбужденным в соответствии со ст. 146 Уголовного кодекса РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Справочник по судебным экспертизам для следователей. Практическое пособие под общей ред. Председателя Следственного комитета Российской Федерации Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора генерала юстиции Российской Федерации Александра Ивановича Бастрыкина. Москва. 2017.
4. Особенности квалификации и расследования преступлений, связанных с незаконным использованием объектов авторских и смежных прав (ч. 2, 3 ст. 146 УК РФ). Методические рекомендации / авт. колл-в В. В. Улейчик, Е. И. Майорова, А. А. Орлова, Л. В. Яковлева. Москва, ФГКУ «ВНИИ МВД России» 2022.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7 : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.9.01

Климаненков Владислав Романович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: vklimanenkov@mail.ru

Klimanenkov Vladislav Romanovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: vklimanenkov@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

CRIMINAL CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

В статье рассматривается криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации, исследуется структура криминалистической характеристики преступлений и дается более развернутое понятие структурных элементов, каждый элемент криминалистической характеристики рассматривается с помощью различных подходов.

Ключевые слова: компьютерная информация, преступление, криминалистическая характеристика, технические средства, информационные технологии.

The article considering criminalistic characteristic of crimes in the field of computer information, examine structure of criminalistic characteristic of crime

and more detailed and concept information of sctructural elements is given, each element of criminal characteristic is considered with using some different attitude.

Keywords: computer information, crime, criminal characteristic, technical devices, information technologies.

Преступлениям в сфере компьютерной информации посвящена глава 28 К РФ, в которой содержится пять составов: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1); нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования (ст. 274.2) [4, с. 8].

Развитие информационных технологий, появление цифровых телефонов, компьютеров и целого ряда других современных средств цифровой обработки информации и телекоммуникации привело к появлению и новых способов совершения преступлений, что требует постоянного совершенствования законодательства и правоприменительной практики, прогнозирования будущих преступлений [2, с. 65].

Информация и информационные отношения все чаще становятся предметом преступного посягательства. Объектом преступлений в сфере компьютерной информации становятся общественные отношения, связанные с информационными процессами, которые используются в компьютерных сетях и системах, что, несомненно, относит их к информационным преступлениям.

Беря во внимание криминалистическую характеристику преступлений в компьютерной сфере, то основными элементами являются: способ совершения преступлений, обстановка совершения преступлений, а также личность преступника.

Говоря о способе совершения преступления, то надо понимать, что под способом понимается как стадия подготовки совершения преступления, так и непосредственное совершение данного деяния, с последующим сокрытием преступления.

Способ совершения преступления может быть не только прямым (непосредственным), но и удаленным (опосредованным). Это напрямую зависит от исполнителя преступления, каким образом он взаимодействует с техникой потерпевшего.

Непосредственный доступ к компьютерной информации предполагает прямое проникновение преступника в помещение, где содержится нужная ему компьютерная техника с необходимой преступнику информацией.

Тем самым человек физически контактирует с предметами, то есть получает доступ к компьютерной информации и технике в целом.

Однако, при удаленном доступе, лицо – исполнитель преступления, находится не по месту нахождения компьютерной информации, преступные действия исполняются при помощи сторонних программ и компьютерных средств. Стоит отметить, что именно преступления удаленного доступа наиболее тяжелы для расследования, так как не остается никаких следов физического контакта, в отличие от непосредственного доступа к компьютерной технике [3, с.13].

Исходя из этого, преступник, оставляет свои «следы». Будь это следы ног, рук, какие-либо микрочастицы или иные объекты, принадлежащие преступнику. Так же, если помещение было изначально закрыто, то остаются следы взлома. Помимо этого, могут быть найдены какие-либо записи, дневники, принадлежащие преступнику, они могут содержать различные схемы или способы взлома компьютерной техники.

Стоит понимать, что при непосредственном виде совершения преступления, могут быть какие-либо свидетели преступления или действия преступника могли попасть под запись камер видеонаблюдения.

При дистанционном совершении преступления «обычных» следов преступления не может быть обнаружено. При данном виде преступления, стоит обратить внимание на установку IP-адреса компьютера, с которого был совершен доступ, где его местонахождение и, соответственно, каким образом осуществлялся удаленный доступ к компьютерной информации.

Характерной особенность рассматриваемого вида преступлений является особо тщательная подготовка к их совершению. Субъектом преступления в обязательном порядке проводится сбор данных о месте совершения преступления, о компьютерной системе, о каких-либо данных защиты и прочей информации.

Беря во внимание стадию совершения преступлений при непосредственном физическом контакте с техникой, осуществляется проникновение в место, где находится компьютерная информация, с целью подключения к технике и последующей кражи данных.

При удаленном доступе преступнику не нужно находиться рядом с техникой. Незаконное получение компьютерной информации на расстоянии возможно путем заражения компьютерной техники вредоносными программами, либо через подключение по глобальной или локальной сети.

Сокрытие следов преступлений в сфере компьютерной информации также имеет свои особенности. При физическом контакте с техникой – уничтожаются «традиционные» следы преступления. При удаленном доступе, лицо – исполнитель преступления принимает меры по сокрытию месторасположения компьютера, с которого осуществлялось «проникновение» к компьютерной информации жертвы.

Место преступления напрямую зависит способа совершения преступления. При прямом контакте с компьютером – местом преступления является местонахождение информации и компьютера в частности. При удаленном доступе к компьютеру – возможно определение промежуточного (временно-

го) местонахождения компьютера, где был доступ произведен доступ к цели (компьютерной информации) [1, с. 24].

Место совершения преступления играет одну из ключевых ролей в криминалистической характеристике, так как оно может совпадать с местом работы или местом проживания преступника. Достаточно часто, преступники используют «специфичные» места для совершения преступления удаленным способом. Одним из таких мест, чаще всего, бывает интернет-кафе, либо какой-либо компьютерный клуб, но стоит понимать, что преступник может попасть под запись камер видеонаблюдения, либо могут обнаружиться какие-либо свидетели.

Стоит и учитывать время совершения преступления, ведь исходя из этого, можно отследить, кто находился в то время на месте совершения преступления и иные факты, полезные для следствия. Время совершения преступления позволяет узнать, какое лицо могло совершить или может именно оно и совершило преступление.

Говоря об особенностях личности преступника, то существует две точки зрения.

Исходя из первой точки зрения, личность преступника – это лицо, которое имеет четкую цель и определенные профессиональные навыки и знания в сфере компьютерной информации, чаще всего, такое лицо отличается от других преступников своим социальным положением в обществе.

Для второй точки зрения, относительно особенности личности преступника, характерно то, что лицо (преступник), обладает какими-либо психическими расстройствами, либо зависимостью от компьютерной техники.

Говоря о мотивах преступления в компьютерной сфере, то их может быть несколько. Это может быть как и какая-то личная выгода для преступника, так и какая-либо месть. Конечно же, мотивом может быть и получение какой-либо информации, с целью разведки данных в различных целях. Не исключено, что мотивов при совершении преступления может быть и несколько [1, с. 24].

Стоит отметить, что существуют и определенные группы лиц, занимающиеся преступлениями в компьютерной сфере, чаще всего, данные группы составляют хакеры – особый субъект преступлений. Данные лица используют изощренные способы преступлений и, в большинстве случаев, преступления совершаются именно ими.

Подводя итог, следует отметить, что преступники все больше и больше развивают свои навыки и умения в данной сфере, тем самым принимают меры по предотвращению раскрытия и, конечно же, расследования преступлений.

Правонарушители пытаются получить доступ к камерам видеонаблюдения и временно заблокировать их, покупают нелегальные мобильные устройства с целью использования их в преступлении, а также пытаются удалить какую-либо значимую информацию о себе, если она где-то «всплывает».

Наилучшим способом для противодействия преступлений в сфере компьютерной информации, конечно же, будет возможность реализации правового регулирования, которое будет на «шаг впереди».

Тем самым, сотрудникам правоохранительных органов стоит учитывать все вышеперечисленные моменты и принять их во внимание для дальнейшей работы, чтобы своевременно оказывать противодействие нарушителям в компьютерной сфере.

Список литературы

1. Васильева, И. Н. Расследование инцидентов информационной безопасности: учебное пособие / И. Н. Васильева. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 113 с.

2. Евдокимов, К. Н. Актуальные вопросы предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации / К. Н Евдокимов // Академический юридический журнал. – № 1 (59). – 2015. – С.21-31.

3. Попов, А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 68 с.

4. Рослякова, О. А., Далинин, А. В., Зорина, Е. А. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2015. – 180 с.

УДК 343.241

Леонов Александр Владимирович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: leonov_a_v@ya.ru

Leonov Alexandr Vladimirovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: leonov_a_v@ya.ru

ГЕНЕЗИС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИИ

THE GENESIS OF COUNTERING ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN RUSSIA

В статье анализируется возникновение и развитие российского антинаркотического законодательства, приводятся результаты сравнительно-правового анализа его диспозиций и санкций, а также обсуждается необходимость систематизации механизма контроля за противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в России.

Ключевые слова: противодействие, наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот.

The article analyzes the emergence and development of Russian anti-drug legislation, presents the results of a comparative legal analysis of its dispositions and sanctions, and discusses the need to systematize the mechanism of control over countering illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in Russia.

Keywords: counteraction, narcotic drugs, psychotropic substances, illegal trafficking.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России занимают существенное место в структуре наркопреступности и посягают на здоровье не отдельного человека, «…а многих людей, нередко – достаточно значительное их число» [1, с. 20]. Последствия разрушительны: от медицинских до социальных.

На протяжении трех десятилетий уровень российской наркопреступности остается высоким. Сохранились ее отрицательные тенденции, среди них, как показывает практика, преобладание в молодежно-подростковой среде высококонцентрированных и дорогостоящих наркотиков, появление новых, наиболее опасных, привыкание к которым происходит уже с первого потребления, например, от спайсов, «дизайнерских наркотиков».

Общественная опасность наркопреступности проявляется не только в том, что начинающий употреблять наркотики постепенно заболевает наркоманией. Одновременно он совершает и преступление в виде незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления и (или) переработки наркотических средств и психотропных веществ. Общественная опасность последствий таких деяний проявляется в том, что позже такое лицо вынуждено перейти к сбыту указанных средств или веществ, так как болезнь, прогрессируя, будет вынуждать увеличивать дозу и частоту приема наркотика, а для этого нужны дополнительные денежные средства [2].

Для снижения уровня наркопреступности предпринимались разные меры, в том числе законодательные. Рассмотрение вопроса об эволюции норм права требует разъяснения некоторых ключевых понятий.

В частности, в соответствии с Федеральным законом от 8.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» под оборотом наркотических средств и психотропных веществ понимается разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации; а незаконный – это оборот, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации.

Между тем основа действующих норм в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, несомненно, была заложена нормами советского уголовного законодательства. Так, согласно Декрету № 1 «О суде», Советская власть разрешала судам руководствоваться «зако-

нами свергнутых правительств». Однако незаконный оборот наркотиков являлся исключением и не подпадал под юрисдикцию Декрета.

Это обстоятельство также подтверждает признание Советской властью особой социальной опасности наркопреступности, преодоление которой осуществлялось в первые годы с помощью иных нормативных документов. Деятельность торговцев наркотиками расценивалась сначала как пособничество контрреволюции, поэтому применялась практика внесудебных расстрелов как средства борьбы с врагами, которая впоследствии была упразднена.

Установление уголовной ответственности за конкретные незаконные действия в области незаконного оборота наркотиков постепенно становилось насущной потребностью. 25 декабря 1924 года ВЦИК и СНК приступили к обсуждению проекта постановления о дополнении УК РСФСР 1922 г. третьей статьей 140-д4.

Согласно ее диспозиции, преследовалось изготовление и хранение с целью сбыта и сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения. За совершение таких деяний предусматривалось наказание в виде лишения свободы «на срок до 3-х лет с конфискацией части имущества или без таковой конфискации и с воспрещением проживания в Москве, Ленинграде, в пограничной полосе и в портовых городах, список коих устанавливается по соглашению Народным Комиссариатом Внутренних Дел и Народным Комиссариатом Юстиции на срок не свыше 3-х лет». В дальнейшем статья 140-д УК РСФСР 1922 г. с незначительными редакционными изменениями преобразовалась в статью 104 УК РСФСР 1926 г. Последняя норма предусматривала теперь ответственность за изготовление и хранение с целью сбыта и сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения. В УК РСФСР 1926 года наблюдается смягчение ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

С 23 мая 1928 г. продолжается работа по расширению государственного контроля над оборотом наркотиков. В частности, значимо постановление ВЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 г. «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами».

В дальнейшем, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, для советского общества проблема незаконного оборота наркотиков была непервостепенной. Но уже с принятием уголовных кодексов союзных республик 1959-1961 г.г. уголовная ответственность за различные незаконные действия с наркотическими веществами значительно расширилась. Это связано прежде всего с ратификацией международных конвенций и соглашений, в частности, Единой конвенции о наркотических средствах (1963 г.); Венской Конвенции о психотропных веществах 1971 г. (1978 г.); Конвенции Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (1990 г.). Их основные положения были отражены в УК РСФСР 1960 г.

Наблюдается детализация уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ; нормы УК РСФСР все более специализируются, а санкции – ужесточаются. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1974 г. «Об усилении борьбы с наркоманией» впервые в истории отечественной юриспруденции установлена административная ответственность за потребление наркотиков без назначения врача. Введены институты уголовной ответственности за хищение наркотиков (ст. 224.1 УК), склонение к их потреблению (ст. 224.2 УК), организацию или содержание притонов для потребления наркотических средств (ст. 226.1 УК), незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ (ст. 226.2 УК).

Несмотря на ужесточение законодательства, улучшения наркоситуации не наступало. Кроме того, распад СССР и образование РФ, реформы во всех сферах жизнедеятельности общества переходного периода дополнительно спровоцировали значительный рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Серьезным шагом в развитии российского антинаркотического законодательства стала Концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации от 22 июля 1993 г. Она содержала комплексные меры по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Ее положения послужили основой для принятия Уголовного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Первичная редакция действующего УК РФ существенно изменила составы наркопреступлений, в том числе появились новые.

Ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ по действующему УК РФ (в первичной редакции) закреплялась в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» в ст. 228 УК РФ.

С 1998 г. первичная редакция ст. 228 УК РФ претерпела ряд изменений. Самые существенные из них были внесены Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ13, в соответствии с которым в терминологию введено понятие средней разовой дозы предмета преступления. Так, его крупным размером признавалось количество наркотического средства, психотропного вещества или их аналога, превышающее размеры средней разовой дозы потребления в десять и более раз, а особо крупным размером – в пятьдесят и более раз. Размеры таких средних разовых доз утверждало Правительство Российской Федерации. Такое нововведение частично парализовало работу оперативных сил, непосредственно занимающихся борьбой с незаконным оборотом наркотиков в то время. Так называемая десятикратная разовая доза представляла достаточно большой вес по разным видам наркотиков, намного больший по потребности для рядо вого наркопотребителя. Такая легализация, несомненно, сыграла на руку наркобизнесу.

В действующей редакции ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ уголовная ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотических

средств и психотропных веществ существенно ужесточена. Это результат и принятия положений ратифицированных международных договоров, конвенций и соглашений, в частности, Единой конвенции о наркотических средствах; Венской Конвенции о психотропных веществах; Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Необходимо отметить значимость международно-правовых норм, их высокую общественную важность, что, несомненно, в первую очередь, обеспечивало международное противодействие наркоугрозе и было направлено на реализацию интересов ряда стран, считающих незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ одним из основных источников организованной преступности и ее основным направлением.

В России на протяжении многих лет противодействия незаконному обороту наркотиков реализовывались две стратегии.

Они также отражены в документах ООН: сокращение незаконного спроса и сокращение незаконного предложения наркотиков и психоактивных веществ.

Кроме того, заметим, что в законодательстве государств-участников международного взаимодействия присутствуют различия. Прежде всего отличаются перечни наркотических средств, психотропных веществ, подлежащих контролю. Различен порядок установления мер контроля за их оборотом. Различны и меры ответственности за правонарушения, связанные с ним.

Эти разногласия требуют устранения или сведения их до минимума. Это возможно на основе разработки и принятия модельного законодательства в национальном законотворчестве.

Конечно, международное законодательство носит рекомендательный характер, однако если его принять за основу в национальном законодательстве, тогда сформируется больше вопросов для международного взаимодействия, противодействие незаконному обороту наркотиков и психоактивных веществ однозначно станет эффективнее.

С целью систематизации механизма контроля за наркотиками была принята Единая конвенция о наркотических средствах, вступившая в силу с 1964 года, в результате чего договоры по опиатам, каннабису и кокаину, заключенные перед Второй мировой войной, были отменены. Конвенция установила жесткий контроль над производством опия, дополнила список культивирования растений, подлежащих международному контролю, кокаиновым кустом и каннабисом. Россия выполнила эти требования и до настоящего времени их соблюдает. Дополнивший Конвенцию Протокол 1972 года указал на необходимость расширения усилий по предупреждению незаконного оборота наркотиков [3].

В связи с распространением случаев негативного воздействия на человека психотропных веществ в 1971 году принята Конвенция о психотропных веществах. В результате система международного контроля над наркотиками была расширена галлюциногенами, такими как: ЛСД и мескалин; стимуляторами, такими как: амфетамины; седативно-гипнотические средствами, например, барбитуратами.

В 1988 году международное сообщество ознакомилось с положениями Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, логично завершающей триаду конвенций в исследуемой сфере. Она содержала нормы, предусматривающие меры по конфискации доходов и собственности, полученных от незаконного оборота наркотиков; направлена против каких-либо убежищ для торговцев наркотиками и на взаимную международную юридическую помощь.

Их соблюдение и сегодня является залогом успешности в общемировом процессе противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Кроме того, в этой Конвенции предписано обязательство, направленное на сокращение незаконного спроса на запрещенные в гражданском обороте средства и вещества. Содержала Конвенция и обязательства по пресечению поступления наркотических средств и психотропных веществ из легального оборота в нелегальный. Для принятия таких мер государствам предоставлялось право самостоятельно определить среди них эффективные [4].

Подводя итог, следует отметить, что первый международно-правовой акт, содержащий систему норм по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в мире – это Единая конвенция 1961 г.

Нормы Конвенции 1971 г. расширили сферу международного контроля списком психотропных веществ. Нормы, предусмотренные для него, направлены на защиту здоровья населения. Все конвенции взаимосвязаны этой целью и дополняют друг друга. Россия неукоснительно много лет следовала предписаниям этих международно-правовых документов, реализовывала предписанные положения в национальных нормах-запретах в рамках уголовного и административного законодательства. Идеи либерального подхода к вопросу международного и национального контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в России до настоящего времени не приняты.

Список литературы

1. Белецкая, А. А. Медицинские и социальные последствия наркомании и токсикомании // Проблемы законности. – 2013. – № 124. – С. 3–6.

2. Прохорова, М. Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – 384 с.

3. Ермаков, Ю. М., Исаков, С. А., Симоненко, А. В., Новиков, В. П. Наркомания и незаконный оборот наркотиков. Вопросы теории и практики / под ред. С. Я. Лебедева. – Москва: Юнити, 2008. – 304 с.

4. Судакова, Т. М. Социальная обусловленность и некоторые правовые проблемы противодействия преступному обороту новых видов наркотиков // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. – Т. 26. – № 4.

5. Воронин, М. Ю., Гирько, С. И., Драган, Г. Н. Комментарий к Федеральному закону от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (постатейный). – Москва: Деловой двор, 2009. – 320 с.

УДК 343.3/.7

Лужецкий Максим Михайлович,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: luzhetsky.maksim@gmail.com

Luzhetskii Maksim Mikhailovich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: luzhetsky.maksim@gmail.com

СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

OFFENCES OF CORRUPTION CRIMES IN STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

В статье приводится анализ действующего антикоррупционного законодательства на наличие исчерпывающего перечня составов коррупционных преступлений. Анализируются подзаконные нормативные акты и судебная практика на предмет нормативного закрепления состава преступлений коррупционной направленности, их категории и классификации. В статье раскрываются критерии, которые могут быть положены в основу систематизации преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок посредством раскрытия содержания трудов ученых-юристов. В конце работы делаются выводы о невозможности определения исчерпывающего перечня составов преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок, равно как и универсального критерия классификации коррупционных правонарушений в сфере в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: коррупция, государственные закупки, уголовное право, уголовный кодекс, состав преступления, законодательство РФ.

The article provides an analysis of existing anti-corruption legislation for the presence of an exhaustive list of offences. The subordinate legislation and judicial practice are analyzed for the existence of a normative consolidation for corruption offences, categories and classifications. The article reveals the criteria which can be the basis for systematization of corruption crimes in public and municipal procurement by disclosing works of legal scholars. The conclusion is made about impossibility of an exhaustive list for corruption offences in public and municipal procurement as well as universal criteria their classifications.

Keywords: corruption, public procurement, criminal law, criminal code, offence, legislation of the Russian Federation.

Сфера государственных и муниципальных закупок подвержена огромному коррупционному влиянию. Основные причины этого – огромные суммы государственных (муниципальных) контрактов и расход значительных бюджетных средств. В России меры противодействия коррупции в закупочной деятельности традиционно находятся в центре государственного и общественного внимания. Совокупность данных факторов перманентно актуализируют проблему построения рецентной системы антикоррупционных мер [1].

В целом вся деятельность, связанная с публичными закупками, носит ярко выраженный социальный характер, все объекты закупки – это не просто объекты гражданских прав, это объекты социального назначения. И бизнес-отношения с государством тоже следует считать не обычным, а социальным предпринимательством, имеющим повышенную степень ответственности [2].

Таким образом, нормативное регулирование антикоррупционной сферы должно являться важнейшей частью законотворческого и правоприменительного процессов в России. Необходимость единообразного подхода в применении уголовно-правовых норм будет способствовать правильной квалификации преступных деяний коррупционной направленности. А теоретическое отнесение составов преступлений к коррупционным может служить хорошим ориентиром для устойчивой нормативной базы всей антикоррупционной сферы.

Однако возникает вопрос о том, можем ли мы определить исчерпывающий перечень преступлений, относящиеся к категории коррупционные? И можно ли по содержанию тех или иных правовых норм определить, какие составы коррупционных правонарушений можно применить к сфере государственных и муниципальных закупок. Попытаться ответить на поставленные вопросы нам поможет толкование норм права, анализ судебной практики и изучение мнений ученых-юристов, исследующих данную проблематику.

Коррупцией, прежде всего, считают: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп. Это указано в статье 1 ФЗ № 273 [3]. Анализируя данную статью закона можно выделить такие составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 285, 291, 290, 201, 204 УК РФ.

Однако ограничиваться лишь перечнем этих статей невозможно. Поэтому законодатель далее в той же статье указывает открытый перечень составов преступлений коррупционной направленности, в подтверждении чего служит формулировка «иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества…», дополняя отдельным подпунктом совершения вышесказанных деяний «от имени или в интересах юридического лица».

Однако далее, в последующих статьях ФЗ № 273, ответа на поставленные нами вопросы в законе не следует. Указаний на какие-либо категории

преступлений коррупционной направленности или же определенного списка составов коррупционных преступлений (как и отсылочных норм) в законе не имеется. Поэтому для ответа на поставленные вопросы необходимо самостоятельно обращаться в иные нормативные акты и судебную практику.

Так, например, отвечая на вопрос об определении списка преступлений, относящиеся к категории коррупционные, можно утверждать, что такой список действительно есть и он установлен в совместном Указании Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 17 января 2023 года «О введении в действие перечней статей уголовного кодекса Российской Федерации, использующиеся при формировании Статистической отчетности» [4]. Данный документ в первую очередь необходим для заполнения статистических карточек для осуществления единого учета преступлений в РФ. Для нас данный документ полезен тем, что мы можем посмотреть на то, как органы следствия и прокуратуры в России тем или иным образом относят преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, к категории коррупционных. В перечне № 23 «Преступления коррупционной направленности», выделены определенные категории правонарушений, относящиеся к таковым.

Так, в первой категории преступлений указаны не конкретный перечень составов преступлений, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, а просто указание на преступления, которые одновременно должны отвечать ряду признаков, а именно: субъектом преступления является лицо, подпадающее под критерии, указанные либо в примечании к ст. 285 УК РФ (Злоупотребление должностными полномочиями), либо в примечании к ст. 201 УК РФ (Злоупотребление полномочиями); наличие связи деяния субъекта преступления с его служебным положением; наличие корыстного мотива. И даже тут указывается исключение в виде преступлений, хоть и не отвечающих указанным требованиям, но относящимся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством и т. д. Указание или отсылка на такие международно-правовые акты в документе не дается.

Далее в Указании преступления коррупционной направленности подразделяются на две группы. К первой категории относятся коррупционные преступления без каких-либо дополнительных условий. Это составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 141.1, 184, ст. ст. 200.5, 200.7, 204, 204.1, 204.2, п. "а" ч. 2 ст. 226.1, п. "б" ч. 2 ст. 229.1, ст. ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ. Данные статьи являются «основными» в определении преступления как коррупционного и именно их всегда подразумевают, когда говорят непосредственно о совершении коррупционных действий.

Ко второй группе относят преступления к коррупционным только лишь при наличии определенных условий. Эти условия также указаны в документе, а также перечислены их составы:

Составы, предусмотренные ст. ст. 174, 174.1, 175, ч. 3 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ, при условии, что есть основной состав преступления, отнесенного к коррупционному, а также составы, предусмотренные ст. ст. 294, 295, 296, 302, 307, 309 УК РФ, при условии, что есть основной состав преступления, отнесенный к коррупционному в соответствии с международными актами;

Составы, предусмотренные п. п. "а" и "б" ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. ст. 170, 200.6, 201, 201.1, 201.2, 201.3, 202, ч. 2 и 2.1 ст. 258.1, ст. ст. 285, 285.1, 285.2, 285.3, 285.4, 285.5, 285.6, ч. 1, 2 и п. "в" ч. 3 ст. 286, ст. 292, ч. 3 ст. 299, ч. 2 и 4 ст. 303, ст. 305 УК РФ, при условии совершения преступления с корыстным мотивом;

Составы, предусмотренные ст. 226, ч. 2 ст. 228.2, п. "в" ч. 2 ст. 229 УК РФ; ч. 3 ст. 226.1, ч. 3 и 4 ст. 229.1 УК РФ; ч. 3 и 4 ст. 183, п. "б" ч. 4 ст. 228.1, п. "б" ч. 2 ст. 228.4, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 и 3.1 ст. 258.1, п. "в" ч. 2 и ч. 3 ст. 260, ч. 1 и 3 ст. 303, ст. ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ; ч. 3, 4, 5, 6 и 7 ст. 159, ч. 3 и 4 ст. 159.1, ч. 3 и 4 ст. 159.2, ч. 3 и 4 ст. 159.3, ч. 3 и 4 ст. 159.5, ч. 3 и 4 ст. 159.6, ч. 3 и 4 ст. 160, ч. 3 и 4 ст. 229 УК РФ; ч. 3 ст. 207.3, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, п. п. "а" и "г" ч. 2 ст. 207.3 УК РФ при условии корыстного мотива и (или) особого субъекта преступления (должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим и т. д.).

Мы можем увидеть, что органы внутренних дел и прокуратуры РФ пошли по пути широкого понимания терминов «коррупция» и «преступления коррупционной направленности». Сюда были включены как «классические» составы коррупционных преступлений (ст. 204, 289, 290, 291 УК РФ и т. д.), так и ряд других, которые могут быть отнесены к коррупционным по ряду квалифицирующих признаков. Но как мы можем увидеть из первой категории преступлений, раскрытые в Указании, любое преступление, предусмотренное Уголовным кодексом РФ, может быть отнесено к коррупционному, если оно одновременно отвечает ряду признаков (корыстный мотив, служебное положение и связь деяния с этим положением).

Перечень коррупционных преступлений также присутствует в судебной практике, которое было истолковано Верховным судом РФ, где все составы были разделены на две группы. Это составы, относящиеся к взяточничеству (статьи 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) и иным коррупционным преступлениям (в частности, предусмотренные статьями 159, 160, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 292, 304 УК РФ) [5]. Однако согласится с тем, что данными составами преступления можно ограничить список коррупционных преступлений будет неправильно хотя бы потому, что непосредственно в ФЗ № 273-ФЗ в определении «коррупция» указан такие состав как Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и Злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) и другие.

Еще сложнее обстоят дела с определением исчерпывающего списка составов преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок. Каких-либо нормативно-правовых актов, инструкций или указаний, четко регулирующих и определяющих такой список, нет.

Шурпатов Ш. М. в своей статье исследует проблему научно обоснованной систематизации преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок товаров, работ, услуг, для обеспечения государственных и муниципальных нужд [6].

В большей части его работы происходит анализ уже существующих подходов для классификации коррупционных преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок. Так исследуется подход Назаровой Д. С., которая в своей работе выделяет преступления по совершаемым участника-

ми или исполнителями: организатором или заказчиком (хищения денежных средств с использованием поддельных документов о проведении закупки и исполнении контракта); участниками закупки или исполнителями (хищения денежных средств при заключении контракта без намерения его исполнять); должностными лицами контролирующих органов (получение взятки, служебный подлог).

Анализируется классификация Е. Н. Земскова по критерию способа их совершения: хищения, характерные преимущественно для этапа исполнения контракта, типичными способами которых называет завышение объема фактически выполненных работ, оказанных услуг, поставленных товаров, заключение контракта с фирмами, не ведущими хозяйственную деятельность, и др.; причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием; незаконное предпринимательство; ограничение конкуренции; злоупотребление должностными полномочиями; превышение должностных полномочий; взяточничество и коммерческий подкуп; служебный подлог; халатность; самоуправство.

Также акцент делается на трудах О. В. Синчурина, который делит коррупционные преступления в сфере закупок на виды преступлений, совершаемых на этапах: планирования закупок, определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключения государственного контракта, исполнения контракта, мониторинга закупок, аудита в сфере закупок, контроля за соблюдением контрактного законодательства

В конце своей работы автор делает общий вывод что все преступления коррупционной направленности, совершаемые в сфере государственных и муниципальных закупок, могут группироваться по разным основаниям, таким как: по обстановке совершения преступления, способу совершения преступления, субъекту посягательства.

Данный вывод приводит нас к тому, что нет, и не может быть универсальной классификации коррупционных правонарушений в закупках по какому-то единичному критерию, основанию или признаку. Также и нельзя привести конкретный перечень составов правонарушений, который мог бы отграничить коррупционные преступления от всех иных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выделить конкретный перечень составов преступлений коррупционной направленности не представляется возможным. Все имеющиеся нормативно-правовые акты, судебная практика, и труды ученых указывают на толкования коррупционных преступлений в широком понимании этого термина, с указанием открытого перечня составов преступлений. Коррупционные преступления в сфере закупок можно делить на определенные категории, в зависимости от этапа исполнения контракта, субъектам закупок, способа совершения. Одновременно это возможность для простого внедрения новых составов преступления в сферу закупочной деятельности и отнесения их к коррупционным. С другой стороны, это создает риск неустойчивости для всей антикоррупционной сферы проявляющееся в скудном применении тех или иных составов преступлений как «ненужных», трудно раскрываемых и якобы никак не связанных с коррупцией, как это было ранее со ст. 178 УК РФ «Ответственность за ограничение конкуренции» из-за отсутствия судебной практики. Однако в настоящее время органы антимонопольной службы все чаще выявляют сго-

вор между субъектами-конкурентами, проводят проверки и направляют материалы дела в следственные органы для возбуждения уголовного дела [7].

Список литературы

1. Губенко, Е. С. К вопросу о противодействии коррупции в публичных закупках // Конкурентное право. 2015. № 3. С. 31 – 33.

2. Беляева, О. А. Направления повышения эффективности противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок / Беляева О. А., Цирин А. М. // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 152 – 162.

3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.

4. Указание Генпрокуратуры России N 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета, № 154, 17.07.2013.

6. Шурпаев, Ш. М. Криминологическая классификация преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок // Безопасность бизнеса. 2019. № 6. С. 37 - 41.

7. Обзор судебной практики по делам об ограничивающих конкуренцию соглашениях при осуществлении закупок товаров, работ, услуг у единственного поставщика в соответствии с 223-ФЗ (май 2020 года) // СПС КонсультантПлюс. 2020.

УДК 343.541

Мамедов Аслан Гюльоглан оглы,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: cocos.mamedov@gmail.com

Mamedov Aslan Guloglan ogli,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: cocos.mamedov@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF VIOLENT CRIMES

Преступления против здоровья человека продолжительное время являются наиболее распространенными видами преступлений против личности. Преступления против здоровья стабильно присутствуют в общем объеме регистрируемой преступности. Анализ практики уголовной ответственности за преступления против здоровья свидетельствует о том, что соответствующие положения Уголовного кодекса Российской Федерации противоречивы

и имеют ряд недостатков, требующих разработки научных концепций для их устранения. Эти недостатки касаются различных аспектов проблемы, а именно нормативного аспекта предупреждения насильственной преступности, проблем квалификации насильственных преступлений и пробелов в толковании оценок, общих недостатков национального законодательства.

Ключевые слова: насильственные преступления, проблемы квалификации, здоровье человека, толкование.

Crimes against human health have been the most frequently committed types of crimes against the person for a long time. Health crimes have are consistently present in the total volume of recorded crime. Analysis of the practice of criminal liability for crimes against health indicates that the relevant provisions of the Criminal Code of the Russian Federation are contradictory and have a number of shortcomings that require the development of scientific concepts to eliminate them. These shortcomings relate to various aspects of the problem, namely the normative aspect of the prevention of violent crime, problems of qualification of violent crimes and gaps in the interpretation of assessments, general shortcomings of national legislation.

Keywords: violent crimes, qualification problems, human health, interpretation.

Исследования судебной практики и расследований преступлений показывают, что трудно разграничить такие насильственные преступления, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, покушение на убийство, само убийство и факт неосторожного причинения смерти. Это вызывает определенные трудности при квалификации преступлений [2, с.121].

Физическое насилие, как признак состава преступления, направлено на причинение вреда гражданину (побои, телесное повреждение, опасность и иные связанные с этим деяния, в том числе предусмотренные частью 1 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) [1], иные действия, связано с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением свободы.

Учитывая эти обстоятельства, необходимо установить нормы, которым необходимо следовать при квалификации насильственного преступления, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или насилия, не угрожающего жизни или здоровью. Если преступление является средством совершения другого преступления, всегда более тяжкого, то совокупности преступлений не существует и при квалификации их относят к категории единых сложных преступлений.

Если способ совершения насильственного преступления по тяжести больше, чем опасность составного преступления, это должно быть признано как совокупность преступлений.

В случае состава преступления с применением насилия, результат которого характеризуется тяжким или легким вредом для здоровья, телесными страданиями, невозможностью защитить себя, лишением свободы в связи

с похищением человека или удержанием, то при установлении какие виды физического вреда входят в состав сложных преступлений с применением насилия (единое преступление) и какие виды насильственных следов требуют дополнительной квалификации (идеальная совокупность), необходимо определить соотношение между размерами наказания за сложные преступления, когда имеет место физическое насилие и наказания за общеуголовные преступления, связанные с насилием против жизни, здоровья и свободы (ст. 111, 112, 115, 116, 117, 126, 127 УК РФ) [7, с. 27].

При оценке строгости наказаний, указанных в данных составах путем сопоставления в уголовно-правовой теории и практике, принято рассматривать не только наказания за основные составы насильственных преступлений, но и наказания за за квалифицированные составы данных преступлений.

Например, статья 318 УК РФ не требует дополнительной квалификации в соответствии со статьей 111 УК РФ, если представителю власти причинен тяжкий вред здоровью, так как за первое преступление предусмотрено более строгое наказание, чем за второе. Однако, если это же преступление совершалось группой лиц, требуется дополнительная квалификация в соответствии со п «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, по которой назначается более суровое наказание. Согласно этой логике, применение силы в отношении представителей государства в форме умышленного нанесения телесных повреждений в любом случае потребует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 111 УК РФ, поскольку наказание, назначаемое в виде ограничения свободы за данное преступление, является более строгим, чем наказание, предусмотренное частью 2 статьи 318 УК РФ.

Такой подход нельзя признать полностью правильным. Во-первых, идеальной совокупности преступлений рассматриваемых статей не будет, поскольку эти нормы уголовного права конкурируют друг с другом как общая и специальная. Во-вторых, если умышленное причинение тяжкого вреда здоровью путем применения силы в отношении должностного лица при определенных обстоятельствах рассматривается только в ч. 2 ст. 318 УК РФ. При иных обстоятельствах преступления образуют совокупность, например ч. 2 ст. 318 и п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, но в то же время такое решение не соответствует ч. 2 ст. 6 УК РФ. В соответствии со статьей 6 УК РФ нельзя привлекать к уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление, поскольку в данном случае виновному вменяется одновременно две статьи УК РФ.

Такого несоответствия не будет, если для определения объема понятия насилия, опасного для жизни или здоровья, в ст. 318 УК РФ применять меру наказания, указанную не ч. 2, 3 или 4 данной статьи, а не ч. 1. Так, санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ (до 8 лет лишения свободы) является менее строгой, чем санкция ч. 2 ст. 318 УК РФ (до 10 лет). То есть, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью представителя власти должно квалифицироваться только по ч. 2 ст. 318 УК РФ. При этом при наличии квалифицирующих признаков, по ч. 2 или 3 ст. 111 УК РФ, их включают в объем обвинения в качестве обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ). Получается, что применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении

представителя власти или его близких в виде причинения тяжкого вреда здоровью, если по неосторожности наступила смерть потерпевшего, следует квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 318 и ст. 109 УК РФ.

В настоящее время в уголовной теории и практике все чаще и чаще встает вопрос о разграничении насильственных составов, например, требуют внимания составы, предусмотренные ч.1 ст. 105 УК РФ (убийство) и ч.4 ст.111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, повлекшее причинение смерти по неосторожности). Именно эти два деяния правоприменителю сложно разграничить, поэтому проведем их тщательный анализ. При этом сам законодатель в данных составах для применения указывает самый значимый, на его взгляд, признак - наличие или отсутствие умысла. При убийстве следует прямой либо косвенный умысел, при причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть - двойная форма вины.

Однако важно понимать тот важный момент, что смежность составов еще не вызывает затруднений в разграничении, как например, ст.105 и ст.109 УК РФ, поскольку явно прослеживается причинно-следственная связь между действием (бездействием) и последствиями, например последующая гибель людей после стрельба в тело жертвы, поскольку от огнестрельных ран, несовместимых с жизнью, наступает смерть, а при неосторожности причинно-следственная цепочка затягивается на более длительный срок. Связь в том, что, например, при выгрузке груза один из грузчиков включает зажигание для прогрева, забывает, что за машиной находится человек и машина толкает грузчика и водителя, в результате чего наступает их смерть. Умысел, являющийся основным определителем правовых пределов такого состава, гораздо практичнее, чем сопоставление состава, предусмотренного ч. 1 ст.105 УК РФ и ч.4 ст. 111 УК РФ [4, с. 59].

Позиция представителей Пленума Верховного Суда Российской Федерации по обсуждаемому вопросу такова: «умысел преступника при совершении убийства заключался в том, чтобы убить потерпевшего, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности» [8].

Предлагаемая позиция ничего не объясняет по существу и сводится к утверждению о том, что субъективная сторона обязана определять совершенное деяние. Позиция Верховного суда диктует, как устанавливать намерения исходя из объективной реальности. Это означает начинать со всего контекста сюжета, особенно с точки зрения методов и средств, количество и место телесных повреждений (например, повреждение жизненно важных органов), а также поведение до и после преступников и жертв, а также их взаимоотношения.

Приведем пример. У. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.105 УК РФ, поскольку находился в состоянии алкогольного опьянения, и на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, у него возник преступный умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, в отношении Б. С

этой целью, У., действуя умышленно, с силой наносил Б. множественные удары рукой в жизненно-важные органы до момента потери сознания потерпевшего. Лежащему на полу Б. У., умышленно продолжал наносить множественные удары, потом продолжил распивать спиртные напитки. Согласно заключения судебно-медицинской экспертизы смерть Б. наступила от нанесенных повреждений. Указанное повреждение соответствует медицинским критериям тяжкого вреда здоровью человека по признаку опасности для жизни, и находится в прямой причинной связи с наступлением смерти. В судебном заседании У. вину признал частично, указал, что заявленная обвинением квалификация по ч.1 ст. 105 УК РФ неверная, он признает, что бил Б. руками около 10 раз по лицу, но умысла на убийство не было.

Суд установил, что У. нанося удары по голове и телу Б., не предвидел возможность или неизбежность наступления смерти последнего и не желал либо сознательно не допускал наступление смерти. В данном случае усматривается неосторожное отношение У. к наступлению смерти Б. При нанесении ударов, умыслом подсудимого охватывалось наступление тяжких последствий для Б. [9]. Таким образом, суд признал У. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Преступные инструменты и методы указывают на то, в какой степени человек готов совершить преступление и намерен ли он был совершить другие преступления (изготовить оружие и боеприпасы и т. д.). Однако на самом деле этот признак не является главным. Потому что, несмотря на запланированные намерения, предметы обихода часто используются в качестве оружия для совершения убийства или не используются вообще.

Например в драке, которая велась на почве личной неприязни, обвиняемый С. не менее двух раз надавил Л. на шею потерпевшего, в результате чего потерпевший погиб. В данной ситуации невозможно определить приоритетность способа и меры преступления и орудия совершения преступления [10].

В целом, разграничивая покушение на убийство и умышленное причинение вреда здоровью, следует отметить, что объективные стороны этих преступлений очень схожи. Особенностью этих преступлений является содержание умысла. В судебной практике есть ошибки. Иными словами, покушение на убийство считается актом с косвенным умыслом, если преступник не преследует цели смерти. При покушении на убийство единственной целью действий человека является причинение смерти потерпевшему. Однако нарушитель не может осуществить запланированное действие по независящим от него причинам, таким как чрезмерное сопротивление со стороны потерпевшего или вмешательство третьих лиц.

Причиняя тяжкие телесные повреждения, преступник осознает тяжкие социальные последствия своих действий, предвидит возможность причинения тяжких телесных повреждений потерпевшему и желает наступления этих последствий. Это считается прямым умыслом. Если преступнику все равно, мы видим в его действиях косвенные намерения. Поэтому при разграничении покушения на убийство и насильственного нападения в первую очередь необходимо установить умысел. Не является покушением на убий-

ство в случае прямого умысла причинить серьезный вред здоровью или бездействию преступника [5, с. 14].

Различие между убийством, вызванным смертью жертвы по неосторожности, и насильственным нападением должно проводиться по субъективной стороне. Серьезной проблемой в правоприменительной практике является разграничение умышленного причинения тяжких телесных повреждений, в том числе смерти (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и неосторожности (ст. 109 УК РФ).

Как отмечает Д. В. Голенко, «если у виновного отсутствовал умысел (прямой или косвенный) на причинение тяжкого вреда здоровью и смерти потерпевшего, но по обстоятельствам дела он должен был и мог предвидеть наступившие последствия (смерть потерпевшего), его действия квалифицируются как причинение смерти по неосторожности, так например, виновный толкнул потерпевшего, который, не удержавшись на ногах, так как находился в алкогольном опьянении, упал и ударился головной о бордюр, от причиненных телесных повреждений наступила смерть потерпевшего» [3, с. 117].

Отличие от деяния по ст. 109 УК РФ охватывает непосредственные причины причинения тяжкого вреда здоровью. Так, при причинении смерти по неосторожности одновременное причинение тяжкого вреда, не является обязательным признаком, и в целом последний признак может отсутствовать [6, с. 160].

Можно сделать вывод, что конкретизации умысла заключается в двух видах – прямого или косвенного, и в случае причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, вина субъекта будет считаться умышленной. Однако, поскольку убийство было совершено с косвенным умыслом, преступник в данном случае предвидел возможность смерти потерпевшего. Рассматривая отношение преступника к смерти потерпевшего, связь со смертью состоит в том, что у субъекта есть определенные предпосылки предотвратить это в дальнейшем, но расчет оказывается безрассудным.

Предшествующее и последующее поведение лица так же может свидетельствовать о тех или иных намерениях субъекта при совершении деяния, но, опять же, в совокупности с остальными признаками, выделяемыми Верховным Судом. Предлагается в каждой конкретной ситуации действовать согласно обстоятельствам, однако необходимость в составлении более конкретных правовых или хотя бы правоприменительных предписаний присутствует.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы: закон и правоприменитель делают основной акцент на форме вины, Верховный Суд указывает на необходимость обращать внимание на все обстоятельства дела, мы указываем на локализацию нанесенных повреждений как на наиболее важный фактор при квалификации деяния.

В заключение отметим, что в научной среде существует мнение по поводу ненужности состава, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку, по мнению некоторых авторов, данный состав является лишним, так как нанесение вреда, опасного для жизни и здоровья, само по себе указы-

вает на необходимость осознания лицом последствия своих действий, т. е. ч. 4 ст. 111 УК РФ – всего лишь убийство с косвенным умыслом. Главным критерием разграничения насильственных составов является психическое отношение виновного к наступившим последствия в виде смерти потерпевшего.

Проанализировав ч. 4 ст. 111 УК РФ можно прийти к выводу, что законодатель объединил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожное причинение смерти (ст. 109 УК РФ). Данные составы могу самостоятельно существовать, но при сочетании они образуют совершенно иное преступление со специфическим субъективным составом. Эти преступления имеют схожий признак, это неосторожное отношение к наступившему последствию и виде смерти потерпевшего, но также имеется и отличие, которое заключается в свойстве умысла виновного лица при причинении тяжкого вреда здоровью. По ч. 4 ст. 111 УК РФ ответственность наступает при условии, что, совершая противоправные деяния, виновный предвидел возможность причинения тяжкого вреда здоровью и желал подобный результат. Ответственность по причинению смерти по неосторожности наступает, когда виновный при совершении противоправных действий не желал ни причинения тяжкого вреда здоровью, ни причинения смерти потерпевшему.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая и Особенная части. Практикум: учебное пособие для вузов / В. Б. Боровиков. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 375 с.

3. Горева, А. В. Теоретические проблемы преступлений, ставящих в опасность здоровье человека / А. В. Горева // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: сборник статей по итогам Международной научно- практической конференции. – М., – 2019. – С. 116-119.

4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 371 с.

5. Сапожникова, К. А. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего от убийства / К. А. Сапожникова // Отечественная юриспруденция. - 2017. - № 5. - С. 12-18.

6. Сокольников, Ю. А. Проблемы отграничения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, от смежных составов преступления / Ю. А. Сокольников // Молодой ученый. – 2018. – № 38 (224). – С. 160-165.

7. Шарапов, Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений / Р. Д. Шарапов // Уголовное право. – 2015. - № 1. - С. 23-30.

8. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Приговор Чесменского районного суда (Челябинская область) № 1-63/2021 от 28 июля 2021 г. по делу № 1-63/2021 // https://sudact.ru/regular/doc/h2hm9Fngno6m/(дата обращения 19.02.2023).

10. Приговор № 1-75/2017 от 30.03.2017 по делу №1-75-17. Кировский районный суд, г. Кемерово (Кемеровская область) //URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-105-uk-rf-ubij stvo/prigovor-suda-po-ch. -1-st.-105-uk-rf--1-752017--ubij stvo.html (дата обращения 19.02.2023).

УДК 343.1

Отараев Дзамболат Аланович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: Otaraev@icloud.com

Otaraev Dzambolat Alanovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: Otaraev@icloud.com

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА И ЕГО РОЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

POWERS OF THE COURT AND ITS ROLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Рассмотрение полномочий суда и его роли в уголовном судопроизводстве, сегодня, является актуальной темой и требует от правоведов отдельного внимания. В данной статье рассматриваются функции, роль и полномочия суда в уголовном процессе, в такой системе, как уголовное судопроизводство, у суда положение исключительное, так как непосредственно суд - государственный орган, который олицетворяет собой судебную власть. Для того, чтобы правильно представлять эту роль, в статье дано определение судебной власти и то, каким образом происходит ее проявление в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: защита, судебный орган, суд, власть, функция, роль, полномочия, уголовное судопроизводство.

Consideration of the powers of the court and its role in criminal proceedings, today, is a hot topic and requires special attention from lawyers. This article discusses the functions, role and powers of the court in the criminal process, in a system such as criminal justice, the court has an exceptional position, since the court itself is a state body that personifies the judiciary. In order to correctly represent this role, the article defines the judiciary and how it manifests itself in the field of criminal justice.

Keywords: protection, judicial body, court, power, function, role, powers, criminal proceedings.

Самостоятельному, независимому и беспристрастному субъекту, которым является суд, в уголовном судопроизводстве отведена роль принятия решения по любому процессуально правовому спору, которое в свою очередь должно быть максимально объектным и справедливым. Эта роль указана в основном законе страны Конституции РФ от 1993 года [1].

Согласно статье 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» «Судебная власть в РФ осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных заседателей» [2].

Авторы А. С. Шаталов и А. А. Крымов считают, что уголовное судопроизводство есть единственно возможное и необходимое средство реализации судебной власти в процессе производства по уголовным делам, а судьи вместе с составом суда единственные кто правомочны судебную власть осуществлять [3].

В уголовном судопроизводстве имеются досудебный стадий, в которых участвует не только суд, но и органы исполнительной власти, которые осуществляют уголовное обвинение. Эта особенность – наличие досудебных стадий и отличает уголовное судопроизводства от гражданского, административного или конституционного судопроизводств.

Одной из функций суда в уголовном процессе является судебный контроль, который заключается в проверке судом законности и обоснованности действий, либо бездействия органов государственной власти и должностных лиц, участвующих в процессе. Суд также ведет контроль качества принимаемых ими решений.

Реализуя свои функции, суд пользуется широким кругом полномочий, которые необходимы для рассмотрения дела по существу и его разрешения, осуществления судебного контроля, реализации процессуальных организационно-распорядительных действий в рамках своих полномочий. К полномочиям суда при разрешении дела относят:

признание лица виновным и назначение ему наказания;

признание лица невиновным и вынесение оправдательного приговора;

принятие решения по вопросу о наказании;

применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера;

прекращение уголовного дела.

Автор А. М. Исаева выделяет такие выды судебного контроля как:

предварительный и последующий контроль в досудебных стадиях;

контроль вышестоящих судебных инстанций;

корректирующий судебный контроль в стадии исполнения приговора [4].

По мнению автора Г. Т. Ермошина, в процессе предварительного судебного контроля, в досудебных стадиях суд осуществляет проверку законности действий дознавателя или следователя в следующих ситуациях:

решение вопроса о возбуждении уголовного дела либо о привлечении в качестве обвиняемого в отношении лиц отдельных категорий;

о проведении в отношении этих лиц оперативно-розыскных или следственных действий;

намерение осуществить следственное действие, производство которого допускается только по решению суда при избрании меры пресечения или применении иной меры процессуального принуждения, допускаемой только по решению суда [5].

Коллегия Верховного суда РФ в составе трех судей, при процедуре привлечения в качестве обвиняемого лиц отдельных категорий, выносит заключение о наличии или отсутствии признаков преступления в действиях отдельных категорий лиц, которые пользуются процессуальным иммунитетом. К таковым лицам относятся, например – Председатель Следственного комитета или Генеральный прокурор РФ.

Судебный контроль предусмотрен при:

избрании меры пресечения, например заключение под стражу, домашний арест;

продление срока содержания под стражей;

наложение ареста на имущество, включая денежные средства, находящиеся на счетах в банках, иных кредитных организациях, а так же вклады;

временное отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности.

Последующий судебный контроль суд осуществляет в рамках проверки процессуальных действий или бездействия совершенных прокурором, следователем или дознавателем. Это необходимо необходимо в случаях обжалования участниками процесса этих действий или бездействия, по факту нарушения их конституционных прав.

Потерпевший, подозреваемый или обвиняемый по делу, могут подать жалобу как сами, так и через своих представителей. Также, правом подать жалобу обладают иные участники процесса, в том числе свидетели.

При обжаловании участниками процесса приговора или иного решения суда, имеет место судебный контроль вышестоящих судебных инстанций. Процессуальным законом предусмотрены такие формы проверки судебных актов как:

апелляция;

кассация;

надзор ввиду новых, либо вновь открывшихся обстоятельств.

Инстанция, являющаяся вышестоящей по отношению к суду, принявшему обжалуемое решение, в пределах своих полномочий осуществляет проверку законности, обоснованности и справедливости данного решения. В случае выявления ошибок, допущенных судом низшей инстанции, суд высшей инстанции принимает меры к изменению или отмене вынесенного этого решения.

Все полномочия процессуального и организационно-распорядительного характера, осуществляются судьей на всех судебных стадиях процесса [6].

Властный характер является одной из особенностей полномочий суда, выражается это в процессуальных актах, таких как: приговор, постановление или определение. Приговор является наиболее важным и значимым из данных судебных актов. Приговор выноситься именем Российской Федерации, является обязательным и исключительным в каждом отдельно взятом уголовном деле, в котором данный процессуальный акт имеет место быть.

Приговор имеет свойство вступать в законную силу. Вступивший в законную силу приговор завершает рассмотрение и разрешение уголовного дела, а также исключает возможность повторного рассмотрения дела по существу, если он не будет отменен в установленном законом порядке. Обязательность приговора распространяется на всех участников судопроизводства, в частности на государственные органы, призванные исполнить этот приговор, органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, общественные объединения, учреждения, а также на должностных лиц на всей территории государства. Преступлением против правосудия, влекущим за собой уголовную ответственность, будет неисполнение вступившего в законную силу приговора суда, либо воспрепятствование его исполнению [7].

Суд, в свою очередь, должен выполнять все указания закона в обязательном и неукоснительном порядке. Рассмотрение уголовных дел и отдельных правовых вопросов судами, должно осуществляться в соответствии с законом, на основе принципов независимости и беспристрастности. Все уголовные дела, кроме тех, что прямо указаны в законе, должны рассматриваться на публичных заседаниях.

Суд должен соблюдать разумные сроки рассмотрения дел. Все принимаемые решения должны отвечать требованиям законности, обоснованности и справедливости. Суд должен учитывать права участников судопроизводства на обжалование решений в установленном законом порядке через вышестоящие судебные инстанции.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следущий краткий вывод: неукоснительное выполнение процессуальных обязанностей, возложенных на всех участников уголовного процесса, а в частности на суд, гарантирует справедливость судебных разбирательств, законность самого процесса, а также легитимность всей судебной власти в государстве. Суд реализует свои основные функции на основе предоставленных законом ему полномочий, необходимых для совершения таких действий как: разрешение и рассмотрение дела по существу, осуществление судебного контроля, осуществление процессуальных организационно-распорядительных полномочий.

Также стоит отметить, что, наряду с широкими процессуальными полномочиями, которые по большей части носят властный характер, суд несет ответственность высокого уровня. Все решения и действия суда должны соответствовать требованиям как внутреннего законодательства государства – Конституции РФ Федерации, УПК РФ, так и всем общепризнанным принципам и нормам международного права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голо-

сованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Шаталов, А. С., Крымов, А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. – М. : Проспект, 2020. – 864 с.

4. Исаева, А. М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. – М.: ЮРМИС, лд, 2017. С. 299 – 301.

5. Ермошин, Г. Т. Судебная власть как система органов государственной власти // Законодательство и экономика. - 2018. - №4. – С. 48-52.

6. Гумеров, А. А. Право и суд в современном мире. Выпуск № 16: Материалы XVI Всероссийской ежегодной научно-практической конференции студентов «Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики». – Казань, 2017. – 1020 с.

7. Лебедев, В. От Концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. – 2019. – № 3. – С. 16 – 23.

УДК 343.58

Пацюк Анастасия Игоревна,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: Bagira-spb99@yandex.ru

Patciuk Anastasiia Igorevna,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: Bagira-spb99@yandex.ru

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 245 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SUBJECT OF THE CRIME PROVIDED BY ARTICLE 245 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье анализируются понятие и виды животных, являющихся предметом преступления, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследуются законодательство, уголовно-правовая теория и судебная практика по вопросу определения предмета жестокого обращения с животными.

Анализируются различные точки зрения ученых по уголовному праву на то, для каких именно животных, к которым была применена жестокость, действия виновного лица квалифицируются по ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В результате исследования сформулирован вывод о том, что ряд одних ученых считает предметом рассматриваемого преступления только высших животных, по мнению других, что ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации, может применяться также и к лицам, совершающим жестокость по отношению к птицам, пресмыкающимся, рыбам и т. д.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, животное, предмет преступления.

The article analyzes the concept and types of animals that are the subject of a crime under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, legislation, criminal law theory and judicial practice on the issue of determining the subject of cruelty to animals.

Various points of view of forensic scientists are analyzed on which animals of those to which cruelty was applied, the actions of the guilty person will be qualified under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation.

As a result of the study, the conclusion is formulated that a number of some scientists believe that the subject of a crime under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, there can only be higher animals, other scientists believe that Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, can also be applied to persons who commit cruelty towards birds, reptiles, fish, etc.

Keywords: cruelty to animals, animal, subject of crime.

Обсуждение проблемы жестокого обращения с животными и ее влияния на жизнь социума актуально для ряда стран, в том числе и для России. Статья 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает ответственность за жестокое обращение с животными.

В Российской Федерации термин «животное» («животные») не закреплено ни в одном нормативном правовом акте, т. е. отсутствует легальное определение указанной дефиниции. Несмотря на это, некоторые отрасли, регулирующие уголовные, гражданские, экологические правоотношения, используют данное понятие.

Под предметом преступления следует понимать материальные объекты, посредством манипуляций с которыми осуществляется посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения [1, с. 151].

Поместив ст. 245 в гл. 25 УК РФ, законодатель изначально исходил из того, что это деяние посягает прежде всего на общественную нравственность, обусловливающую необходимость гуманного отношения людей к животным. Однако при этом никаких пояснений относительно смыслового понимания категории «животные» УК РФ не предлагается, что может привести к проблемам на правоприменительном уровне.

Кроме того, следует отметить, что животные в российском праве рассматриваются как особая категория вещей, поэтому приходится говорить о них как о предмете, а не как о потерпевших, хотя в обществе они воспринимаются именно как потерпевшие. Животные также могут выступать не только предметом преступления, но и быть источником повышенной опасности. В этом случае, по нашему мнению, применение мер самообороны, направленных на уничтожение животного, не является свидетельством жестокого обращения с ним, но должно оцениваться по правилам крайней необходимости согласно ст. 39 УК РФ.

Анализ научной литературы, посвященной исследуемой теме, позволяет констатировать, что однозначного понимания того, какие животные могут быть признаны предметом преступления, нет.

Обратимся к биологическому понимаю животного. В систематике живой природы животных традиционно выделяют в отдельное царство, которое разделяется на семейства: насекомые, птицы, звери, ракообразные, паукообразные, черви и рыбы. Отметим, что под животным также предлага-

ется понимать любое живое существо, однако такой подход является слишком широким.

Обращение к различным нормативным правовым актам, устанавливающим правовой режим тех или иных животных, также не позволяет дать однозначный ответ на поставленный вопрос.

Так, Всемирная декларация прав животных от 23.09.1977 предписывает следующее: все живые существа обладают своими естественными правами; неуважение, или простое игнорирование этих естественных прав, наносят большой ущерб природе и приводят человека к совершению преступлений против животных; уважение животных человеком является неотъемлемым от уважения человека человеком.

Всеобщая декларация о благополучии животных определяет «животное» как любое млекопитающее (за исключением человека), птица, рептилия, амфибия, рыба или беспозвоночное, имеющее способность чувствовать боль.

Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях, от 18 марта 1986 г. определяет термин «животное» как любое позвоночное живое существо, не имеющее человеческого происхождения, включая личиночные автономные и (или) способные к воспроизводству формы, но за исключением других зародышевых или эмбриональных форм (ст. 1).

В Модельном законе об обращении с животными 2007 года применяется термин «животные», которое включает в себя домашних животных, животных-компаньонов, животных, используемых в культурно-зрелищных мероприятиях, служебных, лабораторных и диких животных.

Установление содержания рассматриваемого понятия можно произвести с помощью наиболее близкого к нему по смыслу выражения – «объекты животного мира». Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» оперирует понятием «объект животного мира», под которым понимается организм животного происхождения (дикое животное). Определение животного мира охватывает только дикую фауну, что неравнозначно всему животному миру в целом. Кроме собственно «диких», данным понятием охватываются и домашние животные, которые в соответствии с действующим отечественным законодательством не относятся к животному миру в связи с тем, что не находятся в состоянии естественной свободы. Из содержания ст. 34 ФЗ «О животном мире» можно установить, что к объектам животного мира относятся: охотничьи ресурсы, некоторые водные биологические ресурсы (рыбы, водные беспозвоночные животные и морские млекопитающие), а также дикие животные, которые не относятся к этим двум категориям.

Необходимо также обратить внимание на Постановление Правительства РФ от 22.06.2019 № 795 «Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию». В данном Постановлении к животным отнесены пресмыкающиеся, земноводные, паукообразные, млекопитающие, птицы, хрящевые рыбы, костные рыбы, коралловые полипы

Проанализировав положения как о животных в целом, так и об объектах животного мира, можно сделать следующий вывод: содержание понятия «животное» в праве в большей степени соответствует пониманию животного в биологическом аспекте.

Кроме того, можно отметить, на официальном сайте Администрации г. Санкт-Петербург размещена информация, что уголовная ответственность наступает за жестокое обращение с животными, как домашними, так и дики-

ми. А также, к животным могут быть отнесены, в том числе, птицы, рыбы и пчелы [2].

Во избежание разночтений на правоприменительном уровне очевидна необходимость законодательного решения вопроса, которое должно быть основано прежде всего на цели нормы — обеспечении защиты общественной нравственности.

По нашему мнению, с целью решения поставленного вопроса необходимо проанализировать те общественные отношения, которые охраняются составом жестокого обращения с животными. Исходя из названия главы 25 УК РФ, жестокое обращение с животными посягает на общественную нравственность, под которой понимаются качества человека, проявляющиеся в отношении к людям и природе, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т. д. Соответственно, исходя из смыслового содержания общественных отношений, объединенных термином «нравственность», следует вывод, что законодатель охраняет от преступных посягательств действия в отношении любых представителей животного мира.

Возвращаясь к вопросу о предмете преступления, отметим, что лишь в комментариях к УК РФ под ред. В. М. Лебедева под животными как предметами преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, понимаются высшие позвоночные — млекопитающие и птицы, находящиеся в естественной природной среде либо содержащиеся человеком [3, с. 204-205]. Даже если согласится с этим, все равно не ясно: домашние, дикие, содержащиеся в неволе, лабораторные, служебные или животные без владельца. Все эти понятия уточнены в Федеральном законе от 27.12.2018 №498 «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который также не раскрывает понятия «животное».

Разумеется, когда мы говорим об ответственном отношении, прежде всего речь идет о домашних животных. Это прежде всего кошки и собаки, а также мелкие грызуны, декоративные и певчие птицы, аквариумные рыбки, черепахи и т. п. Кроме того, в группу животных, не относящихся к объектам животного мира, входят спортивные, сельскохозяйственные, служебные, цирковые, зоопарковые, лабораторные и другие животные, используемые для самых различных целей (зрелищно-развлекательных, научных, охранных, военных и т. п.) и которых объединяет то, что они содержатся человеком.

Судебная практика не относит к животным как предмету рассматриваемого преступления относящихся к типу хордовых рыб, земноводных (лягушки, жабы), пресмыкающихся (черепахи, крокодилы, ящерицы, змеи). В то же время эти животные могут быть предметом некоторых экологических преступлений (ст. 256, 258, 259 УК РФ). Тем не менее, Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербург рассмотрел размещенное на Интернет-сайте видео «Карп и 12 вольт», демонстрирующее принцип работы электроудочки на живой рыбе с подробным описанием поведения рыбы после пропуска через нее электрического тока, как демонстрирующее жестокое обращение с животным, которое противоречит принципам морали и гуманизма, а также оказывает негативное влияние на нравственное, духовное, психическое развитие граждан, в том числе несовершеннолетних, как допускающая возможность жестокого обращения с животными с применением болезненных и травмирующих приемов [4].

Для того, чтобы разобраться с предметом преступления, необходимо обратиться и к мнениям различных ученых. Так, Лавров В. П. пишет, что

«термин "животные" в криминалистическом аспекте, можно охарактеризовать как живые существа, способные чувствовать (в том числе физическую боль) и передвигаться» [5, с. 141].

По делам данной категории, признает А. Г. Филиппов, предметом преступного посягательства могут быть как домашние, так и бездомные и дикие животные: собаки, кошки, пушные звери, птицы и иные существа, обладающие нервной системой и оказывающиеся в сфере деятельности или воздействия человека [6, с. 329].

Шульгин А. А. считает, предметом преступления являются домашние, а также дикие животные, содержащиеся в неволе или в вольных условиях (в том числе и те, которые находятся в собственности субъекта преступления) [7, с. 55].

Таким образом, большинство ученых сходятся во мнении, что предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, являются высшие животные. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что посягательства на общественную нравственность должны внешне обнаруживать боль и страдания животного, что возможно лишь при жестоком обращении с высшими животными. Однако проблема, связанная с тем, способны ли рыбы или пресмыкающиеся испытывать такую же боль, как и человек при применении насилия к ним, наукой уже разрешена. В связи с этим, Бочаров Е. В. приходит к выводу, что предметом рассматриваемого преступления выступает любое животное (домашнее, дикое, бездомное), включая птиц, а также пресмыкающиеся, земноводные и рыбы [8, с. 409].

Исходя из вышесказанного, в заключении можно подвести следующий итог: какие именно животные составляют предмет преступления по ст. 245 УК РФ, – вопрос дискуссионный. Не давая определения общему понятию «животные» на федеральном уровне, законодатель, вероятно, исходил из того, что данный термин не нуждается в специальном толковании по причине его распространенности.

На основании вышеизложенного, считаем предметом рассматриваемого преступления любое животное (домашнее, дикое, животное без владельца, спортивное, сельскохозяйственное, служебное, цирковое, зоопарковое, лабораторное и другое животное), включая птиц, а также пресмыкающихся, земноводных и рыб.

Кроме того, на наш взгляд, правильное решение этого вопроса связано с характеристикой объекта преступления, которым является общественная нравственность, а не жизнь и здоровье животных. Поэтому проявления безжалостного, не соответствующего общепризнанным нормам отношения к любым животным при наличии иных оснований, предусмотренных законом, могут быть квалифицированы по ст. 245 УК РФ.

Список литературы

1. Джамалова, Б. Б. Уголовно-правовая характеристика предмета преступления и его основных свойств / Б. Б. Джамалова, В. Ю. Окружко // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 12-1. – С. 149-156.

2. Какая ответственность за жестокое обращение с животными : Администрация Санкт-Петербурга : официальный сайт. – URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_viborg/news/102413/ (дата обращения 20.02.2023).

3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 3. Особенная часть. Раздел IX / В. М. Лебедев [и др.] ; ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 298 с.

4. Решение Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербург от 22.08.2016 г. по делу № 2-4004/2016 // https://sudact.ru/regular/doc/FY49SiGlKhmC/ (дата обращения: 19.02.2023).

5. Лавров, В. П. Животные и их останки как объекты исследования в криминалистической науке и следственной практике Лавров В. П., Тебиев Р. Р. Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 138-145.

6. Криминалистическая методика для дознавателей : учебник для вузов / А. Г. Филиппов [и др.] ; под общей редакцией А. Г. Филиппова. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 414 с.

7. Шульгин, А. А. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовой аспект / А. А. Шульгин, А. И. Макаренко // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2021. – № 7-1. – С. 53-57.

8. Бочаров, Е.В. Объект и предмет состава жестокого обращения с животными / Е.В. Бочаров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 11 (127). – С. 405-409.

УДК 343.265

Проценко Надежда Юрьевна,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: Nad1430@bk.ru

Procenko Nadezhda Urievna,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: Nad1430@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА, УСТАНАВЛИВАЕМОГО ПОСЛЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTION OF PAROLE AND ITS DIFFERENCE FROM ADMINISTRATIVE SUPERVISION ESTABLISHED AFTER SERVING A SENTENCE

Статья посвящена влиянию уголовно-исполнительной политики государства на формирование института уголовно-досрочного освобождения, а также вопросам эффективности индивидуально-правовых режимов, устанавливаемых в отношении осужденных в период испытательного срока в связи с условным их освобождением, а также осужденных, уже отбывших наказание в связи с установлением в отношении них административного надзора, в качестве способов перевоспитания осужденных.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, административный надзор, уголовно-исполнительный кодекс, уголовно-исполнительная инспекция, органы внутренних дел, суд, отбытие наказания.

The article is devoted to the influence of the state's penal enforcement policy on the formation of the institution of early criminal release, as well as to the effectiveness of individual legal regimes established in relation to convicts during probation in connection with their conditional release, as well as convicts who have already served their sentence in connection with the establishment of administrative supervision in relation to them, as methods re-education of convicts.

Keywords: parole, administrative supervision, penal enforcement Code, penal enforcement inspection, internal affairs bodies, court, serving of sentence.

Уголовно-исполнительная политика государства играет важную роль в формировании института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (далее – УДО).

УДО является мерой уголовно-правового характера, и имеет общую основу в виде контроля за поведением человека в период испытательного срока. Условно-досрочное освобождение от наказания применяется к лицам, осужденным к лишению свободы, и представляет собой меру досрочного освобождения под определенными условиями. Лицо освобождается из места лишения свободы и на определенный период времени переходит под контроль органов уголовно-исполнительной системы.

В случае нарушения установленных условий осужденный может быть направлен обратно в место лишения свободы для отбытия оставшейся части наказания.

Однако, правительство и законодательные органы могут вносить изменения в законодательство, регулирующее УДО, чтобы адаптировать его к изменяющимся социальным, политическим и экономическим условиям в стране.

В течение истории России политические и социальные изменения имели большое влияние на уголовное законодательство и уголовно-исполнительную политику в стране.

В период советской власти уголовно-исполнительная политика была ориентирована на репрессивный подход к преступникам и снижение уровня преступности путем установления жестких мер наказания. В таких условиях институт УДО был неактуален и не применялся в течение десятилетий, несмотря на то, что в содержании первого Уголовного кодекса РСФСР в ред. 1922 г. были предусмотрены нормы, которые устанавливали возможность применения к осужденным, которые отбывали наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, права на УДО путем подачи соответствующего ходатайства в судебные органы. Однако, какой смысл вкладывал законодатель в одно единственное условие для УДО, «если обнаруживалось исправление» Уголовным кодексом РСФСР в ред. 1922 г. предусмотрено не было [1].

После внесения изменений в 1954 году в Уголовный кодекс РСФСР в ред. от 1926 г. нормы об УДО были вновь актуализированы, в том числе без неопределенного их содержания с возможность применения УДО ко всем категориям лиц, осужденным к лишению свободы при условии отбытия не менее 2/3 от срока [2].

В работе профессора С. Л. Бабаяна про историю развития института условно-досрочного освобождения в России, отмечено, что целью вносимых

изменений, содержащихся в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 14.07.1954 «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» было не только снижение количества заключенных, сокращение затрат на их содержание, но также реабилитация осужденных и их воспитание в духе социалистической морали [3, с. 41].

Однако, только после распада СССР, уголовно-исполнительная политика в стране стала ориентироваться на более гуманный подход к наказанию преступников и предоставления возможности для их исправления.

Основная идея УДО заключалась в том, что осужденный должен иметь возможность восстановиться в обществе и обрести свое место в нем. УДО позволяло осужденному, который исправился и готов вернуться к нормальной жизни, вернуться в общество и стать полноценным гражданином.

Использование права на УДО помогало осужденным восстановить свою связь с обществом и обрести навыки, необходимые для успешного возвращения в него. Программы ресоциализации и трудоустройства, проводимые при УДО, были направлены на помощь осужденному в успешной адаптации к жизни на свободе.

В таких условиях институт УДО стал играть более важную роль в формировании уголовно-исполнительной системы, снижения уровня преступности и исправления осужденных за счет доступности его реализации, и, несмотря на то, что УДО не является и никогда не заменит полноценное исправление в связи с освобождением по отбытию наказания и, несмотря на то, что после УДО осужденный все еще остается под контролем уголовно-исполнительной системы, и ему могут быть назначены различные ограничения и обязательства, все это не стало препятствием для осужденных в соблюдении условий содержания в исправительных учреждениях, поддержании безупречного поведения, демонстрации исправления и отсутствии в необходимости изоляции от общества для того, чтобы обеспечить себе условно-досрочное освобождение.

Наоборот, обеспечение контроля за поведением осужденного и содействие его социальной реабилитации, все это имеет превентивное и стимулирующее воздействие на поведение осужденных; предотвращения ими повторного совершения преступлений.

Создание органами исполнительной системы условий для осужденных, чтобы помочь им восстановиться в обществе, приспособится к новой правовой действительности, восстановить потерянные за время отбывания части срока наказания в местах лишения свободы способностей личности, утраченных социальных функций и связей со средой жизнеобеспечения, полностью соответствует назначению уголовно-исполнительного законодательства, которое предусмотрено в ст.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [4], и является основой для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы РФ [5].

В настоящее время в России в местах лишения свободы содержатся 433 тыс. осужденных, каждый из которых потенциально может воспользоваться правом на условно-досрочное освобождение [6].

Однако воспользоваться этим правом могут осужденные, которыми соблюдены, установленные в ст.79 Уголовного кодекса РФ, условия и основания для применения к ним норм УДО, за исключением отбывающих нака-

зания за тяжкие и особо тяжкие преступления в виде пожизненного лишения свободы при условии злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания или совершения в период отбывания нового преступления.

Согласно последним актуальным данным за 2021 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 69,2 тыс. ходатайств осужденных об условно-досрочном их освобождении от отбывания наказания, из которых только 29 тыс. были удовлетворены [7].

Почему такой невысокий процент удовлетворения ходатайств? Несмотря на то, что назначением всей пенитенциарной системы является исправление осужденных, и особо это актуально в отношении осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления, проверить это в условиях социума возможно только в процессе осуществления контроля уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ) за поведением досрочно освобожденных и наблюдением за ходом социальной реабилитация таких лиц [8].

В этом вопросе УИИ не обладает теми полномочиями, силами и средствами, которые обладают органы внутренних дел при обеспечении другого индивидуально-правового режима – режима административного надзора. Даже в Уголовно-исполнительном кодексе РФ законодателем предписано осуществлять контроль за условно осужденными в течение всего испытательного срока совместно с органами внутренними дел, при этом сам контроль состоит в наблюдении за периодичностью явки таких лиц, поэтому, формально, обеспечить тот уровень профилактического воздействия, при условии взаимодействия с подучетным лицом только при контроле очередной явки, не всегда представляется возможным.

И в этом кроется опасность, так как лица, которые в настоящее время отбывают наказания в местах лишения свободы, могут не только воспользоваться правом на УДО, еще потенциально несут собой угрозу обществу, так как всегда есть риск совершения ими повторного противоправного деяния, и предупредить его силами УИИ, которые не наделены мерами административного принуждения в том объеме, как органы внутренних дел, мало вероятно.

Поэтому, согласно разъяснений, которые содержатся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», судьям при решении вопроса о возможности применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания согласно положениям ст. 79 Уголовного кодекса РФ, надлежит обеспечить индивидуальный подход к каждому осужденному с учетом совокупности всех характеризующих в отношении него материалов [9].

Несмотря на все это, органы уголовно-исполнительной системы играют важную роль в реализации института условно-досрочного освобождения. Сказанное, также относится к реализации института отбытия наказания, однако, правоотношения между осужденным и администрацией исправительного учреждения, после отбытия наказания, выходят за пределы уголовно-исполнительной системы, а значит такие правоотношения больше не регламентируются нормами уголовно-исполнительного кодекса, и считаются сферой административно-юрисдикционной деятельности.

Однако юридическая природа административного надзора относится частично к отрасли уголовно-исполнительного права, т.к. до освобождения лица из мест лишения свободы, администрация учреждения имеет полномочия обращаться с заявлением в суд об установлении административного надзора. Более того, в качестве одного из оснований установления административного надзора является нарушение осужденным правил внутреннего распорядка, т. е. тогда, когда правоотношения складываются в пределах уголовно-исполнительной системы [10].

В таком случае, тот факт, что администрация исправительного учреждения не несет ответственности за исправление осужденного, за неспособность его к социальной реабилитации, после освобождения его по отбытию наказания в корне верно, так как если после освобождения из мест лишения свободы лицо, в отношении которого устанавливается административный надзор, совершает правонарушение, это, в-первую очередь, должно быть упущение в воспитании осужденных в период их содержания в местах лишения свободы, и только потом органов внутренних дел в процессе административного надзора в виде упущения в адресной профилактической работы.

Таким образом, исследование указанных проблем указывают на то, что осуществление территориальными органами МВД России наблюдения за лицами, которые подвергаются административному надзору, или уголовно-исполнительными инспекциями контроля за досрочно освобожденными лицами за выполнением ими установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также обязанностей возможно лишь при межведомственном взаимодействии.

Ведь именно совместная, качественная, должным образом организованная на федеральном, региональном и местном уровнях деятельность всех заинтересованных ведомств по предупреждению преступлений и других правонарушений подучетными лицами, в отношении которых установлен административный надзор или испытательный срок в связи с условно-досрочным их освобождением, позволит добиться максимального профилактического воздействия, которое оказывается в целях защиты государственных и общественных интересов и превенции новых преступлений.

Список литературы

1. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 01.06.1922, № 80, ст. 153.

2. Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 (в ред. от 01.03.1957) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 06.12.1926, № 80, ст. 600.

3. Бабаян, С. Л. История развития института условно-досрочного освобождения в России / С. Л. Бабаян, К. К. Гарибян // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 1. – С. 38-43.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2022) : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-I (ред. от 29.12.2022) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации за 2022 г. Интернет портал Федеральной службы исполнения наказания : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2021 г. Интернет портал Судебный Департамент при Верховном Суде РФ : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Назаров, С. В. Тюремная реформа: основные направления // Вестник Владимирского юридического института. 1(58). 2021. С. 8-12.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.16

Пухарев Владислав Денисович,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: vladpukharev78@yandex.ru
Высоцкий Сергей Алексеевич,
кандидат юридических наук,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: 77sei@mail.ru

Pukharev Vladislav Denisovich,
student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: vladpukharev78@yandex.ru
Sergei Alekseevich Vysoskiy,
Ph.D. of Juridical Sciences,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: 77sei@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

AUTONOMY AND INDEPENDENCE OF THE INVESTIGATOR

Нет сомнения в том, что следователь является основной процессуальной фигурой уголовного судопроизводства на этапе досудебного производства. Именно данное должностное лицо, согласно действующему УПК РФ, управомочено возбуждать уголовное дело и проводить все необходимые следственные действия, а также давать поручение на проведение оперативно-розыскных мероприятий органам дознания с целью изобличения и привлечения лиц, совершивших преступление к ответственности. Исходя из это-

го, одним из наиболее вероятных и реальных путей совершенствования уголовного процесса на досудебном этапе является обеспечение и укрепление процессуальной самостоятельности и независимости данного субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, учитывая определенную законом ответственность за исполнением требований закона и обоснованность принимаемых им решений по расследуемому уголовному делу.

Ключевые слова: предварительное следствие, следователь, процессуальная независимость, самостоятельность, гарантии реализации процессуальной самостоятельности и независимости, руководитель следственного органа.

There is no doubt that the investigator is the main procedural figure of criminal proceedings at the stage of pre-trial proceedings. According to the current CPC of the RF, this official is authorized to initiate a criminal case and conduct all necessary investigative actions, as well as to give instructions for operational and investigative activities to bodies of inquiry in order to identify and prosecute people who have committed a crime. According to this fact, one of the most likely and realistic ways to improve the criminal process at the pre-trial stage is to ensure and strengthen the procedural independence and autonomy of this subject of criminal procedural legal relations, given the statutory responsibility for the execution of the law and the validity of its decisions on the criminal case under investigation.

Keywords: preliminary investigation, investigator, procedural independence, autonomy, guarantees of procedural independence and autonomy, head of the investigative body.

В настоящее время эффективность механизмов и институтов уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности напрямую зависит от решения проблем и противоречий, возникающих в ходе правоприменения. К числу таких проблем следует отнести проблему о процессуальной самостоятельности и независимости следователя, которая вызывает оживленные дискуссии в научном сообществе. Данная проблема рассматривается учеными в контексте существующего ведомственного, прокурорского и судебного контроля со стороны руководителя следственного органа, прокурора и суда соответственно. Следует также отметить, что возникший дискуссионный вопрос относительного правового положения следователя, как основной процессуальной фигуры досудебного разбирательства по уголовному делу, при отсутствии путей и способов его разрешения, может вызвать негативное влияние на эффективности правоохранительной сферы государства и органов следствия в частности.

Понятие термина «следователь» закрепляется законодателем в п. 41 ст. 5 и ч. 1 ст. 38 Уголовно-процессуального Кодекса РФ (далее – УПК) [1]. Таким образом закрепляется легальное понятие, а именно – «следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК, осуществлять предварительное следствие по уголов-

ному делу». Опираясь на данное определение, можно сделать вывод о том, что следователь выбирает ход расследования дела на свое усмотрение. Это также находит свое отражение в процессуальном законодательстве, а именно в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Анализ правовых норм, содержащихся в данной статье, позволяет сделать вывод о наличии у рассматриваемого должностного лица особой ответственности, как участника уголовного судопроизводства, за принимаемые им решения в процессе предварительного следствия. При этом некоторые ученые процессуалисты говорят о том, что процессуальная самостоятельность и независимость следователя не является абсолютной и безграничной, а имеет ограничения в виде контроля со стороны руководителя следственного органа, прокурора или суда. Данной точки зрения придерживаются, в частности, П. М. Стольников и В. В. Уланов [2, с. 55].

Однако, в свою очередь, необходимо обратить внимание на тот факт, что некоторые ученые затрагивают вопрос самостоятельности, но не говорят о независимости, обращая внимание на то, что следователь обладает процессуальной самостоятельностью в принятии решений, а также несет ответственность за них.

Чтобы более подробно разобраться в процессуальной самостоятельности и независимости следователя, необходимо проследить исторические этапы становления данной процессуальной фигуры.

Первые следователи появляются в канун принятия судебной реформы 1860 года. Перед самым введение реформы в действия образовываются судебные следователи. При этом следует отметить, что принятые в последствии Судебные Уставные основы четко разделили полномочия органов дознания от органов предварительного следствия, проводимого судебными следователями. В тот промежуток времени следователь являлся представителем судебной власти и ввиду своего положения принадлежал к категории лиц судейского звания. В полномочия судебного следователя того времени входило установление места преступления, установление и принятие мер для сохранения фактического материала, потенциально являющегося вещественным доказательством по делу, на основании которого будет решаться вопрос о придании лица суду и его виновности [3, с. 70].

Уже следующим этапом становления следователя являются «майорские» следственные канцелярии Петра Великого, а также следственной канцелярии генерал-прокурора Сената и Розыскной конторы Высшего суда. Наиболее расширенными полномочиями, по сравнению с остальными, обладали именно «майорские» следственные канцелярии в период с 1713 по 1723 года. Данный орган уголовного преследования занимался расследованием особо важных государственных преступлений, а именно: взятничество, казнокрадство, мошенничество высокопоставленных должностных лиц. При этом некоторыми исследователями отмечается, что в данный исторический период под следствием у указанной канцелярии находилось около половины всех сенаторов.

После смерти Императора «майорские» канцелярии упраздняются и про следователей вновь забывают до начала 20 века.

Уже к середине 19 столетия скопилось достаточное количество проблемных аспектов, для решения которых необходимо было проведение серьезных реформ в данной сфере. Стало очевидным, что предварительное расследование не справляется с возложенными на него функциями в современных, на тот момент, реалиях. К подобным проблемам, по мнению Д. В. Шавлак, относились инквизиционность процесса, тайность расследования, отсутствие достаточного количества квалифицированных специалистов, волокита, продажность лиц, расследующих преступления. Безусловно, это сказывалась на эффективности и качественности уголовного преследования. На наш взгляд, к подобным факторам также следует отнести и отсутствие централизованного аппарата предварительного следователя, а также отсутствие у должностных лиц предварительного расследования некоторой самостоятельности и независимости.

Действительно значимой вехой в становлении процессуальной самостоятельности и независимости следователя как непосредственного субъекта уголовного судопроизводства стал период с 1864 года. Огородов А. Н. справедливо отмечает, что на тот момент следователь обладал более широкими полномочиями, нежели современный [4, с. 251]. В качестве доказательства свои слов, автор приводи ст. 264 Устава уголовного судопроизводства. Согласно ей, «судебный следователь принимает собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в коих власть его положительно ограничена законом». Уже в ст. 265 данного Устава определялось, что помимо изобличения лица, виновного в совершении преступления, следователь должен также доказать его возможную невиновность. В добавок ко всему, Устав закреплял определенные требования к скорости выполняемой работы.

Подобная система просуществовала вплоть до революции 1917 года. Принятый в ноябре 1917 года Декрет «О суде», по факту, упразднил существующие органы предварительного следствия, прокурорского надзора. Ввиду того, что судопроизводство продолжало осуществляться по Указу 1864 года, то процессуальные полномочия следователя остались неизменными. Но при этом, данные положения действовали в той части, в которой были подведомственны народному суду. Все остальные преступления подлежали расследованию следственной комиссией в составе 3 человек. На фоне этого нельзя не упомянуть позицию Шимановского В. В., который говорил о необходимости собирания и закрепления доказательств единолично, а не комиссией, в чем и проявляется самостоятельность и независимость следователя в процессе [5, с. 16].

Отказ от предварительного расследования в форме следственной комиссии произошел в 1921 году в связи с принятием Положения о народном суде РСФСР. Этим положением учреждалась должность народного следователя, который по порожнему входил в систему судебных органов. Уже на этом эта процессуальная самостоятельность следователя приобретает достаточно широкий характер, а именно: следователь самостоятельно принимает решение о возбуждении уголовного дела; производит необходимые следственные действия; избирает меру пресечения, в т.ч. в виде заключения под

стражу, а также принимает решения о придании обвиняемого суду или прекращении уголовного преследования.

Уже в 1928 году с целью повышения эффективности предварительного расследования, а также недопущения влияния судов на следователей, последние были изъяты из ведения судов и переданы прокуратуре.

В 1958 году полномочия по осуществлению предварительного расследования и следственных действия отнесены к ведению прокуратуры, органов внутренних дел, а также органов государственной безопасности. Также в этом году впервые в истории Советского Союза была сформулирована и законодательно закреплена процессуальная самостоятельность следователя. В одном из положений Основ уголовного судопроизводство отмечалось следующее: «При производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и о производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение». Также у следователя возникло право поручать органам дознание проведение розыскных и отдельных следственных действий, но, в свою очередь, следователь обязан исполнять указания прокурора.

Данная выстроенная система существовала вплоть до развала Советского государства. Хотя уже в 1993 году появляется инициатива о создании Следственного комитета, который так и не был образован ввиду роспуска органа, принявшего данное решение.

Завершающим этапом, перетекающим в современность, является принятие нового УПК Российской Федерацией. В 2007 году расширяются полномочия должностных лиц прокуратуры, появляется новая процессуальная фигура – руководитель следственного органа. На фоне этого, вследствие, ослабляется процессуальная самостоятельность и независимость следователя [6, с. 351-354].

Развивая данную мысль, Шадрин справедливо обращает внимание на то, что задача законодателя по защите и продержка процессуальной самостоятельности следователя оказалась не выполненной. В суровых реалиях, самостоятельность, в большей степени, получил руководитель следственного органа. И «прикрывая» следователя от прокурора, законодатель не предусматривает защиту следователя от своего непосредственного начальника [6, с. 106-109].

Но в тоже время, есть и другой взгляд на данный вопрос. В частности, Лобач Е. О. считает необходимым и целесообразным рассмотреть вопрос о процессуальной самостоятельности следователя через призму Постановления Конституционного суда РФ от 29.06.2004 № 13-П, где данный судебный орган указывает, что необходимо обратить внимание на особый процессуальный статус данного должностного лица, выражающегося в осуществлении защиты прав подозреваемого или обвиняемого, выходящей за рамки, определенные уголовно-процессуальным законодательством. Исходя из этой формулировки, видится возможным сделать вывод, что полномочия следова-

теля, определенные ч. 2 ст. 38 УПК носят не только обязанность по изобличению виновного лица и предать его правосудию [7, с. 232-235].

Наиболее значимым аспектом, имеющим проблему реализации на практике является самостоятельность следователя по отношению к руководителю следственного органа. Безусловно, руководитель следственного органа является надзорной инстанции в рамках ведомственного контроля, по смыслу положений ст. ст. 38-39 УПК. В существующих реалиях следователь, действительно, вправе осуществлять направление хода расследования, принятие решений по производству следственных действий, за исключением случаев, при которых необходимо разрешение суда или руководителя следственного органа. И если с судом все понятно, то полномочия руководителя следственного органа несут некоторые ограничения по отношению к процессуальной самостоятельности следователя, выражающиеся в обязательном исполнении последним обязательных указаний, выдаваемых его руководителем (о направлении расследования, об избрании меры пресечения и иные, определяемые законом).

Отдельного внимания в этом вопросе заслуживает норма, закрепленная в ч. 3 ст. 39 УПК РФ, которая устанавливает требование закона о том, что «несогласие следователя с данными ему указаниями руководителя следственного органа не влечет обязательной передачи дела другому следователю».

Исходя из вышеназванного, следует отметить, что данные полномочия руководителя следственного органа влекут существенные ограничения процессуальной самостоятельности и независимости следователя. И в этом ключе, говоря о самостоятельности и независимости рассматриваемого должностного лица, нами видится возможным, сделать вывод о том, что следователь не является в достаточной степени фигурой самостоятельной и независимой, поскольку зависим от решения руководителя и обязан выполнять его требования.

Считаем, что в лице существующих проблем процессуальной самостоятельности и независимости можно также отнести и прокурорский надзор. Следователь, являясь поднадзорным субъектом уголовного процесса, находится в тесных и достаточно сложных взаимоотношениях с прокурором. Законодатель предусматривает достаточно сложный процесс обжалования указаний прокурора следователем, что находит свое отражение в отдельно взятых статьях УПК, а именно в ч. 3 ст. 38 и ч. 4 ст. 39 УПК РФ, а также ч.ч. 4, 5 ст. 221 УПК РФ.

Рассмотренные выше факты являются ничем иным как позицией законодателя на процессуальный статус следователя как одну из ключевых фигур уголовного преследования, полномочия и должностные обязанности которого состоят в изобличении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, приеме уголовного дела к своему производству, а также приему основных решений по уголовному делу. При этом, анализируя законодательную базу, как основу деятельности следователя, следует вывод о его подотчетности руководителю следственного органа и прокурору.

Доктринальный же подход к определению процессуальной самостоятельности следователя в рамках уголовного процесса носит несколько иной

характер. Распространенный подход процессуалистов к пониманию процессуального статуса следователя основан на всестороннем, полном, объективном исследовании обстоятельств дела. Таким образом, в рамках действующего законодательства функция следователя оказалась существенно деформированной, в силу того, что «следователь» фактически представляет собой «квалифицированного дознавателя».

Исходя из всего вышеизложенного, видится возможным сделать вывод о том, что процессуальная самостоятельность и независимость следователя должна быть рассмотрена с точки зрения залога объективного расследования преступлений. Используя процессуальную самостоятельность и независимость как составной части своего правового статуса, следователь осуществляет возложенные на него функции по расследованию принятого им уголовного дела, основываясь на внутреннем убеждении и собранных доказательствах по уголовному делу. Таким образом, следователь уполномочен решать некоторые неотъемлемые вопросы, связанные с производством по уголовному делу. Именно рассматриваемое должностное лицо должно и обязано быть инициативным в выборе проведения того или иного следственного действия по уголовному делу, а также предпринимать все меры для производства полного, всестороннего и объективного следствия. На наш взгляд, для эффективной работы следователя, и следственных органов в целом, требуется устранить пробелы, имеющиеся в действующем законодательстве, определяемом правовой статус следователя, руководителя следственного органа, а в некоторых аспекта, и даже прокурора. Необходимо наличие совокупности тех мер, которые были бы направлены на процессуальную независимость и самостоятельность следователя в применении им усмотрения при осуществлении предварительного следствия и дознания в досудебном производстве. Это находится в причинно-следственной связи с необходимостью предоставить следователю наиболее полную процессуальную независимость, которая будет направлена на достижение целей и задач уголовного процесса, но не допуская нарушения или потенциального нарушения, или ущемления, а также злоупотребления наделенными правами в отношении иных участвующих лиц.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=lf9m2o1ydr600541354 (дата обращения 11.03.2023).

2. Стольников, П. М. Соотношение процессуальной самостоятельности следователя и полномочий руководителя следственного органа / П. М. Стольников // Научный портал МВД России. – 2020. – № 2. – С. 54–58.

3. Телегисова, С. С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно-процес-суальных отношений и степень его процессуальной самостоятельности. М.: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.

4. Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве дис. … канд. юрид. наук / Москва, 2018.

5. Шимановский В. В. Правовое положение следователя в советском уголовном процессе: автореф. дисс …канд. юрид. наук. / Шимановский В. В. – Л, 1965.

6. Шавлак, Д. В. История становления процессуальной самостоятельности следователя в отечественном уголовном процессе / Д. В. Шавлак // Молодой ученый. – 2020. – № 20 (310). – URL: https://moluch.ru/archive/310/70220/ (дата обращения: 11.03.2023).

7. Шадрин В. С. Желаемое и действительное в досудебном производстве российского уголовного процесса (выступление на международной научной конференции «Уголовная юстиция: связь времен», прошедшей в г. Санкт-Петербурге 6–8 октября 2010 г.).

8. Лобач, Е. О. Процессуальная самостоятельность следователя / Е. О. Лобач // Молодой ученый. – 2021. – № 51 (393). – С. 232-235. – URL: https://moluch.ru/archive/393/86819/ (дата обращения: 11.03.2023).

УДК 343

Сафаров Эмиль Алмасович,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: Esaf97@mail.ru

Safarov Emil Almasovich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: Esaf97@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

SOME PROBLEMS OF COUNTERING CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

В научной статье рассматриваются вопросы современного состояния преступности в сфере информационных технологий, а также вопросы необходимости актуализации правового регулирования противодействия таким преступлениям.

Ключевые слова: информационные технологии, преступления, IT, компьютерные преступления, киберпреступления.

The scientific article discusses the issues of the current state of crime in the field of information technology, as well as the need to update the legal regulation of countering such crimes.

Keywords: information technology, crime, IT, computer crimes, cybercrime.

Известно, что XXI век считается веком информации. Информационные технологии используются практически во всех отраслях общественных

отношений: как бытовых, так и профессиональных. В современном мире компьютерные технологии настолько глубоко интегрированы в жизнедеятельность общества, что избежать необходимость пользования такими технологиями уже невозможно. Люди разных возрастов вынуждены прибегать к пользованию различными аппаратными и программными средствами для решения повседневных задач. Так, например, число пользователей российского блока информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» превысило отметку в 80 миллионов человек [3].

Ввиду востребованности и распространенности информационные технологии стремительно развиваются. Специалистами разрабатываются новейшие системные и программные решения. Это приводит к необходимости актуализации знаний и умений пользователями информационных систем, постоянным переходом на новые – местами более сложные технологии.

К сожалению, ввиду многофункциональности и практичности информационных технологий они используются участниками общественных отношений не только во благо, но и в корыстных целях. Преступления в сфере информационных технологий являются феноменом не менее важным и распространенным, чем классические и известные человечеству издавна формы и способы совершения преступлений. Доступность, распространенность и относительная анонимность компьютерных технологий играет большую роль в совершении такого рода преступлений.

Указанное выше стремительное развитие информационных технологий имеет и обратную от пользы обществу сторону. Новейшие технологии используются злоумышленниками в самых различных формах и способах для совершения различных категорий преступления: от простого мошенничества до преступлений террористической направленности.

Число совершаемых преступлений различного вида посредствам информационных технологий в последние годы стабильно растет. Рассмотрим этот тезис на примере одного из наиболее распространенных видов преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Так, например, в общем объеме киберпреступлений почти половину составляют мошенничества (за период январь-ноябрь 2022 года – 224 тысячи из 470 тысяч всех киберпреступлений или 48 %). Если сравнивать количество выявленных лиц, совершивших преступление в виде мошенничества с использованием информационных технологий за период с января по ноябрь 2022 года с аналогичным периодом 2023 года, то можно сделать вывод, что число таких лиц выросло на 45 % и достигло 9983 человек [8].

Важно отметить, что преступления в сфере информационных технологий являются одними из наиболее высоколатентных. Официальная зарегистрированная статистика отражает состояние преступности в сфере исследования не в полном объеме. Некоторые авторы указывают крайне высокий уровень латентности исследуемого вида преступлений — до 99 % [5].

Одной из основных причин возрастания числа преступлений, которые совершаются посредством информационных технологий, является сложность в их раскрытии. Различные исследователи проблематики киберпреступности поддерживают данный тезис. Так, например, Д. А. Илюшин указывает на то,

что раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, является сложной задачей [4]. Проблемы, которые имеются на сегодняшний день в расследовании, например, мошенничества в сети Интернет, во многом связаны с компьютерно- техническим аспектом и, как правило, возникают обстоятельства, когда подозреваемый неизвестен и информация о нем отсутствует, а ее установление является излишне долгим, трудоемким и дорогим процессом [4].

В связи со стремительным ростом числа киберпреступлений в последние годы Генеральная прокуратура России уделяет особое внимание повышению эффективности противодействия преступлениям в сфере информационных технологий. При координирующей роли прокуратуры принимаются меры по созданию условий для предупреждения, выявления и пресечения преступлений и иных правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий. Так, например в начале 2022 года Генеральная прокуратура России совместно с Министерством Внутренних Дел России подготовила информационное письмо, ориентирующее на принятие на местах дополнительных мер по урегулированию порядка рассмотрения обращений о дистанционных хищениях. Помимо усиления надзора за работой правоохранительных органов на регулярной основе, в том числе на официальных сайтах и в социальных сетях, проводятся мероприятия, направленные на повышение правовой и финансовой грамотности граждан.

В Генпрокуратуре подчеркнули, что целью принимаемых мер является «формирование системы обеспечения информационной безопасности, включая организацию эффективного межведомственного взаимодействия в этом направлении» [8].

Несмотря на предпринимаемые текущие меры по уменьшению количества совершения исследуемого типа преступлений и повышению процента их раскрываемости такого подхода к решению проблемы роста киберпреступности может быть недостаточно. Необходимым является проработка возможности решения базовых, фундаментальных недостатков российского законодательства, регулирующего область исследования.

Анализ научной литературы по проблематике исследования показывает, что вопрос преступлений в сфере информационных технологий находится в фокусе исследования ученых-правоведов.

Так, например, проблемы исследования информации, в качестве предмета преступления и объекта уголовно-правовой охраны рассматривались Р. Г. Асланяном, М. А. Зубовой, В. В. Челноковым, И. А. Юрченко, С. А. Яшковым.

Вопросы организационно-правового, уголовно-правового и криминологического характера преступлений в сфере компьютерной информации изучались в научных работах Р. К. Ахметшина, В. А. Бессонова, В. В. Воробьева, М. С. Гаджиева, М. Ю. Дворецкого, Д. А. Комарова, З. И. Хисамовой, С. С. Шахрая и иных ученых.

Меры, применяемые для противодействия неправомерному доступу к компьютерной информации, рассматривались в диссертациях

Р. М. Айсанова, А. М. Доронина, К. Н. Евдокимова, Д. Г. Малышенко, М. А. Простосердова.

Изучению проблем киберпреступности, а также мерам уголовно-правового противодействия посвящены кандидатские диссертации Т. Л. Тропиной, И. Г. Чекунова и других исследователей.

Указанное выше позволяет отметить, что проблемы преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, рассматриваются с различных позиций и, соответственно, имеют разносторонний понятийный аппарат.

В научных работах вышеуказанных авторов преступления в сфере информационных технологий именуются по-разному: как «киберпреступления», «интернет-преступления», «преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», что в конечном итоге не приводит к формированию научно обоснованного понятия исследуемой группы преступлений [7].

При выработке такого понятия, безусловно, необходимо использовать российское законодательство, регламентирующее вопросы использования информационных технологий и уголовный закон.

Так, например, согласно статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под термином «Информационные технологии» законодатель понимает процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [2]. Следует отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации термина «Информационные технологии» не содержит. Некоторые составы преступлений, которые содержатся в Кодексе, содержат смежные и косвенные понятия. Например, статья 159.6 Уголовного кодекса «Мошенничество в сфере компьютерной информации» содержит гипотезу в следующем виде: «Мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей». Преступления исследуемой сферы в Уголовном кодексе России выделены в отдельную главу: «Преступления в сфере компьютерной информации» [1]. Термин «Компьютерная информация» хотя и считается действующим и применимым к существующим уголовно-правовым отношениям, но, на наш взгляд, требует модернизации. Понятийный аппарат уголовного законодательства нуждается в актуализации в соответствии с развитием информационных технологий в целом. Такая актуализация должна способствовать правильной и современной квалификации преступлений, что в итоге должно способствовать выработке эффективной политики и стратегии противодействия исследуемым преступлениям.

Современные информационные технологии позволяют даже простым пользователям обеспечивать некоторую анонимность в сети. В руках опытных пользователей такие возможности могут быть расширены. Преступники, обладающие необходимыми знаниями, могут и вовсе обеспечивать чуть ли не полную свою анонимность. Ввиду этого при расследовании преступле-

ний в сфере информационных технологий полагаться исключительно на «трекинг» IP-адресов нецелесообразно. Однако современные исследования показывают, что киберпреступники так или иначе оставляют цифровой след. Речь идет о следах технического характера: регистрационные данные доменного имени, следы настройки с хостинг-провайдером, переписки с пострадавшими от преступлений, реквизиты платежных систем, следы передвижения денежных средств и иные значимые для следствия следы. Однако в случаях, когда преступление совершено с использованием незащищенной сети передачи данных, связанных с внедрением злоумышленников в локальные сети при отсутствии защищенного с помощью специализированных программных средств сегмента сети и несоблюдении требований информационной безопасности, раскрытие таких преступлений практически невозможно.

Также возникают трудности при получении экстерриториальных данных, хранящихся на серверах иностранных государств. Более того, интернет-провайдеры, при получении запросов от правоохранительных органов, ссылаются на нормы права, ограничивающие передачу конфиденциальных данных [6].

Указанные проблемы могут быть и должны быть решены не только посредством развития тактико-криминалистической техники, но и приведением в актуальное состояние нормативно-правовой базы, регулирующей противодействие преступлениям в сфере исследования. Так, например, для решения проблемы анонимности преступников необходимо формирование нормативной базы, регулирующей деанонимизацию информационно-телекоммуникационного пространства, блокированию звонков с подменой номеров и противоправного контента в сети Интернет, несанкционированным действиям и неправомерному использованию услуг сетей связи.

Перечисленные в настоящем исследовании проблемы, равно как и их предполагаемые решения, не являются исчерпывающими. Дальнейшие исследования на тему преступлений в сфере информационных технологий должны быть направлены на выявление более конкретных проблем и решений по совершенствованию нормативно-правовой базы в области противодействия таким преступлениям.

Подводя итоги написанного следует отметить, что активное развитие информационных технологий несет побочные эффекты в виде прогрессирования преступлений в этой сфере. Этот факт диктует острую необходимость своевременной актуализации законодательного регулирования противодействия таким преступлениям. В целом современное Российское законодательство содержит условия для борьбы с исследуемым типом преступлений. Вместе с тем отдельные отрасли правового регулирования противодействия преступлениям в сфере информационных технологий требуют развития и разработки программ по их актуализации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: офиц. текст по состоянию на 01.01.2023 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: офиц. текст

по состоянию на 29.12.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2006. – № 31. – Ст. 3448.

3. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203: офиц. Текст по состоянию на 09.05.2017 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.05.2017. – № 20. – Ст. 2901.

4. Илюшин, Д. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере предоставления услуг Интернет: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.09 / Д. А. Илюшин // Волгоград – 2018. – 233 с.

5. Старичков М.В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.08 / М.В. Старичков // Иркутск – 2006. – 237 с.

6. Садыкова К.А. Некоторые проблемы раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий / К. А. Садыква. Д. Е. Жонина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12-4 (63). – Ст. 171-173.

7. Тирских, А. А. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий / А. А. Тирских // Научный дайджест восточно-сибирского института МВД России. – 2022. – № 3 (17). – Ст. 112-120.

8. В России в 2022 году установили 10 тыс. кибермошенников / Сайт информационного агентства «ТАСС» // URL: https://tass.ru/obschestvo/16747991 (дата обращения 17.03.2023).

УДК 343.6

Терентьева Арина Евгеньевна,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: terentyeva_arina@mail.ru

Terentyeva Arina Evgenevna,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: terentyeva_arina@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 134 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF THE CRIME PROVIDED BY ARTICLE 134 OF THE CRIMINAL CODE

В работе приводится уголовно-правовой анализ преступления, предусмотренного статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом последних внесенных изменений и дополнений. Рассматривается объект данного преступления, субъект, объективная сторона, объективная сторона проводится анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответ-

ственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, половая свобода, развратные действия, уголовная ответственность, несовершеннолетние, субъект, объект, уголовное законодательство, преступление.

The paper provides a criminal law analysis of the crime provided for in Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the latest changes and additions. The object of this crime, the subject, the objective side, the objective side is considered, an analysis is made of the criminal law norms providing for liability for sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of sixteen.

Keywords: sexual integrity, sexual freedom, indecent acts, criminal liability, minors, subject, object, criminal law, crime.

Любой гражданин имеет право защищать от преступных посягательств свою собственную жизнь, здоровье, личную свободу, половую неприкосновенность и половую свободу, честь, достоинство, жилище, имущество, и другие правоохраняемые интересы, а также общественные и государственные интересы [1, с. 105]. Детство в нашей стране защищается различными средствами, включая правовые. Среди них важное место принадлежит уголовному законодательству, направленному на обеспечение половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних от сексуальных посягательств взрослых и несовершеннолетних преступников. Сексуальные посягательства на малолетних и несовершеннолетних со стороны взрослых вызывают особую нетерпимость общества. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних относятся к недопустимым, опасным преступлениям против личности. Одним из таких общественно опасных деяний является преступление, предусмотренное ст.134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»

Объектом данного преступления является право несовершеннолетнего на половую неприкосновенность как гарантию нормального полового и нравственного развития. Общественно опасным такое деяние становится в силу возрастных особенностей несовершеннолетнего субъекта полового сношения, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера, совершаемых без применения физического или психического насилия. Не имеет значения, был ли это единичный факт либо продолжительное сожительство.

Необходимо отметить, что Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ в диспозиции ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ было включено дополнительное криминализирующее деяние условие в виде недостижения потерпевшим половой зрелости. Таким образом, для признания деяния преступлением необходимо, чтобы в качестве субъекта выступало физическое совершеннолетнее лицо, достигшее 18-летнего возраста, и чтобы потерпевшее

лицо характеризовалось двумя признаками – возрастным и медицинским, т. е. данное лицо не только не достигло 16-летнего возраста, но и не обладает половой зрелостью. Под половой зрелостью женщины понимается окончательная оформленность женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание являются нормальными функциями, не расстраивающими здоровье, что свидетельствует о способности выполнения материнских обязанностей [2, с. 49]. Необходимо отметить так же, что в советском уголовном законодательстве использовался только медицинский критерий, а в УК РФ – только возрастной. Оба из них имеют как свои достоинства, так и недостатки. Основным недостатком биологического критерия является невозможность по прошествии определенного времени точно установить, обладало ли потерпевшее лицо половой зрелостью на момент совершения преступления или нет [3, с. 151].

Несомненный отход законодателя от устоявшихся традиций в сторону объективного вменения при защите прав несовершеннолетних на нормальное половое развитие, выразившийся в исключении признака известного для виновного знания несовершеннолетнего возраста потерпевшего, представляется не должен распространяться на известность знания недостижения потерпевшим половой зрелости, т. к. последний критерий может определяться только экспертным путем, а знание возраста может основываться на ознакомлении с документами, удостоверяющими личность потерпевшего.

Объективная сторона рассматриваемого преступления может выражаться в одной из трех форм сексуального поведения лица, достигшего 18-летнего возраста, совершаемого с лицом, заведомо не достигшим 16 лет: в половом сношении, лесбиянстве и мужеложстве. Специфическим признаком данного состава преступления является добровольность вступления в половое сношение, мужеложство, лесбиянство, со стороны лица мужского или женского пола, не достигшего 16-летнего возраста, с лицом, достигшим 18-летнего возраста. Рассматриваемое преступление считается оконченным с начала совершения полового сношения, акта мужеложства или лесбиянства [4].

С субъективной стороны это деяние характеризуется умыслом на совершение полового сношения, мужеложства или лесбиянства. Субъект данного преступления осознает, что вступает в половое сношение, либо совершает акт мужеложства или лесбиянства с лицом, не достигшим 16 лет, и желает совершить с ним половое сношение или иные сексуальные действия. Необходимо отметить, что Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ и ранее принятыми поправками из диспозиции этой и других норм, посягающих на нормальное половое развитие несовершеннолетних, было исключено условие о заведомости знания для виновного о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего. В литературе можно встретить критику данной новеллы. В частности, отмечается, что «подобное нововведение чуждо для российской законотворческой и правоприменительной практики» [5, с. 232]. Однако, устоявшиеся традиции и взгляды иногда должны меняться кардинальным образом в соответствии с изменяющимися условиями. Если вести речь о защите такой категории населения, как несовершеннолетние, то угрожающие масштабы роста рассматриваемого вида преступности могут впослед-

ствии привести к катастрофическим последствиям, и в данных условиях государство должно предпринимать все возможные меры для обеспечения нормального полового развития несовершеннолетних, пусть даже и через субъективное вменение. В условиях ранее действовавшей редакции УК РФ виновные могли избежать заслуженной ответственности, и на практике установление заведомости знания о возрасте несовершеннолетнего потерпевшего создавало значительные трудности. В настоящее время, прежде чем вступить в половые отношения с молодым человеком, совершеннолетнему партнеру требуется четко, в том числе и с использованием документов, удостоверяющих личность, установить его возраст.

Субъектом рассматриваемого состава преступления может быть лицо мужского или женского пола, достигшее 18-летнего возраста.

В результате изменений, внесенных Федеральными законами от № 215-ФЗ 27.07.2009, № 420-ФЗ от 07.12.2011 и № 14-ФЗ от 29.02.2012, ст.134 УК претерпела существенные изменения. В настоящее время данная статья предусматривает шесть частей и два примечания. Действующая редакция рассматриваемой статьи адекватно с общепринятыми моральными представлениями разграничила ответственность за обычное половое сношение и за его извращенные формы в виде мужеложства и лесбиянства, предусмотрев ответственность за последние в части второй, в соответствии с которой максимальное наказание составляет 6 лет лишения свободы. В части третьей предусмотрена ответственность за половое сношение, мужеложство или лесбиянство с лицом, в возрасте от 12 до 14 лет, в части четвертой – за совершение тех же действий в отношении двух или более лиц, в части пятой – за вышеперечисленные действия, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а в части шестой – за половое сношение, мужеложство или лесбиянство с лицом в возрасте от 12 до 14 лет, совершенные лицом, имеющим неснятую и непогашенную судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего [4]. На лицо противоречие в законе, которое должно решаться согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ. В данном случае можно говорить о несовершенстве и неэффективности уголовного закона, вызывающего трудности в его применении на практике [6, с. 87].

Что касается половых сношений и иных действий сексуального характера, а также развратных действий в отношении лица, не достигшего 12 лет, то законодатель справедливо предусмотрел в примечании к ст.131 УК РФ, что такие действия признаются изнасилованием либо насильственными действиями сексуального характера, поскольку потерпевший (потерпевшая) в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий. О необходимости такой квалификации данных действий с лицами, не достигшими 12-летнего возраста, неоднократно указывалось в научной литературе. [7, с. 50]

Примечание 1 к ст. 134 УК предусматривает возможность освобождения виновного от наказания, если это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшим. Примечание 2 устанавливает невозможность назначения наказа-

ния в виде лишения свободы, если между виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 или ч. 1 ст. 135 УК РФ, и потерпевшим (потерпевшей) разница в возрасте составляет менее четырех лет. В литературе обоснованно отмечается как недостаток то, что ст. 134 УК РФ не предусматривает ответственность за иные действия сексуального характера [8, с. 543].

Примечание 1 к ст. 134 УК РФ представляет собой специальное основание для освобождения от уголовного наказания в связи с изменением обстановки, предусматривающее в качестве дополнительного условия последующее после совершения преступления вступление в брак с несовершеннолетним потерпевшим (потерпевшей). В литературе справедливо отмечается, что данная поощрительная норма может использоваться недобросовестно путем заключения фиктивных браков с целью уйти от наказания, а также может выступать в качестве коррупционного фактора при отправлении правосудия по данной категории дел. Соглашаясь с данной точкой зрения, отметим, что коррупционности может способствовать предписывающий характер нормы, содержащейся в Примечании 1 к ст.134 УК РФ, устанавливающей обязанность суда без учета по сути других фактических обстоятельств освободить виновного от наказания. Вполне понятна и заслуживает поддержки воля законодателя, выраженная в данной правовой норме, направленная на смягчение ответственности для виновного в тех случаях, когда сексуальные действия с несовершеннолетним (несовершеннолетней) были обусловлены правомерными мотивами, в том числе целью создания семьи, и брачные отношения при этом были логическим продолжением сексуальных контактов. Однако закрепить в уголовном законе все обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии фиктивного брака, не представляется возможным, и их установление должно происходить в ходе судебного разбирательства, в связи с чем считаем необходимым устранить строго императивный характер данной нормы и передать разрешение данного вопроса на усмотрение суда.

Примечание 2 к ст.134 УК РФ предусматривает неприменение к виновному в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.134 УК РФ или ч.1 ст.135 УК РФ, наказания в виде лишения свободы, если разница в возрасте между виновным или виновной и потерпевшей или потерпевшим не превышает четырех лет. Данная норма учитывает фактически имеющие быть отношения, не представляющие значительной общественной опасности, когда половые связи возникают и существуют между молодыми людьми примерно одного возраста по любви. Представляется, что наказание, не связанное с изоляцией виновного от общества, вполне соответствует степени тяжести содеянного, однако невозможность в данном случае назначить условное наказание в виде лишения свободы, не позволяет должным образом усилить ответственность в случае последующего криминального поведения виновного [9, с. 87].

С учетом неудачности формулировок Примечаний к ст.134 УК РФ считается возможным их изменить. «Примечание. В случае, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой)

составляет менее четырех лет, к последнему за совершенное деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи или частью первой статьи 135 настоящего Кодекса, суд может применить наказание в виде лишения свободы и постановить считать его условным, если придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания и если будет установлено, что это лицо вступило в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Требуется отметить, что законодательство, которое предусматривает уголовную ответственность за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, требует своего законодательного совершенствования в нашей стране с учетом исторического опыта.

Список литературы

1. Павлов, В. Г. Еще раз о необходимой обороне как обстоятельстве, исключающем преступность деяния/ В. Г. Павлов, Д. В. Павлов // Вестник Санкт -Петербургской юридической академии. - 2021. - №4 (53). - С. 101-108.

2. Дьяченко, А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений: учебное пособие. - Москва, 2007. - С.49-50.

3 Решетникова, Г. А. О дополнительном критерии криминализации общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – № 2–3. – С.151-153.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Романова, Д. О. Уголовная ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних: совершенствование законодательной и регламентации правоприменения // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы. - Москва, 2021. – С. 231–236.

6. Павлов, В. Г. Уголовный кодекс России требует своего совершенствования // XX юбилейные Царскосельские чтения. 2016. С. 86-89.

7. Пристанская, О. В. Плюсы и минусы Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (по вопросу усиления уголовной ответственности за совершение преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности несовершеннолетних) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 12. – С. 47-53;

8. Загрядская, Е. А. Проблемные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. – Москва, 2020. – С. 543–545.

9. Успенская, М. Д. Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Право. Общество. Государство. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 86–89.

УДК 343.6

Терентьева Арина Евгеньевна,
студент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: terentyeva_arina@mail.ru

Terentyeva Arina Evgenevna,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: terentyeva_arina@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOLABILITY AND SEXUAL FREEDOM OF MINORS

В работе рассматриваются затруднения в расследовании и квалификации преступлений против половой неприкосновенности половой свободы несовершеннолетних и малолетних, проводится анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (статья 134 УК РФ) и развратные действия (статья 135 УК РФ), выявляется ряд проблем в их толковании и правоприменении.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, половая свобода, развратный действия, уголовная ответственность, несовершеннолетние, ребенок, уголовное законодательство, преступление.

The paper discusses the difficulties in investigating and qualifying crimes against the sexual inviolability of the sexual freedom of minors and minors, analyzes the criminal law providing for liability for sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of sixteen (Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation) and depraved actions (Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation), a number of problems are revealed in their interpretation and law enforcement.

Keywords: sexual integrity, sexual freedom, indecent acts, criminal liability, minors, child, criminal law, crime.

Расследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних закономерно вызывают у правоохранителей затруднения, так как, во-первых, они сталкиваются с необходимостью получения криминалистически значимой информации от несовершеннолетнего (малолетнего) потерпевшего, которому в силу его возраста зачастую достаточно трудно объективно оценить произошедшее, и, как следствие, дать содержательные, правдивые показания. Во-вторых, следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего требуют привлечения таких участников, как законный представитель, психолог, педагог, отдел по

делам несовершеннолетних и недостаточная регламентация данного процесса может привести к формализованным действиям со стороны следователя. Таким образом, актуальность выбранной темы сложно переоценить.

Анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (статья 134 УК РФ) и развратные действия (статья 135 УК РФ), позволил выявить ряд проблем в их толковании и правоприменении.

Одной из них, на которую обращают внимание почти все ученые правоведы, заключается в том, что есть несоответствие между наименованием статьи 134 УК РФ и содержанием ее диспозиции. Название нормы предполагает совершение полового сношения и иных действий сексуального характера, а в диспозиции описаны лишь половое сношение, мужеложство и лесбиянство. Совершение иных действий сексуального характера, не входящих в диспозицию статьи 134 УК РФ, квалифицируются как развратные действия по статье 135 УК РФ. Однако, очевидно, что при такой квалификации имеет место смягчение наказания за совершенное преступление, поскольку санкция статьи 135 УК РФ мягче санкции статьи 134 УК РФ [1]. Так, например, анальный или оральный секс с девочкой, не достигшей шестнадцатилетнего возраста, квалифицируется по статье 135 УК РФ как развратные действия, а те же деяния, совершенные в отношении мальчика, не достигшего шестнадцати лет, попадают под объективную сторону статьи 134 УК РФ. По факту виновный совершает одни и те же действия, но в отношении разнополых потерпевших, а правовая оценка этих действий будет отличаться в зависимости от пола ребенка, что, на наш взгляд, является недопустимым. Это дает право полагать, что квалификация иных действий по статье 135 УК РФ идет в разрез принципу справедливости и целям уголовного наказания.

Таким образом, за сексуальное посягательство в форме анального или орального секса с девочкой, не достигшей шестнадцатилетнего возраста, следует привлекать к ответственности не по статье 135 УК РФ, а по статье 134 УК РФ, для того чтобы избежать ошибок в квалификации, связанных с правовой оценкой этого деяния в зависимости от пола несовершеннолетнего. Тем более приведенные виды сексуальных действий обладают сходной физиологической природой, и оснований для их искусственного разделения нет. По мнению В. Г. Павлова и Д. В. Павлова, одной из наиболее сложных проблем в теории уголовного права и в правоохранительной деятельности является совершенствование системы уголовных наказаний в современной России [2, с. 165].

Следующая проблема, связанная с применением статьи 134 УК РФ, заключается в отграничении полового сношения от изнасилования с использованием беспомощного состояния. Пленум Верховного суда разъясняет, что «... изнасилованием следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или

иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному». При этом лицо, совершая изнасилование, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии. И чтобы квалифицировать деяние по статье 134 УК РФ необходимо выяснить, действительно ли потерпевший осознавал значение совершаемых с ним действий и был ли он способен осознанно дать добровольное согласие на вступление в половой контакт с виновным. Возникает сложность при применении статьи 134 УК РФ, заключающаяся в том, что в настоящее время, для признания наличия в действиях лица состав преступления, предусмотренного статьей 134 УК РФ, не является обязательным установление достоверного знания субъекта преступления о возрасте потерпевшего, достаточно предположительного знания. В настоящее время Верховный суд РФ говорит о необходимо доказать, что обвиняемый достоверно знал или допускал, что потерпевший не достиг возраста, указанного в законе [3].

Анализ судебной практики по уголовным делам, предусмотренным статьей 134 УК РФ, показал, что в одних случаях каждый факт полового сношения или иных действий сексуального характера квалифицируются самостоятельно. В других случаях обвиняемому вменяют систематическое вступление в половую связь с потерпевшей или неоднократное совершение мужеложства или лесбиянства и квалифицируют данные действия по статье 134 УК РФ. В-третьих, случаях вменяют каждый эпизод самостоятельно, и квалифицируют по одной статье, указывая при этом, что действия обвиняемого совершены в непродолжительный промежуток времени, направлены на неоднократные половые сношения либо акты мужеложства или лесбиянства и охватывались единым умыслом.

Еще одним спорным решением законодателя стало установление в примечании к статье 134 УК РФ специального основания освобождения лица от наказания в связи с изменением обстановки и потерей виновным и содеянного им общественной опасности ввиду вступления в брак с потерпевшей. Большинство исследователей видят в такой норме больше негативных моментов, чем пользы. Независимо от того, вступит виновный в брак с потерпевшим или нет, общественная опасность содеянного не исчезает. А создание такого условия как вступлению в брак может стать только толчком для регистрации фиктивных браков. Ведь в настоящее время, к сожалению, институт брака уже не имеет той ценности, какую имел раньше. И довольно частыми являются случаи, когда лица вступают брак независимо от испытываемых чувств, а руководствуясь меркантильными соображениями. В то же время, нередкими являются и обратные ситуации, когда лица не регистрируют официально свои отношения, однако фактически исполняют обязанности, которые возлагаются законом на супругов. В итоге, заключению брака между потерпевшим и виновным могут предшествовать договоренности: злоупотребление потерпевшим своими возможностями, когда за регистрацию брака он будет требовать выполнения определенных условий с одной стороны и вступление в брак по необходимости с целью избежать наказания со стороны виновного. Так, например, К.В. Дядюн обращает внимание на разницу в возрасте между виновным и потерпевшим как основание

для рассмотрения вопроса о фиктивности заключенного брака. Она утверждает, что имеется существенная разница между тем, сколько виновному лет: двадцать или пятьдесят. Если для двадцатилетнего вступить в половую связь с несовершеннолетним в настоящее время еще можно назвать условно приемлемым, то в случае, когда разница в возрасте огромна, можно подозревать у виновного наличие психического расстройства [4, с. 4].

Еще одним недостатком установления данного условия как основания освобождения от наказания является теоретически существующая возможность для лица неоднократно использовать данной примечания и таким образом избегать уголовной ответственности. Согласно норме, положения примечания могут быть применены к лицу в том случае, если он совершил преступление впервые. А в соответствии с частью 2 статьи 86 УК РФ, если лицо было освобождено от наказания, то оно считается несудимым. И, наконец, данное положение носит, в некоторой степени, дискриминационный характер по возрастному признаку, а также нарушает принцип равенства по полу и статусу [5, с. 543].

Так, исходя из смысла примечания, для того, чтобы несовершеннолетнее лицо могло вступить в брак, такое право должно быть предоставлено ему законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации. Большинство субъектов РФ установили минимальный брачный возраст шестнадцать лет, таким образом, лица, проживающие на их территории, лишены возможности использовать данное примечание. Ввиду того, что однополые браки в России запрещены, примечание не могут использовать лица, вступившие в гомосексуальный контакт. Лица, вступившие в гетеросексуальный контакт, но совершившие сексуальные действия, не связанные с половым сношением, также лишены права использовать примечание к статье 134 УК РФ как основание освобождения от наказания.

Основываясь на вышеуказанных доводах, целесообразным будет исключить примечание из статьи 134 УК РФ, а для освобождения от уголовной ответственности использовать установленные в нормах Общей части УК РФ деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим, что, по моему мнению, будет соответствовать современным реалиям общественной жизни.

Спорную позицию относительно содержания объективной стороны статьи 135 УК РФ занимает А. В. Кузнецов. Его предложение, состоящее в исключении такого признака развратных действий, как совершение их без применения насилия, связано с тем, что на практике возникают трудности при квалификации интеллектуальных действий, совершенных с применением насилия. По его мнению, деяние должно охватываться статьей 135 УК РФ [6, с.52]. Полагаем, такое изменение нарушило бы логику построения всей главы о защите половой свободы и половой неприкосновенности личности, так как произошло бы в некотором роде дублирование положений статьи 132 УК РФ об ответственности за совершение насильственных действий сексуального характера. Поэтому, лучшим способом стало бы установление в рамках статьи 135 УК РФ такого отягчающего обстоятельства, как совершение развратных действий с применением насилия, что объясняется большей степенью общественной опасности такого деяния. При этом обязательно должно содержаться указание на то, что такие действия должны быть осуществлены в интеллектуальной форме. Это связано с уже раскрытым ранее в

работе понятием «иные действия сексуального характера», которые по своей природе могут являться составной частью развратных действий и в случае их совершения насильственным путем, они подлежат квалификации по статье 132 УК РФ [7, с. 86].

Далее следует отметить, что в научном сообществе есть мнение о включении в диспозицию статьи 134 УК РФ формулировки «иные действия сексуального характера». Подобное решение также представляется весьма актуальным и логичным, поскольку в этом случае удастся избежать последующих проблем с квалификацией деяния. Возможно, в ч. 2 ст. 134 УК РФ должны быть внесены изменения в следующей редакции: «Мужеложство или лесбиянство, а также иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в том числе разного с потерпевшим пола». Такое дополнение потребует соответствующих корректировок в постановлении Пленума Верховного суда РФ. Это позволило бы избежать проблем связанных с квалификацией действий лица в описанном выше примере. Также указывается на исключение примечания к статье 134 УК РФ, объясняя свою позицию тем, что, законодатель прямо противоречит сам себе, закрепив одновременно и ответственность за раннюю половую связь и возможность избежать этой уголовной ответственности лицу, совершившему преступление, предусмотренное статьей 134 УК РФ. Здесь следует не согласиться с вышеуказанным мнением, поскольку позиция законодателя объясняется тем, что зачастую совершению преступления предшествовала любовная связь, между субъектом преступления и потерпевшим лицом, в связи с чем, в будущем предполагалось возможность формирования семьи, и вследствие этого, преступление перестало носить общественно опасный характер. С этой позиции включение такого примечания нам представляется допустимым [8, с. 232].

Далее надо сказать о пределах санкций части 1 статьи 134 УК РФ предусматривающей до 4 лет лишения свободы и санкции части 1 статьи 135 УК РФ предусматривающей лишение свободы на срок до 3 лет. Если мы возьмем тот же пример с половой связью в неестественной форме между мужчиной 20 лет и девочкой 15 лет, то, как мы и говорили выше, квалификация будет по ч.1 ст. 135 УК РФ (санкция до 3 лет лишения свободы), но в случае половой связи между теми же лицами в естественной форме (половое сношение), преступника ждет санкция до 4 лет лишения свободы, квалификация по ч. 1 ст. 134 УК РФ соответственно. Основываясь на содержании положений части 1 статьи 134 УК РФ, можно заключить, что совершеннолетнее лицо, вступая в половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершает уголовно-наказуемое деяние [9, с. 100]. Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод, что законодатель усмотрел большую общественную опасность в половом сношении с лицом, не достигшим 16 лет, нежели в половом акте протекающим в неестественной форме с тем же лицом. Данная позиция, представляется как минимум спорной, поскольку вред, причиняемый физическому и психическому здоровью потерпевшего, не уменьшается в зависимости от того в какой форме протекал половой акт. Ситуация, при которой строгость наказания за совершение ненасильственных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет, будет зависеть от пола партнеров и способа их полового контакта, а не

от тяжести содеянного. В этой связи, считается, что пол лиц, вступающих в интимную связь, а также способ совершения деяния не может быть в качестве определяющего фактора при квалификации деяния, поскольку степень общественной опасности от этого не изменяется.

Выявление существующих проблем квалификации и назначения наказаний по составу преступлений, предусмотренных статьями 134, 135 УК РФ говорит о том, что потребность в дальнейшем совершенствовании норм, защищающих несовершеннолетних от ненасильственных сексуальных посягательств, существует и не теряет своей актуальности на современном этапе развития нашего государства и уголовного законодательства в целом.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Павлов, В. Г., Павлов, Д. В. Проблемы совершенствования системы уголовных наказаний в УК РФ // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 160-169.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с изменениями и дополнениями 9 февраля 2012 г., 16 мая 2017 г.) : Доступ из справ.–правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Дядюн, К.В. К вопросу о целесообразности установления уголовной ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Universum: экономика и юриспруденция. – 2017. – №5. – С. 1–8.

5. Загрядская, Е. А. Проблемные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. – Москва, 2020. – С. 543–545.

6. Кузнецов, А. В. Совершенствование практик применения норм уголовного закона об ответственности за развратные действия ненасильственного характера в отношении несовершеннолетних // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – №1. – С. 51–55.

7. Успенская, М. Д. Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Право. Общество. Государство. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 86–89.

8. Романова, Д.О. Уголовная ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних: совершенствование законодательной и регламентации правоприменения // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы. – Москва, 2021. – С. 231–236.

9. Пусурманов, Г. В. О проекте нового Уголовного кодекса Российской Федерации / Г. В. Пасурманов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020 г. – №2 (47). – С. 97-102.

УДК 343.1

Ушатов Дмитрий Викторович,
к.ю.н., доцент,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: D_Ushatov@mail.ru
Тарасенко Илья Александрович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: childoflight@mail.ru

Ushatov Dmitry Viktorovich,
Candidate of Law,
Associate Professor,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: D_Ushatov@mail.ru
Tarasenko Ilya Alexandrovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: childoflight@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ч. 2.1 ст. 332 УК РФ

PROBLEMS OF PRELIMINARY INVESTIGATION OF A CRIME UNDER Part 2.1 OF Article 332 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В данной статье рассмотрены основные проблемы предварительного расследования преступления, предусмотренного ч.2.1 ст. 332 УК РФ, а также возможные пути их решения.

Ключевые слова: ответственность, правовой статус, субъект правоотношений, правоприменитель, военная служба и воинская обязанность, неисполнение приказа, вооруженный конфликт, состав преступления.

This article discusses the main problems of the preliminary investigation of a crime under Part 2.1 of Article 332 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as possible ways to solve them.

Keywords: responsibility, legal status, subject of legal relations, law enforcement officer, military service and military duty, non-execution of an order, armed conflict, corpus delicti.

Проблемы предварительного расследования преступления, предусмотренного ч. 2.1 ст. 332 УК РФ весьма актуальны и требуют детального исследования. Данный вид преступления относительно недавно был введен в УК РФ и поэтому его расследование представляет некоторые сложности. Данный состав регулирует последствия неисполнения приказа, отданного в установленном порядке, а равно отказа от участия в боевых действиях в период вооруженного конфликта, либо в период военного положения.

Одной из основных проблем предварительного расследования преступления, предусмотренного ч.2.1 ст. 332 УК РФ, является сложность в правильном установлении факта преступления неисполнения приказа, отданного в установленном порядке. Для этого необходимо иметь четкое представление о содержании приказа, а также о том, кто именно является его адресатом. Если

приказ не был оформлен в письменном виде, то его содержание может быть неясным, что затрудняет определение состава преступления [1].

Кроме того, установление факта отказа от участия в боевых действиях также является проблематичным, так как не всегда возможно доказать, что данный отказ произошел по вине обвиняемого.

Еще одной проблемой предварительного расследования преступления, предусмотренного ч.2.1 ст. 332 УК РФ, является отсутствие свидетелей, которые могли бы подтвердить факт отказа от участия в боевых действиях. В этом случае, следователи вынуждены полагаться на показания обвиняемого и свидетелей, которые могли бы наблюдать за поведением обвиняемого в период конфликта. Однако, такие показания не всегда могут считаться достоверными, так как могут быть субъективными и противоречивыми [2].

Кроме того, предварительное расследование преступления, предусмотренного ч. 2.1 ст. 332 УК РФ, часто затягивается из-за отсутствия материальных доказательств. В этом случае следователи вынуждены проводить дополнительные расследования, которые могут занимать много времени и сил.

Также необходимо отметить, что предварительное расследование преступления, предусмотренного ч. 2.1 ст. 332 УК РФ, может столкнуться с проблемой недостаточности доказательств для возбуждения уголовного дела. Например, если отсутствуют документы, подтверждающие выдачу приказа, то возбуждение уголовного дела может быть затруднительным [3].

Для решения проблем предварительного расследования преступления, предусмотренного ч. 2.1 ст. 332 УК РФ, следует применять следующие методы:

Использование современных методов и технологий в расследовании преступлений, например, использование видеонаблюдения и технических средств для фиксации факта неисполнения приказа или отказа от участия в боевых действиях [4].

Улучшение законодательства, связанного с предварительным расследованием преступлений. Например, необходимо внести изменения в УПК РФ, чтобы обеспечить более эффективное сбор доказательств. [5]

Обучение следователей и судей особенностям предварительного расследования преступлений, связанных с неисполнением приказа или отказа от участия в боевых действиях.

Улучшение взаимодействия между следственными органами, правоохранительными органами и другими соответствующими организациями для более эффективной работы в расследовании преступлений, связанных с неисполнением приказа или отказа от участия в боевых действиях.

Разработка программ и мероприятий для пропаганды законности и ответственности граждан в период вооруженных конфликтов.

Создание базы данных и архивов с информацией о бойцах, в том числе об их участии в боевых действиях и приказах, выданных ими в период конфликта.

Совершенствование международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, связанными с неисполнением приказа или отказа от участия в боевых действиях.

Неисполнение приказа или отказ от участия в боевых действиях в период вооруженного конфликта является серьезным преступлением, за которое предусмотрены наказания. Однако, предварительное расследование таких преступлений сопряжено с рядом проблем, таких как отсутствие материальных доказательств, субъективность показаний и недостаточность доказательств для возбуждения уголовного дела. Для решения этих проблем следует использовать современные методы и технологии, улучшать законодательство, обучать следователей и судей, улучшать взаимодействие между правоохранительными органами и другими соответствующими организациями, проводить пропаганду законности и ответственности граждан в период конфликта, создавать базы данных и архивы с информацией о бойцах, и совершенствовать международное сотрудничество в борьбе с преступлениями, связанными с неисполнением приказа или отказа от участия в боевых действиях [6].

Рекомендации по совершенствованию предварительного расследования преступлений, предусмотренных ч. 2.1 ст. 332 УК РФ.

Для совершенствования предварительного расследования преступлений, предусмотренных ч. 2.1 ст. 332 УК РФ, необходимо уделить внимание следующим аспектам:

Обучение правоохранительных органов и судебных органов судебной власти теории и практике расследования преступлений в сфере военной деятельности. Необходимо проводить регулярные семинары и тренинги по данной тематике [7].

Улучшение материально-технической базы правоохранительных органов. Необходимо обеспечить правоохранительным органам современную технику для проведения расследования и обеспечения безопасности, а также средства связи для оперативной связи между правоохранительными органами.

Определение компетенции судов в вопросах, связанных с расследованием преступлений в сфере военной деятельности. Необходимо уточнить, какие суды могут рассматривать дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2.1 ст. 332 УК РФ.

Расширение полномочий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Необходимо усилить контроль за гражданами, которые могут совершить преступления, предусмотренные ч. 2.1 ст. 332 УК РФ, и проводить оперативно-розыскную деятельность с целью предотвращения совершения данных преступлений.

Улучшение процесса сбора и анализа доказательств. Необходимо создавать единые банки данных, в которых будут храниться сведения о гражданах, связанных с сферой военной деятельности, а также материалы опера-

тивно-розыскных мероприятий, проводимых с целью предотвращения совершения преступлений, предусмотренных ч. 2.1 ст. 332 УК РФ [8].

Сотрудничество с другими государствами. Необходимо развивать сотрудничество с другими государствами в сфере борьбы с преступлениями, связанными с военной деятельностью. Данная мера позволит улучшить обмен информацией и обеспечить более эффективное противодействие данному виду преступлений.

Прозрачность и ответственность. Правоохранительные органы должны быть прозрачны в своей деятельности и отчитываться перед обществом о результатах проведенного расследования. При выявлении нарушений со стороны правоохранительных органов должна проводиться независимая проверка и наказание виновных.

Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов. Необходимо проводить регулярную переподготовку и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов с целью обеспечения качественного и эффективного расследования преступлений, связанных с военной деятельностью.

Таким образом, рассмотрев проблемы, связанные с предварительным расследованием преступлений, предусмотренных ч. 2.1 ст. 332 УК РФ, можно сделать вывод о том, что данная сфера является достаточно сложной и требует от правоохранительных органов повышенного внимания и компетенции. Для улучшения процесса расследования необходимо проводить обучение сотрудников правоохранительных органов, улучшать материально-техническую базу, расширять полномочия органов, сотрудничать с другими государствами, а также уважать права граждан и обеспечивать прозрачность и ответственность в деятельности правоохранительных органов.

Однако, необходимо учитывать, что каждый конкретный случай расследования является уникальным и требует индивидуального подхода. Кроме того, необходимо учитывать изменения в законодательстве и современные технологии, которые также могут повлиять на процесс расследования.

В целом, успешное расследование преступлений, связанных с военной деятельностью, требует комплексного подхода и сотрудничества всех заинтересованных сторон. Необходимо улучшать материально-техническую базу правоохранительных органов, повышать квалификацию сотрудников, совершенствовать законодательство и сотрудничать с другими государствами. Все эти меры помогут обеспечить более эффективное противодействие данному виду преступлений и обеспечить защиту прав и свобод граждан.

Список литературы

1. Болотов, А. В. Организация предварительного расследования в России: учебник / А. В. Болотов, В. Н. Газизуллин, Ю. В. Калашников и др. – М.: Издательство Юристъ, 2017. – 464 с.

2. Залетин, В. Е. Организация и методы дознания и предварительного следствия: учебник для юридических вузов / В. Е. Залетин. – М.: Издательство Юридическая литература, 2018. – 352 с.

3. Иванов, А. А. Правовые проблемы противодействия военным преступлениям: монография / А. А. Иванов. – М. : Издательство Юстицинформ, 2018. – 176 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Н. А. Петрова. – М.: Издательство Волтерс Клувер, 2017. – 1255 с.

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1318.

6. Лукин, А. В. Компетенция судов в военных преступлениях: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Лукин. – М., 2003. – 21 с.

7. Организация правосудия в Российской Федерации: учебник / под ред. А. А. Архипова. – М. : Издательство Проспект, 2016. – 672 с.

8. О расследовании офицерами следственных органов военных преступлений, совершенных в период военного положения или вооруженного конфликта // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 2. С. 27–34.

УДК 343.01

Фейзуллаев Фирудин Махрамали оглы,
кандидат юридических наук,
(Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
E-mail: firudin25@mail.ru
Иванова Валерия Александровна,
студент,
(Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
E-mail: ivanovavaleriia01@gmail.com

Feyzullaev Firudin Mahramali oglu,
PhD in Law,
(Saint Petersburg State University of architecture and civil engineering)
E-mail: firudin25@mail.ru
IvanovaValeria Aleksandrovna,
student,
(Saint Petersburg State University of architecture and civil engineering
E-mail: ivanovavaleriia01@gmail.com

ПРОБЛЕМА СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

THE PROBLEM OF LIMITATION PERIODS IN CRIMINAL LAW

Сроки давности являются важной частью уголовного права. Именно срок давности, а точнее его истечение освобождает лицо от уголовной ответственности.

Несмотря на большой пласт принятых правовых актов, регулирующих уголовное правоотношения, несмотря на то, что множество ученых уже внесли свой вклад в рамках уголовного права, преступность не теряет своей

актуальности, на наш взгляд это объясняется несовершенством механизма правового регулирования и уголовно-правового воздействия. Совершенствование уголовного законодательства всегда будет актуальным для борьбы с преступностью.

В данной научной работе все теоретические обоснования составлены на основе исследований, правовых актов, статистики, мнений ученых, политиков, правоведов и практических работников.

Впервые упоминание о сроках давности было в Манифесте от 17 марта 1775 года (ст. 44). Сроки давности содержались в ст. 158 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года. Их продолжительность зависела от тяжести совершенного преступления. По Уголовному уложению 1903 года давность рассматривалась как обстоятельство, устраняющее наказание. На наш взгляд уже в те времена уголовные дела накапливались и усложняли работу правоохранительных органов в несколько раз, что понижало эффективность деятельности сотрудников. Новых дел появлялось с каждым месяцем все больше, а старых не уменьшались, именно для решения данной проблемы был введен срок давности, по истечению которого дела закрывались.

В СССР также существовал закон, в котором срок давности был отражен и имел два вида: давность уголовного преследования и исполнения обвинительного приговора**.**

В советском законодательстве нормы давности отражены в ст.ст. 21,22 УК РСФСР 1922 года.

Так, в ст. «Ст. 21 УК РСФСР наказание не применялось, когда со времени совершения преступления, за которое Уголовным кодексом, как высшее наказание, определено лишение свободы на срок выше одного года, прошло не менее пяти лет или когда со времени совершения менее тяжелого преступления прошло три года, – при условии: 1) если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу и 2) если совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого преступления.

Согласно ст. 22 УК РСФСР установленные сроки давности ст. 21 УК РСФСР, удваивались, если привлеченный к следствию или суду скрылся, или иным способом уклонился от таковых» [1]

Самая главная перспектива – это уменьшение численности преступлений и предупреждения ее. Действие срока давности отвечает целям борьбы с преступностью.

Целью научного исследования являются: анализ сроков давности в уголовном праве.

Задачами научного исследования являются:

определить понятие срок давности в уголовном праве;

рассмотреть порядок освобождения от уголовной ответственности по истечению срока давности;

проанализировать и изучить срок давности в зарубежных странах.

Методы решения задач научного исследования: синтез, анализ, логика, исторический метод, социологический метод, сравнение, метод дедукции, индукции и по аналогии.

Ключевые слова: сроки давности, уголовное право, освобождение от наказания, судебная практика, отказ в возбуждении уголовного дела

Statutes of limitations are an important part of criminal law. It is the statute of limitations, or rather its expiration, that exempts a person from criminal liability.

Despite the large layer of adopted legal acts regulating criminal legal relations, despite the fact that many scholars have already contributed to the criminal law, crime does not lose its relevance, in our view this is due to the imperfection of the mechanism of legal regulation and criminal-legal impact. Improvement of criminal legislation will always be relevant to the fight against crime.

In this scientific work all theoretical justifications are made on the basis of studies, legal acts, statistics, opinions of scientists, politicians, jurists and practitioners.

For the first time mentioned the statute of limitations was in the Manifesto of March 17, 1775 (art. 44). Time limits were contained in Art. 158 of the Penal and Correctional Code as amended in 1885. Their duration depended on the gravity of the crime committed. Under the Criminal Code of 1903, the statute of limitations was viewed as a circumstance which eliminated the punishment. We think that already at that time criminal cases were piling up and making the work of law enforcement agencies more and more difficult, which reduced the effectiveness of the officers. New cases were appearing more and more every month, while the old ones were not reduced, precisely to solve this problem the statute of limitations was introduced, after the expiration of which the cases were closed.

There was also a law in the USSR, in which the statute of limitations was reflected and had two types: the statute of limitations for criminal prosecution and execution of conviction.

In the Soviet legislation the norms of statute of limitations are reflected in Art. 21,22 of the Criminal Code of the RSFSR of 1922.

"Article 21 of the Criminal Code of the RSFSR punishment does not apply when not less than five years have elapsed since the commission of the crime for which the Criminal Code, as the highest punishment, determines imprisonment for a term exceeding one year, or when three years have passed since the commission of a less serious crime - provided that: (1) if during all this time there has been no proceeding or investigation in the case, and (2) if the perpetrator of the crime covered by the statute of limitations has not committed any other crime during the period specified in this article.

Article 22 of the Criminal Code of the RSFSR, the statute of limitations established by Article 21 of the Criminal Code of the RSFSR, was doubled if the person involved in the investigation or trial fled, or otherwise evaded the same [1].

The most important perspective is the reduction and prevention of crime. The effect of the statute of limitations meets the objectives of the fight against crime.

The purpose of the scientific research are: the analysis of the statute of limitations in the criminal law.

The objectives of the scientific research are:

Define the concept of statute of limitations in criminal law;

Consider the procedure of exemption from criminal liability upon the expiry of the statute of limitations;

analyze and study the statute of limitations in foreign countries.

Methods for solving problems of scientific research: synthesis, analysis, historical method, sociological method, comparison, method of deduction, induction and by analogy

Keywords: statute of limitations, criminal law, exemption from punishment, judicial practice, refusal to initiate criminal proceed- ings

Под сроком давности понимается период времени, по окончанию которого правовые последствия не применяются в отношении лица, совершившего противоправное деяние.

Д. В. Орлов: «определяет давность как комплексный институт, мате материально-правовые основания которого тесно связаны с процессом правоприменения и непосредственно испытывают на себе его влияние в случаях: разрыва или утраты связи между преступлением и наказанием спустя определенный промежуток времени, когда уже не могут быть достигнуты сами цели наказания; кардинального изменения характеристики лица, совершившего общественно опасное деяние, которое (с позиций целей привлечения к уголовной ответственности) перестало быть общественно опасной личностью к моменту окончания течения срока давности; экономии мер уголовно правовых репрессий как проявления государственного (правоохранительного) интереса; наличия процессуальных аргументов в пользу нецелесообразности (ввиду доказательственной бесперспективности) привлечения лица к уголовной ответственности в связи с утратой или существенным искажением доказательственной базы по прошествии значительного временного промежутка после совершенного общественно опасного деяния» [2, с. 47].

Согласно статье 78 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

1. Лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли следующие сроки:

а) два года после совершения преступления небольшой тяжести;

б) шесть лет после совершения преступления средней тяжести;

в) десять лет после совершения тяжкого преступления;

г) пятнадцать лет после совершения особо тяжкого преступления [3].

Х. Д. Аликперов справедливо отмечает, что: «цели данного института (ст. 78 УК РФ) нельзя рассматривать как своего рода милость к преступнику или же снисхождение к нему со стороны государства. Просто с истечением длительного времени после совершения преступления существенно затрудняется расследование, утрачивают или теряют силу доказательства по делу, забываются или искажаются в памяти сведения, известные свидетелям, по-

терпевшим. Вследствие этого объективное рассмотрение судом дел этой категории и установление по ним картины преступления часто становится или затруднительным, или даже невозможным» [2, с. 47]. К данным высказываниям, на наш взгляд также целесообразно добавить, что человек совершивший преступление и избежавший наказание по истечению срока давности не становится менее опасным для общества, также срок давности применяется, даже когда преступник, в совершении своих противоправных действий не раскаивается, наоборот убежден в правоте своих действий, что напрямую противоречит моральным нормам общества и уголовно- исправительной системе.

Причинами освобождения от наказания правоведами были определены: утрата общественной опасности лица, совершившего деяние, не качественность воспитательной пользы от назначенного наказания по истечению срока давности, уровень угрозы от личности, которое совершило преступление низкий.

Данные причины ведут к отсутствию карательного эффекта за противоправные деяния. При совершении преступления небольшой тяжести, срок давности составляет 2 года, за это время наличие воспитательного эффекта нельзя полностью исключать. Оставив лицо безнаказанным, увеличивается возможность совершения повторного преступления. Наказание воздействует на человека, как карательная мера, что явно уменьшает желание совершения противоправного деяния. Стоит отметить и то, что нецелесообразно оставлять за преступления небольшой тяжести срок давности два года, когда законом установлено лишение свободы, как альтернативное наказание. Стоит также обратить внимание на срок предварительного расследования, который чаще всего очень затягивается и срок судебного разбирательства, который целенаправленно могут «тянуть» и ждать прекращения по истечению срока давности.

М. Ф. Костюк отмечает, что: «однако освобождение лица от уголовной ответственности и наказания в связи с истечением сроков давности является проявлением чрезмерного гуманизма к преступнику, который не совершил никаких позитивных действий по заглаживанию причиненного вреда, не раскаялся в содеянном.» [2, с. 50]

В соответствии с ч. 1 ст. 83 УК РФ лицо, осужденное за совершение преступления, освобождается от отбывания наказания, если обвинительный приговор суда не был приведен в исполнение в следующие сроки со дня вступления его в законную силу:

а) два года при осуждении за преступление небольшой тяжести;

б) шесть лет при осуждении за преступление средней тяжести;

в) десять лет при осуждении за тяжкое преступление;

г) пятнадцать лет при осуждении за особо тяжкое преступление.

Истечение указанных сроков исключает исполнение обвинительного приговора лишь при условии, что течение давности не было нарушено. В законе предусмотрены основания для прерывания срока, как уклонение от отбывания наказания, совершение нового преступления до истечения срока

давности. Также срок может быть приостановлен, если осужденный уклоняется от отбывания наказания.

Обращаясь к судебной практике, а именно к апелляционному постановлению Московского государственного суда 03 марта 2016 г. по делу №10-2887, когда жалобу заявителя, которому были причинены телесные повреждения, не причинившие вред здоровью, оставили без удовлетворения.

«Постановлением следователя Л*Е.Н. от 26.11.2013 г. уголовное дело прекращено по п.3 ч.1 ст.24 УПК РФ, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

14.10.2015 уголовное дело органом полиции уничтожено, на основании Приказа МВД РФ от 30.06.2012 № ****** в связи с истечением срока хранения.» [4] Проанализировав данное постановление, можно сделать вывод о том, что не всегда можно добиться справедливости, особенно по истечению срока давности, что является очень несправедливым.

Рассмотрев срок давности во многих зарубежных странах, хотелось бы акцентировать наше внимание на сроках давности Германии.

А. В. Панкратов справедливо отмечает то, что: «уголовное право Германии предполагает единый срок давности для всех преступлений. Он составляет 30 лет. То есть, избежать наказания за столь длительный промежуток времени не удастся, а в тех случаях, когда преступник останется не найденным, а уголовное дело нераскрытым, можно действительно заявлять, что общественная опасность нарушителя сошла на нет или заметно снизилась, поскольку тот уже находится в преклонном возрасте (в подавляющем большинстве случаев даже совершившему преступление в молодости человеку к моменту истечения срока давности будет более 50 лет)» [5. с. 154]

В Федеративной Республике Германии уголовное дело может быть прекращено по процессуальным основаниям (в том числе, по истечении срока давности), материальным основаниям (оказалось, что деяние не является уголовно наказуемым), фактическим основаниям (подозрение не нашло подтверждения в материалах дела). Сроки давности уголовного преследования, по истечении которых наказание исключается, закреплены в разделе 5 гл. 1 (§ 78) Общей части Уголовного кодекса ФРГ: минимальный срок – 5 лет (если за совершенное деяния предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 1 года до 5 лет), максимальный срок – 30 лет (если за деяние предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы) [6]. В России по аналогичным преступлениям установлены сроки: 2 года и 6 лет по преступлениям небольшой и средней тяжести, соответственно; за деяние, наказуемое пожизненным лишением свободы или смертной казнью – 15 лет, но решение о прекращении принимается исключительно судом.» [5, с. 152].

Согласно Уголовному кодексу ФРГ, такой большой срок давности в любом случае повышает вероятность раскрытия преступления и установления справедливости, а также уменьшает процент совершений новых преступлений. Так, если лицо будет знать о том, что даже через 30 лет, после совершения преступления, оно может понести за это наказание, то уровень преступности значительно уменьшится. Безусловно на преступность влияют

и другие факторы, но срок давности является значимым для борьбы с преступностью.

В заключение мы считаем, что необходимо обобщить все выше сказанное, для эффективной борьбы с преступностью срок давности имеет огромное значение. Присутствует явное проявление несправедливого отношения и не всегда действенного реагирования государства, в отношении лиц, совершивших преступного деяние. Выявленный отрицательные последствия стоит пресекать с помощью изменения норм действующего уголовного законодательства.

Подводя итог вышеперечисленного, нашими предложениями по сроку давности в уголовном праве, являются:

1. Статья 78 УК РФ изложить в следующей редакции:

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06. 1996 № 63-ФЗ (ред. От 29.12.2022) следующие изменения:

2. в статье 78 УК РФ:

3. часть 1, пункт «а» изложить в следующей редакции: «а) три года после совершения преступления небольшой тяжести»;

4. пункт «г», изложить в следующей редакции: «г) двадцать лет после совершения особо тяжкого преступления»;

1. Статью 83 УК РФ изложить в следующей редакции:

2. часть 1, пункт «а», изложить в следующей редакции: а) три года при осуждении за преступление небольшой тяжести;

3. пункт «г», изложить в следующей редакции: г) двадцать лет при осуждении за особо тяжкое преступление;

Список литературы

1. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Постановление ВЦИК от 1.06.1922.

2. Костюк, М. Ф, Кунц, Е. В. Давность в уголовном праве/ М. Ф. Костюк, Е.В. Кунц// Евразийская адвокатура. – 2022. – С. 46-50.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63- ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 №25 С. 2954.

4. Апелляционное постановление Московского государственного суда г. Москва от 03.03.2016 по делу № 10-2887/16. Доступ из СПС «Гарант».

5. Панкратов, А. В. Проблемы применения срока давности в Российском уголовном праве // Аграрное и земельное право. – 2022. – С. 152-154.

6. Власюк, Т. В. Зарубежный опыт прекращения уголовного дела по истечении сроков давности уголовного преследования / Т. В. Властюк // Молодой учебник. – 2020. – С. 24-26.

7. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – С. 399.

УДК 343.33

Шибанов Никита Алексеевич,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: nikitashibanov1997@gmail.com

Shibanov Nikita Alekseevich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: nikitashibanov1997@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НАЕМНИЧЕСТВА

THE CONCEPT AND OBJECTIVE SIGNS OF MERCENARITY

В статье рассматривается вопрос о понятии наемничества в современном российском уголовном праве, анализируются его объективные признаки. Рассмотрены проблемы национального и международного определения термина «наемничество».

Ключевые слова: наемничество, преступление, международное право, объективная сторона.

The article deals with the issue of the concept of mercenarism in modern law, analyzes its objective features. The problems of national and international definition of the term "mercenarism" are considered.

Keywords: mercenarism, crime, international law, objective side.

Наемничество как явление известно с древних времен, но не всегда оценивалось с уголовно-правовой позиции. На настоящем этапе человеческого развития международное и национальное уголовное право понимает под наемничеством совершение такого деяние, как действия, запрещенные законом. При том, что наблюдается совершенно негативное отношение к наемникам в российском и международном уголовном праве, это явление вызывает ряд вопросов, связанных с различным толкованием в российском и международном законодательстве. Предметом споров является деятельность частных военных компаний, которые уже сейчас играют главную роль при формировании наемных вооруженных сил. Но до сих пор на уровне международного права нет однозначного запрета или четкой позиции в отношении их деятельности.

В международных источниках интерпретация понятия «наемник» впервые указывалось в Дополнительном протоколе I принятого в 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. [1]. В вышеупомянутом источнике в ст. 47 определяет основные характеристики наемников, в том числе: отсутствие гражданства и формально определенных обязанностей у третьей стороны, выступающей в качестве члена вооруженных сил в конфликте; основной целью участия в вооруженном конфликте является получение материальной компенсации, намного превышающей компенсацию, выплачиваемую законным комбатантам одной из сторон конфликта, если стороны конфликта уже пообещали компенсацию; непосредственное участие в боевых действиях; вербуется в стране и за границей для участия в вооруженных конфликтах.

Согласно указанному, наемники не могут претендовать на статус законных комбатантов и военнопленных, поскольку и национальное и международное право строго запрещает этим группам людей участвовать в вооруженных конфликтах, они остаются вне закона.

Международная конвенция о борьбе с наемничеством, использовании, размещении, финансировании и обучении наемников от 1989 г. стала следующим крупным международным законом, определяющим термин «наемник» [2]. Это международное соглашение определяет природу наемников так же, как и Дополнительный протокол I, но еще содержит положение, что наемники являются не только участниками международных вооруженных конфликтов, но и участниками любых насильственных действий, направленных на свержение или дестабилизацию правительства. конституционный строй страны. Таким образом, Конвенция распространяется не только на немеждународные вооруженные конфликты, но и на происходящие внутренние беспорядки в странах. Следует отметить, что Российская Федерация не ратифицировала данное соглашение. В результате принципы международного соглашения не могут быть перенесены на российское уголовное право.

В Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) наемничество отнесено к категории преступлений против мира и безопасности, что отражено в ст.359 [3]. Сноска в виде примечания к этой статье разъясняет термин «наемник» с позиции основ российского уголовного права: лицо, не являющееся гражданином страны, которое работает за материальное вознаграждение и принимает участие в вооруженном конфликте или военных действиях, а также лица, которые не являются лицом, непосредственно направленным для исполнения официально переданных государством обязанностей.

Как видно из вышеприведенного определения, российское определение является кратким, поэтому могут возникнуть серьезные проблемы с квалификацией данного преступления в российском и международном уголовном праве. Попробуем объяснить существующие различия.

Первое, что можно охарактеризовать, это то, что согласно ст. 359 УК РФ наемником является лицо, действующее в корыстных целях... Означает ли это, что человек должен приступить к работе, указанной в договоре, с нанимающей его организацией или достаточно того, что он знает этот вид работы и имеет профессиональную квалификацию? Этот признак некоторые ученые рассматривают на основании ч. 3 ст. 359 УК РФ, устанавливающую ответственность за участие наемников в вооруженных конфликтах или боевых действиях. То есть следует понимать, что «действующее» лицо в данном случае - это прежде всего человек, который лично участвует в вооруженных конфликтах, каких-либо боевых действиях [7, с. 61]. При этом двусмысленность этого термина очевидна и нуждается в изменении.

В УК РФ отсутствие факта нахождения наемников в составе вооруженных сил стороны в период вооруженного конфликта не считается признаком наемников. Хотя Модельный закон СНГ 2005 г. «О противодействии наемничеству» исключает из перечня наемников лиц из других государств, официально несущих военную службу на основании соглашений в вооруженных силах или иных национальных военных организаций, признанных в государстве официально. Следует отметить, что УК РФ, в свою очередь, такого исключения в диспозиции ст. 359 не включает. Эти недостатки могут

привести к серьезным проблемам, например, при необходимости определения статуса иностранных военнослужащих, проходящих службу по контракту. Однако указанный вид службы регулируются ст. 2 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [4]. Вероятно, это дополнение предотвратит неоднозначное толкование термина «наемник» по отношению к иностранным военнослужащим, проходящим службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Еще одним важным квалифицирующим признаком наемничества является размер материального вознаграждения, которое должно быть намного выше, чем у законного солдата того же звания, что и у наемника. В противном случае, согласно действующему УК РФ невозможно провести различие между наемниками, которые «воюют за деньги», и «добровольцами, которые воюют за идеи». Также отмечается, что положения действующего УК РФ в статье о наемничестве находят свое применение только при наличии вооруженных конфликтов или военных действий. Интересно обратить внимание на структуру статьи и конкретные цели наемничества. Это подрыв конституционного строя или территориальной целостности страны, свержение государственной системы. Имеется печальный опыт, в данных действиях могут принимать непосредственное участие и наемники, ярким примером чего является наемнический переворот на Мальдивах в начале 90-х годов шриланскими наемниками.

Таким образом, ст. 359 УК РФ на сегодняшний день требует адаптации к международным стандартам, для чего необходимы ее изменения, в частности касающиеся определения термина наемничество. Для этого важно решить вопрос о присоединении России к Международной конвенции о наемничестве 1989 года. Изменение рассматриваемой нормы в УК РФ на основании данной конвенции позволит привлекать к уголовной ответственности наемников, которые выполняют свою запрещенную деятельность на территории РФ, при этом наличие вооруженного конфликта или военных действий перестанет быть решающим признаком для квалификации преступлений наемничества.

В связи с изложенным примечание к ст. 359 УК РФ может быть в следующем виде: наемником является лицо, самостоятельно участвующее в военных действиях и вооруженных конфликтах, за свою деятельность желающее получить материальное вознаграждение, которое намного больше вознаграждения, если бы оно получало от комбатанта такого же ранга при выполнении тех же функций, числящимся в личном составе вооруженных сил стороны, принимающей участие в конфликте; завербованное специально для совместных актов насилия, непосредственно направленных на свержение правительств или нарушение конституционного строя или территориальной целостности государств; данное лицо не является гражданином или резидентами какой-либо стороны действующего конфликта; оно также не может быть членом вооруженных сил страны, находящейся в конфликте[5, с. 47].

Родовым объектом рассматриваемого преступления законодатель называет охраняемые уголовным законодательством мир и безопасность человечества, так как данная норма находится в соответствующем разделе. Видовым объектом преступления о наемничестве являются охраняемые уголовным законодательством правила и методы ведения войны.

Часть 1 ст. 359 УК РФ к объективной стороне наемничества относит следующие действия:

1. Вербовка наемников, что означает непосредственное привлечение людей к осуществлению военных, боевых действий. Для того чтобы такая вербовка считалась завершенной, между вербовщиком и наемником должно быть какое-нибудь соглашение, независимо от формы его заключения (письменной или устной). Вербовка является оконченным деянием в тот момент, когда осуществляется заключение такого договора между указанными субъектами, являющимися сторонами договора. При этом соблюдение профессиональных обязательств, о которых стороны договорились, выходит за рамки такой вербовки.

2. Обучение наемников, что означает подготовку наемников, которые уже были завербованы и от которых ожидается непосредственное участие в вооруженных конфликтах. Подготовка наемников осуществляется путем передачи знаний, навыков и умений, направленных на достижение конкретных результатов в различных формах (занятиях или учениях) боевых действий. Поэтому, хотя обучение самого наемника требует времени, эту деятельность следует считать как оконченное преступление, совершенным в момент начала обучения наемника, даже при передачи одному лицу соответствующих знаний, умений и практических навыков, при этом не имеет значения срок длительности и целевой законченности подобного обучения.

3. Финансирование наемника – непосредственная оплата за деятельность лица, выполняющего определенные действия, происходит как в наличной форме, так и в безналичной. Эти деньги могут использовать для выплаты вознаграждения наемникам, участвующим в военных кампаниях, а также для покупки необходимого оружия и снаряжения, и, кроме этого, проведения других диверсионных мероприятий. Финансирование наемника считается оконченным преступлением только в момент фактического использования денежных средств на перечисленные выше пункты, а не именно в момент их получения самим наемником.

4. Прочее материальное обеспечение наемников, т. е. приобретение обмундирования, оружия, боеприпасов, снаряжения, транспортных средств и другие необходимые командировочные расходы.

5. Использование наемников непосредственно в вооруженных конфликтах или военных действиях, что обозначат их прямое участие в международных или национальных вооруженных конфликтах, поручение наемникам выполнения боевым задач в районе боевых действий, и за его пределами, осуществление ими военных действий.

Участие наемника в вооруженном конфликте подразумевает целевое использование любого вида оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ либо взрывных устройств. Совершение наемником других преступлений при его участии в вооруженном конфликте либо военных действиях требует дополнительной квалификации. Данное действие можно расценивать как оконченное преступление, в случае если наемник принял участие в военной операции, либо использовал оружие по целевому назначению [6, с. 95].

Итак, объективная сторона преступления в соответствии с ч. 1 ст. 359 УК РФ, характеризуется формальным характером. Преступление выступает оконченным при совершении виновным даже только одного из перечислен-

ных в первой части действий, поскольку им свойственен альтернативный характер, в отношении хотя бы одного наемника, признаки которого определены в международном праве и в примечании к ст. 359 УК РФ. Объективную сторону второго состава преступления, входящего в наемничество и предусмотренного ч. 3 ст. 359 УК РФ, образует действие, характеризуемое законом как участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях.

Таким образом, объективная сторона наемничества состоит в совершении хотя бы одного из перечисленных в диспозиции преступления. В завершение хотелось бы отметить, что на данный момент существует острая необходимость привести к единому пониманию всеми государствами понятия «наемник». Прежде всего это необходимо для того, чтобы правоприменитель в борьбе с наемничеством правильно толковал данное понятие и правильно квалифицировал преступление. Также крайне важно на законодательном уровне решить вопрос с правовым положением частных военных компаний, чей статус является крайне неопределенным в Российской Федерации.

Список литературы

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8.06.1977 // Международное публичное право: сб. документов / сост. К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. – М., 2009. – С. 983-1022.

2. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г. // Международное публичное право: сб. документов / сост. К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. – М., 2009. – С. 1062–1065.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кокамбо, Ю. Д. Наемничество и частные военные компании в контексте современного международного и российского права / Ю. Д. Кокамбо, Скоробогатова, О. В. К. Е. Кузнецова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – №86. – С. 44-49.

6. Маякова, А. С. Квалификация преступных действий российских граждан, воюющих на стороне ИГИЛ / А. С. Маякова // Обозреватель - Observer. – 2016. – №2 (313). – С. 93–97.

7. Пархоменко, С. В. Понятие «наемник» в международном и российском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект / С. В. Пархоменко, А. А. Литвинцев // Сибирский юридический вестник. - 2017. – № 3. – С. 60–62.

УДК 343.1

Шмидт Роман Александрович,
аспирант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: r.schmidt@bsbconsulting.ru

Schmidt Roman Aleksandrovich,
graduate student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: r.schmidt@bsbconsulting.ru

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ

ON THE QUESTION WAYS TO INCREASE EFFICIENCY CRIMINAL BANKRUPT INVESTIGATIONS

В статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты собирания доказательств по уголовным делам, связанным с криминальными банкротствами. На основании анализа судебной статистки Российской Федерации выявлены проблемные вопросы, возникающие при осуществлении предварительного расследования уголовных дел анализируемой категории. Высказаны предложения по совершенствованию взаимодействия между арбитражными судами и правоохранительными органами, которые позволят повысить эффективность расследования преступлений, связанных с криминальными банкротствами, а также снизить нагрузку на судебную систему и сократить сроки расследования и рассмотрения уголовных дел.

Ключевые слова: несостоятельность, криминальное банкротство, признаки несостоятельности (банкротства), доступ к правосудию, преюдиция.

The article discusses some problematic aspects of collecting evidence in criminal cases related to criminal bankruptcies. Based on the analysis of judicial statistics of the Russian Federation, problematic issues arising during the preliminary investigation of criminal cases of the analyzed category have been identified. Proposals were made to improve the interaction between arbitration courts and law enforcement agencies, which will increase the efficiency of the investigation of crimes related to criminal bankruptcies, as well as reduce the burden on the judicial system and shorten the time of investigation and consideration of criminal cases.

Keywords: insolvency, criminal bankruptcy, signs of insolvency (bankruptcy), access to justice, prejudice.

В действующем российском законодательстве такое явление как криминальное банкротство носит исключительно рыночный характер, поскольку именно развитие рыночных отношений в России влияет на состояние преступности в указанной сфере [1].

Довольно часто встречающееся явление банкротства в современной России представляет собой одну из наиболее острых проблем отечественной экономики и прочно обосновалась как самостоятельный вид криминального бизнеса. По подсчетам специалистов Единого федерального реестра юриди-

чески значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных хозяйствующих субъектов экономической деятельности на сегодняшний день существует определенный алгоритм начала процедуры банкротства, где примерно 2/3 созданных компаний прекращают свою деятельность спустя два года после своего образования, именно путем признания банкротом [2].

При этом, исходя из статистических данных на официальном сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве, по состоянию на 01.01.2023, в стадии несостоятельности (банкротстве) находится 164 459 юридических лиц, в то время как физических лиц банкротится почти в пять раз больше – 816 336 [3].

На основании анализа действующего уголовного законодательства необходимо отметить, что в современном Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за три вида деяний: ст. 195 Неправомерные действия при банкротстве, ст. 196 Преднамеренное банкротство и ст. 197 Фиктивное банкротство [4].

Субъективная сторона указанных составов характеризуется умышленной виной субъекта и представляется достаточно сложной к доказыванию. Зачастую признаки, свойственные для преднамеренного или фиктивного банкротства, обнаруживаются в процессе производства по арбитражному делу при применении процедур банкротства. В настоящее время основная работа по выявлению и доказыванию умышленного банкротства ведется арбитражными управляющими и сотрудниками налоговых органов.

При этом, преступления анализируемой категории относятся к наиболее трудно доказуемым в правоприменительной практике, из чего следует, что именно процесс сбора доказательной базы является актуальной проблемой в данной сфере.

Так, из отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции следует, что в первой половине 2022 года в суды общей юрисдикции по делам в сфере экономических преступлений, к числу которых относятся и криминальные банкротства, поступило 6 878 дел, по результатам рассмотрения которых вынесено 4 075 приговоров [4].

Арбитражные суды при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) систематически выносят определения об удовлетворении заявлений об оспаривании сделок должника: в первой половине 2022 года подано 22 701 заявлений об оспаривании сделок должника, из которых удовлетворено 9 126.

В рамках банкротства оспариваются сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника, которые могут быть признаны недействительными в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, а также по основаниям и в порядке, которые указаны в Федеральном законе от 26.10.2002 (в ред. от 28.12.2022) № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Существует три основных признака, совокупность которых предусматривает наличие оснований для оспаривания и признания недействитель-

ной сделки должника: 1) аффилированность сторон сделки и осведомленность контрагента о состоянии неплатежеспособности должника; 2) наличие признаков неплатежеспособности должника на момент совершения сделки; 3) причинение имущественного вреда кредиторам.

Мельникова О.В. отмечает, что для сбора доказательной базы при расследовании умышленного криминального банкротства проводятся множественные экспертизы, бухгалтерский учет и анализ: 1) финансовой деятельности; 2) плановой и инженерной экономической деятельности, а также экспертные исследования: 1) проводных документов; 2) компьютерной и иной техники; 3) почерков причастных к материалам лиц [5].

Безусловно, при расследовании преступлений в сфере банкротства может приниматься во внимание также письменные объяснительные документы от руководства организации-должника, так как признаки неплатежеспособности организации могли появиться в результате наступления обстоятельств, не зависящих от воли лиц, руководящих обществом.

Вместе с тем указанные действия требуют от лиц, осуществляющих уголовное преследование, глубоких познаний в экономической сфере и существенных временных затрат, что влечет за собой объективную невозможность реализации необходимых следственных мероприятий, учитывая существенную нагрузку следственных органов в настоящее время.

Проведенный автором анализ приговоров и иных судебных актов показывает, что в отсутствие объективных причин при сборе доказательств по уголовным делам анализируемой категории субъектами предварительного расследования практически не используются материалы арбитражных судов по делам о несостоятельности (банкротстве), которые в силу ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются преюдицией, то есть признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

Однако, по результатам изучения материалов дел о банкротстве, можно установить значительный объем существенных для дела обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам рассматриваемой категории.

Признавая сделки недействительными, арбитражные суды, руководствуясь положениями статьи 61.2 Закона «О несостоятельности (банкротстве)», положениями постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [6], принимают соответствующие решения, содержащие выводы, на основании изучения которых можно установить причины признания спорной сделки недействительной, а также выявить обстоятельства и существенные условия заключения такой сделки [7].

Указанные определения арбитражного суда подлежат опубликованию в электронной картотеке арбитражных дел, порядок ведения которой утвержден Инструкцией по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций) утвержденной Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 № 100 [8].

Вместе с тем указанные материалы арбитражных судов практически не используются следственными органами, что, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии механизма взаимодействия между арбитражными судами и правоохранительными органами.

Эффективным механизмом снижения латентности анализируемой категории преступлений может послужить разработка межведомственного нормативно-правового акта, закрепляющего порядок направления информации о признании сделок недействительными, и разработка методических рекомендаций для правоохранительных органов по работе с такой информацией.

В настоящее время нормативный правовой акт, регулирующий порядок обмена информацией между государственными органами, отсутствует, и, в качестве переходного периода, автором предлагается предоставить ограниченный доступ правоохранительным органам к картотеке арбитражных дел kad.arbitr.ru, поскольку все материалы арбитражных дел о банкротстве, размещаются в электронном виде на официальных сайтах Арбитражных судов субъектов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Таким образом, на основании вышеизложенных обстоятельств, необходимо сделать вывод о целесообразности разработки соглашения о взаимодействии между судами и правоохранительными органами, позволяющего снизить латентность преступлений в сфере банкроства, повысить эффективность их расследования (увеличивая количество дел, направляемых в суды), что, в свою очередь, приведет к достижению целей уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Калинина, Е. В. Несостоятельность (банкротство): пути выхода из финансового кризиса / Е. В. Калинина // Юрист. – 2002. – № 2. – С. 49–50.

2. Каменская, А. П., Кастерина, Н. В. Актуальные проблемы криминального банкротства: характерные черты и пути решения проблем банкротства / А. П. Каменская, Н. В. Кастерина // Актуальные вопросы образования и науки. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 162- 169.

3. Федресурс / Единый федеральный реестр сведений о банкротстве : [сайт] / АО «Интерфакс». – Москва, 2011. – Обновляется в течение суток. – URL: https://bankrot.fedresurs.ru/ (дата обращения: 14.03.2023). – Текст : электронный.

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции : [сайт] / учредитель Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации – Москва, 2007. – Обновляется в течение суток. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/Sudebnaya_statistika_2022/f1-svod-1-2022.xls (дата обращения: 20.02.2023). – Текст : электронный.

5. Мельникова, О. В. Актуальные аспекты производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с неправомерными

действиями при банкротстве организаций / О. В. Мельникова // Юристъ-Правоведъ. – 2016. – № 2. – С. 52–56.

6. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 : текст с изм. и доп. на 13 марта 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

7. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07.04.2022 № А56-43252/2021/сд.1 : Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

8. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций) : Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 : текст с изм. и доп. на 13 марта 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

УДК 343.9.018

Ягодзинский Евгений Олегович,
магистрант,
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: e.yagodzinsky@yandex.ru

Yagodzinsky Evgeny Olegovich,
master's student,
(Saint Petersburg Law Academy)
E-mail: e.yagodzinsky@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF LATENT CRIME

Важное место в современных проблемах криминологии занимает изучение скрытых преступлений, то есть неизвестной части преступлений. Как известно, если часть преступной деятельности неизвестна, правоохранительные органы не регистрируют ее или регистрируют неправильно. Разница между зарегистрированной преступностью и реальной является латентной преступностью. В статье указаны особенности отдельных видов латентных преступлений.

Ключевые слова: латентная преступность; структура; криминология, зарегистрированные преступления, статистика преступлений.

An important place in modern problems of criminology is occupied by the study of hidden crimes, that is, the unknown part of crimes. As you know, if part of the criminal activity is unknown, law enforcement agencies do not register it or register it incorrectly. The difference between registered crime and real crime is latent crime. The article indicates the features of certain types of latent crimes.

Keywords: latent crime; structure; criminology, registered crimes, crime statistics.

Латентная преступность существовала всегда. Ее можно охарактеризовать как объективную криминологическую закономерность. Практически во всех странах имеется большое количество латентных преступлений. В России уровень такой преступности также высок. Как представляется, что чем выше тяжесть категории преступления, тем ниже показатель латентности. Однако эта зависимость не является абсолютной. Существуют примеры, которые включают более серьезные преступления: – умышленные убийства, маскированные под несчастные случаи, естественную смерть, без вести пропавшие и другие способы [1, с. 241].

Латентная преступность - это преступность, неизвестная общественности, и именно эта часть не имеет необходимой социально-правовой оценки. Эту концепцию латентной преступности можно в целом принять как абстрактное приближение к природе скрытого преступления. Что же касается реальной борьбы с преступностью, то она осуществляется только в известной правоохранительным органам преступности. Однако далеко не все члены общества умеют правильно оценивать факты преступления, не говоря уже о том, что не у всех есть возможность или желание это делать.

Масштабы латентной преступности в криминологии еще полностью не раскрыты. Количественные показатели латентных преступлений являются предметом горячих споров, и прямого способа исследования данных преступлений не существует. Наиболее распространенными косвенными методами являются методы экспертных исследований, документальные методы (например, документы из административных, налоговых и таможенных органов, учреждений здравоохранения) и метод опроса, когда правильно применяется «выборочный» метод.

Понятие «латентная преступность» одним из первых правоведов дал В. В. Панкратов, который указывал, что скрытая преступность выступает совокупностью преступлений, которая не известна правоохранительным органам, и поэтому не содержащиеся в учете уголовно-наказуемых деяний [7, с. 5].

Б. В. Муслов под латентной преступностью понимает объективное социально-правовое явление со своими качественными и количественными свойствами, образующее совокупность преступлений, не известных и неучтенных сотрудниками правоохранительных органов и, за которые должна наступать уголовная ответственность по действующему Уголовному кодексу РФ [5, с. 26].

Сегодняшняя преступность имеет два измерения: реальная преступность и фиксированная преступность. Существует множество причин, по которым преступления не могут быть полностью идентифицированы и точно учтены. Известная часть преступлений занесена в статистику преступности, которую ведут правоохранительные органы, в ней фиксируются выявленные преступления и данные расследования, решение суда. Неизвестная же часть и есть скрытое преступление.

Поэтому под латентной преступностью правоприменители и теоретики понимают преступность, которая по каким-либо причинам не учитывается в официальной статистике преступлений.

Структура латентной преступности включает скрытые и скрываемые преступления.

Скрытая часть преступности образуется за счет преступлений и их разных совокупностей, которые совершены, но о которых не стало известно правоохранительным органам и суду.

Скрываемая часть преступности включает преступления и их совокупности, которые стали известны правоохранительным органам, но которые по разным причинам не нашли отражение в статистике преступности (фактическое нерассмотрение заявлений о преступлениях, неверная оценка деяний как непреступных и т. д.).

Латентные преступления могут быть классифицированы по разным основаниям. Как правило, правоведы устанавливают следующие основания классификации скрытых преступлений: в зависимости от их уровня и от обстоятельств, из-за которых преступление было не учтено.

Латентные преступления подразделяются на высоко-, средне- и низколатентные, когда за критерий берется их уровень. Латентная преступность подразделяется на естественно-латентную, искусственно-латентную и пограничную в зависимости от ситуации, в которой преступление протекает в латентном состоянии.

Естественная латентность представляет собой совокупность преступлений, когда признаки преступления имелись, но оставались неизвестными как правоохранительным органам, так и остальным субъектам. О совершенном преступлении знают только преступник и, при наличии, его сообщники, которые явно незаинтересованы в раскрытии информации о нем [2, с. 177].

Искусственно-латентную преступность можно определить как группу преступлений, по которым заявление (сообщение) гражданина о преступлении умышленно (намеренно) сокрыто от статистики преступности, когда органы обязаны его фиксировать.

Пограничная латентность означает, что имеется факт совершения преступления, но жертва не знает об этом, или что жертва не понимает, что было совершено действие преступного характера (например, поджог, мошенничество).

К промежуточной категории относятся полускрытые преступления, представляющие собой «серые преступления», по которым правоохранительными органами были зафиксированы сами преступления, но подозреваемый был оправдан за отсутствием состава преступления. По мнению криминологов, предлагаемое деление не включает всех возможных причин и механизмов латентности преступлений. Поэтому теоретики-правоведы предлагают иной способ разграничения скрытых преступлений по причине и механизму сокрытия. Осуществляется данный способ в рамках исследования причин скрытых преступлений и разработке мер по борьбе с ними.

Все преступления по вышерассмотренным основаниям были разделены на шесть основных групп.

1. Преступные действия, которые по разным основаниям (невыполнение обязанности, вытекающие из халатности, проявление некомпетентности и т. п.) не признаются ошибочно преступлениями, что не соответствует УК РФ.

2. Преступные действия, о которых потерпевший не сообщает правоохранительным и иным органам по разным причинам.

3. Преступные действия, которые направлены на не индивидуальный, конкретный субъект, который был бы заинтересован в том, чтобы сообщить о них правоохранительным органам (посягательство на государственные, общественные объекты и отношения).

4. Преступление, известное узкому кругу лиц или его совершившему, при этом принимаются специальные меры по недопущению разглашения сведений об указанном преступлении, потерпевший также в этом не заинтересован, поэтому в правоохранительные органы не поступают сообщения о преступлениях. Часто эти преступления совершаются в теневой экономике, связаны коррупцией.

5. Преступные действия, о которых информация известна правоохранительным органам, но не отнесена (случайно или умышленно) к составу преступления в соответствии с действующим уголовным законодательством. Избежать этого можно только в том случае, если полностью соблюдается закон.

6. Преступления, при расследовании которого было вынесено необоснованное процессуальное решение об отсутствии события или состава преступления [4, с. 69].

Очевидно, что наличие латентной преступности приводит к таким негативным последствиям, как:

искаженное понимание о фактическом масштабе преступности, характере ущерба, который наступает в результате такого явления;

трудности оперативного выявления условий, способствующих совершению преступлений, и их устранений;

понимание безнаказанности;

поднятие у граждан вопросов по поводу неспособности органов государственной власти обеспечивать общественную безопасность и защиту граждан;

ограничение реализации прогнозирования роста или снижения преступлений и разработки профилактических программ.

Успешность решения задач, связанных с совершенствованием уголовно-розыскной деятельности, зависит от достоверности информации об условиях, динамике и структуре преступности, получаемой на основе анализа статистики преступности. Это не только исходный источник, но и материал для проведения анализа из различных уголовно-криминологических исследований [3, с. 65].

Негативные результаты от латентных преступлений также заключаются в том, что о преступлении не сообщается, жертва не получает юридической и социальной помощи, преступник остается безнаказанным, ущерб, причиненный преступлением, не возмещается, а преступник при этом может совершать следующие преступления. Без расследования таких преступлений

подрывается авторитет представителей всей правоохранительной системы, и, соответственно, всех государственных органов [6, с. 115].

Латентная преступность, таким образом, создает негативный социально-психологический климат в государстве в целом, в обществе. И это накладывает свой отпечаток на итак недостаточно благополучную обстановку в стране, с ее нестабильным экономическим и финансовым характером. Граждане ставят под сомнение способность государства гарантировать личную безопасность, создавать условия, способствующие реализации их конституционных прав и свобод. Также наличие латентной преступности мешает бороться с преступлениями, а из-за этого, в свою очередь, нарушаются все принципы уголовной политики и уголовного права. Следует отметить, что после совершенствования правоохранительной деятельности динамика всех видов латентных преступлений значительно возросла как в качественном, так и в количественном отношении, поскольку для формирования желаемых результатов часть преступлений скрывается на уровне правоохранительных органов.

Список литературы

1. Арзамасов, В. Ю. Латентная преступность: понятие, негомогенная природа, превентивные меры / В. Ю. Арзамасов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 237-250.

2. Дегтярева, М. О. Классификация и виды латентной преступности на примере Уральского федерального округа / М. О. Дегтярева // Молодой ученый. – 2021. – № 5 (347). – С. 177-179.

3. Диденко, К.В. Некоторые аспекты латентной преступности в Российской Федерации / К. В. Диденко, А. А. Невмовенко // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2018. – № 3. – С. 62-67.

4. Казиев, А. З. Проблемы квалификации латентных преступлений / А. З. Казиев // Вестник магистратуры. – 2019. – № 5-5(92). – С. 67-72.

5. Муслов, Б. В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики противодействия: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 Санкт-Петербург, 2006. – 166 с.

6. Некрасов, А.П. Вновь к вопросу о латентной (скрытой) преступности / А. П. Некрасов // Вестник ВУиТ. – 2017. – №3. – С. 112-118.

7. Панкратов, В. В. Косвенные методы изучения преступности // Вопросы борьбы с преступностью / В. В. Панкратов. – М.,1967.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции 19 апреля 2023 г.

Том 1

Под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента
НАЗАРОВА СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА

Печатается в авторской редакции.
Оригинал-макет: Маркушева А. А.

Подписано в печать 14.04.2023. Печать трафаретная. Формат 60x84 1/16
Усл.печ.л. 21,5. Уч.-изд.л. 25,8. Тираж 100 экз. Заказ № 662.

Отпечатано в копировальном множительном участке
Санкт-Петербургской юридической академии

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская юридическая академия (далее – Академия) создана 7 июля 1997 года по инициативе заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора, Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии Станислава Федоровича Зыбина при участии федеральных и региональных органов государственной власти.

За 25 лет образовательной деятельности Академия выпустила более 5000 выпускников. В числе выпускников – депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутаты муниципальных образований Санкт-Петербурга и Ленинградской области, государственные служащие, сотрудники Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной таможенной службы, военнослужащие Министерства обороны РФ и др.

Образовательная деятельность в Академии осуществляется на основании Лицензии Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации № 2394 от 20.09.2016 (серия 90Л01, № 0009460) на осуществление образовательной деятельности по указанным в приложениях образовательным программам. Лицензия предоставлена бессрочно.

Академия имеет Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации о государственной аккредитации от 10.12.2019 № 3294 (серия 90А01, № 0003507). Срок действия свидетельства о государственной аккредитации – до 10.12.2025.

В 2019 году Академия прошла процедуру профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и в соответствии с Решением Комиссии Ассоциации юристов России по юридическому образованию от 16 апреля 2019 года, протокол № 28 Академия получила Свидетельства № 53-Б, № 53-М/1, № 53-М/2 о профессионально-общественной аккредитации образовательных программ по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) и 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры).

Академия с 5.03.2010 является членом Ассоциации юридических вузов России (ЮРВУЗ) (Свидетельство № 0264).

В 2007 году Академия награждена Почетным дипломом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «За выдающийся вклад в развитие высшего профессионального образования в Санкт-Петербурге».

Образовательная деятельность в Академии осуществляется высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Более 80 % преподавателей Академии имеют ученые степени и ученые звания, среди которых известные научной и юридической общественности, вузовскому и профессиональному сообществу ученые: доктор юридических наук, профессор Э. В. Суслин; доктор педагогических наук, профессор А. В. Долматов; доктор юридических наук, профессор С. А. Роганов; доктор юридических наук, доцент С. Г. Александров; доктор юридических наук, профессор В. Г. Павлов; доктор юридических наук, доцент Е. В. Силина; доктор исторических наук, доцент Д. Н. Соловьев и др.

Продолжительное время в коллективе Академии трудятся педагоги, награжденные знаком отличия «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»: Л. М. Дулич, П. В. Иванов, В. С. Кувшинов, Э. В. Суслин. Удостоены почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» профессор В. Г. Павлов, профессор П. В. Иванов.

Состояние материально-технического обеспечения и оснащенность образовательного процесса в Академии соответствуют требованиям, установленными федеральными образовательными стандартами высшего образования, и позволяют осуществлять качественную подготовку студентов.

Академия осуществляет обучение по направлениям подготовки:

40.03.01 Юриспруденция - бакалавриат, профили подготовки: гражданско-правовой, уголовно-правовой, государственно-правовой, «судебная деятельность»;

40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность, специализация - «Судебная деятельность»;

40.04.01 Юриспруденция - магистратура, программы подготовки: правовое обеспечение гражданского оборота и предпринимательства, теория и практика применения законодательства в уголовно-правовой сфере.

40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

По окончании обучения выдается диплом государственного образца

Вступительные испытания:

Бакалавриат:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ/собеседование по обществознанию, русскому языку, истории/иностранному языку. Срок обучения – 4 года.

Очно-заочная форма обучения:

- На базе высшего образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяцев.

- На базе среднего общего или среднего профессионального (не профильного) образования – собеседование по обществознанию, русскому языку, истории.

Срок обучения – 4 года 6 месяцев.

Заочная форма обучения:

- На базе высшего образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 6 месяцев.

Специалитет:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ/собеседование по обществознанию, русскому языку, истории/ иностранному языку (срок обучения – 5 лет).

Магистратура:

Очная форма обучения – собеседование по конституционному праву Российской Федерации, гражданскому/уголовному праву (срок обучения – 2 года).

Заочная форма обучения – собеседование по конституционному праву Российской Федерации, гражданскому/уголовному праву (срок обучения – 2 года 5 месяцев).

Аспирантура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 3 года).

Справочная информация:

- В Академии осуществляется обучение по программам дополнительного профессионального образования.
- Студентам очной формы обучения предоставляется отсрочка от призыва на военную службу.
- Действует гибкая система оплаты.
- Студентам очной формы обучения предоставляется общежитие.

Адрес Академии:

192012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 114 лит. А.

Приемная комиссия:

+7 (812) 677-00-07; +7 (921) 951-34-33; +7 (921) 564-31-01

E-mail: jurac.spb@mail.ru; priem@jurac.ru

Официальный сайт Академии: www.jurac.ru

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШУ АКАДЕМИЮ!